

**Елена Александровна Самойлова Лев Александрович
Кругликов
В проклятых землях**

По дороге в легенду – 2

Книга подготовлена для библиотеки Huge Library (Scan - HL; OCR, ReadCheck - pip228;
Conv - Invait; Illustr - птица-говорун.) <http://huge-library.org/>
«Елена Самойлова, Лев Кругликов «В проклятых землях»»: АЛФА-КНИГА; Москва;
2012
ISBN 978-5-9922-1102-3

Аннотация

Каждый путь где-то начинается и где-то заканчивается. Дорога в легенду не всегда ведет к славе, а праведная месть — к торжеству справедливости. Волею судьбы последний из д'эссайнов и изгнанная Танцующая получили возможность узнать, откуда их дорога началась на самом деле. Но выдержат ли они такую встречу с собственным прошлым? И куда приведет прогулка по изменчивым и опасным Запретным землям?

**Елена Самойлова, Лев Кругликов
В ПРОКЛЯТЫХ ЗЕМЛЯХ**

ПРОЛОГ

Если вы убили мага, это еще не означает, что вы его победили.¹
Первое неписаное правило борьбы с магами

Равен

Ах, как приятно любоваться пожаром заката, пожирающим небо! Чувствовать кожей дуновение ветра, отблески солнца — и радоваться вновь обретенному телу. Конечно, прежней силы мне пока не хватает, но тело — это уже что-то... приятное. Века скитаний научили меня радоваться любому подобию живого тела. До сих пор с омерзением

¹ Обычно это правило выводится на основе собственных ошибок. Если, конечно, удастся выжить. — *Здесь и далее примеч. авт.*

вспоминаю годы, проведенные внутри одной тупой железки, которая кочевала из рук в руки на протяжении нескольких поколений! Глупо, скучно и неинтересно. Особенно неприятно, когда ржавчина постепенно откусывает от тебя маленькие кусочки. Думаю, прокаженные чувствуют себя так же.

Зато сейчас у меня наконец-то хорошее, здоровое тело. Из настоящей плоти и крови, способное испытывать и боль и наслаждение. Достаточно молодое и сильное для того, чтобы я чувствовал себя в нем комфортно. К моей радости, бывший хозяин этого тела оказался не слишком силен духом и уже почти ничем не может помешать моим планам.

Увы мне, но до края еще слишком далеко, чтобы я обладал полной уверенностью в победе. Пока же все укладывается в допустимые рамки. Даже юный ученик д'эссайна, который очень хорошо постарался ради того, чтобы достать меня сквозь время и пространство. Это не может не раздувать пожар моего самомнения — все же приятно, когда тебя помнят и ценят спустя много веков.

Единственное, что кажется мне обидным, так это то, что размах его подготовки недостойн эпосов, а значит, и рассматривать его попытку всерьез нельзя. Выиграть мировую войну меньше чем за месяц кажется красивым, но только если позабыть о том, что на подготовку к стремительной победе ушла без малого тысяча лет. Целеустремленный ученичок, ничего не скажешь. Только широты размаха недостает, но это или приходит со временем, или, увы, нет. С его потенциалом он мог бы и не оставаться на вторых ролях, а попытаться достичь много большего, но, возможно, его устраивают лишь мелкие шалости? Бывает и такое.

К слову, идея заблаговременной колонизации отдаленных территорий ради маленькой победоносной войны по прошествии нескольких веков мне понравилась. Нужно будет взять на вооружение. Скоро все закончится, и у меня вновь появится доступ к соседним мирам-пространствам! И вот тогда...

С моей стороны все идет почти идеально. Мелкие огрехи в реализации плана не способны оказать существенного влияния на ситуацию, особенно пока все мои противники беспомощнее моих союзников.

Вампир со всей своей армией против обессиленного меня? Это же смешно! Силенок им не хватит, даже если своего душеловушку помочь попросят... Кстати, как ни печально, но д'эссайн обязан умереть. Как бы ни хотелось провести несколько интересных опытов с его участием, придется наступить на горло своим инстинктам исследователя.

Не знаю, кому из моих слуг удастся добраться до него первым, но... Когда хочешь убить д'эссайна, стоит перестраховываться семикратно. Уже сейчас на его пути стоит столько ловушек, что хватило бы отправить на тот свет и более могущественного соперника, а не эту красноволосую козявку.

Такой садизм, к моему сожалению, вынужденный. Я не считаю этого... чужая память подсказывает: Джерайна, — так вот: я не считаю Джерайна серьезной помехой, чего бы он ни добился. Просто... Я ненавижу д'эссайнов за их «прощальный подарок», лишивший меня определенной части силы. Если бы не этот проклятый дар, то я бы уже давно восстановился! Я бы вернулся через год-другой, и от второго моего удара не оправился бы никто! И мне бы не пришлось искать себе тело... и новых союзников.

Ничего, ничего. Не стоит лишний раз волноваться — это вредит связи с новым телом. Все прежние проблемы уже решены — или почти решены.

Для того чтобы приступить к финальной стадии моих планов, осталась лишь самая что ни на есть малость.

И так, нужно или вырвать у последнего д'эссайна секрет о том, что они сделали с доставшейся им частью моей силы, или, если он неожиданно окажется сильнее всех охотников, сделать так, чтобы он меня убил. Тело у него намного лучше моего нынешнего, это бесспорно, а любую личность со временем можно подавить, а потом и окончательно уничтожить.

Затем нужно будет справиться с вампиром и его армией. Полностью освободить

нынешнее тело от его прежнего хозяина. Слабак он и есть слабак. Даже сопротивляться толком не смог. И в качестве финального штриха, вишенки на коктейле, нужно будет придумать, как использовать ту Танцующую. Говорят, что она умеет открывать коконы остановленного времени, а мне весьма недостает моего любимого посоха, все эти годы копившего силу. Он мне пригодится, когда придет время открывать Врата.

К слову, этот пункт плана можно счесть более приоритетным. Без тех сюрпризов, которые я спрятал в своем посохе, мне приходится обходиться большей кровью и большими жертвами, а также привлекать к своей персоне излишнее внимание. Кто-то уже волнуется из-за того, что я воскрес. Рано. Вот когда я снова войду в силу... волноваться будет как раз поздно, и все принесенные жертвы пойдут в дело. Увы, они пока не понимают своей подлинной ценности и всё лезут под заклинание или клинок. Медом им, что ли, намазано? Зачем так торопиться?

Небо догорело в черный уголь ночи, покрытый пеплом звезд и редких облаков. Пора и мне продолжить свой путь в Seith'der'Estell. Там меня уже давно ждут. Те, кто считает, что я дам им силу. Те, кто считает меня богом. Те, кто хранит запретные тайны и не пытается по-настоящему в них вникнуть. Те, кто любит чужие страхи, но притом так и не смог побороть свои собственные. Сидхе. Я иду к вам. Не причитайте потом, ибо и вас не единожды предупреждали. Потому что, когда я верну свою силу, этот мир раз и навсегда станет *моим*.

ГЛАВА 1

Если неприятность не может случиться — она все равно случается.

Другой закон подлости

Джерайн Тень

Я люблю свою жизнь за те сюрпризы, которые она преподносит. Особенно много их оказалось после моего вынужденного пробуждения. Когда из попытки вернуть утраченную собственность родился маленький, но очень гордый поход за одной неприятной легендой, пусть даже мы с Лесс думали совсем не об этом. Когда меня начали настигать волны от моих поступков и я удивился тому, что смог совершить, и тому, какую кашу заварил. Здорово знать, что твой след уже не вымарать из истории!

Впрочем, обо всем этом позже. Или раньше. Какая разница? Что может быть проще времени? Глупый вопрос. Такой же бессмысленный, как и разговоры о погоде или красоте природы. Нет, я могу и понимать и принимать красоту. Но обсуждать или *спорить* о ней — это кощунство. Вот делиться...

Вы не представляете, насколько может быть красив самый обычный смешанный лес, в котором растут как кряжистые дубы, так и высокие сосны, колючие ели и какие-то странные деревья в зимней маскировочной окраске — белые с черными полосками. Вы представляете, как шелестят мириады листьев, цвет которых меняется от изумрудно-зеленого через золотой, минуя все оттенки оранжевого, к багряно-алому, подобному цвету свежeproлитой крови? Это музыка, которую невозможно воссоздать, дыхание жизни, в котором опытный охотник сможет уловить звуки движения намеченной жертвы, поэт найдет вдохновение для новой баллады, а влюбленные наверняка отыщут какой-нибудь выдуманный знак, что у них все непременно сложится наилучшим образом.

Увы, но лично я шелеста листьев не слышал. Моего слуха просто не хватает на то, чтобы услышать подобный шум с километровой высоты, поэтому я могу только представлять, как это могло бы быть.

Щиты, закрывавшие верхнюю палубу «Восторженной Белой Птицы», были опущены и позволяли спокойно любоваться природой. Свежевыкрашенные будто нарочно к нашему с

Лесс прибытию перила лишали возможности за них взяться, поскольку портить новые перчатки серебристой краской совершенно не хотелось. Хорошо хоть она не воняла, иначе мне пришлось бы пожалеть о тонкости моего обоняния. Ветер, довольно сильный на этой высоте, заботливо ослаблялся специальным полем, но тем не менее почти успешно пытался растрепать мои волосы, отвлекая от унылого созерцания собранного Дрейком флота. Пара десятков авизо,² с десятков штурмовиков³ и собственно ВВП упорно изображали из себя облачка. Если бы здесь были местные жители, они, наверное, удивились бы странностям местной погоды. Хотя чем ближе к сидхе и Запретным землям, тем все становится страннее и страннее.

Мой «маленький вампирчик», конечно, говорил, что еще день-два, и сюда подтянутся «основные силы» и что меня ждет сюрприз, которому я обрадуюсь. Неубедительно на самом деле. Особенно с учетом того, что все летающее, что я успел увидеть после пробуждения, на хорошие боевые корабли не походило вовсе, за исключением «Птицы» и, видимо, корабля Черного Барона. Весь этот маленький флот они могли бы разметать по небу и суше, задействуя не более половины мощности сорса.

Ладно, может, он меня удивит тем, что не все в этом мире еще развалилось, и после моего исчезновения сумели построить серию чаролетов, обладающих хорошими боевыми характеристиками. Похвально. Но что с того? Даже с сильным флотом возникает закономерный вопрос — что дальше? Прорыв на чаролетах — к столице сидхе? Без поддержки наземной армии — это безумие, а с армией прорыва не выйдет — слишком долго. Да и как с воздуха Дрейк предполагает штурмовать хорошо укрепленное *подземное* сооружение? Про то, что представляют собой средства ПВО ночных эльфов сейчас, если они и в мое время считались достаточно серьезной угрозой, мне даже думать не хочется. Пока мне кажется, что шансов добраться до точки назначения меньше, чем нам с Лесс перейти пешком через сидхийскую границу.

— Что стоим, кого ждем? Если ты собрался свести счеты с жизнью таким почти романтическим способом, то хоть заранее предупреждай, — раздался за моим левым плечом насмешливый голос неугомонной сидхе. Легка на помине. Ни часу без насмешки, ну что за жизнь?! Нескучная — это не то слово.

— Не вижу нечего романтического в том, чтобы фрагменты моего тела нанизались на излишне агрессивные ветки какого-нибудь дерева. Только гастрономическое: маленький пожар — и такой шашлык получится! Пальчики оближешь! — Я мечтательно вздохнул. — А я тут так... Природой люблюсь. — Я обернулся. Алессьер улыбнулась, но из-за вязи татуировки, резко контрастирующей черным цветом с сидхийской кожей, улыбка получилась совсем не ласковая. Несмотря на это, девушка была на диво хороша в своем свежезалатанном скалолазном костюме, кое-где облегающем худощавую фигурку второй кожей. Настолько, что... Плевать на природу. Я ж от этой сидхе взгляда отвести не смогу!

— И сколько по времени планируется это любование? Лично мне очень хочется пообщаться с капитаном этого чаролета, чтобы выяснить, каким способом на этот раз он хочет самоубиться. — Она поправила перевязь квели и собралась было облокотиться на поручень, но вовремя заметила свежий слой краски и благоразумно передумала. С хрустом потянулась и осторожно перегнулась через перила, придерживая длинную косу и

² Легкий, курьерский чаролет. Защита и вооружение отсутствуют или же практически отсутствуют. Удрать могут от большинства противников, да и само их существование оправдывается тем, что останавливаться и пытаться сбить эту мошку обычно накладно по времени. Да и сложно — с маневренностью у них как раз все хорошо.

³ Штурмовик — чаролет, созданный для борьбы с наземными сооружениями, притом не теряющий возможности сражаться с другими чаролетами. Обычно, чтобы не тратить драгоценную мощность сорса, на штурмовики устанавливают баллисты для обороны от всяких быстролетающих целей. Основная тактика применения — выжигание местности под собой с коротких остановок.

вглядываясь в пейзаж далеко внизу. Я задумчиво проследил за тем, как колыхнулась ее грудь, представив, как она выглядит под курткой. Сплюнул за борт скопившуюся слюну. В следующем же городе, в который попаду, куплю слюнявчик. Просто потому, что так нельзя! Интересно, а в сидхийской столице д'эссайну продадут слюнявчик, не выделяя в нагрузку лишнюю пару килограммов адамантия?

— Я уже кончил. То есть закончил. То есть готов составить тебе компанию, надежду и опору в совместном путешествии к капитану этого корабля. — Я взглянул на выпрямившуюся и отчего-то нахмуренную сидхе и улыбнулся. — Расслабься, Лесс. Пошли?

Дорога до капитанской каюты не заняла много времени. Постучав для порядка и не собираясь дожидаться ответа, я открыл дверь, пропуская Лесс внутрь, после чего зашел и сам.

Вампир сидел за столом, обхватив голову руками. Волосы его лежали в нарочитом беспорядке, рукава закатаны, обнажая аккуратные, по-женски изящные руки, покрытые тонкими шрамами. На пальцах на этот раз красовалась всего лишь пара перстней, остальные были сложены в тяжелую мраморную пепельницу, придавившую стопку бумаг. Светлые глаза покраснели — скорее от недосыпа, чем с голода. Сквозь распахнутый ворот тонкой зеленой шелковой рубашки виднелся простенький круглый медальон на прочной золотой цепочке. В таких медальонах во времена моей молодости хранили пряди волос или миниатюрные изображения кого-то из близких людей. Не думал, что вампир окажется настолько сентиментальным и сохранит кусочек своего безвозвратно утраченного прошлого.

Весь стол Дрейка был застелен громадной картой, где-то на половину мира, на которой были расставлены оловянные солдатики, рыбки, мышки, птицы и прочие странные создания. Все вместе напоминало какую-то игру-головоломку, над которой нормальный человек просидит не один день, но так и не сможет дойти до конца — плюнет и забросит на полдороге.

— С бодрым, прекрасным днем, Дрейк! Что, игрушки собрать некому? — сладким как патока голосом поинтересовалась Алессьер у вампира, который мало того, что был не в духе после раннего — задолго до захода солнца — пробуждения, так еще и придавленного грузом своих собственных забот. В этот момент фигурки сами немного подвинулись. Какие-то опрокинулись, какие-то сдвинулись ближе к востоку.

— Ну да. Сама же знаешь — мужики как дети, с возрастом растет только размер игрушек. Мой возраст ты прикинуть можешь, да? Вот и определи истинный размер этих... игрушек. Или это было предложение помочь мне с уборкой? — Вампир ухмыльнулся. — Место уборщицы на чаролете вакантно.

— Вопрос с уборкой можно будет решить, если сойдемся в цене. Нам, наемникам, не привыкать делать грязную работу за тех, кто сам не желает пачкать свои холеные ручки. — Лесс мило улыбнулась и, подойдя вплотную к столу Дрейка, грациозно наклонилась, демонстративно рассматривая фигурки. — Маловат для тебя размерчик-то, солдатики немногим мышек больше. Или ты прибавил к своему возрасту несколько лишних ноликов? — Никогда не понимал этого желания хамить на грани приличий. Дрейк и за меньшее вызывал на дуэль. Хотя да, Лесс — женщина, ей простительно. Но ответ, думаю, будет... соответствовать. Мне же в этот спор лезть — себе дороже, поскольку на меня ополчится или один или другой, а то и оба сразу. Тем более что ради этого придется лишиться возможности любоваться таким видом.

— Вот и я говорил, что гарнизоны у восточных⁴ маловаты. И видишь — не ошибался. У них даже не игрушки, так, баловство одно. Дунешь посильнее — разлетятся, как карточный домик. Собственно, уже. Самые же веселые игрушки сейчас двигаются сюда. — Вампир ткнул пальцем в точку на карте, у которой кучковалась забавная стайка: птичка в компании пары десятков тушканчиков и десятка умильных младенчиков.

⁴ Дрейк имел в виду население восточного людского королевства. Крайн его знает, как оно называется... простите, как оно раньше называлось.

— Карапузики есть, а где же мамочка, которая их всех воспитывает? — задумчиво произнесла сидхе, отчего-то излишне выразительно окидывая Дрейка взглядом. — И что это у тебя за зоопарк на карте развелся?

— Ма-аленький такой флотик. Ну совсем-совсем маленький. Можешь даже масштаб оценить. Людям уже хватило. Без потерь практически, чем могу гордиться. Еще неделя-другая, и прежняя Империя будет восстановлена. В немного большем масштабе. Нам много и не надо. Веришь? — Дрейк «дружелюбно» улыбнулся. Вот только губы его чуть-чуть дернулись, как будто он оборвал несказанную фразу, не позволив ей прозвучать. Я, кажется, знаю какую. «Нам нужен мир... И желательно весь». Не думал, что эта старая шутка так западет ему в душу, что превратится в один из жизненных принципов.

Лесс склонилась над картой и с минуту серьезно вглядывалась в расположение фигурок. Длинная коса соскользнула по кожаной куртке так, что кончик ее лег на тонкий пластик, разделяя сидхийское государство и человеческие земли. Брови сидхе на несколько секунд почти сошлись на переносице, но потом она криво, чуть-чуть презрительно улыбнулась, отрывая взгляд от предполагаемого «поля сражений» и устремляя его на Дрейка.

— У меня только одна просьба — покажи, как ты собираешься атаковать.

— Так. — Вампир провел в воздухе несколько прямых линий над картой.

— Джер! — окликнула она меня, выпрямляясь и поворачиваясь спиной к Дрейку. — Эвакуируемся с этого корабля, мой план был лучше.

— Э-э... — протянул я, сожалея об упущенном зрелище. — Я в принципе согласен, но куда торопиться? — Дрейк удивленно перевел взгляд на меня, чуть приподнимая бровь, явно не ожидая такой легкости в принятии решения.

— Не хочу находиться здесь, когда ВВП перейдет в категорию первоклассного удобрения. То есть пепла.

— По моим расчетам, любой бой даст нам достаточно времени на любую диверсию, позволяя нам проникнуть незамеченными куда угодно. — Я пожал плечами, наблюдая, как лицо Дрейка постепенно бледнеет. Кажется — от ярости. Интересно, с чего ему выгодно показывать свое настроение?

— И с чего ты... Вы... Считаете, что я ошибаюсь?! — Дрейк привстал, опираясь на карту. Сидхе же спокойно развернулась к нему лицом, коснувшись кончиками пальцев карты.

— Очень просто. Недостаток информации станет фатальным для этого плана и твоего флота. Боя не будет. Просто потому, что сражаться будет некому. Когда вы подойдете к этому рубежу, — она провела кончиком ногтя линию, которая, если судить по масштабам, находилась километрах в двадцати от столицы, — все на вот этой площади, — очертила неровную окружность, которая могла бы с легкостью вместить в себя большое озеро, — будет обращено в мелкий пепел. Мусор. Оставшиеся в живых, возможно, сумеют убраться ко всем крайнам до того, как сработают установки, действующие по принципу «сами не летаем и вам не дадим».

— Каким образом, смею вас спросить? — Голос вампира сочился желчью. — Кроме того, что этот рубеж можно и облететь, защита основного ударного кулака беспрецедентна! Таких чаролетов еще не видел этот воздух! — Я насторожился и подошел поближе.

— Эдгар, лапушка, эту крайнову установку сидхе первый и последний раз использовали еще во времена Равеновой войны! — Теперь Лесс опиралась на стол напротив вампира, глядя ему в глаза, а не на карту. — И собирали ее не мы, а те, кто был задолго до нас! И уже тогда, во время пробного запуска, эта дрянь целую долину создала. Она как раз у тебя на карте обозначена. Интересующиеся смогут подсчитать, сколько энергии накопило это оружие массового уничтожения за три с чем-то тысячи лет и какая площадь покрытия будет на этот раз.

Приплыли. Похоже, что визит в эту самую столицу стоит совместить с экскурсией по всяким злачным местам. Если там такое растет и колосится, то оставлять его в рабочем

состоянии никак нельзя. Только... Мне не очень нравится мгновение воспоминаний. Потому что мне, как и Шепчущим, кажется, неоткуда помнить, как содрогается земля на мили вокруг, как ревет воздух... Что такое огненный кошмар таких масштабов — и чем он на самом деле страшен. Возможно, мой дневник смог бы пролить свет на эту тайну... Но до него, думаю, доберусь когда-нибудь потом.

— Алессьер Отступница, о величайший светоч разума нашего тысячелетия! Откуда у тебя вообще появилась мысль, что твои сородичи сумеют правильно воспользоваться этим самым оружием, если даже не могут его перенацелить? Ведь если бы сидхе умели с ним работать, то при такой мощности его бы хватило на то, чтобы держать весь континент в страхе! Тем более что за столько времени оно уже двадцать раз должно было сгнить и тридцать раз — сломаться из-за отсутствия надлежащего техобслуживания! — Дрейк гневно выплевывал слова, почти не заботясь о правильном дыхании. Хорошо его разобрало. Вот только технику он явно недооценивает.

— Это оружие защиты, а не нападения, идиот, или тебе такое понятие незнакомо?! — Лесс тоже была недалеко от того, чтобы перейти на крик. — Это за-щи-та от таких сильных идиотов, как ты, против которых бесполезны обычные средства ПВО! Но если ты считаешь, что система обороны Древних, выстроенная для защиты подземного города от угрозы извне, пришла в негодность, то лети туда, только без меня и Джера на борту! Думаю, после вас на сидхийских полях будет богатый урожай!!!

В ответ на это Дрейк сграбастал Лесс за косу у основания и впился в ее приоткрывшийся от удивления рот поцелуем. Красиво смотрятся. Если бы я мог ревновать к этому вампиру, то он был бы уже мертв. Но на подобные мелочи у меня сейчас нет ни времени, ни желания.

Поцелуй выглядел странным. Судя по всему, Дрейк чуть ее поцарапал и теперь с огромным трудом удерживал контроль над собой. Если не сдержится — ему точно не жить. Вот только зачем ему все это надо? Не похоже, чтобы он давно не *пил*. Или у него внезапно возникли такие же проблемы, как те, которые были у меня по пробуждении? Надеюсь, что нет, поскольку делиться своей женщиной я не намерен. Хотелось бы знать, какой песок на этот раз попал между шестеренок его разума. Но если он ее не отпустит прямо сейчас, то я проверю на нем работу захватов!

Будто прочитав мои мысли, вампир выпустил свою «жертву», после чего последовала реакция, характерная для Лесс.

Что обычно делают женщины, если их целуют насильно? Большинство стало бы кричать или ругаться, меньшая часть закатила бы полновесную пощечину или же применила запрещенный удар ниже пояса. Лесс же и тут отличилась.

Она попросту пробила вампиру плечо чуть ниже ключицы стальным дротиком так, что правая рука Дрейка бессильно обвисла вдоль тела. Попадание точно в нервный узел. Можно аплодировать.

— Следующий дротик будет серебряный и в сердце, — спокойно прокомментировала сидхе, выпрямляясь и осторожно стирая капельку крови, выступившую на нижней губе.

— Леди, вы и так меня в него поразили, фигурально выражаясь. — Дрейк уже успокоился, лишь глаза у него подозрительно блеснули. — Только, думаю, вам этот дротик еще пригодится. — Он выдернул глубоко засевшее оружие левой рукой и протянул его Лесс. Спокойно, без малейшего усилия расправил плечи.

— Оставь его себе на память о предпоследнем предупреждении от меня. Будем разговаривать спокойно, или мои комментарии уже не нужны, и я пойду готовиться к высадке?

— Будем разговаривать спокойно. — Дрейк спрятал дротик в стол. — Кстати, а что будет после последнего предупреждения?

— Отрубленная одним из квэли голова. — Сидхе уселась на краешек стола, вглядываясь в карту. — Джер, что стоишь как неродной, иди сюда, будем думать вместе.

— Я-то как раз как родной стою, только не знаю кто. Вы так красиво ссоритесь, так

красиво ссоритесь... Жалею, что костер тут не нужен. Даже без растопки занялся бы. А если по существу — я не знаю, ни чем располагаем мы, ни чем располагает противник, так что делать какие-нибудь выводы о стратегии... Увольте.

— Чем располагает Дрейк, полагаю, он сам расскажет. Информацией о том, чем располагают сидхе, могу поделиться я. — Она чуть нахмурилась, задумчиво касаясь кончиками пальцев припухшей нижней губы. — А вообще-то я знаю только один путь, по которому мы могли бы подойти к воздушному пространству Seith'der'Estell. — Она прочертила кончиком ногтя линию, пролежавшую через Запретные земли. Это у меня галлюцинации такие?

— Лесс, ты рехнулась. — Вампир слегка позеленел. В тон к рубашке. — У тебя все планы такие? Тогда понимаю, чем ты понравилась Джеру.

— Нет, конечно, не все. Но этот хотя бы оставляет шансы добраться до цели как минимум пяти шестым твоей армады. Конечно, при условии, что никто не будет хлопать ушами и сачковать. — Она невозмутимо побарабанила пальцами по карте. — Здесь, — она указала точку немного севернее Столицы, — мы не будем обнаружены до тех пор, пока нас не смогут засечь чисто визуально. Это — «слепое пятно» сидхийской защиты. А поскольку за те сведения, которые я уже вам выложила, меня в Столице должны были бы казнить раз пять с особой фантазией и жестокостью... Дрейк, ты уж постарайся не облажаться. Для начала перестань походить цветом на милое квакающее земноводное, а то я могу подумать, что ты действительно боишься.

— Лесс, ты хоть раз в Запретке была? Я был и поэтому еще раз уточню. Ты уверена, что ваша защита сможет засечь мои корабли за то время, которое они будут находиться в зоне поражения? Степень маскировки ты уже видела ранее. Над Иррестаном. — Дрейк постепенно приходил в норму, а я же активно пытался вспомнить балладу вампирского менестреля. Ибо похоже на то, что она была написана по мотивам вполне реальных событий.

— Дрейк... — вкрадчиво поинтересовалась сидхе. — А ты в Запретных землях с кем был, а? Это я так, из интереса спрашиваю.

— С исследовательской партией. А это имеет значение? — настороженно уточнил вампир.

— Я оттуда вышла в компании одного... эльфа. Хотя «вышла» — не слишком точное слово. Скорее, выползла на четвереньках, потому что встать на ноги сил уже не было. Но тем не менее я здесь. А насчет маскировки... — Сидхе слезла со стола и шагнула к двери. — Техника Древних просто ее не заметит. Она засечет сами корабли, ни вампирские фокусы, ни магия, ни изобретения Джерайна тут не помогут. Я знаю, потому что сама видела эту... машиной это назвать сложно, оно в каком-то смысле живое... Не могу объяснить. Да и не буду. Ты можешь верить мне на слово. Можешь не верить и следовать ранее намеченным курсом, но в таком случае я тебе не попутчик. И Джерайна с собой заберу.

— И даже моего мнения не спросишь? — Заба-авно. Как же все становится забавно! Мне приятна... подобная забота. Как бы неожиданна она ни была. Сколько же лет назад обо мне пытались заботиться в последний раз? Не помню, видимо, это было еще в далеком детстве.

— Кто-то, кажется, совсем недавно предложил мне руку и сердце. Я не смогу принять твое предложение, если ты будешь мертв. А ты будешь, если Дрейк пойдет напролом. Впрочем, если та фраза была всего лишь одним из способов снять мое напряжение, можешь считать, что шутка удалась.

— Лесс, предложение все еще в силе. — Я же говорю — забавно! Когда еще поглядишь на малость ошарашенного Дрейка, выглядящего совершенно по-человечески со слегка отвисшей челюстью? — И в общем-то согласен с твоим желанием меня забрать. Просто чуть кольнула твоя категоричность. Дрейк, ты так и не сказал ни о своих наличных силах, ни о неудачном походе. Прошу!

— Скажем так, из исследовательской экспедиции обратно вернулся я один. Конечно, мы шли по земле, а не летели, но были достаточно хорошо обеспечены и притом не

продвинулись вглубь и на сотню верст. Хотя, конечно, что считать «вглубь» — расстояния там ничего не значат. Так, по окраинам шлялись пару-тройку лет. Точно сказать сложно, так как со временем внутри Запретки тоже проблемы. А по наличным силам... Вы хотите услышать подробную сводку или общую? — Я окинул взглядом карту. Судя по тому, что количество фигурок на ней превышает то, которое я могу посчитать при помощи пальцев рук,⁵ подробная сводка может затянуться на несколько часов. Так что...

— Общую.

— Хорошо. Общая численность экипажей чаролетов — сто тысяч разумов. Общая численность десанта — до трехсот тысяч разумов. Общая численность флота — двадцать тысяч единиц, начиная от легких истребителей типа «Воробей» и заканчивая тремя суперавиаматками класса «Велика».

— О, вот и заботливая «мамочка», — хихикнула Лесс, удобно устроившаяся в кресле недалеко от выхода из каюты.

— Вполне себе, — невозмутимо отметил Дрейк. Похоже, он снова обрел подходящую его положению маску лица. — Двести носимых истребителей, пятьдесят тяжелых бомбардировщиков, семьдесят десантных барж. Для того чтобы только поднять эту громадину в воздух, применяется мультисорсная система с объединенным контролем за полетными функциями. Кроме того, используется набор так называемых малых сорсов, отвечающих за обеспечение функционирования катапульт с малыми чаролетами. Носимый десант — до четырех тысяч существ...

— Ой, вырвите мне клюв, но я должна это видеть! — хмыкнула сидхе, закидывая ногу на ногу и с деланным интересом рассматривая потертый, кое-где поцарапанный сапог. — А еще лучше — понаблюдать с расстояния в сотенку-другую верст за тем, как все это великолепие развевается в пыль над равнинами сидхийского государства.

— Если не продолжишь болтать — вырву. И не только клюв, — дружелюбно пошутил Дрейк. То, что это дружелюбная шутка, я понял по тому, что тон был все-таки выше того, которым он произносил подобные фразы перед исполнением.

— Прошу к барьеру. — Ее ладонь стала ненавязчиво поглаживать правое бедро чуть выше рукояток серебряных дротиков, а глаза чуть сузились. Сидхе, в отличие от меня, не так хорошо распознает, где у данного вампира прозвучала шутка, а где угроза, и потому может случиться маленькое недоразумение, которое рискует перерасти в большую драку.

— Лесс, Дрейк, не ссоримся. Сейчас у нас конструктивная беседа. Ясно? — Интересно, подобные подколки у Лесс — это вариант флирта? Надеюсь, что нет. Просто потому, что совершенно не хочу ее сейчас с кем-либо делить. Особенно в свете информации по численности союзника. — Дрейк, продолжай.

— Да-да-да, Дрейк, продолжай, — царственно кивнула сидхе, словно делая вампиру величайшее одолжение. А вот это она зря так — все же Дрейк, насколько я помню, помешан на проблеме отношений «хозяин — подчиненный», и быть в роли последнего он после определенных событий очень не любил. Мягко говоря.

— Лесс. Алессьер. Если ты считаешь, что вечные подколки — это путь к моему сердцу, то ты ошибаешься. Если же тебе так понравился поцелуй — можем и повторить. Без всякого серебра. — Вампир делал вид, что нарывается.

Алессьер нарочито легкомысленно пожала плечами:

— Дорогой мой Эдгар, да будет тебе известно, что самый короткий путь к сердцу любого мужчины лежит между пятым и шестым ребром с левой стороны. Полагаю, ты не исключение. А целуешься ты, кстати, хуже, чем д'эссайн после тысячелетней спячки.

— Девочки, мальчики, а также безмолвный советчик неопределенного пола, хорош ссориться! Вы бы еще достали и померились... Крайн с вами! Мы обсуждаем, что, куда и как

⁵ А именно более шестнадцати с половиной тысяч. Некоторые фигурки совсем маленькие, некоторые явно вражеские. И может, на порядок-другой в сторону увеличения я ошибся, но все равно — количество фигурок уважение внушало.

летит, а не особенности техники поцелуя!

— Джер, как я понимаю, мы не ссоримся, а ведем весьма занимательную для обеих сторон беседу. — Лесс извлекла из кожаной петли серебряный дротик и начала демонстративно чистить им ногти. И смысл? Скорее она затупит острие, чем подправит себе маникюр. — Что и куда должно лететь, я уже предложила. Вам остается только решить, каким образом мы туда будем добираться.

— А разве есть варианты? — удивился вампир, картинно вскинув бровь. — Если мы все-таки полетим через Запретные земли, то полетим примерно так. — Дрейк провел пальцем по карте, указывая маршрут на север вдоль гор, дальше на восток через Северное море, на юг через предположительные леса и на запад, к сидхийской столице. — И альтернатив этому маршруту в общем-то нет. По той простой причине, что нам придется его менять в зависимости от... обстоятельств. Хотя я и надеюсь на то, что они сложатся в нашу пользу.

— Еще кое-что. — Сидхе поднялась с кресла. — Джер, нам придется сойти чуточку раньше — конечно, если ты хочешь попасть в хранилище артефактов до того, как на поверхности, да и под землей тоже, если честно, станет довольно жарко. Существует ход, который ведет с территории Запретных земель напрямик на второй уровень Столицы. Хранилище на третьем. К тому же есть возможность обойти заставы. Дрейку придется лететь дальше, а там, в конечной точке маршрута, я могу их встретить. И провести диверсионную группу в обход ряда ловушек, чтобы отключить защитные системы. И еще... все это я за просто так делать не стану, лишний риск. Потому и спрашиваю: что мне за это будет? Я наемница, риск должен быть оплачен.

— Сколько и чего? Золото? Бриллианты? Услуги лучших мастеров объединенной империи? — Вампир был немногословен.

— Не подходит. Еще предложения? — А вот Лесс почти издевалась.

— Тогда говори, чего хочешь. Или тебе лампу с джинном подавай да свиток Желания?

— Мне надо, чтобы первый уровень Столицы остался нетронутым. Совсем. Заставы и форпосты не считаем. Как вы будете этого добиваться — не моя проблема. — Забавные запросы.

— Без проблем. — Дрейк улыбнулся. — Воля такой красивой леди для меня почти приравнена к закону.

— Дрейк, ты забыл дать свое слово. — Алессьер премило улыбнулась, вот только глаза остались сосредоточенными и немного лукавыми. — То, которое у тебя по идее должно быть нерушимым.

— Слово. Еще какие-нибудь просьбы будут? — Дрейк оставался серьезным. — Даже изгнанница готова на все ради этого города?

— Мне будет жаль, если весьма красивое сооружение работы Древних будет уничтожено. Ломать всегда легче, чем строить. А такие города, как возводили Древние, ни тебе, Дрейк, ни твоей ничемной империи уже никогда не возвести. — Ох уж эта вера в предков. Никогда не понимал, никогда не принимал. Было бы желание — всегда можно сделать лучше. Главное — не сдаваться. — Не ты создавал это произведение искусства, не тебе его и разрушать.

— Как я понял, теперь действительно всё. Ладно. Мои подчиненные твой первый ярус не тронут. Значит, больше тебе ничего не нужно, — с легким сожалением в голосе протянул Дрейк. Интересно, его уточнение — это для того, чтобы я заметил, что с меня Лесс подобного обещания не брала? Зря он на меня надеется. Лишний раз огорчать свою женщину я не буду. — Джер, и на такой женщине ты собираешься жениться?

— Как лезть с поцелуями — так готов, а как про женитьбу — так в кусты... да, Дрейк? — ухмыльнулся я, а затем прикусил нижнюю губу до крови. Мгновенная вспышка боли — и ранка затягивается. Хороший намек. — Моя личная жизнь — это мое дело. Личная жизнь Лесс — это ее дело, а их пересечения — это наше общее дело. Не твое.

— Извините, господа, полагаю, что мое дальнейшее присутствие здесь излишне. Как

говорится, наемник сделал свое дело — наемник может уходить. Желаю приятно провести время. Доброй ночи.

Неуловимая Алессьер встала, легонько поклонилась и выскользнула за дверь раньше, чем я успел ей ответить, только негромко щелкнул, закрываясь, замок.

— Ты хорошо устроился, Джер... айн. — В середине моего имени вампир чуть-чуть сбился с дыхания, так что у меня возникло ощущение, будто он хочет произнести совсем уж уменьшительную форму моего имени, но все-таки мне всего лишь показалось. — И я еле успел за тобой. Все-таки бросаться сломя голову в омут, не разведав, что за змеи там водятся, — на тебя не похоже. Скажи честно, ты знал тогда, когда предложил мне этот путь, что он приведет меня сюда? — Взгляд вампира был жестким, требовательным... и каким-то несчастным.

— Нет. Я не знал, что этот путь приведет нас сюда. Но... Разве ты о таком не мечтал, малыш? — Я обвел рукой его каюту. — Вечная жизнь, шикарный чаролет, бесконечные путешествия... Разве это не то, чего ты просил у меня? Да, конечно, мы договаривались и о большем. И большее будет, только приди и возьми. Ты слышишь? Приди и возьми.

— Я помню про цену. — Голос вампира мог заставить содрогнуться кого угодно. Но д'эссыны не могут испытывать страх. — И свою цену я плачу исправно. И тебе — тоже. Я все еще обязан тебе жизнью. И не только жизнью.

— Я помню.

— Я не закончил. — Дрейк взмахнул открытой ладонью. — Есть старое правило того, кто хочет увидеть своих правнуков: не видеть зла, не слышать зла, не говорить зла.

— Я всегда говорил, что если хочешь не только увидеть, но и прижать их к своей груди, то нужно предотвращать зло.

Вампир повторил свой жест чуть более резко.

— Не торопись. Я знаю, что ты успел наворотить достаточно дел, чтобы по законам любого из государств тебя следовало бы колесовать, затем четвертовать, повесить и под конец сжечь.

— Ты забыл про отрубание головы. Как лицо, обладающее титулом, если ты, конечно, не собрался с духом, чтобы его упразднить, — я кивнул Дрейку, — то я могу требовать замены позорного повешения отрубанием головы. А то и божьим судом, хотя на него никто и не решится.

— Снова перебил. Доволен? — В глазах у вампира плясали озорные смешинки. Мне начало казаться, будто он решил проверить что-то совсем непонятное мне. — Я знаю, что многое из содеянного ты предпочел бы забыть и сам. Если и не забыл. — Я пожал плечами. Кажется, в моей памяти действительно есть пара лишних дыр, но я всегда успею все вспомнить. Мой лабораторный журнал при мне, и достаточно лишь вчитаться в его страницы, чтобы заполнить пробелы. — Что когда просыпаешься через десять веков после того, как пришлось заснуть, то можно ожидать, что все старые связи тихо и мирно уйдут в свои могилы, но... — Он сделал театральную паузу. — Меня попросили передать тебе это. Нет, естественно, не представились, но, думаю, ты и сам должен все понять. Не правда ли, Джер?

Конец фразы Дрейк произнес совсем тихим голосом, после чего протянул мне сверток из промасленной ткани, обмотанный длинным жгутом. Я брезгливо взял его в руки и развернул, надеясь, что перчатки все-таки можно будет отмыть, и тут же о них забывая... С трудом удержался от того, чтобы не отбросить сверток подальше от себя, окончательно уничтожив его потрепанное временем содержимое. Это было то, чего я не ожидал увидеть никогда, то, что я просто не мог встретить снова, спустя столько лет. То есть веков...

Но как бы я ни сверлил эти вещи взглядом, с ними ничего не происходило. Да и что, спрашивается, может сделать такая нематериальная вещь, как взгляд, измятой серебряной маске, треснувшему стальному обручу и трем поломанным на мелкие куски метательным дротам? Ничего. Но я с превеликим удовольствием больше никогда бы их не видел.

— К этой посылке прилагалась записка. — Не уточнение, а однозначная уверенность.

Иначе быть не могло.

— Конечно. Предвосхищая следующий вопрос, отвечу — да. И нет. Ты же и так знаешь, что там написано, не правда ли? — Дрейк смотрел на меня, тщательно оценивая все мои движения, пытаюсь воссоздать для себя картины, которые должны были собраться у меня в голове, стараясь подстроиться под мое состояние, чтобы легче узнать то, до чего он пытался докопаться с момента моего исчезновения — и, похоже, практически безуспешно.

— Знаю. — Я пожал плечами. Стоит уже привыкнуть к тому, что прошлое теперь не только наступает мне на пятки, но и пытается вцепиться в глотку. Будто соглашаясь с моими мыслями, кольцо на указательном пальце больно впилося шипами в плоть, рвануло, усеивая кожу мелкими царапинами, и замерло, делая вид, что оно тут и вовсе ни при чем. А ведь действительно, сейчас оно тут ни при чем. Вампир же, не дождавшись продолжения фразы, заговорил сам:

— Джер, ты понимаешь, что мой долг перед тобой велик, но не безграничен. И если автор этого письма действительно так хочет тебя получить, то он сделает это. Несмотря на мой опыт, ибо он старше. Несмотря на мои войска, ибо он придет не сражаться, а убивать. — Голос вампира стал совершенно сухим, бесцветным. Если бы я не помнил его, то решил бы, что Дрейк испугался. — Он убьет тебя, Джерайн Тень.

— Ты говоришь так, будто у тебя есть план, но он тебе не нравится. — Деловой тон. Спокойный. Пусть мальчик сойдет. Но нет. На него уже не действует.

— Да. Риго был бы рад подобному противнику. — Голос прежний. Ни тени эмоций.

— Риго будет нужен тебе здесь, — отрезал я. Да, у Дрейка может быть тысяча причин, чтобы отослать его подальше, но... Сейчас он один гарантирует безопасность непутевого герцога лучше, чем любая армия.

— Тогда тебя убьют. — Ни капли радости из-за отсутствия необходимости принимать сложное решение. Хотя я его понимаю. Только пессимизм мне не нужен.

— Эдгар, мальчик мой, вспомни, насколько ты недооценил меня в прошлый раз?

— Ты исчез. И с тех пор у тебя не было времени, чтобы измениться. Твой же противник ждал тебя все это время. И готовился к вашей встрече. То, что он еще соблюдает этикет, — огромная удача. — Голос Дрейка чуть-чуть потеплел. — И эта приверженность правилам — твой единственный шанс.

— Нет. Он, как и я, следует тем правилам, которых ты придерживаешься, только в том случае, если это для тебя выгодно. — Я пожал плечами. — Так тоже правильно. Особенно когда нужно выжить.

— Конечно. И обсуждать это сейчас бессмысленно. Но ты так и не ответил, что же собираешься делать с этим незаконченным делом. — Я бы очень удивился, если бы он не переспросил. Такие простые попытки увести разговор в сторону и во времена наших прошлых разговоров не особо срабатывали, а уж сейчас-то и подавно.

— У меня есть достаточно возможностей, чтобы как минимум пережить эту встречу. — Я оскалился. — И еще больше возможностей сделать так, чтобы я победил хотя бы по очкам. Поэтому, какие бы ни были долги раньше, сейчас я прошу об одном: делай что можешь. И не мешай. Тогда у тебя, да и у меня есть еще множество шансов на победу. — Порванная кожа на моем пальце затянулась окончательно, но крови оставалось достаточно, чтобы я позволил Тени на мгновение застить светильники каюты. Да, конечно, тот, кто хочет увидеть, увидит. Да, конечно, он сильнее. Но судить нас будет не время.

— Хорошо. Убедил. — Тон вампира вновь сделался отстраненным. — Теперь ты скажешь, что эта сидхе нужна и была нужна тебе не только в качестве проводника и телохранителя, и тогда я окончательно уверюсь, что ты сошел с ума. — Закончив эту фразу, он широко улыбнулся, но глаза его оставались такими же холодными и пустыми. Взгляд давно издохшей рыбы.

— Я обрадую тебя еще сильнее. Безопасность этой женщины, — Дрейк искренне внимал, — как бы я к ней ни относился, тебе все равно выгодно. Если ты хоть немного подумаешь, то даже сможешь понять почему. Это не такая сложная загадка, право слово.

Даже дам подсказку. — Я говорил подчеркнуто пренебрежительным менторским тоном. Этого мне конечно же уже не простят, но думаю, что лучше, если это аукнется сейчас, а не через пару недель и не в тот момент, когда я никак с этим не смогу бороться. — Я сомневаюсь, что если ты что-либо сделаешь с тем, ради кого мы тут собрались, то это поможет нашему делу. Если же этим займусь я, результат ты себе можешь представить. О том же, чтобы кого-то специально пестовать для подобной работы, ты, полагаю, даже не задумывался.

— Задумывался. Вынужден разочаровать твои надежды, но я даже проработал несколько запасных вариантов. И знакомить тебя с ними не буду, прости. С того момента, как ты объявил о своем отношении к Алессьер, она стала твоей слабостью. Ты хорошо помнишь историю Риго?

— Лесс — моя сила, Дрейк. Потому, что ради нее я могу достаточно измениться. — Тут вампир вдруг резко перебил меня с очень странным видом, будто у него с плеч свалилась гора, но лишь для того, чтобы он мог заняться скалолазанием.

— Хватит. Ты действительно сказал свое слово. Не знаю, есть ли у тебя на самом деле шанс справиться, или ты только бравируешь своей силой, но я все равно буду на твоей стороне. — Дрейк откинулся в кресле, закинув ногу на ногу. — Если у тебя пока нет вопросов, то можешь идти. Корабли лучше показывать вживую. Даже чертежи не производят нужного впечатления.

— Пока нет. — Я вежливо поклонился. — Спасибо за посылку...

— Это тебе спасибо, Джер... айн. — Вампир чуть нехорошо улыбнулся. — И за меня — тоже. — Вторая улыбка вышла гораздо более искренней. Но... не совсем. — Продолжим беседу завтра?

— Конечно! — Я улыбнулся, заворачивая сверток. — Кстати...

— Новые перчатки ждут в каюте. — Дрейк потянулся. — Удачи... д'эссайн.

Алессьер

Я с ожесточением сдернула с безымянного пальца правой руки железный перстень с треугольным розовато-лиловым камнем и с трудом удержалась, чтобы не запустить его в дальний угол каюты. Остановило только то, что я два дня сидела безвылазно в четырех стенах, с помощью Фэя закладывая в кристалл памяти карту каменных лабиринтов сидхийской Столицы. Повезло, что толком неиспользованный амулет нашелся в кармане куртки, а то пришлось бы специально для Джера придумывать что-нибудь, чтобы д'эссайн не заблудился в хитросплетениях коридоров подземного города.

«Поправь меня, если я ошибаюсь, но вроде бы ты собиралась проводить его до хранилища артефактов, и даже вывести обратно, разве нет?»

Фэй, честно говоря, я не думаю, что у меня это получится.

«Что я слышу? Опять поднял голову пессимизм?»

Скорее, реализм. К хранилищу невозможно пройти незаметно. Даже мне. Обойти все сигнальные завесы я не сумею, к тому же готова поспорить, что за время моего отсутствия там повешали новых. А тебе ли не знать, что я не маг.

«А как же я? Думаешь, я не сумею их нейтрализовать?» — Ментальный голос Фэя стал чуточку обиженным. Я вздохнула и прикрыла глаза, откидываясь на подушки.

Эти завесы ставили мастера своего дела. А у тебя все же нет степени архимага.

«Предлагаю не паниковать заранее и не торопиться расставаться с жизнью. У тебя там ведь еще личное дело?»

Да. — Я повертела в руках перстень, кристалл памяти в котором тускло мерцал в лучах заходящего солнца, пробивающихся сквозь открытое окно каюты. — Тираэль там.

«Тебе не кажется, что одной интуиции маловато? Может, он залег на дно где-нибудь на солнечном юге, а ты полезешь в подземный сидхийский город, имея в наличии только догадку?»

Тир знает, что за попытку убить мою дочь я найду его где угодно, сколько бы он ни прятался. Но коли уж он заключил разовый договор с Танцующими, то наверняка попросил в обмен убежище. Он в Столице. Не на первом уровне, конечно, скорее на втором, там, где помещения для рабочих, техников и дежурных магов, но он там.

Мысль об Эрин снова кольнула душу тупой ржавой иголкой. Дрейку и его компании пришлось целых два дня зависать неподалеку от Вересковой Заросли, пока я не убедилась, что последствия отравления уже не опасны для моей дочери — к концу второго дня загнать Эрин в кровать никак не удавалось, девочка явно компенсировала время вынужденного пребывания в постели активной беготней под вечер. В конце концов даже я сдалась, оставляя попытки соблюдения постельного режима, и провела с дочкой весь вечер и почти всю ночь, забрав ее с собой в кровать и оставив одну только незадолго до рассвета. А днем я отправила ее в Гранц вместе с Тролем и его женой, снабдив дочку амулетом маскировки. И когда я прощалась с Эрин, уже ничем не отличавшейся от человеческого ребенка, вдобавок с посветлевшими волосами и несколько огрубевшим лицом, мне было немного не по себе. Троль клялся и божился, что в Гранце они пробудут только до тех пор, пока не смогут присоединиться к одному из торговых караванов, каждые несколько дней покидающих приграничье и следующих к обжитым людским землям далеко на юг. Насколько я знала, там, среди степей, где люди и орки умудряются жить без излишних столкновений, никто в здравом уме не подумает искать мою дочь. А раз у Троля там родня, то есть надежда, что к Эрин там отнесутся вполне благожелательно и девочка дождетс моего возвращения. Если же я не вернусь...

На этот счет у меня была своя договоренность со старым наемником. Если в течение полугода я не дам о себе знать, то Эрин следует отправить учиться в один из магических орденов, которых в людской столице Востока немалое количество. Отец Эрин был в свое время неплохим магом, а значит, и ребенок унаследовал эту способность, передаваемую из поколения в поколение. Специально для этого в гномьем банке был открыт счет на ее имя, так что в случае моей незапланированной смерти девочка будет неплохо обеспечена на полжизни вперед, а там и сама научится справляться с трудностями и зарабатывать себе на существование.

Я надела перстень на левую руку и потянулась к свежей рубашке, аккуратно разложенной на кресле, поскольку почти все пространство на кровати у меня занимали полезные и не очень мелочи из карманов куртки и рюкзака. Перед тем как совать голову в пасть крайну, надо было разобрать, что у меня есть, и прикинуть, что еще может понадобиться.

«А также, что можно будет выпросить из запасов капитана корабля, не так ли?» — хихикнул Фэй.

После того как мы с ним поцапались? Не думаю. Он за борт-то меня за хамство не выкинул только потому, что чувствовал себя несколько виноватым из-за своей минутной несдержанности.

«Ты называешь тот страстный поцелуй минутной несдержанностью? Вот уж не предполагал, что ты склонна к таким преуменьшениям!»

Фэй, ты в глаз хочешь?

«Нет».

Тогда заткнись. Тебе мало того, что твой создатель настолько растерял мозги в походе, что сделал мне предложение руки и сердца?

«Ну, так ты же не согласилась».

А как я могла согласиться? Фэй, я не знаю, доживу ли до того «после», которое мне обещал обеспечить Джер, к чему его обнадеживать.

«Д'эссайна сложно обнадежить попусту. Хотя бы потому, что он постарается сделать все возможное и невозможное, чтобы эта надежда не оказалась пустой».

Очередное восхваление создателя? — хмыкнула я, застегивая пуговички на широких манжетах новой сиреневой рубашки. Отлично, как раз не мешают вытягивать из рукава

метательное лезвие. Хотя... На вампирьем чаролете все равно оружия лучше чем квэли нет.

«Только огонь».

Ага, поджечь корабль и рухнуть вместе с ним с высоты в целую версту. Ты от меня самоубийственными идеями случайно не заразился?

«Уже не уверен, если честно. Кстати, а ты своего потенциального мужа тоже послала далеко и надолго теми же словами, что и несчастного стюарда?»

Похоже, что да. Извини, но я не могла одновременно восстанавливать в памяти план четырех исследованных уровней Столицы и отвечать на вопросы типа «Лесс, с тобой точно все в порядке?».

«Это тебе не передо мной извиняться надо».

Перед ним я успею. Когда буду перстень отдавать. Может быть, он даже не будет его сильно переделывать только потому, что колечко не отвечает д'эссайновским меркам качества.

«Поживем — увидим. Кстати, я посоветовал бы тебе прогуляться. Хоть твое добровольное заключение не сопровождалось голодовкой, но подышать свежим воздухом тебе просто необходимо».

Считай, убедил.

Я надела поверх рубашки перевязь квэли, подтянула ремешки, чтобы подладить «сбрую» под тонкую льняную рубашку, проверила, удобно ли выходят клинки... Ежедневная привычка, со временем превратившаяся во что-то вроде обязательного ритуала. Посмотрела на куртку с вывернутыми карманами, наспех подлатанную еще в Гранце, и решила пока не надевать. Ничего, не замерзну.

«Просто некомфортно будет, а так ерунда, — проскрипел Фэй голосом старой бабки. — Что там — сильный ветер и холод».

Как ты мне когда-то заявил, я замерзну только в том случае, если зимой вздумаю голышом ночевать в сугробе. Так что не тебе указывать. В крайнем случае поработаешь индивидуальным обогревателем.

За дверь я вышла под недовольное бурчание браслета на тему использования его не по назначению, задумчиво прокручивая перстень-карту на пальце. Джеру я его отдам, но потребую с него клятвенное обещание не давать никому скопировать с кристалла информацию.

«Думаешь, что вампир захочет занять карту верхних уровней столицы?»

Еще как захочет. Сейчас этот дешевый в общем-то перстень стоит немислимых денег только потому, что второй такой карты больше нет. Разве что в самой Столице, и то я не уверена, что там будут указаны некоторые из тайных коридоров.

«Да уж, перстенок-то может дороже тебя оказаться», — мрачно пробурчал Фэй.

Именно что. Кольцо, в отличие от меня, не будет никого доводить до белого каления. Кстати, на всякий случай сохрани в себе карту, только засекреть ее так, чтобы докопаться никто посторонний не сумел.

«Сделаю. Кого считать посторонним?»

Пока что всех, кроме меня и Джерайна.

«Принято».

Вот и умничка.

На верхней палубе было ветрено, пустынно и сумрачно. Небо на юге и востоке застилали тучи, и готова поспорить, что большая часть так называемых «облаков» — это замаскированные чаролеты. Солидно, солидно, ничего не могу возразить.

Я облокотилась на отполированный поручень и посмотрела в сторону почти скрывшегося за горизонтом солнца. Красиво. Мне всегда нравилось наблюдать, как закатное небо окрашивается алым цветом, который постепенно сменяется фиолетовым, а затем в вышине над головой робко зажигаются первые звезды. Но сегодня над головой висели свинцово-серые тучи, абсолютно игнорирующие порывы холодного ветра, треплющего мои волосы и воротник рубашки, и звезд не было видно.

— Прекрасный вечер, Алессьер, не так ли? — Дрейк прислонился к поручню рядом со мной и вежливо улыбнулся. Выглядел он, кстати, намного лучше, чем в своем кабинете, когда я подвергла сомнению его очередной «гениальный» план по захвату сидхийской Столицы с воздуха. По крайней мере, пропали синяки под глазами, а нездоровый зеленоватый цвет лица выровнялся, и теперь вампир хотя бы не напоминал замученную недосыпом красноглазую водяную нечисть. — Надеюсь, затворничество хоть как-то повлияло на твое настроение, чуть поубавив яду ехидства, ибо разговаривать, право слово, было сложно. Особенно серьезно. Создавалось ощущение, будто тебя изгнали не за кровь, а за то, что обложила по старой памяти императора большим орочьим матерным загибом, или малым троллим, что, конечно, практически одно и то же, за некоторыми генеалогическими исключениями. Надеюсь, что мне сейчас повезет чуточку больше, и ты меня все-таки выслушаешь?

— Императора я обложила уже потом, когда он на свою беду предоставил мне «право последнего слова» после оглашения приговора. Стоило отправиться на эшафот, чтобы увидеть у сидхийского владыки такое непередаваемое выражение лица. — Я пожала плечами, лениво скользнула взглядом по темно-зеленому камзолу вампира и отвернулась, возобновляя любование полыхающим багрянцем небом. — Дрейк, легко со мной никогда не было, поэтому заранее настраивайся на трудности. Ко мне есть какие-то вопросы по предстоящему... полету?

— Кроме вопроса, примешь ли ты мои извинения? Разве что предложение ознакомиться наконец с полетными правилами на ВБП. Они, конечно, не слишком отличаются от тех, которые приняты на гражданских чаролетах, но у меня есть подозрение, что тебе и там было не до того, чтобы выяснять о спасательных аппаратах и прочих автоматах поддержки жизнеобеспечения. — Дрейк взглянул на расстилающиеся перед ним облачные просторы. — А еще мне очень интересно, где у сидхе растет клюв. До сих пор как-то не находил. Искал не там?

— Извинения за что? — Я чуть озадаченно приподняла бровь и посмотрела на вампира. — Между прочим, фраза про клюв была одной из пошловатых людских шуточек, так что не обращай внимания. Так что там с полетными правилами?

— К примеру, за то, что ты громко называешь подставой. Или за то, что было сказано и не сказано. А еще за тот... поцелуй. — Дрейк повернулся ко мне. — Надеюсь, леди не откажется от игристого вина? А про клюв — я просто... понял ту фразу, как и твое появление здесь, слишком буквально.

— От игристого вина леди, разумеется, не отказалась бы, но поскольку здесь я не леди, а наемница и по совместительству проводник, то я отказываюсь. За то, что случилось во время моего предыдущего пребывания на твоём чаролете, я тебя, можно сказать, уже простила. Мстить за это я не буду, выводы для себя сделала, что еще нужно? А то действие, которое поцелуем назвать сложно, скорее, попыткой заткнуть мне рот наиболее приглянувшимся тебе способом... Ну, на него я тебе уже ответила. Правда, сейчас мне кажется, что дротик должен был быть серебряным.

Я отошла от поручня, направляясь к лестнице, ведущей вниз. Что-то слишком тесно мне стало на этой смотровой площадке.

«Иногда и одного вампира слишком много?»

Вот именно. Я не знаю, как буду с ним почти две недели на одном корабле уживаться.

«Придется. Он тебе хоть какие-то гарантии безопасности предоставить может».

Знаю. Ничего, бывала и более неприятная компания.

Я уже спускалась по узкой лестнице, когда у меня за спиной нарочито тяжело и шумно вздохнул Дрейк и неожиданно оказался на расстоянии вытянутой руки, всего лишь на ступеньку выше. Рука у меня непроизвольно взлетела к правому плечу, за которым была закреплена рукоять меча, но вовремя остановилась и поправила выбившуюся из косы прядку, заправляя ее за ухо.

— Лесс, я окончательно перестаю понимать тебя. То ты хочешь на «мамочку»

полюбоваться, а то чуть что уходишь со смотровой площадки. То ты продолжаешь на меня обижаться, а то говоришь, что уже, можно сказать, простила. Или это только «можно сказать»? Кстати, я поспешу тебя обрадовать: наемницей ты тут будешь только после того, как мы выступим. До тех пор — ты леди. У меня в гостях. И если ты этого до сих пор не поняла, то я удивлен, что никто тебе не подсказал. Так как, леди откажется от красного игристого вина?

— Ага, — радостно улыбнулась я. — Откажусь. Кстати, свою компанию я тебе не навязывала, так чему удивляться? Просто мне твоё общество не очень-то нравится. Хотя могу предположить, что это взаимно. Я тебя встречу и проведу через второй уровень Столицы, чего тебе ещё нужно? На тот случай, если я все же не доживу до этого момента, у меня есть кое-какие мысли. В любом случае своей цели ты добьешься.

— А от белого вина? Откажется? — Вампир улыбнулся так же радостно, как и я. Обстановка накалилась чуть больше, перила лесенки у меня под ладонью потеплели. — Поскольку рассуждения на трезвую голову явно отрывочны и слишком нервны, леди скоро станет необходимым напитоком до зеленых шалисок для скидывания напряжения. Ибо ничем другим я не могу объяснить твоё предположение, что твоё общество мне неприятно и что я могу общаться с женщиной только из-за того, что мне от нее что-нибудь нужно. Кроме того, мне интересно послушать измышления о моей цели. — Дрейк скользнул вокруг меня, спустился на ступеньку ниже и склонился в легком придворном поклоне, вздернув вверх чисто выбритый подбородок. — Леди, еще одна маленькая просьба. Пожалуйста, обоснуйте свое решение, чтобы я меньше за вас волновался.

— Наверху достаточно холодно и ветрено для того, чтобы я почувствовала себя несколько некомфортно. А насчет нервного напряжения... — Я коснулась кончиками пальцев вязи татуировки на своей правой щеке. — У меня свои дела там, в Столице. И хочется решить их хотя бы незадолго до своей отправки на тот свет. Между прочим, ты пропустил мимо ушей фразу о том, что мне неприятно твоё общество. А в таких случаях я стремлюсь свести общение к деловому минимуму.

Я начала неторопливо спускаться вниз по лестнице, окунаясь в тепло помещения, показавшееся просто благодатью по сравнению с холодом и ветром наверху. В темном коридоре мгновенно вспыхнул светильник на потолке, озаряя стены, обшитые деревянными узорчатыми панелями, и темно-вишневый ковер на полу.

«Говорил тебе — надень куртку».

Зануда.

— Леди, прошу прощения, но вам придется потерпеть мое общество еще немного. По крайней мере, столько, сколько вам потребуется для того, чтобы уяснить, как включается обогрев верхней палубы. А также — куда надо бежать, если что-нибудь внезапно пойдет слишком плохо. — Камзол Дрейка неожиданно переместился на мои плечи, ненавязчиво перекрывая свободный доступ к рукояткам квэли. Я напряглась, а ладони вампира, задержавшись на мгновение, легко соскользнули по моим предплечьям, а потом и вовсе убрались, перестав быть помехой. — Лесс, ты меня уважаешь? Если да, то я прошу тебя выпить со мной. Если нет — готов попросить Джера напоить тебя. Ибо нахождение тебя в здравом уме — в моих интересах. О твоей... «личной шизофрении» я не говорю. Но, думаю, он с моими намерениями согласится.

Фэй, цыц!

«А что сразу я? Я молчу. Хотя мысль, признаюсь, здравая. Тебе немного расслабиться не помешало бы. Особенно после того, как ты два дня подряд насиловала свою память, наполненную не слишком приятными подробностями жизни среди ночных эльфов. Отдыхать тоже надо».

— Дрейк, не могу отрицать, что как капитана чаролета и руководителя я тебя не могу не уважать. Думаю, отношение к тебе как к личности мы в расчет не берем?

— Можем и не брать, хотя, думаю, у тебя недостаточно сведений, чтобы с уверенностью рассуждать о каких-либо чертах моего характера. Но как я должен

расценивать твое уважение? Ты согласишься на мою компанию?

— А почему бы и нет? В крайнем случае, обещанный серебряный дротик у меня при себе, — я устало потерла лоб ладонью и направилась в коридор, совершенно невежливым образом проигнорировав руку, предложенную Дрейком. Капитан корабля пожал плечами и пошел на два шага впереди, излишне беспечно демонстрируя мне спину, прикрытую лишь шелковой рубашкой. Ровную, прямую, как доска, с едва выступающими лопатками, которые не шевелились при ходьбе. Как будто Дрейк ожидал от меня удара и готовился в любой момент его отразить или успеть напасть первым.

«Лесс, ты не волнуйся. Если что пойдет не так, то у меня найдутся средства, чтобы тебя защитить».

— Даже от тысячелетнего вампира? — Я хмыкнула.

«Даже от него», — серьезно ответил Фэй.

Поверю на слово, но проверять не стану.

— Тогда леди не откажется пройти за мной? — Вампир остановился у развилки коридора и обернулся. Направо были жилые каюты, где разместились мы с Джерайном, налево — более узкий и темный коридор с черным ковром на полу и стенами, обшитыми темными досками из вишневого дерева. — И я очень надеюсь на то, что ты все-таки сумеешь пересилить себя и хоть немного расслабиться. Свою компанию и отменное вино — гарантирую.

— Попробовать, по крайней мере, можно. Но если будешь занудствовать — уйду спать. Мне Фэй хватает под завязку, — хмыкнула я, с интересом заглядывая в темный коридор, освещенный лишь редкими светильниками, запаянными в красные стеклянные колпаки. — Ладно, веди уж. Только не в винный трюм, столько я не выпью, даже если очень постараюсь.

— Винного трюма тут нет. Но идея хорошая. — Дрейк улыбнулся, сворачивая налево. — Сюда.

Каюта, в которую привел меня вампир, была немногим больше моей и отличалась минимальной обстановкой. Кроме сервированного стола, трех стульев, аскетичной кровати и пары бочонков вина, никакой мебели в ней больше не было. На полу лежала еще пара перин, да и стены были обиты чем-то мягким. На мой немой вопрос Дрейк ответил:

— Так напиваться удобней.

— А-а-а... А то я ненароком подумала, что это специально оборудованная палата, извиняюсь, каюта для буйнопомешанных, — фыркнула я, неспешно проходя в комнатку и придиричиво рассматривая матрасы, лежавшие на полу. Чистые, на светлом льняном чехле ни единого пятнышка. Маленькие разноцветные валики, набитые конским волосом, аккуратно разложены в кажущемся беспорядке. Рукотворный, тщательно выверенный хаос, призванный создать ощущение некой неубранности и безалаберности, хотя мне казалось, будто бы положение каждого предмета относительно друг друга выверено едва ли не по линейке. — Спешу тебя разочаровать, буйной я никогда не бываю. По крайней мере, никто еще не сумел меня напоить до состояния, когда я начинаю громить все вокруг. А пытались многие.

Фэй, будешь нейтрализовывать алкоголь. Как минимум вполовину от имеющегося. Это приказ.

«Но разве ты не хотела расслабиться?» — хихикнул тот.

Приказ обсуждению не подлежит.

«Принято. Сделаю. Но если не секрет — зачем?»

Я все-таки не настолько доверяю тысячелетнему вампиру, чтобы находиться рядом с ним в расслабленном и небоеспособном состоянии.

— Может быть, плохо пытались? — ухмыльнулся Дрейк, проходя следом за мной в комнату и аккуратно прикрывая за собой дверь. Щелчка замка я не услышала, дверь приникла к косяку совершенно бесшумно. — Но если ты уверена, что ничего громить не будешь, можно и чуточку поменять обстановку. — Демонстративный щелчок пальцами, и белая обивка стен уехала вниз, открывая полки, забитые книгами. — Думаю, так будет

лучше.

— Насколько я знаю, пытались изо всех сил. — Я аккуратно сняла с плеч камзол Дрейка и, пристроив его на спинку стула, подошла к книжной полке, читая названия на корешках. Н-да, тематика самая разная. Начиная от книг по военной стратегии и тактике и заканчивая знаменитым трактатом о любви «Жасминовая ветвь».

«Действительно, литература на любой вкус, — хихикнул Фэй. — Что предпочтешь?»

«Жасминовую ветвь» точно пересматривать не буду, там такие позы представлены, что в них может только д'эссайн извернуться. Даже у меня не все получатся.

«А ты пробовала?»

Доводилось изучать на досуге... с одним эльфом. Занимательно, но нереально. Узнать бы, кто написал...

«И поблагодарить за труд в назидание потомкам?»

Не-а, выяснить, как оно все же должно получаться. Вообще-то в процессе прочтения у меня возникала нехорошая мысль, что «Жасминовая ветвь» — это руководство к тому, как не размножаться.

— Разносторонние у тебя интересы. — Я кивнула на книжные полки. — Только ты сразу скажи, мы тут избу-читальню устраиваем или же упрощенный вариант кабака? А то я в общем-то для повышения настроения могу во-о-он тот сборник анекдотов тихонечко на матрасике в уголке почитать, — улыбнулась я, указывая на золотистый корешок «Жасминовой ветви».

— О! Думаю, что этот сборник анекдотов — не для сегодняшних посиделок, тем более что он предусматривает коллективное прочтение. У нас, конечно, упрощенный вариант кабака. Но если леди так желает... — В глазах вампира проскользнули нехорошие искорки. Я усмехнулась.

— Дрейк, когда я в последний раз читала «Ветвь» вслух, то ни мой любовник, ни я сама уже были не способны ни на что, поскольку нас только от мысли о возможном соитии разбирал смех. Зато в ту ночь мне снились удивительно хорошие и веселые сны.

— Да-а? — Дрейк взял в руку бутылку вина, придирчиво осмотрел, вонзил в пробку коготь и выдернул ее одним профессиональным движением, свидетельствующим о большом опыте. — А вы точно адаптированное издание читали? Дело в том, что «Ветвей» не одна и не две. — Он разлил вино по пузатым металлическим бокалам. — Есть несколько десятков версий, соответствующих совокуплениям как внутрирасовым, так и между представителями различных рас. Очень познавательное чтение, между прочим. — Он протянул мне кубок необычной формы, имеющий с одной стороны нечто вроде вмятины. — С тебя тост, госпожа.

— Тебя послушать, так ты прочитал их все. — Я приняла бокал, задумчиво разглядывая вино, похожее на разбавленную водой кровь. — Мы читали адаптированную под эльфов, но, видимо, у сидхе чувство юмора какое-то извращенное. Скажем, я не могла серьезно относиться к совету женщине относительно любовной ссоры. Там было написано, что в разгар ее эльфийская леди должна не только плакать, стенать и очень осторожно бить себя в грудь, но и не менее деликатно побивать своего партнера по всем доступным местам, кроме, конечно, интимных. О чем там было дальше, я уже не помню, кажется, о том, как правильно убегать от партнера во время ссоры, чтобы эта беготня закончилась соитием. Бред какой-то, если честно.

— О! — Вампир заметно оживился. — А у тебя не сохранилась эта библиографическая редкость? Издатель конечно же по ошибке, но по секрету скажу — по пьяни, перепутал местами обложки на эльфийском и орочьем вариантах. Ну и там с версткой и иллюстрациями тоже не очень сложилось. Голову... и ее младшую товарку ему не оторвали только чудом. — Дрейк поднял бровь, разглядывая меня поверх серебристого бокала. — Отменное вино, не волнуйся.

— Кажется, эта книжонка у меня на дне рюкзака валяется, всё руки не доходили перебрать свои вещи, и поскольку я точно помню, что ее не выкладывала, то она где-то там

есть. — Я улыбнулась в ответ, поднимая пузатый, похожий на шарик со срезанной верхушкой бокал, на дне которого плескалась рубиновая жидкость с легким цветочным ароматом. — Предлагаю тост. За то, чтобы у нас была возможность выпить на этом свете после той масштабной авантюры, что мы затеяли.

— Поддерживаю. — Вампир легонько стукнул краешком своего «шарика» о мой. — До дна?

— Как получится, — пожала плечами я, делая пробный глоток. Крепкое вино, но приятное. От такого очень быстро начинает заплетаться язык и затуманивается разум.

Фэ-э-эй!

«Работаю я, работаю. Помню, что мозги у тебя должны быть трезвые. Как минимум наполовину».

Я вздохнула и недолго думая под села к столу, закинув ногу на ногу и чуть ослабив перевязь квели, чтобы не так сильно перетягивала грудь.

— Ладно. — Вампир задумчиво отхлебнул вина и сел напротив меня, ослабив воротник рубашки. — Отменно смотришься, Лесс. Почти бесподобно. А твой экземпляр трактата... Готов на него взглянуть. Если то, что я думаю, оно должно стоить баснословных денег.

— Ну, как говорится, за погляд денег не берут. Могу дать почитать, мне не жалко. — Я отщипнула виноградинку от кисти, лежащей на серебряном блюде, задумчиво прожевала, все еще разглядывая книжные полки. Н-да, идея залечь тут с книжкой в одной руке и с бокалом в другой становилась все более заманчивой.

— Могу выступить посредником в продаже — за пятнадцать процентов при общей цене до пяти тысяч и за двадцать — более пяти. — Капитан чаролета улыбнулся. — Чем ты так заинтересовалась на этот раз?

— Дрейк, ты что, я ж такой сборник анекдотов ни за какие деньги не отдам! Что я по ночам читать буду во время бессонницы?! — Я отправила в рот еще одну виноградину, задумчиво рассматривая книжные шкафы. — Просто у тебя там еще полка с описаниями различных рас стоит. О д'эссайнах вроде бы тоже вижу. Интересно было бы полистать и сравнить с теми текстами, которые я еще в Столице читала.

— В качестве сборника анекдотов могу тебе предложить тот же трактат, написанный для пар гном — эттин во всех половых соотношениях. — Дрейк сделал еще глоток. — А что касается книг, можешь забирать, какие тебе захочется. Я еще раз приношу свои извинения за недомолвки, ранее портившие наши отношения.

— Нет уж, спасибо, половыми извращениями не увлекаюсь. Не в моем вкусе.

Я отставила бокал и принялась барабанить пальцами по столешнице. Негромко тикали часы где-то в углу комнаты, хоть как-то разбавляя тишину, одеялом обернувшую комнату. Мертвую тишину, я бы сказала.

«С учетом того, кто твой собутыльник — не удивляюсь».

Иногда я счастлива, что у меня есть ты. Не даешь увянуть со скуки.

— У тебя тут уснуть можно, право слово...

— Ты предпочла бы музыку? Могу устроить. Только уточни — какую. — Дрейк подлил вина в бокалы. — Здесь можно делать что угодно, никого не тревожа.

— Ты хочешь сказать, что бы тут ни происходило, нас никто не услышит? — Вот так: одна вскользь брошенная фраза — и внутренней расслабленности как не бывало. Нервирует меня такое положение дел, ой как нервирует. Конечно, в случае чего Фэй без помощи не оставит, но сидеть с тысячелетним вампиром в замкнутом помещении, заранее зная, что твои крики «никого не потревожат» — это, простите, выше моих сил. Да еще и с недосыпа. — Я тебя правильно поняла?

— Нет, неправильно. Единственное, что я имел в виду, — так это то, что происходящее в этой комнате, до определенного момента, не потревожит гипотетических соседей, ибо их просто нет. Если же будет происходить что-нибудь действительно шумное и опасное — нас, естественно, услышат.

— Ты мне прям камень с души снял, — вздохнула я, вставая и беря с полки книгу, на

черном переплете которой алыми буквами было написано название «В поисках новой жертвы. Жизнеописание д'эссайнов». Обнадеживает с первых же строчек.

Вот так, держа тяжелый том под мышкой, я поудобнее устроилась на одной из лежанок и, поставив ополовиненный бокал с вином на пол рядом с собой, растянулась на животе и принялась листать книгу. Язык старый, но общепризнанный, если не обращать внимания на постоянно встречающиеся устаревшие обороты и слова — почти удобочитаемо. Главное, что интересно.

Первая же строчка меня убила наповал: «Помни, читающий эту книгу, кем бы ты ни был, ты — всего лишь пища для тех, кого называют д'эссайнами. Возблаговари своего бога или богов за то, что сегодня ты не являешься жертвой их охоты...» Оптимистично, нет слов. Интересно, дальше все будет в том же духе?

— Алессьер, ты решила ужасики на ночь глядя почитать вместо того, чтобы напиваться? Станный выбор. Может, предпочтешь что-нибудь еще?

— Дрейк, попытка напиться в твоём обществе приведет к тому, что я засну от скуки гораздо раньше, чем опьянею. Либо на тебе сказывается усталость, либо ты действительно не такой уж приятный собеседник, как утверждают слухи, — фыркнула я, перелистывая страницу и машинально отпивая из бокала. На трезвую голову читать жизнеописание д'эссайнов было невозможно — автор очень старался убедить читателя в том, что он далеко не высшее звено в пищевой цепочке, и от того местами пренебрежение переходило границы приличий. — Слушай, можно просьбу? Ты мне тарелку с фруктами сюда не спустишь? А то вставать неохота, а без закуски грустно. — Вампир передал мне не только фрукты, но и бутылку вина в нагрузку, после чего устроился рядом, еще раз щелкнув пальцами. Откуда-то с потолка полилась тихая приятная музыка, призванная настраивать на благожелательный лад, но на деле навевающая легкую сонливость.

— Леди, я готов развлекать вас историями как из своей жизни, так и из жизни Джера практически на любую тему — все-таки долголетие способствует. Другое дело, что, разговаривая с вами, я натыкаюсь на некоторый барьер, выстроенный как из вашей холодности, так и из моего нежелания усугубить обиду. Конечно, он может быть преодолен при помощи алкоголя, но выпили мы до сих пор ничтожно мало. — Он поднял железный «шарик» на тоненькой, явно неустойчивой ножке. — Твое здоровье, госпожа, — и осушил его до дна.

— Не надо было лезть с таким... — я замялась, подбирая слово, с одной стороны, цензурное, с другой — отражающее мое отношение, — неожиданно неприятным поцелуем без разрешения, и никаких проблем не было бы. Это раз. А во-вторых, подливаешь ты нечасто, вот и напиться не получается. Приходится искать развлечения в книгах. Впрочем, если ты сможешь рассказать занимательную историю о себе, то с удовольствием послушаю.

Дрейк почти сразу же потянулся за бутылкой, наполняя мой бокал доверху. Так, что витая хрустальная ножка и в самом деле не выдержала, «шарик» опасно качнулся над выбеленной простыней, но вампир успел перехватить и утвердить бокал на полу раньше, чем бордовые капли запятнали и жестковатую перину, и страницы старой книги о д'эссайнах.

— Прошу прощения, миледи, я исправлюсь. Возобновление предыдущего опыта порой ведет к нелепым ошибкам. Все-таки в последнее время мне было... несколько не до женщин. — Он подлил вина и себе и, сделав глоток, продолжил: — Лесс, ты только скажи, какие истории тебя сейчас интересуют? Истории о победах, поражениях, дворцовых интригах или о том, как я ставил рога чужим женам и мужьям?

— А вот про рога чужим женам поподробнее! — воодушевленно протянула я, отвлекаясь от книги и переворачиваясь на бок, с интересом глядя в лицо вампира.

«Да-да, и мне любопытно! — гнусно захихикал Фэй у меня в голове. — Кто бы мог подумать, что твоя шуточка относительно ориентации этого почти реликта окажется вполне реальной?»

Дрейк чуть оценивающе скользнул взглядом по моей фигуре, губы изогнулись в улыбке, едва-едва приоткрывающей кончики острых клыков.

— Как сказал однажды Джер, правда в другом контексте и по другому поводу — «мальчик, девочка... какая на хрен разница?». И в ряде обстоятельств, как показала практика, разницы действительно никакой. Разве что мужчины постфактум горюют гораздо сильнее. Хотя, конечно, кто как. Рога женам я ставил гораздо реже, чем мужьям, но иногда приходилось... когда жены особенно приедались. В длинной жизни свои минусы — надоесть со временем может что угодно и кто угодно. — Он прищурился так, что нельзя было точно определить, куда именно он смотрит, но догадаться в общем-то было несложно.

— Н-да, могу только тебе посочувствовать, — вздохнула я, с подчеркнутым сожалением похлопывая вампира по плечу. — Все же лично мне проще уступить мужчину другой женщине, нежели другому мужчине, — самооценка страдает меньше. Но, честно говоря, не ожидала от тебя такой откровенности. И извиняюсь за ту шуточку при первой нашей встрече, не думала, что угадаю...

— Надеюсь, теперь и мои извинения будут приняты? — подмигнул мне Дрейк, ловя мою ладонь и поглаживая ее пальцами. Или это должна была быть ласка? Ладонь у Дрейка была сухой, прохладной и какой-то неживой. Я торопливо убрала руку, борясь с навязчивым желанием обтереть ее о простыню. — Тем более если ты рассуждала о слухах, они ведь тоже должны были ходить. Тихо, конечно. Не переубиваешь же всех шутников на дуэлях. Хотя отсутствие безуспешных попыток само по себе достаточно. Конечно, мужчина — плохая замена женщине, но иногда это лучший способ показать, кто и где главный.

— Спасибо, что напомнил, что секс для тебя — это очень хороший способ утвердить свое главенство, а то я начала этот факт уже подзабывать, — улыбнулась я, подхватывая свой бокал с пола и ополовинивая его одним махом. В желудке приятно потеплело, а голова будто стала чуточку легче. Да и вампир рядом уже не так раздражал и нервировал. — Сердиться на тебя уже даже и не хочется, если честно. Так что извинения приняты, все в порядке. Мир, дружба... и вино. Наливай.

— Прошу. — Он вновь наполнил мой «шарик», на этот раз гораздо аккуратнее. — Но ты мои слова несколько неправильно поняла. Секс — это не инструмент давления, а способ подарить и получить море наслаждения, расслабиться, скинуть нервное напряжение. То, что его можно использовать как инструмент для достижения той или иной цели, остается лишь на совести и морали достигающего. — Его пальцы снова скользнули к моему запястью, и на этот раз они оказались по-человечески теплыми. — Тем более что, увы, в некоторых дворцовых интригах он становится необходимым. Леди, простите, предпочту лишний раз не ругаться, но вы поняли, да?

— Ага, поняла. Ты только определись, я для тебя на «ты» или на «вы», а то ты скачешь с одного обращения на другое, а это несколько... нервнует. С другой стороны, мне в общем-то все равно. У меня уже возникло стойкое ощущение, что я могу тебе быть кем угодно — соратником, собутыльником или же просто язвой в общении, но не любовницей. Так что не стоит оправдываться относительно твоих предпочтений и пристрастий, это твое личное дело.

«О да, ты удивительно прямолинейна. Обломала все надежды высокопоставленного вампира. Не стыдно, а?» — чуточку злорадно пробурчал Фэй. Я еле заметно улыбнулась.

Ничуть. По мне так лучше сразу объяснить прямым текстом, что здесь ему ничего не светит.

«Не хочу тебя разочаровывать, но, по-моему, на таких мужчин, как Дрейк, которые привыкли получать все желаемое независимо от того, сколько времени, сил и средств на это уйдет, слово „нет“ действует как некий неприличный символ, продемонстрированный троллю».

— Лесс, с одной стороны, я тебя уважаю. Очень. С другой стороны, на «ты» мы уже перешли, тем более что я старше. Поэтому мне сложно остановиться на одном обращении. Что же касается второй половины твоего воззвания... У меня появляется нескромный вопрос — почему?

— Ответ простой до неприличия: а не хочется. — Я подняла свой бокал, легонечко

ударяя им о бокал Дрейка. — Я тебя тоже уважаю. Поэтому предлагаю выпить за уважение, желательно до дна.

Вампир тост поддержал, махом выпил бокал, после чего задал еще один вопрос, который только подтвердил догадку Фэя насчет отказа и неприличного символа.

— То есть если захочется, то моя кандидатура подойдет? Запомним. — Он чуть иронично улыбнулся.

— Дрейк, только не обижайся, но ты в общем-то труп. Аж тысячеклетней давности. А поскольку некрофилией я не страдаю ни в каком виде, то можешь считать это личным предубеждением. Быть любовницей трупа мне не захочется. В этом Джерайн предпочтительней тебя. У меня нет подобных предрассудков даже относительно д'эссайна, а уж в том, что он живой, теплый и не зависит от соляных циклов, даже сомнений не возникает. — На этот раз разливать пришлось мне, поскольку Дрейку так пришлось в изумлении ловить свою челюсть, которая упорно не хотела закрываться, демонстрируя отменного качества зубы.

«Демонстрация человечности налицо, — хмыкнул браслет. — Вампиры с момента обращения учатся скрывать свои эмоции, потому что так принято, а еще потому, что с каменным лицом среди вампиров живется легче. Потому с возрастом демонстрировать эмоции все труднее, приходится делать усилие, почти так же, как раньше, когда требовалось все время носить маску вместо лица».

То есть Дрейк хочет показать свое доверие?

«Не совсем. Скорее, хочет тебя в чем-то убедить, а с живым лицом это сделать куда как легче, чем с нейтральной, не меняющейся маской».

— Лесс, я одного не понимаю: если я теплый, дышу, разговариваю, могу пить, отправлять естественные потребности организма и размножаться, то каким местом я труп?! — После некоторого замешательства вампира все-таки прорвало на это почти горестное воззвание. Я пожала плечами — не все коту масленица.

«Я же говорил, — усмехнулся Фэй, — когда он реагирует эмоционально, он вызывает больший интерес к своим словам, они кажутся более искренними и правдивыми».

То есть это все — игра на публику?

«Не знаю. И никто, кроме Дрейка, не знает. Даже, как мне кажется, мой создатель».

— Теплый ты только потому, что напился кровью. Сердце у тебя бьется из-за того, что ты приказал ему биться. Если оно вдруг остановится, тебе это не принесет каких-то особо значимых неудобств. Дышишь ты только потому, что иначе не получится разговаривать. Днем ты не просто спишь — ты умираешь, и где бродит то, что называется душой, — никому не известно. Тебе, полагаю, в том числе. Ты умер тысячу лет назад, Дрейк. Я видела новообращенных вампиров. Это ходячие мертвецы, особенно до того, как успеют напиться кровью. Когда-то и ты был таким же, как они. Трупом. И каким бы живым ты ни выглядел сейчас, трупом ты и останешься. — Я развела руками, едва не расплескав вино из бокала на лежанку. — Возможно, я не слишком хорошо знаю физиологию, но то, что ты не живой, — факт, не подлежащий сомнению.

— С точки зрения медицины, я вполне живой. Просто мой организм работает по другим принципам, чем твой или, к примеру, Джеров. И я не понимаю, что позволяет тебе именовать меня трупом, кроме одного печального инцидента тысячеклетней давности. Тем более что я во многом превосхожу тех, кого ты считаешь «живыми».

— Вот только не надо говорить о превосходстве вампиров, ладно? И вообще, давай спишем мою точку зрения на личные предрассудки — можем это назвать и так — и закроем тему, ладно? — Я улыбнулась и отхлебнула из бокала. — Да ты пей, что толку изображать из себя изваяние?

— Я-то пью, только создается у меня ощущение, что ты недоливаешь. — Дрейк отпил из своего бокала, отнял у меня бутылку и наполнил «шарики» до краев, после чего посмотрел ее на свет и отставил в сторону. Стук в дверь совпал по времени с тем, как Дрейк встал за добавкой.

— Кого там еще крайн принес?

Дверь открылась, и внутрь вошел Джерайн, обозревший обстановку и нарочито небрежно толкнул створку так, что на этот раз дверь не просто прилипла к косяку, а захлопнулась с довольно громким стуком.

— Мне сказали, что вы оба тут. И чем вы занимаетесь после ваших затворничеств?

— Напиваемся, — мило улыбнулся Дрейк. — Присоединишься?

— Ладно. — Д'эссайн плюхнулся рядом со мной, принимая пузатый бокал из рук Дрейка. — Лесс, твоё здоровье.

— Что ж вы так стремитесь оба за моё здоровье-то выпить? Как говорится, умирать молодым глупо, а здоровым обидно. Кстати, Джерайн, тут к тебе назрел вопрос как к ученому. Вампиры — они живые или таки нежить? А то мы по этому поводу никак с Дрейком к одному выводу прийти не можем.

Я передвинулась так, чтобы лежащий на боку д'эссайн послужил мне в качестве подушки. Н-да, находиться на перине стало на порядок приятнее.

— Это как посмотреть, Лесс. Строго говоря... Хотя нет, тут строго говорить сложно. Просто до сих пор не было дано никакого строгого определения, по которому живой отличается от мертвого. Тебе пример: Фэй — живой?

— Нет, он разумный. А это немного другое. И вообще, это я к чему спросила. Я тут Дрейку уже минут десять объясняю, что спать с ним не буду потому, что он труп, а некрофилией я не увлекаюсь, а он утверждает, что вампиры живее всех живых. — Я прикрыла глаза, делая вид, что пьяная я ровно настолько, чтобы говорить все, что думаю, невзирая на приличия и этикет. — Так что скажешь? Если долго не распространяться на тему определений и научных подходов?

— Я скажу, что если он поднимет эту тему по факту моего нахождения рядом, то он все-таки труп, что бы ни говорил, и чего бы мне это ни стоило. Теперь можем перейти и к другой теме. — В ответ на реплику Джера vampир улыбнулся уже чуть снисходительно. — Дрейк, подливай.

— Сделано. — Капитан чаролета задумчиво посмотрел на бочонок. — Как думаете, а его мы выпьем?

Количество задумчиво-оценивающих взглядов увеличилось на два. Первой высказалась я:

— Выпить-то мы его выпьем, только что после этого с нами будет?

— Норма, — отметил Джер. — Только до туалета бежать... Или тут и удобства поблизости предусмотрены? — Вампир кивнул. — Тогда норма. Лесс, считай, что эта та же спотыкаловка, только разбавленная.

— Спать я свалюсь гор-р-раздо раньше, чем этот бочонок кончится, я почти двое суток не спала. Так что допивать его вы будете без меня. Я согласна даже полежать на кровати прямо здесь, но только если вы не будете орать песни у меня над ухом.

— Не будем, не будем. Лесс, ты только того... Вроде как не стесняйся, отрывайся и вообще отдыхай. После суток работы — полезно.

— Джер, я ей об этом битых полчаса говорил. С трудом поддалась на уговоры. Смочила губы — и уползла читать книжки!

— Не сутки, а двое, — вздохнула я, залпом допивая бокал и с резким металлическим звоном ставя его на пол. К счастью, посуда у Дрейка тут вся была небьющаяся. По крайней мере, расквасить бокал из нержавеющей стальной сплава — это постараться надо. А еще — то ли Фэй опять халаявил, то ли вино у Дрейка было каким-то особенным, но во всем теле начала проявляться некая подозрительная легкость, да и танцевать что-то захотелось.

«Открою тебе тайну: выпить полбутылки крепленого вина на почти голодный желудок... Тут даже я не в силах помочь ввиду сложности поставленной задачи. К тому же заметь, голова у тебя соображает ясно», — занудно проскрипел браслет, обиженно умолкая. Искренне надеюсь, что надолго.

— Дрейк, — окликнула я вампира, как раз собирающегося подлить мне вина в

опустевший бокал. — А у тебя здесь всегда музыка такая заунывная, или есть репертуар повеселее? Ты меня расслабить или усыпить хочешь?

— А ты разве не расслабиться хотела? — Дрейк чуть склонил голову и прищурился. — Есть и что-нибудь побыстрее, и что-нибудь повеселее... — Он зевнул и потянулся. — Все для счастья и удовольствия леди. Только скажи, тебе чего хочется?

— Мне? — Я улыбнулась и легонько потерлась щекой о плечо д'эссайна, обтянутое белой хлопковой тканью рубашки. — Всего лишь станцевать еще раз со своим потенциальным мужем. — Последнее слово я выделила голосом, чуть прикрывая глаза и легонько щечка кончиками пальцев «обратную ладонь» Джерайна.

— О, тогда действительно стоит что-нибудь побыстрее... И как можно более огненное, дорогая. — Д'эссайн обнял меня под грудью, одновременно с тем сжимая мою ладонь в своей. — Мне нравится танцевать с тобой. Очень...

— Подозреваю, что тебе нравится со мной не только... танцевать, — улыбнулась я, выжидающе глядя на вампира. Стоит все же показать Дрейку, что мы с Джером... да, можно сказать, что пара, и третий лишний совсем не будет желанным запасным. — Так что? Дрейк, в твоей музыкальной коллекции есть симфония тени и пламени? Или нам следует удалиться на приватный танец?

— Есть. — Вампир демонстративно щелкнул пальцами, и под первые звуки музыки Джерайн скользнул вверх с постели, попутно поднимая меня, ставя на ноги и вместе с тем лаская незаметными движениями, от которых я пробовала увернуться, впрочем, не слишком успешно. Как сказал бы Фэй, мое тело лучше меня знает, что ему требуется.

Танцевать с Джером — это все равно что плясать с тенью. Кажется, что он отстает на полтакта, на полдвижения — и вместе с тем остается моим продолжением, которое не может ни сфальшивить, ни сбиться. Я выхватила клинки раньше, чем д'эссайн успел среагировать, инстинктивно отшатнуться, и на его чудесной белоснежной рубашке появилось два косых разреза, весьма пикантно приоткрывающих грудь. По-моему, задумку Джер уловил и, судя по широкой ухмылке, оценил и принял как должное. Потому что теперь он кружился вокруг меня безоружный, стараясь уклониться от сверкающих клинков, серебристыми сполохами разрезающих воздух и рубашку, которая меньше чем через минуту стала напоминать ворох невесты как скрепленных между собой лоскутков. Момент, когда остатки рубашки все же бесшумно соскользнули с плеч Джерайна на пол, весьма удачно совпал с последним аккордом музыки.

Я остановилась, почти не запыхавшись, и с удовлетворением разглядывала свою работу. Всего один-единственный крошечный порез оставил мой клинок — точно над сердцем, и сейчас уже не понять, специально это было сделано или же все-таки случайно. Д'эссайн изящно поклонился, кончиками пальцев стирая капельки крови с уже затянувшегося пореза, и взглянул на меня сквозь растрепавшиеся темно-красные волосы. Взгляд хищника, узревшего добычу и уже разгоряченного краткой погоней и первой пролитой кровью. Пугающий и одновременно притягательный взгляд, который красноречивей любых слов.

— С меня запасная рубашка, — выдохнула я, опуская оружие.

— Запасных рубашек тут и так завались, — шумно выдохнул вампир. Кажется, он таки пропустил несколько последних вдохов. — Вы так красиво танцевали, что мне захотелось присоединиться. Вы не будете против? — Он занес руку, будто для щелчка, а взгляд его восхищенно метался между мной и Джером, будто не зная, на ком приятнее остановиться.

— Я так поняла, что тебе способ раздевания, принятый у сидхийских Танцующих, понравился? Ты бы видел, как мой учитель с помощью клинка срезал со своей наложницы одежду, состоящую из серебряных цепочек. Вот это — действительно красиво. Я не уверена, что сумела бы повторить подобное, даже будучи совершенно трезвой, а на пьяную голову даже и пытаться не стоит, — усмехнулась я, прокручивая квели в ладонях.

«Что-то мне подсказывает, что к сидхийским девушкам-Танцующим Дрейк будет искать мирный подход. Вампиры уважают эстетическую сторону подобного мастерства», —

хмыкнул Фэй, забыв про свои обиды. Жаль, теперь станет вступать с комментариями к месту, да и не к месту тоже.

— О да. Изумительное искусство, — протянул вампир, плавно поднимаясь с матраса и окончательно сосредотачивая свое внимание на мне. — Жаль, что подобные демонстрации обычно приватны.

— Не представляешь насколько. За стенами Столицы такое вряд ли удастся увидеть, а уж поучаствовать — тем более. Я так понимаю, эту чудесную шелковую рубашку тебе совершенно не жаль?

— Знала бы ты, сколько сотен подобных рубашек пылится в моих многочисленных гардеробах! Нисколько не жалко. — Вампир шагнул вперед, одновременно взмахом руки заставляя звучать музыку под потолком, только на этот раз не такую резкую и отрывистую. Если для нас с Джерайном звучала песня огня и теней из чередующихся быстрых и медленных тактов, то для своего танца капитан чаролета выбрал переливчатую плавную мелодию, в которой шелест бегущей воды перемежался со звоном падающих на камень льдинок.

Дрейк двигался так, словно состоял из текучей ртути: легко уклонялся от моих клинков, не столько танцуя, сколько примеряясь к моим движениям. Вот уж действительно редкая возможность узнать, на что я способна с клинками в руках, не рискуя при этом ни жизнью, ни взаимоотношениями. Развлечение ради дополнительных сведений.

Мне удалось достать вампира только дважды. В первый раз клинок почти срезал левый рукав чуть выше локтя, во второй рассек рубашку поперек груди так, что стал виден бледный подтянутый живот.

— Красиво. — Вампир продолжал двигаться все так же медленно, то ускоряясь, то замедляясь, но все равно недостаточно, чтобы я смогла его зацепить. — Даже очень. Изумительная пластика движений. Да, думаю, зрелище с раздеваемой женщиной должно смотреться вообще потрясающе.

— В чем вопрос — смотри, запоминай. Потом найди женщину с достаточно крепкими нервами и доверием к твоему мастерству — и вперед. — Я скользнула к Дрейку, почти дотянувшись до него кончиком кvälи, но тот вновь увернулся, проворачиваясь на носках и пропуская меня пробежаться почти до стола, уставленного вином и закусками. Подозреваю, что он успел уловить только дуновение воздуха и шелест лезвия рядом с ухом.

Я остановилась и, опустив оружие, спокойно подошла к вампиру.

— Расправь плечи, — посоветовала я.

Дрейк послушался.

Разрезанная на три части шелковая рубашка еще соскальзывала по рукам вампира на пол, когда кvälи вернулись на привычное место у меня за спиной, а я уселась на покинутую лежанку, допивая вино из бокала и чуть улыбаясь. Джерайн устроился позади, прижимая меня к обнаженному торсу, в то время как капитан чаролета что-то усердно обдумывал, пощипывая кончиками пальцев нижнюю губу. Внезапно Дрейк рассмеялся и, подойдя к столику, наполнил металлический «шарик» почти до краев и осушил его одним махом.

— Красиво. Право слово, даже оригинально. Нужно будет взять на вооружение. — Он широко улыбнулся, демонстрируя вырастающие и вытягивающиеся, будто у ядовитой змеи, клыки. Я пожала плечами, сжегивая зевоту в кулак и с трудом удерживаясь, чтобы не потереть слипающиеся глаза. Спать хотелось просто нещадно, и демонстрация оригинальных способностей вампира уже не впечатляла.

— Да пожалуйста, мне не жалко. Это так, с одной стороны развлечение, с другой — позволяет поддерживать себя в форме, особенно когда со всех сторон наваливается мирная и сытая жизнь.

— До мирной и сытой жизни нужно еще дожить. — Дрейк пожал плечами, а руки Джерайна вдруг показались очень горячими. — И сделать это будет нелегко — отточить такое потрясающее искусство...

— Господа, не знаю насчет вас, но на свой счет я не особо надеюсь, если честно. — Я

сняла перевязь с клинками и положила их на пол рядом с периной так, чтобы можно было дотянуться при необходимости, затем поудобнее улеглась рядом с д'эссайном, воспользовавшись его рукой как подушкой. — Дрейк, я тебя поздравляю, споить ты меня все-таки не споил, но выспаться, похоже, заставишь...

— Конечно, заставлю. Думаю, нам всем отдохнуть не помешает. — Он вытянулся на соседней перине, рассеянно глядя в потолок. — Право слово, мне кажется, что ты слишком мало выпила.

— Тыфу на тебя, Дрейк, лучше бы сам отдохнул, — пробормотала я, закрывая глаза и искренне жалея, что не додумалась захватить с собой плащ — конечно, Джер у меня за спиной согревал, как хорошая печка, но укрытой мне было бы значительно уютнее. — Потом уже может и не получиться... надо же напоследок... перед тем как будет совсем уж не до отдыха...

— Попробую. — Он еле слышно вздохнул. — А времени для отдыха, по крайней мере у вас, достаточно...

Джер же прижал меня к себе, будто пытаюсь отгородить от мира, тихонько прошептал на ухо:

— Расслабься. Все будет хорошо.

— Джер... непременно — будет. — В полусне я нащупала его странную семипалую ладонь и легонько сжала. — У тебя — будет. Чего бы мне это ни стоило, но ты переживешь эту заварушку. Даже если ради этого придется перевернуть вверх дном всю сидхийскую Столицу и перетряхнуть слежавшиеся правила и устои.

Ты будешь жить, потому что за тобой — будущее твоего народа.

Он тихо усмехнулся и сжал мою ладонь:

— А я просто не дам тебе умереть. Что бы ни случилось.

Удивительное дело, но я ему поверила.

ГЛАВА 2

Маленький пушистый зверек обычно обладает внушительными клыками.

Народная мудрость

Джерайн Тень

Если верить моим внутренним часам и остаткам алкоголя в крови, то проснулся я далеко за полдень. Еще не открывая глаз, понял, что же смущало меня во время моего не очень спокойного сна. Лесс каким-то образом умудрилась оказаться позади меня, прижимаясь ко мне так сильно, что, будь я человеком, не обошлось бы без помятых костей. Самым обидным было отнюдь не то, что я не почувствовал, когда мы поменялись местами, а то, что мне очень хотелось самому прижиматься к этой своевольной сидхе, даже сквозь сон демонстрируя ей, насколько велико мое желание быть с ней.

Я успел соскучиться по ее телу и ее запаху, пусть даже мы не виделись всего пару суток, а наслаждался я ею всего два раза. Целых два раза... Так много для двух одиночеств, встретившихся через века после своего появления на свет. Так мало для смертников, дышащих одним воздухом, проводящих время вместе, но не имеющих одиночества на двоих. Я хочу Лесс. Я хочу, чтобы она жила. Я сделаю все, чтобы Эрин не потеряла свою мать. И это мое слово.

Я проснулся окончательно, когда почувствовал, что вампир находится примерно в том же положении, в котором засыпал я, удерживая лишь минимальную дистанцию, которую можно было бы назвать приличной. При этом поза его содержала и намек на потенциальное продолжение. Даже забавно, право слово. Интересно, с чего моего нестареющего друга

пробило на такое проявление чувств?

Я очень медленно приподнялся на локте так, чтобы ненароком не разбудить Лесс, и посмотрел назад. Дрейк спал на одном из томов «Жасминовой ветви». Да уж, теперь его состояние мне кажется чуть более ясным. Интересно, что же ему приснилось на такой «подушке»? Или он перепутал свои пределы и вместо того, чтобы напиться и расслабиться — напился и забылся? Не знаю.

Собственно, в этот момент вампир и проснулся. Я почувствовал это по изменению ритма его дыхания: из поверхностного и редкого, почти несуществующего, оно стало более уверенным, участилось. Затем вампир открыл глаза, видимо, отвечая для себя на вопрос: «Где я?» Потом, как и я, приподнялся на локте, встретился со мной глазами на мгновение и с неприкрытым удивлением уставился на Лесс.

Во сне сидхе выглядела совершенно беззащитной и милой. Расслабленной. Под нашими взглядами она чуть шевельнула кончиком носа, будто бы принохиваясь, сильнее обхватила меня, но спала все так же крепко, чувствуя себя в совершенной безопасности. Дрейк смотрел на Лесс с непонятной мне смесью удивления и восхищения и вдруг мягко поцеловал ее в основание шеи и отстранился раньше, чем я успел как-либо ему помешать.

Сидхе же банально проигнорировала такое вмешательство в свое личное пространство, только заерзала, вжимая голову в плечи и утыкаясь носом мне в бок, совершенно не желая просыпаться. Похоже, что двое суток затворничества она действительно над чем-то упорно работала. Вот только над чем может работать Танцующая в запертой наглухо каюте без каких-либо инструментов? Писать завещание? Надеюсь, что нет.

Быть может, она расскажет мне в тот счастливый момент, когда мы окажемся наедине? Хотя я предпочел бы заниматься чем-нибудь более приятным, чем пустые расспросы. Захочет — расскажет сама. Время медленно течет сквозь пальцы, как песок, и пока оно не утекло все, стоит воспользоваться им в полной мере.

Дрейк сдвинулся еще ненамного, позволяя мне разглядеть обложку той «Ветви», на которой он спал. Хех, можно было догадаться — сидхе плюс «измененные» люди. Кстати, почитать будет интересно, ибо даст шанс узнать, что конкретно хотел освежить в памяти вампир. Дрейк плавным движением сел и удивленно провел кончиками пальцев по щеке Лесс. Я смог повторить это движение, вкладывая в него мое желание, лишь секундой позже — даже у моей гибкости есть свои пределы.

На этот раз сидхе все-таки проснулась. Причем стоило ей сонно потянуться и начать открывать глаза, как мы оба отпрянули. На всякий случай. Потом переглянулись и понимающе улыбнулись. Лесс же сонно моргнула и спросила:

— Господа, я что, правда такая страшная поутру? Чего вы от меня шархаетесь?

— Ты как всегда очаровательна. Это самое обычное опасение, вызванное тем, что будить девушку утром может быть чревато ее расстройством, переходящим в тяжкие телесные повреждения у будившего, — отметил я.

Она медленно села, глядя на меня сквозь шлейф распущенных, спутавшихся после сна волос.

— Джер, я даже спрашивать не буду, что за девушки тебе попадались в жизни, что утром ты стараешься держаться подальше от той, с кем провел ночь. — Лесс зевнула и покосилась сначала на обложку книги, потом на Дрейка. — И что за сны снятся на этом кладезе знаний?

Мы ответили почти одновременно. Но я — раньше, и вампиру пришлось дожидаться окончания моей реплики.

— Почему же? Я всю ночь старался быть поближе, просто предпочел бы делать это с тобой наедине.

— Соответствующие его содержанию. — Дрейк облизнул губы. — Это тоже в некотором роде расслабляет, хоть и сопутствует конкретному напряжению.

Сидхе медленно обвела взглядом небольшой бардак в каюте, потом ожесточенно потерла виски и только после этого ответила:

— Джер, моя каюта находится в гораздо большем порядке, чем эта. Уединения можно найти там, если есть желание. Дрейк, на такой случай я бы все же посоветовала тебе завести женщину на корабле, чтобы не страдать от подобного... напряжения.

— У Фэя есть средства от похмелья, — участливо отметил я. — С учетом того, насколько успешно ты уединялась в своей каюте, моя компания не только не будет лишней, но и позволит тебе найти его с большей пользой. — Я пододвинулся к Лесс и приобнял ее за плечи, проводя по ключицам кончиками ногтей.

— О, даже от подобного напряжения можно получать удовольствие при должной сноровке, — отрезал Дрейк. — А заводить шлюх на военном корабле с вампирами, — он продемонстрировал клыки, — глупо. И опасно. Для шлюх — в первую очередь.

— Я всегда знала, что ты немного мазохист, — вздохнула Лесс, опираясь на мое плечо и глядя на вампира сквозь занавес темных волос. — Я не имела в виду шлюху. Я имела в виду любовницу. Думаю, мало кто на этом корабле рискнет посягнуть на твою личную женщину. Причем она может быть и вампиром... Но, с другой стороны, если ты получаешь удовольствие от длительного воздержания без возможности полноценной разрядки — флаг тебе в руки.

Дрейк чуть дернулся. Совсем чуть-чуть.

— Любовница капитана означает тихое озверение любой команды, не имеющей достаточной разрядки. А способы удовлетворения страстей далеко не у всех одинаковы. — Дрейк пожал плечами. — То же самое удовольствие можно получать совсем другими способами.

Я отпустил Лесс и потянулся к «Ветви».

— Я возьму?

— Посмотреть? Конечно. Главное, не уноси с корабля. Раритетное издание.

— Все-все, я больше не лезу. — Сидхе привстала на коленях и, пошатнувшись, будто бы не удержала равновесия, с размаху оперлась ладонями о плечи вампира; при этом она наклонилась так, что ее длинные волосы накрыли грудь Дрейка подобием плаща. — Ты уж прости за такое нелепое предположение, будто бы ты всерьез можешь позволить себе интрижку на борту, без того чтобы не вызвать острое неудовольствие всей команды. Я плохо о тебе подумала, решив, что ты меня пытаешься соблазнить, а на деле это все оказалось всего лишь флиртом, которого я не поняла. Прости, Дрейк. — Она чарующе улыбнулась, и сложно было понять, говорит она всерьез или же изощренно издевается.

— Лесс, интрижка и возимая с собой любовница — это совершенно разные вещи. — Лица Дрейка мне видно не было, все заслоняли волосы, но, судя по голосу, он действительно не совсем равнодушен к Лесс. Я чуть сжал плечо сидхе, оставляя небольшие царапины.

— Мы пойдем?

Вампир медленно встал, при этом ощущалось, как напряжение между ним и Лесс растет. Еще чуть-чуть, и будут проскакивать искры. Пожароопасность обстановки нарастает с каждой минутой.

— Скорее, я пойду, поскольку, в отличие от вас, у меня еще много дел. Армада уже почти в сборе.

— В таком случае — спасибо за весьма неплохую компанию. — Девушка улыбнулась и, вытащив из-под края перины свои квэли, прижала их к груди как самое ценное в этой комнате. — Как только все утрясется, придется нам с тобой выпить еще раз, но уже более серьезно. Согласен?

Она поднялась следом за вампиром и протянула мне руку.

— Джер, похоже, нам тоже пора. У меня еще сборы не окончены, нужна твоя помощь как артефактора.

— Ловлю тебя на слове. — Дрейк кивнул ей и вышел из комнаты.

— С удовольствием сделаю все, на что буду способен. — Я коснулся щеки Лесс губами, после чего подхватил ее под руку, и мы вышли в коридор.

Комната Лесс больше всего напоминала не комфортабельную каюту чаролета, а логово очумевшего дракона-барахольщика. Вся кровать была завалена таким количеством железа, что неудачно присев на нее, можно было превратиться в ежика. Там были метательные дроты различных форм и видов, амулеты, заколки... Всего сразу и не разглядишь, обладай ты хоть соколиным взором. Стулья были завалены одеждой — видимо, Дрейк все-таки выполнил обещание относительно гардероба и честно выдал все то, что счел подходящим по размеру и достаточно приличным, чтобы подарить сидхийской леди. Было совершенно непонятно, где Лесс спала эти два дня. И спала ли?

— Милый порядок, — отметил я, закрывая за нами дверь с глухим стуком.

— Что-то мне подсказывает, что в твоей лаборатории было не лучше, — несколько сонно улыбнулась девушка, но по ее лицу было видно, что хотя бы на этот раз Фэй себя оправдывал. Видимо, наконец-то решил, что хозяйка с гудящей головой — это не сахар. — Поможешь убратся?

— Конечно, — кивнул я. — В этой комнате без уборки даже дышать тесно, не то что думать или делать чего-нибудь серьезное.

— Можно подумать, рабочее место артефактора смотрится более аккуратно, — вздохнула сидхе, поднося свой походный рюкзак к кровати.

Я мельком заглянул в него — внутри сплошная чернота, будто в глубоком колодце. И в эту черноту Лесс недолго думая спихнула добрую половину железок, кучно и россыпью лежавших на покрывале. Видимо, где-то на них стояла пометка «не нужно, но выбросить жалко», просто я ее не заметил. Дроты, амулеты и стальные «когти» остались на покрывале, уже потерявшем свою первозданную чистоту.

— По крайней мере я способен быстро убрать за собой без использования бездонных мешков, — ответил я, останавливаясь рядом с кроватью. — И после меня остается меньше пыли, знаешь ли.

— Ты разбираешь свои шмотки чаще... и вряд ли жил в дороге, — пожала плечами она, собирая со стульев присланную капитаном чаролета одежду и довольно аккуратно и быстро складывая ее в стопки. — Джер, отложи это в сторону, я Дрейку обещала дать почитать, — усмехнулась Лесс, протягивая мне небольшую зачитанную книжку в светло-коричневом переплете с золотым тиснением. На обложке значилось «Жасминовая ветвь, издание для эльфов».

— Интересно, что ему там может быть неизвестным? — присвистнул я. — Хотя занятное чтение, занятное. — Я помог ей собирать одежду, благо мог делать это не сходя с места. — А вещей у меня всегда было достаточно мало, чтобы их уборка не приносила никаких проблем. Так проще, веришь?

— Верю. А насчет книги — это редкое издание. Если верить Дрейку, то содержание там для орочьей пары. В любом случае очень забавная вещь, — хмыкнула сидхе, продолжая сборы, которые, как ни странно, совместными усилиями завершились минут за двадцать. По крайней мере теперь на кровати можно было сидеть, не беспокоясь о том, что в задницу воткнется что-то острое.

Лесс осмотрела нежно-голубое покрывало, на котором остались пятна пыли и еще чего-то жирного, наверное, оружейной смазки, и, одним рывком сдернув его на пол, совсем не грациозно плюхнулась поверх белоснежного одеяла.

— Присоединишься?

— С удовольствием! — Я проследовал за ней, и как-то так вышло, что я пропустил тот момент, когда успел, едва опустившись на кровать, заключить Лесс в объятия. — Я скучал по тебе.

— Знаю... — Она легонько поцеловала меня в уголок рта и вложила в мою ладонь что-то маленькое и твердое, чуть-чуть царапающее кожу. Оказалось — кольцо с бледно-розовой пирамидкой-камнем, похожим на кристалл памяти. Грубоватой работы, однако все равно изящное, небольшого размера — видимо, было рассчитано на тонкие сидхийские пальцы.

— Это мне?! — Подарок был совершенно неожиданным. Мне уже тысячу лет ничего

не дарили. Кристалл слабо искрил в неярко свете каюты. — Спасибо... — я коснулся ее в поцелуе, но тут же отпрянул, взглянув в ее глаза и попытавшись утонуть в них, — огромное. — Отставить водные процедуры — сдерживать этот поцелуй я не стал.

— Ты подожди целоваться! — Она отодвинулась с заливистым радостным смехом. — Тут главное не форма, а содержание. Это карта сидхийской Столицы, первые четыре уровня. Эффект присутствия и память от меня, план-схема и обобщение данных — от Фэя. Попробуй в него заглянуть.

Я попробовал, и мне понравилось. Я думал, что искусство создания подобных карт уже исчезло полностью. Конечно, участие моего браслета чувствовалось, но при этом мне было ясно, что идея и основное исполнение принадлежало Алессьер. Теперь я понимаю, почему я не видел сидхе эти двое суток — она работала как проклятая, для того чтобы на основании своих воспоминаний создать превосходную трехмерную карту этих четырех уровней, сопровождаемую подробными комментариями... и отрывками воспоминаний Лесс. Можно было даже почувствовать отголоски тех запахов, которые царили там в те времена, когда молодая Танцующая проходила по темным коридорам, услышать звуки и шорохи, которые сопровождали ее в коридорах, почувствовать легкое дуновение сквозняка... С учетом моих планов, этот перстень бесценен!

— Этот перстень бесценен! — выдохнул я. — Лесс, ты чудо — сделать такое... Такое... Такой подарок. Спасибо...

— Разумеется, бесценен, — улыбнулась сидхе, и по глазам ее было видно, что она довольна до маленьких крайнов. — Второй такой карты нет и не было, зато если о ней узнает кто-нибудь, кроме тебя, то с меня снимут голову. Впрочем, с тебя тоже. — Она вновь поцеловала меня, на этот раз в щеку, и вдруг порывисто обняла меня, пряча лицо в моих растрепанных волосах.

— Джер, это на случай... если со мной что-нибудь случится и в Столице ты окажешься предоставлен самому себе. На карте обозначены ловушки и скрытые туннели. Не все, разумеется, только те, о которых я знаю и помню, Фэй это обозначил...

— Я заметил, — выдохнул я, вдыхая запах ее волос. — Но я постараюсь, чтобы с тобой ничего не случилось... — Объятия плавно перетекали в осторожные, изучающие ласки. Легкие, почти скромные прикосновения. Я осторожно перебирал ее иссиня-черные волосы, чувствовал биение ее сердца... Просто, чтобы дать ей почувствовать, что я рядом. Дать понять, что страх, тихо сжимающий ее сердце ледяной когтистой лапой, можно развеять, отодвинуть, а то и вовсе ненадолго отправить в забвение. — Потому что я хочу, чтобы у тебя все было хорошо.

— Джер, ты же знаешь, я достаточно параноик, чтобы предусматривать даже самые худшие варианты. — Она прижалась ко мне теснее, обнимая за шею и заглядывая в глаза. — Но пусть эта вещь останется у тебя еще и на память. Как небольшая частичка меня самой.

— Как феечка — у тебя, — улыбнулся я, наклоняясь к ней и шепча в ее губы. — Я буду помнить.

— Да... Спасибо. Приятно знать, что хоть кто-то меня... не забудет.

Лесс поцеловала меня, сначала осторожно, будто бы нерешительно, а потом с силой, опрокидывая меня на кровать и устраиваясь сверху, расстегивая пуговицы на моей рубашке.

— По-моему, мы что-то упустили за то время, что мы тут находимся, ты так не думаешь?

— Я с тобой полностью согласен. — Я выпутался из рубашки и снова поцеловал ее. — Только, по-моему, мы все еще непозволительно одеты для такого ответственного занятия.

— Раз так... — Сидхе скатилась с меня и вольготно развалилась на кровати, вытягивая в мою сторону ноги, и капризным голосом попросила помочь ей раздеться, а то она, дескать, так устала, так устала... что сама даже сапоги расшнуровать не в состоянии.

— Мм... С удовольствием. — Я скатился с кровати и встал на колени, благо так расшнуровывать ее обувь было удобнее. Сначала левый сапог. Медленно снять, затем чуть помассировать ее ступню одной рукой, пока другая терзает шнурки на втором сапоге. Затем

приходит и его очередь. Первый этап стриптиза завершен?

— А да-а-а-льше? — протянула Лесс голосом изнеженной эльфийской леди, которая не в состоянии ухаживать за собой без помощи десятка слуг. — Джерайн Тень, ты решил остановиться на достигнутом?

— Что ты! Я только начинаю.

Делано неторопливо, глядя ей в глаза, я навис над сидхе и принялся расстегивать пуговички ее рубашки. Одну за другой, медленно растягивая этот процесс, пока сам не сдался и не расстегнул оставшиеся три штуки за секунду. Плавно развел полы рубашки, обнажая ее грудь, прикрытую полоской ткани, и помог Лесс снять верхнюю одежду полностью. Затем я отодвинулся, чтобы распуścić завязки ее брюк и стянуть их вместе с бельем. Я снимал эти остатки одежды нарочито плавно, медленно, наслаждаясь ощущением ее кожи под моими пальцами, не отвлекаясь на то, какие прелести они скрывали... Секунд через тридцать Лесс предстала передо мной во всем своем обнаженном великолепии.

— Джер, ты меня удивляешь. — Она закинула руки за голову, пристально наблюдая за мной. — И заставляешь сомневаться в собственной привлекательности.

— Почему?! — Я тряхнул гривой своих волос и посмотрел на нее сквозь челку. — И чем? Я слишком одет?

— И это тоже. — Она потянулась, легонечко проведя босой ступней по моим штанам, старательно не касаясь моего напряжения. — И вообще мне кажется, что ты не настолько скупал, как говоришь.

— Леди желает убедиться? — Я склонился перед ней, закрывая своими волосами ей весь обзор и раздеваясь за этой ширмой, после чего распрямился, совершенно обнаженный, открыто демонстрируя свое твердокаменное вожеление, салютующее ее красоте.

— Леди желает прочувствовать, — Лесс подалась мне навстречу, почти касаясь губами моих губ, — всё.

— Да будет так, как желает моя госпожа, — ответил я, целуя ее.

И плавно опустился на кровать вместе с ней, позволяя обхватить себя руками, опираясь на руки — и одним сильным движением заполняя. Сливаясь. Становясь единым целым. С общим жаром, общей страстью... огромным количеством напряженной страсти, сосредоточенной в плавных и резких движениях, в судорожных ласках, изгибах тел и громких вздохах. Хочется растянуть этот момент на большую и непрекращающуюся вечность. И ведь знаешь, что это произойдет, когда ее вздохи перейдут в стоны, такие, что обрадуешься звукоизоляции кают. Когда сам не будешь в силах держать себя... И будешь двигаться на инстинктах, глядя в ее глаза и шепча слова любви. Просто чувствуя себя-ее. Маленькую вечность на двоих, увы, слишком маленькую, чтобы в ней можно спрятаться, но достаточную, чтобы хоть ненадолго забыть обо всем. Обо всем, кроме нее.

Все-таки мы смогли разъединиться — затем, чтобы лежать рядом, держась за руки, смотреть друг другу в глаза, говорить о глупостях, даря тепло и отдых... для того, чтобы постепенно начать все сначала.

ИНТЕРЛЮДИЯ I

Если вы не видите противника, то он все равно вас видит.

Следствие из первого закона подлости на поле боя

Эдгар Говард Брэм Стивен Дрейк

Я ненавижу Джерайна Тень. Я слишком многим обязан Джерайну Тени. Я люблю Джера как старшего брата... Если бы у меня на самом деле был такой брат.

Познакомились мы с ним... Я даже не могу вспомнить точную дату, зато слишком хорошо помню место. Это был один из тех балов-приемов, которыми славился Рэддет. Да-да,

тех самых, безудержное веселье которых не смогли сломить ни чума, ни восстание, ни гибель Империи. Говорят, что последний бал закончился тем, что всем веселившимся отрубили головы, но даже после смерти танцоры не прекратили пляски. Так это или нет, я сказать не могу, к тому моменту я уже был далеко от тех краев. И за это я тоже обязан благодарить Джерайна...

Я — третий сын дворянина, на землях которого с трудом смогла бы прокормиться крестьянская семья. Ни денег, ни пахотной земли, ни скота, лишь старый донжон высоко в горах и маленький огород. Когда-то давно у нас был свой замок, и все эти горы были нашими. Но...

К моменту моего рождения это все осталось в далеком прошлом. Отец был достаточно глуп, чтобы сперва сэкономить на противозачаточном... а затем и на мне.

Поэтому, когда мне исполнилось семь лет, меня отдали на имперскую службу. Тот самый проект, который должен был влить свежую смазку во все ржавеющие винтики государственного аппарата: «Вы отдаете нам своего ребенка — и можете не беспокоиться о его будущем».

Говорят, что никто не сомневался в эффективности такой задумки, и, казалось, основные цели она достигла — вышколенные и отлично закодированные⁶ молодые специалисты служили Империи душой и телом, но на самом деле это была агония государственного аппарата. Без внушений никто уже не хотел ничего защищать. Слишком сильно чувствовалось напряжение, висящее в воздухе, слишком сильно всем хотелось сграбастать под себя как можно больше до того, как все лопнет...

Все виды народов активно мечтали о том, чтобы отколоться, получить полную автономию, а то и оторвать себе кусок получше. У всех на глазах был пример сидхе, обосновавшихся на границе с Запретными землями так уверенно, что как-либо повлиять на них не было уже никакой возможности, даже если бы удалось успешно расконсервировать оружие Древних.

Пятнадцать лет обучения пролетели, прошли, пробежали мимо моей памяти. Думаю, что большую часть из тех знаний я потерял при своем «перерождении» — слишком сильно наше образование было завязано на психотехнике и на использовании подавляющих волю препаратов и магии контроля. Затем по распределению я попал в Рэддет, где и угодил на тот злосчастный бал.

Джерайн был местной достопримечательностью — как же, живой и здоровый д'эссайн, открывший свой оскал общественности! О д'эссайнах слухов и легенд ходило даже больше, чем о вампирах — малочисленный народ, пользовавшийся большими привилегиями и составлявший отдельное подразделение министерства науки. Известно было как то, что они не чураются каннибализма, так и то, что им был выделен небольшой участок земли, обладающий полной автономией от имперского контроля. Впрочем, там не было никаких ископаемых ресурсов, а границу этого участка хорошо охраняли как снаружи, так и изнутри. Всякий, кто пересекал разграничительную полосу без разрешения в любом направлении, подписывал себе смертный приговор.

Джерайн был в центре внимания, осыпaeмый градом вопросов, порой уходивших за грани приличия. Но темноволосому хищнику, одетому в какой-то аляповатый растрепанный костюм, вышедший из моды еще во времена моего прадеда, расхлябанному, несмотря на стильные очки и глазастый браслет на руке, было совершенно наплевать на правила приличия.

⁶ Приемы психокодирования в Империи всегда были на высоте. Необязательно делать чью-либо жизнь лучше, если можно убедить его, что все и так совершенно и замечательно. Конечно, у всякой техники и технологии есть свои ограничения, но... Хочешь получить хороший винтик — сделай для него хорошую форму. И проследи за тем, чтобы он не выкрутился раньше времени. «Государственный чиновник, вышколенный до состояния зомби, никогда не возьмет взятку, никогда не предаст. Проблемы с инициативой на местах? Да кому она нужна?»

Так, например, когда какая-то дамочка рискнула спросить его, приходилось ли ему есть людей, то он ответил: «Конечно. — Тут он выдержал театральную паузу. — Особенно я люблю „есть“ таких красавиц, как ты и твоя подружка, об очередности, думаю, вы и сами могли бы договориться». — После чего так на них посмотрел, что больше вопросов о диете не возникало, а дамочки принялись липнуть к нему с удвоенным энтузиазмом.

К чему я это рассказываю? Просто пытаюсь передать свое состояние, когда во время очередного танца поймал на себе пристальный изучающий взгляд д'эссайна. Пока танец не завершился, я судорожно пытался понять, что же в моем облике его так заинтересовало — не расстегнулась ли ширинка, или, может, я ненароком нарушил какое-нибудь местное табу?

Но когда танец завершился, Джерайн бесцеремонно протолкался сквозь окружавшую его толпу и подошел ко мне, после чего заключил в крепкие дружеские объятия. Я бы счел это дурацкой выходкой книжного червя, решившего самоутвердиться за мой счет, если бы д'эссайн не успел прошептать мне на ухо: «Запомни: не доверяй ничьим объятиям, иначе смерть». После этого он громогласно поприветствовал меня, посетовал на свою неловкость, вызванную долгой работой в лаборатории, и пригласил на чашечку кофе. До самого завершения бала я думал над его словами и предложением, но, увы, так ни на что и не решился.

Через два дня меня убили.

Я никогда не мог похвастаться хорошей интуицией. Думаю, что если бы я знал, как ее развивать в те годы, то мог бы и остаться в живых. Не приехать в этот проклятый город, не попасть под укус, но... Увы. Все произошло именно так, как произошло, и не мне сейчас сожалеть о случившемся, поскольку своим нынешним положением я обязан больше смерти, чем жизни.

Внутреннее напряжение, возраставшее с каждым часом моего пребывания в Рэддете, я относил прежде всего к акклиматизации, волнению из-за дальнего переезда и вынужденному перерыву в приеме некоторых лекарств.⁷ И именно поэтому, когда я явственно почувствовал, что сегодня умру, то не поверил предчувствию.

Зря.

Целый день я истово крепился, несмотря на ощущение, будто кто-то наблюдает за каждым моим шагом. Будто топор, занесенный над моей шеей, уже начал движение вниз, и никто не сможет остановить его. Я старался не бояться каждой тени, мне с огромным трудом удавалось не выхватывать шпагу при каждом шорохе. И все равно казалось, будто меня постепенно окружают невидимые глазу тени, которые провожают по серой тропе к голубым глазам смерти.

Весь день я крепился. А вечером напился допьяна, до потери человеческого облика и страха и отправился искать забытья в постели шлюхи. В ее объятиях меня и настигли клыки вампира. Я до сих пор не уверен, только ли клыки. Я был пьян до беспамятства, а потом... Мне было слишком больно, чтобы я мог понять, насильовали ли меня, выпивая мою кровь, или это было только последним кошмаром дворянина, потерявшего то небольшое, что у него было. Мига своей смерти я вспомнить не могу.

Несколько следующих суток я пролежал без сознания, пока мое тело принимало собственную смерть как данность. А затем меня подняли и заставили пить кровь. Еще с неделю я был слишком слаб, чтобы вернуться к своей прежней работе, но мой Хозяин постарался широко осведомить окружающих, что я уж очень сильно переутомился. Рэддет — веселый город, и потому никого ничего не удивляло. Даже то, что я договорился о

⁷ В Рэддете были проблемы с поставкой стандартных психотропных средств, входивших в паек чиновников среднего и младшего звена. Вместо них использовались более слабые аналоги. Достаточно настораживающая деталь. Но на нее еще нужно обратить внимание.

переводе на ночную смену.⁸ Не я один в этом городе полюбил ночные радости больше дневного света.

Мой Хозяин сделал Рэддет своим городом. Его люди и его птенцы держали в узде все важные службы — от имперской почты до гарнизона. Единственным местом, в которое он не совал свой длинный нос, были «лаборатории нового оружия». Джерайна считали слишком заметным, смешным и безобидным, чтобы принимать его всерьез. Так было до того дня, когда он внезапно «показал свой оскал». Кажется, в этот день Хозяин попробовал устроить ему несчастный случай, поскольку счел, что у него достаточно сил, чтобы сопротивляться и регулярной армии. Или ему эти силы обещали, не суть важно. Важно то, что Джерайн обломал Хозяину зубы. В прямом смысле слова.

Тот день я также вспоминаю с трудом — птенец после инициации слишком слаб, чтобы хранить все свои воспоминания. А моя память и так была основательно порушена как отказом от старых ментальных блоков, так и тем, что в ней копался Хозяин, добывая какую-то важную для него информацию. День... Точно. Все началось еще днем, когда я был не в состоянии проснуться.

Судя по слухам, люди Хозяина попробовали силой вытащить Джерайна из его дома, имитируя волнения толпы. Эти самые волнения и начались после того, как в течение пяти минут из жилища д'эссайна слышались истошные незатихающие вопли, которые прервались только тогда, когда на улицу вылетели окровавленные ошметки. Совсем немного, по сравнению с количеством ворвавшихся в дом людей, но этого хватило, для того чтобы больше никто не пытался войти.

Дом Джера подожгли, но д'эссайн успел уйти. Подземными переходами он добрался до лабораторного комплекса, вытащил оттуда все материалы разработок, все рабочие прототипы, какие смог использовать, и поставил комплекс на консервацию. Люди Хозяина опоздали на каких-то десять минут, и их встретили стальные щиты с напылением из адамантия.

Вскрыть такой консервный орешек — не в человеческих силах, и потому они решили отложить эту задачу до пробуждения вампирской гвардии и сосредоточились на поисках д'эссайна, который успел хорошо спрятаться. Город затих в ожидании ночи.

С закатом солнца по всем городским ретрансляторам объявили, что Рэддет переходит в полную собственность Хозяина. Все люди объявлялись скотом, приписанным к вампирам. Ошейники с именами хозяев, прочая чепуха... Список был длинный. После окончания трансляции и кровавого подавления немногочисленного сопротивления вампиры Хозяина занялись лабораториями...

А Джерайн занялся имением Хозяина. Он собрал своих лаборантов, оставшихся верными Империи, и предложил им устроить маленькое публичное испытание, перед тем как скрыться. Испытания были признаны успешными. «Новые образцы вооружений» пробили внушительную брешь как в стене, окружавшей имение Хозяина, так и во внутренней стене самого особняка, а магическая защита была уничтожена полностью. Через пару минут подошла городская гвардия, которая полегла почти в полном составе в ходе дальнейших испытаний, как и те лаборанты, которые предпочли бой бегству — выучка в итоге позволила солдатам справиться с адептами высоких технологий, пусть и большой ценой.

Но к тому моменту Джерайн уже прорвался внутрь и продемонстрировал, на что на самом деле способен разъяренный д'эссайн. Самым большим шоком для меня стали даже не сцены разрываемых на части беспомощных вампиров, не считалки вроде «раз, два, три, четыре, пять — пришло время умирать», произносимые с невинным лицом, а то, что он сделал с Хозяином.

Я навсегда запомнил искалеченное, но судорожно пытающееся регенерировать

⁸ Госучреждения в Империи работали круглосуточно. Не всем категориям граждан была бы удобна необходимость дневного визита — тем же вампирам, например.

существо, прервавшее мою жизнь. Теперь он ни на что не был способен, да и не походил на гордого и самовлюбленного вампира. Смертельно искалеченный, превращенный в кровоточащую мясную отбивную, Хозяин пытался жить, пытался позвать своих птенцов, пытался достучаться до своего Хозяина...

Я прекрасно помню, как Джерайн положил передо мной это... «тело» и сказал:

— Мне может пригодиться хотя бы один «живой» свидетель. Если ты сможешь выпить его, мальчик, то останешься жив, и я о тебе позабочусь. Даю слово. Если же нет... Я буду надеяться, что смогу найти хоть кого-нибудь с лучшей силой воли. Ты уже седьмой, кому я даю подобный шанс. — Он демонстративно загнул последний из семи пальцев палец на своей ладони, собирая их в кулак.

Я смог. Смог собрать всю свою ненависть, всю свою боль, все горе — и все страхи. И вместе они пересилили то подобие верности, которое давали мне узы крови. Я выпил Хозяина до дна — и оторвал ему голову голыми руками, хоть это и заняло несколько долгих и мучительных минут. Д'эссайн, заляпанный своей и чужой кровью, с лицом, похожим на маску, любовался этим и смеялся раскатистым смехом безумца. За это его позже назовут «красной смертью Рэддета». Как и за то, что он сделал с догнавшей его наконец гвардией Хозяина...

Когда подошли имперские войска, остатки бунтовщиков, лишённые командования, сдались. Все прямые участники бунта были казнены. Невинно обращенным поставили ментальные блоки и оставили в покое. Танцевать, пока не кончится мир. Им оставалось уже недолго...

Еще где-то полгода мы с Джерайном провели в городской черте — он расконсервировал лабораторию, меня назначили ответственным за восстановление городской инфраструктуры, то есть на меня повесили столько ответственности, сколько смогли, выделив минимально возможные полномочия. Если бы я не справился, то и заступничество д'эссайна мне бы не помогло — предателей в Империи не любили. Их вообще никто не любит.

Даже этот шанс доказать свою преданность мне дало лишь заступничество Джерайна. Иначе... дворянин, который не только не справился со своей задачей, но и начал действовать против императора, мог умолять лишь о повешении. Эта смерть долгая и несет позор для всего рода, но есть тысячи казней стократ хуже, предназначенных для тех, кто потерял свою честь. Топор не для предателей, даже если разум был подавлен чужой волей и предательство совершило лишь тело.

Свой шанс оправдаться я использовал сполна. Потому и не удивился, когда вскоре после отбытия д'эссайна в столицу (он упорно дожидался восстановления портала, отказываясь воспользоваться прочим транспортом) туда же вызвали и меня.

Я никогда не интересовался, чем на самом деле занимается Джерайн. Нет, конечно, в байки про научные исследования я верил, благо я видел и результаты его труда, и сам труд. Правда, не знаю, сложно ли крутить в пальцах несколько штуковин страшного вида так, чтобы из них сложилась одна штукавина непонятного назначения. Также не знаю, сложно ли потом проверять, как действует получившаяся штукавина на подручном и подопытном материале. И не вызывает ли она каких-либо побочных эффектов на том, кто ее применяет.

Помню, что в определенные моменты браслет светился, как маленькая звезда. Тогда Джерайн был чем-то очень недоволен и спешно останавливал эксперименты, срочно переделывая свои штуковины.

Но была и обратная сторона его «работы». Во-первых, каким-то чудом он смог устроить меня на «переподготовку» — сперва на офицерские курсы, затем на курсы высшего командного состава, несмотря на то, что ни выслугой лет, ни званием, ни родом я явно не вышел. Никаких лишних психотехнологий, почти никакой идеологии, практически лучшее в мире военное образование. Это подкупало меня больше всего. Я не сомневался, что с такой армией нашей Империи суждены еще многие годы процветания.

Нет, сейчас я понимаю, что обработка велась совсем на другом уровне, позволяя

почувствовать... Не знаю, как это описать... Гордость за то, что принадлежишь этому гигантскому механизму, за то, что благодаря твоим усилиям он может воссиять ярче любой сверхновой...

Наверное, благодаря своему «обучению» я чуть было не упустил «во-вторых». Джерайн не реже раза в месяц отлучался из своих лабораторий. Ненадолго — не дольше, чем на неделю. Возвращался он каждый раз изрядно потрепанным.

Когда я спросил его, чем он занимается во время своих поездок, он сперва попытался отшутиться, сказав, что «является офицером имперской безопасности, с неограниченным допуском, полной лицензией на убийство, а также с окладом в бюджет небольшого города». Я не поверил, и тогда Джерайн посерьезнел лицом и объяснил, что «проводятся испытания чего-то такого, о чем, малыш, я пока не могу тебе сказать, подожди еще хотя бы полгода».

За полгода мое обучение завершилось. Правда, я тогда так и не понял, зачем Джерайну понадобилось, чтобы меня учили всему этому, но...

Похмельем после выпускного банкета я маялся неделю. Мне «повезло» оказаться самым юным выпускником курсов за всю историю академии, к тому же по традиции банкет продолжался до тех пор, пока не рухнули самые стойкие. За это право боролись два тролля и гном, так что все остальные, включая меня, успевали напиться не по одному разу — окончательно покидать застолье, по той же традиции, было нельзя.

Когда похмелье окончательно прошло, Джерайн наконец приоткрыл передо мной кусочек своего плана. Только ту часть, в которой ему требовалась моя помощь. Думаю, что, если бы он мне рассказал тогда чуть больше, я бы рехнулся окончательно. Слишком сильно его затея противоречила официальной политике Империи.

Но ключом ко всему были чаролеты — условно новый вид техники, постепенно заменяющий выходящие из строя остатки своих более высокотехнологичных предшественников, которым не хватало ни горючего, ни запчастей. Появление чаролетов было очень своевременным, поскольку Империи грозило остаться вовсе без воздушного флота.

Да, чаролеты в большинстве своем не так быстры, но у них больше возможностей. Полетное время практически ничем не ограничено, да и топлива они формально не потребляют. Нет необходимости в специально оборудованных аэродромах. Спектр применяемых конструкционных материалов не в пример шире и не ограничивается такими дорогими материалами, как сплавы алюминия и титана.

Боевые возможности чаролетов в теории должны превосходить боевые возможности привычной техники — за счет условной бесконечности энергии. Конечно, из-за ограниченности энергетической мощности обычно приходится выбирать — или лететь, или стрелять... Да и зарядка орудий может происходить в течение ужасающе долгого времени. Но это того стоит.

Тогда проблема ограниченности функций сорса считалась практически неразрешимой: на исследование этой проблематики нужны были чересчур большие суммы денег. В новостях врал, что развитие этой темы имело самый низкий приоритет. Хотя если предположить, что в новостях не нагнетали обстановку, а приукрашивали по старой привычке, то казалось, что скоро мы не сможем строить и эти корабли...

Джерайн сделал мне предложение, от которого я не смог отказаться. Он предложил мне должность капитана на новейшем чаролете, который буквально на днях должен быть достроен. С правом подбора экипажа, с присвоением адмиральского звания. И еще кое-какую награду. Потом. Если я сделаю то, что ему будет нужно.

Давайте я опущу подробности? От меня требовалась лишь, как сказал Джер, «служба на благо Империи... Ну и испытай там, что выдам, по полной программе. Техника новая, необкатанная, крайн ее там знает, как на что реагировать будет».

Кроме того, где-то в эти годы я и познакомился с устройством вампирского общества. В тот момент оно мне очень не понравилось, но везение позволило отделаться всего лишь переломами двух ребер, сложным переломом руки и долгой нотацией от одного старого вампира. Он подробно объяснил, почему и за что император дал им такие привилегии, а

также почему им позволено иметь свои каналы передачи информации, свои системы наказания отступников и свои методы воспитания птенцов, образуя государство в государстве.

Много чего объяснил. Напоследок методично сломал все оставшиеся ребра и добавил, чтобы незнамо чей птенец не высовывался, пока сам сил не наберет, иначе то, что от него останется, не опознает даже контрразведка.

Ранения мне вылечили, но уже после разбора моих «полетов», который провел Джерайн. Его нотации были гораздо более занудны по сравнению с вампирскими и касались того, куда стоит и куда не стоит лезть молодому вампиру, опыта которого не хватит даже на то, чтобы отличить брата по крови от человека до того момента, пока не получит в морду, но... На следующий день Джерайн притащил изуродованные головы тех, кто попытался меня изувечить, и еще предупредил о необходимости соблюдать осторожность.

Я не представлял, по какому тонкому лезвию в тот момент мы оба шли. Хуже, чем гулять по незакрепленной доске с завязанными глазами...

Прошло еще несколько лет относительно спокойной жизни, лишь редкие вспышки мятежей напоминали о нависшей над Империей угрозе...

Судя по множеству косвенных признаков, испытания чаролета нигде не были завизированы должным образом. Его нигде и никто официально не вводил в строй. Формальной причиной для этого было то, что Джерайн не успевал завершить конструирование Орудий Сорсовой Мощности, главного калибра «Восторженной Белой Птицы». К слову, их он так и не успел закончить.

Я провел это время, привыкая к кораблю и его тяжелому характеру, набирая и дрессируя команду. Кого-то из них я обратил. По обоюдному согласию конечно же. Кто-то из вампиров завербовался ко мне сам, и Джерайн позже утвердил эти кандидатуры. В конце концов все началось. Как раз тогда, когда мне стало казаться, что жизнь все же наладилась и больше ничего страшного не произойдет.

Я уже вспоминал про плохую интуицию?

Сначала из штаба мне передали пакет с инструкциями «красного кода». Затем из очередной отлучки вернулся Джер, потрепанный сильнее обычного, со словами, что постарается завершить работу над «Птицей», но у него есть определенные шансы не успеть до того момента, как ему придется «залечь на дно». В любом случае он наказал мне «тихо захватить одного из наследников императорской фамилии и отправляться завоевывать мир». Я было решил, что это шутка, и Джер действительно сказал, что шутит.

А потом он выдал мне спутниковую карту «затерянного» западного континента, расписание перемещений всех наследников императорского дома с пометками над самыми «удачными» целями. Список всех подразделений, занятых охраной, карту Империи с отмеченными «техническими схронами» и добавил, что для начала завоевать нужно будет всего лишь этот континент. Где я буду брать людей для этого предприятия — моя проблема. Чаролет, мол, у меня есть, команда и деньги тоже, оружие я смогу найти по имеющейся карте, а дополнительное оружие на «Птицу» он еще постарается успеть доделать. Да и от остальных своих обязательств не отказывается. Если не успеет сейчас, то сделает позже, потому что, скорее всего, ему придется в ближайшее время скрыться от посторонних глаз. Не слишком надолго, но любые попытки поиска не дадут результатов.

Через месяц Джерайн пропал. В тот день я должен был с ним встретиться — он хотел сообщить что-то столь важное, что мог сказать лишь при личной встрече. Но он не явился. На следующий день с курьером вампирской почты мне передали соболезнования в том, что мой учитель решил покинуть сей мир, а также предложение не повторять его ошибок.

Через день после этого я подписал документы на месячное учебное путешествие на запад, с дополнительными изысканиями на предмет возможности кругосветки. ВВП так и не была введена в строй и числилась еще не собранной, так что к своим преступлениям я прибавил и угон экспериментального корабля. Еще два дня потребовалось на организацию похищения, и...

В день моего вылета Империя перестала существовать.

Заговорщики за одну ночь вырезали всех претендентов на престол, кроме того, которого укрыл я. А чуть позже стало известно о трагической гибели Императора, слухи о пропаже которого появились немногим ранее. В ту же ночь кабинетом министров были розданы земли всем, кого вспомнили, причем ровно столько, чтобы, с одной стороны, было неприлично возмущаться, а с другой — полученных земель не хватило бы не только на «долгую и счастливую жизнь», но и на хорошую жизнь трех поколений. Пограничные конфликты продолжались еще не одну сотню лет, создавая и уничтожая мелкие княжества и тирании.

Людей примерно поровну разделили на два государства, западное и восточное, обставив это дело с максимальной помпезностью и с максимальным давлением на психику, так что ненависть к соседям родилась меньше чем за неделю.

Гномы получили полную автономию, вампиры получили себе «на развод» людей и земли, эльфам выделили несколько лесных массивов, да еще и с горами, правда без полезных ископаемых. Орков традиционно отнесли в степи и пустыни, а бунт жестоко подавили. Эттины, кажется, даже ничего и не заметили, а д'эссыны заперлись на своей территории, отвечая залпами из тяжелых орудий на любую попытку связаться или же перейти их границу, и через какое-то время просто пропали отовсюду.

Благодаря всем этим событиям, а также своевременному использованию имеющихся полномочий и огневой мощи «Птицы» моя флотилия пополнилась еще тремя грузовыми чаролетами, а мои вооруженные силы увеличились на десять сотен гвардейцев с семьями. С этими силами я и завоевал западный континент.

Потом, через тройку столетий, было и триумфальное возвращение назад, и тихий заговор в Западном Королевстве, в результате которого королем стал потомок наследника Империи...

Про это долго и скучно рассказывать на самом деле. Как и про то, как я обнаружил, что д'эссыны исчезли, унеся с собой секреты многих технологий. В первую очередь — своих. Того, что собрал мне Джерайн, конечно, хватало, но о полноценном возрождении прежней жизни не стоило и мечтать, как и о выходе к дальнейшему технологическому росту: одно лишь восстановление научного потенциала должно было стоить баснословных денег, а они были нужны и на охрану границ, и на то, чтобы укреплять положение своего государства... Поневоле развиваешь хорошее терпение.

Впереди были долгие годы дипломатии, промывки мозгов на государственном уровне, века строительства армады и совершенствования каждого корабля. Самые сложные моменты тех времен, которые мне бы хотелось отметить, — это попытки хоть как-то наладить отношения с сидхе.⁹ Из-за последних я и предпринял небольшую экспедицию в Запретные земли в попытке проверить, насколько реально провести через них армию и попасть в гости к эльфам с плохо защищенной западной стороны.

Так как из хорошо подготовленной экспедиции вернулся я один, то могу с уверенностью утверждать, что провести армию через Запретные земли по поверхности совершенно невозможно. Одной из вещей, которую я смог добыть в том походе, был обрывок пророчества, расшифровав который я лишь увеличил дотации научно-исследовательским институтам, занимавшимся чаролетами. Не знаю, о том ли хотел мне сообщить Джер, пока еще был жив, но...

Судя по всему, воевать с сидхе придется гораздо с большим размахом, чем я планировал. И это, как ни странно, будет им на благо... всем на благо. Хотя в эти дебри я не лез. Главное, что если мой бой будет проигран, то крах Империи покажется цветочками по

⁹ В последний раз посол таки вернулся живым, но прямо у него на теле было вырезано предложение оставить Восточное Царство в полном покое — и за это они пока что не будут вмешиваться в дела Западного Королевства. Кроме того, был список тех территорий, на которые они притязают. Если с первым предложением пришлось согласиться, то ответ на второе... Скучать не пришлось.

сравнению с тем, чем грозил нам старый манускрипт.

После веков подготовки подходящий момент наконец-то наступил, и война за восстановление Империи началась.

Благодаря абсолютному превосходству в воздухе большая часть операций была выиграна за считанные дни. А еще... я встретил Джерайна. Живого и почти невредимого, правда, несколько осунувшегося. Но, по крайней мере, боевые рефлексы у него были почти на прежнем уровне, что и показал бой в Иррестане. Правда, после того как мы вывели из строя тамошний факультет магической академии и систему контроля воздушного пространства, удирать пришлось со всех ног: все же выступать вдвоем против целого города — это перебор: слишком много времени займет захват стратегически важных целей. Тут меня и поджидал сюрприз: на этот раз Джерайн действовал не в одиночку.

Я никак не мог ожидать встретить его через тысячу лет после «смерти» в компании миловидной Танцующей — женщины из гвардии сидхийского Императора. Нет, конечно, были случаи, когда имперских гвардейцев «увольняли» — вперед ногами. И лишь один случай — когда Танцующую изгнали, да так, что она должна была погибнуть в попытках добраться до любых живых существ.

Но она выжила и до недавнего момента находилась под ненавязчивым колпаком всех разведок, за исключением разве что кэрс. Мохнатые хорошо устроились у себя в изоляции и совершенно наплеватьски относились к делам остального континента. Так, на всякий случай. Судя по тому, что она была с Джерайном и они вместе направлялись в сторону столицы сидхийской империи, — или у него не в порядке с головой, или он не поверил в мои силы и решил воевать в одиночку, не возобновив ни одну из старых связей.

Конечно, к гномам за заказом он зашел не зря — гномы, конечно, не продают своих клиентов. Но вот когда клиент опаздывает на лишнюю тысячу лет, это становится такой новостью, которую невозможно утаить. Вернувшийся Джерайн оставлял за собой такой четкий след, что я нашел его прежде, чем кто-либо из тех, кто имел к нему иные счета.

За время нашего краткого совместного путешествия, когда я позволил этой сладкой парочке разойтись с линией фронта, задержав наступление на два дня, я решил для себя следующее: во-первых, если бы не наличие рядом Джерайна, то я бы своими руками придушил Алессьер. За наглость, хамство и хроническое несоблюдение этикета. Нет, придушил бы не до смерти конечно же. Совсем не до смерти, потому что, во-вторых, приударил бы я за ней с не меньшим удовольствием. Если отбросить в сторону ее озлобленность — очень интересная женщина. Очень. Храбрая до безрассудства и везучая до крайнов, а главное — горячая, как пески юга, и столь же непредсказуемая и опасная.

Я был очень рад, когда мы встретились повторно — и Джер даже согласился на то, чтобы следовать дальше не в одиночку, а с моей армией. С него бы стало и отказаться... «Красная смерть Рэддета» сам себе армия. Я даже благодарен в чем-то Танцующей — пусть она и играла со мной во флирт, в который я бы предпочел отнюдь не играть, ибо это ранило уставшее самолюбие и рождало опасные желания, но она и предупредила меня об опасности, которая могла стоить жизни тысячам существ. Кроме того, сидхе довольно успешно удерживала д'эссайна от опрометчивых поступков.

Для полного моего счастья она совершенно заняла Джерайна практически на все время полета. Говорят, что стоны, вскрики и громкий шепот из ее каюты не раздавались только в те редкие моменты, когда оба спали или же выбирались на открытый воздух. И если вы думаете, что на воздухе они отдыхали, то ошибаетесь. Они просто получали максимум возможного удовольствия друг от друга, радуясь единению и жизни в таких масштабах, что я даже позавидовал их счастью. И Джеру лично. Судя по тому, что я мог чувствовать кожей в ее компании... Хотя я повторяюсь. Но, по крайней мере, ели они за двоих и совершенно ничем не интересовались из того, что происходило вокруг. Это, конечно, необычно для моего учителя, но он сильно изменился. И не знаю, в какую сторону.

Эта сладкая парочка, погрузившись друг в друга, умудрилась даже пропустить наши короткие переговоры с встреченным кораблем кэрсов. Это была великолепнейшая картина.

Представьте: по морю плывет ма-аленький белый кораблик. Вот только почему-то на волнах он почти не качается, а так, плывет себе и плывет, разрезая волны, порой захлестывающие его по верхнюю палубу. Проходит час, другой, а затем, совершенно внезапно, он постепенно показывается из-под воды полностью, и ты понимаешь, что это очень большой ма-аленький белый кораблик. Очень большой. Просто огромный. «Птица» рядом с ним смотрится малюткой, что было особенно заметно, когда мы провели переговоры. Я был очень рад, что пушистики согласились на встречу, их помощь мне будет очень нужна, а с них стало бы отвергнуть далее то предложение, которое никто иной бы не отверг.

Сами кэрссы ростом не превосходят среднего человека, они даже чуточку ниже, зато шире в плечах, тела покрыты густой шерстью, с рыжеватым или же сероватым отливом. Глаза широко расставлены и немного нависают, а усы-вибриссы позволяют не бояться внезапного нападения. Ушки у них на макушке, хвост торчком, одеваются в натуральные ткани и условно всеядны. Разговаривают на своем диалекте, так что худо-бедно, с пятого на десятое, да через четырнадцатое к сорок второму договориться можно. Если повезет. Кроме того, их речь пестрит огромным количеством всяческих односложных частиц, некоторые из которых не значат вовсе ничего, в то время как другие коренным образом влияют на смысл сказанного.

Конечно, в таких условиях полноценные переговоры проводить сложно. Но перед нами такой цели не стояло. Главное было договориться об условиях следующей встречи, многосторонней. У меня на нее большие планы, и мне удалось убедить кэрссов, что у них их не меньше. Мы даже провели сложный совместный обряд ради того, чтобы этот «следующий раз» таки состоялся. Ну и обговорили протокол будущей встречи. Думаю, что остальные участники планируемого «совета» очень удивятся. Но до него еще далеко, и лучше, чтобы не сглазить, я не буду лишний раз продумывать свои планы. Еще не время. Тем более что скоро мы подлетим к Запретке, так что пора бы нашим любовничкам оторваться друг от друга и подготовиться, хотя бы морально, к тому, что скоро вокруг нас будет твориться такое безобразие, которого не увидишь и в бреду наркомана.

Не могу спокойно сидеть, пока другие работают. Пойду полежу.
Из высказывания одного из государственных деятелей

Алессьер

Я сидела у слегка приоткрытого окна в моей... впрочем, теперь уже можно сказать — нашей с Джером каюте и задумчиво смотрела на растянувшегося на скомканных простынях д'эссайна. Солнце почти зашло, и косые тени падали на спящее лицо Джерайна, делая его чересчур резким, жестким и волевым. Интересно, каким он был до того, как мы познакомились? Каким он был до своего тысячелетнего сна? Спрашивать Фэя было бесполезно — браслет либо отбрехивался малозначительными фактами из биографии своего создателя, либо начинал рассуждать совершенно «не по теме», рассказывая о научных достижениях Джера или о его почти отсутствующих любовных похождениях ввиду общей занятости. Но вот вытрясти из этого артефактного паразита, как и при каких обстоятельствах д'эссайн познакомился с Дрейком, пока тот еще не стал вампиром, нипочем не удавалось.

«Лесс, я бы с радостью тебе ответил, но, к сожалению, часть сведений либо стерта из моей памяти, либо имеет гриф секретности, снять который может только мой создатель».

А снимать он, разумеется, не хочет.

«Ну не хочет, и что с того? — Фэй снова принялся скрипеть в моей голове, как несмазанное тележное колесо. — Почему бы тебе не спросить у самого Джерайна? Мне кажется, что тебе он расскажет все, что сочтет нужным».

Ага, как же. Вот прямо сейчас разбужу и спрошу.

Я поднялась со стула и, бесшумно пройдя по комнате, открыла гардероб и наугад вытащила оттуда что-то белое, шелковое и с кружавчиками. Сначала надела, потом едва не плюнула — вытянутое «нечто» оказалось ночной сорочкой эльфийской работы, причем, если верить тонкой вышивке на груди и подоле, предназначавшейся для первой брачной ночи. Я криво улыбнулась — это такая шуточка древнего вампира, или же он просто выбрал понравившуюся ему вещь из энного количества предложенных вариантов?

«Ох, вряд ли, — хихикнул Фэй. — Дрейк из тех мужчин, у которых на все есть своя причина, и случайности в его поступки закрадываются крайне редко».

Тогда счастье, что Джер не знает ритуальных эльфийских символов.

«Может, и знает. Когда-то давно он интересовался культурой эльфов».

Я только вздохнула, надевая сорочку через голову и затягивая ленты горловины. У сидхе есть похожие «ритуальные одеяния», да и вышивка почти не изменилась — разве что наклон букв. По сути, ночные сидхе и эльфы когда-то давно, еще до Равеновой войны, имели общих предков, но потом две ветви одного рода не смогли уладить тонкости вероисповедания, и эльфийский народ раскололся надвое. Одни остались на поверхности, под светом солнца, другие предпочли жизнь под землей и блеклое сияние луны.

Сейчас уже сложно сказать, кто был прав, кто виноват, каждый из народов считал себя обиженным и непонятым, а в качестве отступника кивал на «дальнего родственника», но точно было известно лишь одно: те, кто стоял у истоков народа ночных сидхе, склонились к магии, неприемлемой для светлых эльфов. И нашли себе нового бога, вернее, богиню.

Светлые эльфы поначалу не обращали никакого внимания на то, что культ Богини Смерти потихоньку набирает силу и знания, а когда очнулись, то было уже поздно. Часть эльфов уже избрали себе новую веру, и это принесло свои плоды. Появилось знание, неприемлемое и недоступное светлым эльфам — знание о том, как можно улучшить уже взрослого эльфа, не уродуя его облик и не убивая на месте. Конечно, летальные исходы во время ритуала случались, и довольно часто, но в те времена, если из десяти проходивших ритуал Богини Смерти выживало шесть-семь, то это было уже успехом. Именно это вызвало зависть высших Перворожденных, которым в определенный момент для удержания власти уже не хватало их собственной магии, а те улучшения, на которые была способна светлая магия природы, не шли ни в какое сравнение с многоступенчатыми ритуалами ночных эльфов.

Тогда и случился раскол, разделивший когда-то дружный народ на два лагеря — тех, кто следовал традициям природной магии, и тех, кто ушел к ночным за новой судьбой и новой силой. Сложно сказать, чем бы закончилось это противостояние, если бы не грянула Равенова война.

Она на какое-то время объединила и светлых и ночных, которые к тому времени уже взяли себе новое именование — сидхе. Но потом случилось то, что должно было случиться. Наземная сидхийская столица попала под удар войск Равена и была полностью разрушена. Именно тогда мой народ окончательно ушел под землю, обосновавшись в покинутом Древними городе и выстроив там новую Столицу — Seith'der'Estell, запретный подземный город, в котором сидхе укрылись от отголосков войны, зализывая свои раны и просто выжидая момента, когда гроза пройдет стороной.

Пока наверху шли последние бои, ночные устраивались под землей. Говорят, что в те времена, почти три тысячи лет назад, ими были заняты и обжиты почти шесть подземных уровней нынешней Столицы, но сейчас, насколько я знаю, осталось всего три. Четвертый уровень представляет собой нечто вроде пограничной полосы. Он весь напичкан механическими и магическими ловушками и буквально пронизан сетью тайных ходов.

А все потому, что когда-то, придя в покинутый Древними город, сидхе даже не представляли, что гнездится под их ногами глубоко под землей. И уже не хотят знать.

Они живут, как на вулкане, предпочитая наблюдать великолепие верхней Столицы и закрывать глаза на то, что бродит на нижних уровнях, проводить исследования и тренировать Танцующих и стражу на втором уровне, хранить реликвии прошедших лет на

третьем и как можно реже заглядывать на четвертый.

И вот в это крайново гнездо я добровольно возвращаюсь из-за последнего из д'эссайнов. Хорошо хоть, что хотя бы наймара оставила на попечение Троля — если я не вернусь, то у дочки будет превосходный ездовой конь, верный друг на большую часть жизни...

Ну вот, вспомни крайна, он и появится. С Джером обстояло примерно так же: было достаточно подумать о д'эссайне, как он напоминал о себе. По крайней мере, когда я взглянула на Джерайна, он открыл глаза и чуть-чуть приподнялся на локте так, что теперь лишь уголок простыни кое-как прикрывал предмет его явной мужской гордости.

— Наблюдать за тем, как ты одеваешься — одно удовольствие! — отметил д'эссайн с весьма довольным выражением лица, сладко потягиваясь всем телом и демонстрируя себя во всей красе.

— А уж раздевать меня потом — еще большее, — усмехнулась я, присаживаясь на невысокую табуретку у зеркала и принимаясь расчесывать спутавшиеся за день волосы. Не да, если бы не татуировка на щеке и запястье, была бы совсем похожа на свою мать, знатную сидхийскую леди. Не могу сказать, что сравнение меня порадовало, но хотя бы не разозлило.

«Похоже, не только Джер не желает делиться своим прошлым», — хмыкнул браслет, а я отвернулась от зеркала и посмотрела на д'эссайна, неторопливо и с явным трудом сажающегося на кровати.

— Более того, судя по тому, что на тебе надето, даже раздевать необязательно.

— Судя по тому, что ты еле сидишь, активных действий от тебя в ближайшее время ожидать не стоит. — Я подмигнула Джерайну и широко улыбнулась. — Вот уж не думала, что всего лишь несколько дней, проведенных в моих объятиях, настолько выбьют тебя из колеи.

«С учетом того, что столь долгих загулов у него уже тысячу лет, как не случилось, я бы на твоём месте не удивлялся».

И это, по-твоему, долгий загул? Мы ведь даже на прогулки выбирались...

«Ага, на полчаса... Или час. Но каждый де-е-ень».

Как раз — вампиры спят, никто не мешает.

«Ну да, только по ночам пытаются до вас достучаться».

Если не получалось достучаться, значит, не так уж надо было. Случись что срочное — выломали бы дверь.

«Думаешь, Дрейку не жаль портить обстановку чаролета?»

Если на кону его собственная вампирская задница — он ничего не пожалеет, чтобы ее спасти. И никого, я полагаю.

— Да я мужчина хоть куда! — ответил Джер, с легким хрустом проворачивая голову и исполняя сальто из положения «сидя на кровати» с возвращением в то же положение. — И еще на многое способен. Просто не отказался бы от неплохого перекуса.

— Угу. Тогда одевайся и пойдем на кухню, пока местные вампиры не забыли, как мы выглядим и не приняли нас за диверсантов.

«Ну да, вас попробуй прими».

Если «разумные» не умеют думать головой, то она им не нужна.

«Что-то мне подсказывает, что рядом с тобой головы чаще теряют в прямом смысле, а не в переносном».

Я только вздохнула, приподнимая подол сорочки и цепляя на бедро широкий ремень, в петельках которого стальные дротики чередовались с серебряными.

«Как я понимаю, это твой вариант азартной игры „повезет — не повезет“, предназначенный для местных вампиров? — поинтересовался Фэй, в то время как я застегивала пряжку под пристальным взглядом Джерайна. — На всякий случай, который бывает очень разным?»

Уверенный стук в дверь раздался как раз тогда, когда я хотела недвусмысленно пояснить д'эссайну, что съесть меня не получится и придется все-таки встать и идти до

кухни. Гадать, кого к нам принесло на этот раз, даже не пришлось, поскольку голос Дрейка я не спутаю даже с хорошего похмелья.

— Джер, Лесс, к вам можно войти?

Ну вот, Фэй. Накаркал. Рад?

«Донельзя».

Сволочь ты.

«Вынужден напомнить, что я подстраиваюсь под психотип носителя для лучшего взаимодействия и взаимопонимания, а также для достижения...»

Фэй, короче.

«Я весь в тебя, дорогая!»

Ну и кто ты после этого? Паразит мелкий, да и только, — подумала я, со вздохом одергивая подол сорочки, заодно машинально хлопнув по браслету ладонью, отвешивая Фэю «подзатыльник». Дождалась, пока д'эссайн соорудит себе из простыни кустарное подобие юбки, и подошла к двери, отпирая задвижку.

— А что, если б сказали, что нельзя? Развернулся бы и ушел? — поинтересовалась я, открывая дверь и пропуская донельзя серьезного вампира в комнату. По крайней мере, мы ему не мешали отдыхать, и теперь по бледному лицу капитана чаролета нельзя было сказать, что он позабыл все, кроме тактики, стратегии и общего управления кораблем.

— Я бы мог: а — подождать, б — сообщить, что ужин скоро доставят, в — сказать, что пришел проверить, не залюбили ли вы друг друга до смерти, и г — просто открыть дверь самостоятельно. — Дрейк уселся на свободный стул напротив кровати.

Я подумала и осталась стоять, прислонившись плечом к дверному косяку.

— Ты по делу или просто так — пообщаться?

— Мм... Практически по делу. Нет, я, конечно, все понимаю, но... Сколько же вы за это время всего про... — вампир сделал театральную паузу, — ...любили. Вам перечислять?

— Можешь просто сказать, что все это время до смерти завидовал нам, поэтому отвлекал себя работой, и больше ничего не говорить, — усмехнулась я, складывая руки на груди и глядя на Дрейка сверху вниз.

«Если и завидовал, то ни за что не признается», — хихикнул браслет, подмигивая мне красным глазом.

Не принципиально.

— Это предложение присоединиться и отдохнуть вместе с вами? — Вампир заломил бровь. — Вы даже нашу встречу с кэрсами про...спали. Совершенно не заметили, да. И как это у вас получается?

— И на какой из заданных тобой вопросов мне ответить в первую очередь? — почти ласково проворковала я, отлипая от дверного косяка и неторопливо подходя к Дрейку. Он окинул меня совершенно мужским взглядом, даже не улыбнувшись.

— Отвечай по порядку.

— Первое. — Я слегка наклонилась, чтобы иметь возможность с большим удобством смотреть в глаза вампира. — Не думаю, что я могу решать за Джера, с кем ему стоит отдыхать, поэтому я говорю только за себя: нет. А второе... Влюбишься — поймешь.

Вампир взглянул мне в глаза. Но не сразу. Сперва он все же оценил декольте и то, что кое-как виднелось за пышными кружевами.

«Радуйся, что глаза вампиров не снабжены телескопическими глазными нервами».

Угу, так и представляется картинка, как глаза Дрейка вылезают из орбит...

«И падают тебе в вырез, болтаясь на непомерно удлинившихся „стебельках“! — гнусно заржал Фэй у меня в голове. — У тебя чудесное воображение, знай только подсматривай и запоминай!»

Может, хватит лезть ко мне в мысли?

«Может, хватит думать так громко?»

Паразит.

«Ага. Но я полезный, иногда незаменимый; и еще я хорошо смотрюсь у тебя на руке».

— Вопрос снимается. Но вы планируете отдыхать в том же духе на всем протяжении полета?

— Задаю встречный вопрос: ты по нам просто соскучился или мы тебе зачем-то нужны? — Я выпрямилась и, обойдя кровать, опустилась на колени, стараясь нашарить ту самую «Жасминовую ветвь», которую я пообещала дать почитать Дрейку. В последний раз я ее видела, когда мы с Джером... Ну, кажется, она все-таки на пол упала, а потом наверняка оказалась под кроватью.

— Во-первых, у Джера, — вампир встал и, похоже, попытался заглянуть за кровать, — все еще есть шанс посмотреть, чего добилось чаролетостроение за время его отсутствия. По крайней мере, пока что это можно сделать относительно безопасно... Лесс, если ты еще чуть-чуть наклонишься, то случится неловкий конфуз.

— А ты не подсматривай! — возмущилась я, почти залезая под кровать. Дрейк кашлянул и вернулся к предыдущей теме:

— Во-вторых, через пять часов наше путешествие будет пролегать уже через Запретные земли... Так что лучше вам быть ко всему готовыми.

— Вот крайн! — Известие о скором вхождении в воздушное пространство Запретки заставило меня неосознанно поднять голову, но в результате я только ощутило стукнулась макушкой о днище кровати. Зато книжку нащупала.

«О да-а-а. Ушибленная голова — это ерунда, главное, что книжка в руках», — съязвил Фэй, гаденько хихикая у меня в голове, пока я поднималась на ноги, одной рукой потирая ушибленное место, а в другой держа заветную «Ветвь» в потрепанной обложке.

— Сразу не мог сказать? — Я протянула вампиру обещанную книгу. — Кстати, это та самая «Ветвь», у которой вид не соответствует содержанию.

— Мм... — протянул вампир, словно силясь найти какие-нибудь слова благодарности, в то время как Джерайн, судя по всему, искренне наслаждался текущей ситуацией. — И на каких условиях ты мне ее даешь?

— Не потеряй где-нибудь на корабле. — Я подсела на кровать поближе к Джеру, легонько касаясь его руки кончиками пальцев. — А если случится так, что я не вернусь, то оставь себе на долгую память и в качестве записки на черное безденежье.

— Спасибо, — ответил Дрейк, в то время как Джер обнял меня и уткнулся лицом в мое плечо. — А с чего подобная благотворительность?

«И все-таки ему завидно!» — хихикнул браслет. Я легонько стукнула им по бедру. Надо будет попросить у Джера какой-нибудь пароль, чтобы отключать говорилку у Фэя. Хотя, подозреваю, в таком случае жить мне станет и вполтину не так весело, как сейчас.

— Жалко будет, если такая библиографическая редкость сгинет вместе со мной в подземных туннелях сидхийской Столицы. — Я машинально принялась перебирать багряные волосы д'эссайна, доверчиво положившего голову на мое плечо. — А у тебя она проживет гораздо дольше, да и хоть изредка будет обо мне напоминать.

Джерайн, пользуясь тем, что сейчас волосы закрывали его лицо от глаз Дрейка, принялся мягко целовать мою шею, плавно сдвигаясь от основания к плечу.

— Я бы сожалел, если бы о тебе мне напоминала всего лишь книга. К тому же не имеющая прямого отношения к твоей персоне.

— И что ты предлагаешь? — Я ощутила, как Джер чуть-чуть прикусил кожу над ключицей, а вампир облизнул внезапно пересохшие губы.

— Так сразу я даже и не знаю...

«Лесс, я тебе памятник построю. Сам. С дарственной надписью».

Было бы чем строить.

«Интеллектуальный труд — тоже памятник. Хоть и нерукотворный».

— Когда узнаешь — скажи, — хмыкнула я. — А еще лучше — раскрой тайну, что там с ужином, пока Джерайн меня не съел.

— Ужин вас уже дожидается. Или его могут доставить прямо сюда. Думаю, вы этот вариант и предпочтете. — Вампир нахально подмигнул. — А Джер тебя съесть-то не съест.

Но попробует — точно. Думаю, что ему это понравится. Да я и сам бы не отказался...

— Дрейк, только не говори, что и тебя тут голодом морят, не поверю ведь. — Я легонько дернула д'эссайна за прядь волос, вынуждая его оторваться от «пробы» и посмотреть мне в лицо. — Джер, перестань меня грызть! Я невкусная.

— А тебе неприятно? — Джерайн сделал совершенно невинное лицо. — И ты очень даже вкусная. — Он облизнул губы. — По крайней мере, мне нравится.

— Ужин подадут в каюту, — уточнил вампир. — С минуты на минуту.

— Мальчики, попрошу запомнить, что я все-таки не пища. Это касается обоих. Кто забудет, пусть пеняет на себя. Дрейк, не стой над душой, сядь куда-нибудь, а? У меня шея затекает все время смотреть на тебя снизу вверх.

Как ни странно, но вампир послушно развалился на кресле, даже не споря лишний раз и вертя в руках, можно сказать, подаренную книгу.

— А я и не говорю, что пища, — ответил Джер и продолжил уже мне на ушко: — И не говори, что не поняла, что я имел в виду под словом «есть», не поверю.

— Пища и так сейчас подойдет. То есть ее принесут. — Дрейк откинулся в кресле, закинув ногу на ногу, открыл книгу и начал читать. Я едва заметно улыбнулась.

По правде говоря, вряд ли вампиру удастся продать этот раритет. Дело даже не в том, что зачитанность страниц и сохранность обложки оставляют желать лучшего, а в том, что почти на каждой странице поля были исписаны пометками и примечаниями предыдущих владельцев, и записи эти не всегда отличались цензурой и благопристойностью. Скорее наоборот.

«Только не говори, что и ты приложила руку к порче этого редкостного экземпляра», — хихикнул Фэй.

Нет, что ты. Только перо. И то далеко не везде.

«Что, кое-где место на полях оказалось занято целиком и полностью?»

Примерно.

— Дрейк, а ты кого есть собрался, или тебе кровь в бутылках приносят? — поинтересовалась я, наблюдая за листающим страницы вампиром и время от времени замечая усмешку на его губах. Похоже, до «пометок на полях» он уже добрался.

— Пару бокалов, — отозвался вампир, слегка демонстрируя свои клыки. — Лесс, я был неправ, когда считал, что подобная книга будет слишком общей «памятью» о твоей персоне. Нет, она полностью пронизана твоим духом. И я даже удивлен твоими познаниями. Интересно, комментарии к сценам любви двух женщин ты делала на собственном опыте?

— А ты думаешь, просто свечку в женской спальне держала и тщательно конспектировала увиденное? — вопросом на вопрос ответила я, отмечая вдвое возросшее количество заинтересованных мужских взглядов, направленных в мою сторону.

— Мне ты этого не рассказывала, — прошептал Джер мне на ухо, прижимаясь ко мне грудью так, что я кожей ощутила, как ускорилося его сердцебиение.

Дрейк оторвал взгляд от книги и облизнул губы. Медленно и чувственно, так что у меня появилось ощущение, будто его интерес к моей персоне плавно перешел в определенную область.

— Ты демонстрируешь столь обширные познания... И когда успела? — Даже голос у вампира изменился, став более чувственным.

— В сидхийской Столице весьма свободные нравы. А девушки, проходящие обучение для того, чтобы впоследствии стать Танцующими, живут в отдельном крыле, пересекаясь с мужчинами только во время общих занятий. Это делается для того, чтобы какая-нибудь из учениц не забеременела раньше времени. — Я пожала плечами. — Но ведь гормоны требуют разрядки, потому любовные игры между ученицами даже приветствуются, поскольку снимают напряжение определенного рода без риска вывода бойца из строя по причине незапланированной беременности.

«Интересные у тебя подробности личной жизни, даже я не знал».

Ну, так ты, как и Джер, не спрашивал.

Дыхание д'эссайна стало гораздо более частым и тяжелым. Судя по всему, ему захотелось продолжения уединения, но вместе с тем продолжения описания. Дрейк смотрел на меня так, будто у него уже пару веков не было женщины и он только сейчас обратил внимание на мою принадлежность к женскому полу. По крайней мере голос у него остался столь же обволакивающим, разве что прибавилось легкое придыхание.

— Вам что, рекомендовали снимать напряжение в свободное время с подобранной преподавателями парой?

— Что-то в этом роде. — Я задумчиво принялась заплетать волосы в длинную косу, то и дело перехватывая ее длинным кожаным ремешком, вытащенным из бокового кармана рюкзака, стоящего в изножье кровати. — Нас попросту селили попарно в комнату, и это была негласная рекомендация, но не строгий приказ, поскольку опытные учителя прекрасно понимали, что в насильно составленной женской паре скандалов и разборок будет гораздо больше, чем спокойствия и физической разрядки. Так что при желании мы могли поменяться комнатами, чтобы быть с теми девушками, которые приглянутся. И в конце концов образовывались довольно устойчивые, удовлетворяющие обе стороны союзы.

— Судя по этим комментариям, твой «союз» устраивал тебя так, как не смог устроить тот, кто дарил эту книгу, так?

— Он мне ее не дарил, я сама взяла. Почитать. Лет на двадцать, после чего он мне сказал, что можно не возвращать, — улыбнулась я, доплетая косу и привязывая к кончику остро заточенный серебряный полумесяц.

В дверь постучали, после чего она открылась, впуская двух вампиров с нагруженными подносами. Я развела руками, вставая с постели и одним движением убирая с небольшого столика разложенное снаряжение, позволяя вампирам достойно сервировать нам ужин.

— В общем, о своей юности расскажу как-нибудь в другой раз, а сейчас я чувствую себя зверски голодной. — Потеснив вампира-стюарда, я нагло перехватила с одной из тарелок небольшой пирожок и моментально отправила его в рот. — Господа, мне кажется, что не мне одной тут есть хочется, так что...

Вампир уютно устроился в кресле с бокалом крови, который ему подали как бы между делом, в то время как Джерайн присоединился к моей трапезе.

— Лесс, я надеюсь, что ты мне это все-таки расскажешь как-нибудь. — В голос Джерайна вкрались мурлыкающие нотки, как у кота, дорвавшегося до стратегических запасов сметаны. — Потому что ты очень... красиво рассказываешь.

— Ну, если у нас будет время по дороге к сидхийской Столице, обязательно поведаю тебе пару бак у походного костра, — обнадежила я д'эссайна, принимаясь за еду. Н-да, всего ничего до Запретных земель, и я снова начинаю нервничать, а этот ужин воспринимаю как последнюю трапезу перед казнью.

— Я очень на это надеюсь, — ответил Джерайн, после чего стал несколько более серьезным. — Дрейк... Будь другом, ты можешь дать еще час времени? Я немного не успеваю... А к Запретке хочется быть готовым во всех смыслах.

— Конечно. — Вампир кивнул. — На самом деле, через четыре с половиной часа или чуть больше будет профилактическая остановка в зоне условной безопасности. — Он отхлебнул из бокала. — Но я вас предупредил.

— И на том спасибо, что предупредил, — кивнула я, отрезая очередной кусочек от среднепрожаренного куска мяса с кровью. — У меня останется время на то, чтобы надиктовать Фэю завещание.

«Ты всегда такая пессимистка или у тебя просто сложный период в жизни?»

Честно говоря, сложнее некуда.

«Лесс, ты не обращай внимания на то, что я кажусь таким раздолбаем. На самом деле я лучшее из защитных устройств на сегодняшний момент».

Ну, поживем — увидим.

«Только давай без окончания этой поговорки, ладно?» — почти взмолился Фэй. Кажется, самооценка у него медленно сползает за критическую черту. И с чего бы?

Уговорил. Скорбного окончания не будет.

— И не только на завешание. — Вампир допил свой бокал и взял второй. — Надеюсь, его ты не будешь оформлять так же, как комментарии к подобному? — Он раскрыл книгу на случайной странице и положил ее на стол.

— Именно так и оформлю. Пусть потомки посмеются, не скорбеть же им, в самом-то деле, — усмехнулась я, искоса глядя на вампира.

— Скорбеть тоже есть по чему. — Он допил бокал залпом, поставил его на поднос и провел кончиком ногтя по недвусмысленной картинке, украшенной и дополненной художествами предыдущих владельцев книги. — Хотя бы кто-то будет обсуждать так подробно то, чего ему не могут дать. — Он оставил книжку открытой еще на полминуты, позволяя мне освежить комментарий в памяти, а затем забрал подарок с собой.

— Прошу прощения, но все-таки вынужден откланяться. Лесс, я благодарен за книгу. Джер, задержка тебе будет. Используй ее по максимуму.

— Как раз успею не только, — последние два слова д'эссайн выделил голосом, — доделать пару нужных вещей.

— Н-да? И что ты еще собрался доделывать? — поинтересовалась я у Джерайна, когда вампир вышел, аккуратно прикрыв за собой дверь. — Помимо пары нужных вещей?

— Коротко говоря, я бы хотел успеть получить пару лишних шансов на выживание для нас обоих.

— И что это за шансы?

Джер невесело улыбнулся и невразумительно развел руками.

— Так... Пара зелий, немного «инструментов»... Если честно, то... Это из тех шансов, которые действительно на крайний случай...

Я отложила вилку и, обойдя столик, обняла д'эссайна. Есть много чего «на крайний случай»... но я сделаю все, от меня зависящее, чтобы он вернулся на борт своего детища живым.

— Тогда не будем терять времени, у нас его и так не слишком много...

Вопреки всем прогнозам, в отведенные полчаса мы с Джером так и не уложились. Более того, только через час после ухода Дрейка д'эссайн соизволил вспомнить, что у него были запланированы какие-то дела, которые следовало бы завершить до высадки, и, наспех одевшись, поспешно покинул каюту.

Честное слово, я даже подумывала, стоит ли мне совершить чисто женскую глупость и обидеться, но потом решила, что у меня и без этих капризов найдется, чем заняться. В первую очередь переодеться в походную одежду. Шелковая сорочка — это, конечно, хорошо, но в Запретных землях лучше носить что-то более подходящее.

«Что-то мне подсказывает, что там тебе и алмазный доспех не гарантирует полную безопасность».

Как и ты, мой милый. Хотя когда я там была в последний раз лет семьдесят назад, то прекрасно обошлась без твоего навязчивого присутствия.

«Значит, со мной будет еще лучше», — пробурчал оскорбленный Фэй.

Буду надеяться. Тираэль мне как-то раз сказал, что через Запретные земли легче пройти в одиночку, чем имея с собой хорошо вооруженный отряд. Один или двое имеют все шансы проскользнуть незамеченными — конечно, если к везучести будет прилагаться определенное умение.

«И поэтому ты опять обряжаешься в свой скалолазный костюмчик?» — хихикнул Фэй, комментирующий мои сборы.

В нем гораздо удобнее, чем в свободной одежде. И гораздо меньше шансов, что какая-нибудь тварь схватит меня за полу куртки, а та окажется слишком крепкой.

«Зато уж если кто-то будет в тебя целиться, то попадет наверняка: слишком уж теперешний наряд тебя обтягивает».

И еще больше шансов, что промахнется, цапнув только воздух. Я в себя как в Танцующую еще верю.

«Иногда вера в себя — это единственное, что нас спасает», — пробурчал браслет и замолчал. Что-то в последнее время он становится все более и более занудным. По крайней мере, мне так кажется.

В дверь негромко постучали, а потом тихий, но весьма приятный мужской голос сообщил:

— Госпожа, капитан приглашает вас на мостик.

— Сейчас иду. — Я быстро застегнула ремень с дротами на правом бедре и, по привычке проверив, легко ли квэли выходят из наспинных ножен, открыла дверь, почти сталкиваясь с одним из вампиров Дрейка, ожидающим меня рядом с дверным косяком.

Весьма миловидный юноша, только чересчур женственный на мой вкус. И молодой. Конечно, я могу ошибаться, я не слишком хорошо определяю человеческий возраст, но мне казалось, что вампиру не было и восемнадцати, когда его обратили. С какой целью — оставалось только догадываться, но вспоминая фразу Дрейка: «Девочка, мальчик... какая на хрен разница?»...

«Подозреваешь, что этот женоподобный юноша — любовник капитана чаролета?»

Честно говоря, есть такие мысли, но утверждать не возьмусь. В любом случае мне-то какое дело, даже если оно и так?

«И действительно, — хихикнул Фэй. — Какое тебе дело?»

Вампир вывел меня к высокой двустворчатой двери, украшенной резьбой, и, распахнув передо мной одну из створок, отошел в сторону и поклонился, позволяя мне войти в капитанскую рубку. Честно говоря, первая моя мысль, когда я зашла внутрь, была: «Всевышний, мы действительно летим!»

Капитанский мостик представлял собой довольно просторное помещение, накрытое решетчатой полусферой, словно чашей, и казалось, будто бы он должен быть открыт всем ветрам, но никакого движения воздуха внутри не ощущалось. При ближайшем рассмотрении выяснилось, что решетки ячейки закрыты чем-то вроде волшебных стекол, отливающих на солнце сиреневыми отблесками.

«Это силовые поля, направленные как на улавливание солнечного света, так и на защиту от разного рода магических атак. Ветра, кстати, не чувствуется из-за них же».

Фэй, ты попроще объяснять можешь?

«Могу. Короче, это нечто вроде магических зеркал, которые пропускают свет, но задерживают смертельные для вампиров солнечные лучи, а также отражают направленную магическую атаку. То есть если в эту полусферу бабахнет пушка другого чаролета, то мы уцелеем с очень большой долей вероятности».

Так бы сразу и сказал. Нетрудно ведь, правда?

Я перевела взгляд на Дрейка, весьма удобно устроившегося в вертящемся кресле с весьма широкими и вычурными подлокотниками лицом ко мне и спиной к каким-то экранам, и приветственно улыбнулась.

— Внушительно смотришься, — отметила я, оглядывая вначале капитанский мостик, а затем и самого вампира, по-хозяйски развалившегося в кресле. Тонкие бледные пальцы Дрейка чуть нервно барабанили по подлокотнику, когда вампир развернулся ко мне на вращающемся сиденье. — Мне тут сказали, что капитану чаролета, то есть тебе, за каким-то крайном позарез понадобилась моя скромная персона. Могу я поинтересоваться, что стряслось?

— Ничего особенного. Просто я хотел ответить на твой подарок. — Дрейк протянул мне короткие ножны, из которых торчала рукоятка с гардой, больше напоминавшей шипастый кастет. — Надеюсь, ты не откажешься?

Я подошла поближе к вампиру и, приняв из его рук оружие, вытащила нож длиной почти в мой локоть и задумчиво взвесила на правой ладони. Взяла, как полагается, попробовала прокрутить в руке. Очень быстро выяснилось, что держать его следует лезвием вниз — тогда рукоять ножа ложилась в ладонь как влитая, а гарда-кастет оказывалась как раз над костяшками пальцев.

— Удобно, придраться не к чему. — Я вложила нож в ножны и прицепила их к замочкам на поясе с правой стороны. Немного непонятно, зачем мне нож, если есть квэли, но отказываться от подарка было неудобно. В крайнем случае, когда станет мешаться — уберу в рюкзак. — Большое спасибо, Дрейк.

— Что ты... — Вампир неожиданно робко улыбнулся, вставая с кресла. — Скоро мы расстанемся...

«Такими темпами он скоро тебя стесняться начнет! Лесс, признавайся, что ты с ним сделала, а?» — подозрительно вежливо поинтересовался Фэй.

Честно? Вроде бы всего лишь напилась в его компании. И все.

«Что-то я не верю, что этого было достаточно».

Я как-то тоже сомневаюсь.

— Это точно, — согласилась я, подходя к «решетке» обзорной полусферы и напряженно всматриваясь в густой белесый туман, клубящийся впереди. Всего ничего лететь-то осталось, верст десять. — И если мне не повезет, то навсегда. У меня, в отличие от тебя, второго шанса на «вечную жизнь» не будет.

Вампир прошел вслед за мной, встав за моей спиной.

— В связи с этим можно одну личную просьбу?

— Можно, конечно. — Я развернулась вполоборота так, чтобы Дрейк находился в моем поле зрения. Не выношу, когда у меня кто-то стоит за спиной. Привычка, искоренить которую не удастся даже Джерайну, хотя, когда он защищает мои тылы, я чувствую себя спокойнее.

Дрейк сделал еще полшага вперед, положил руки мне на плечи и повернул меня так, что теперь я смотрела ему прямо в лицо.

— Лесс... Возвращайся...

— Если все получится так, как задумано, — я легонько коснулась кончиками пальцев его щеки, — то я встречу вас через три недели у одинокой скалы, которая похожа на пик. Она там одна, выступает над остальными, как маяк. Быть может, я задержусь на день, но не больше. Если через день от назначенного срока меня не будет на месте — значит, в живых меня тоже нет. На этот случай Фэй оставил в памяти ВВП некое зашифрованное послание, которое откроется только на двадцать второй день от того, в который мы с Джерайном покинем твою «Птицу». Так что я все-таки надеюсь, что сегодня вижу тебя не в последний раз.

— Лесс... Возвращайся. Живой и невредимой. — Он потерся щекой о кончики моих пальцев, вздохнул и прижался лбом к моему лбу. — Я очень прошу.

— Знаешь, я бы тоже очень этого хотела, но не все от меня зависит. — Я осторожно и чуточку неловко обняла вампира за талию, с трудом удержавшись от язвительной реплики: «Не плачь, маленький, мама скоро вернется». Вообще правильной было бы, с точки зрения этикета, положить руки ему на плечи и соврать, что все будет хорошо. Но, во-первых, Дрейк был выше меня на голову, и было попросту неудобно следовать этикету; а во-вторых, ложь он чувствует лучше, чем нежить — страх, а я ой как была не уверена в успехе нашей с Джерайном затеи.

Вампир тяжело вздохнул и вдруг обнял меня, крепко и порывисто, прижимаясь ко мне всем телом.

— Только живи... — Он чуть отстранился, после чего его лоб на мгновение вновь прижался к моему лбу, а потом он скользнул подбородком по моей щеке и коснулся моих губ в поцелуе.

Честно признаюсь, я гадала, как ощущается поцелуй Дрейка в тех случаях, когда он не хочет оскорбить, унижить или заткнуть рот женщине, а просто хочет ее поцеловать. Оказалось — гораздо лучше, чем я представляла. По крайней мере, клыки почти не ощущались, а это уже немало — в прошлый раз он расцарапал мне губы в кровь. Сейчас же это было почти приятно, и если бы я не провела столько времени с д'эссайном, то вполне могла бы захотеть продолжения. А то и потребовать его.

«И, несомненно, получить, — хихикнул Фэй в моей голове, отвлекая мое внимание от Дрейка. — Помнится, кто-то говорил, что вампир — это живой труп, а некрофилией ты не увлекаешься. Или оказывается, что и в этом „извращении“ есть свои приятные стороны?»

Я не понимаю, ты что, таким способом бережешь мою добродетель для Джера? — изумилась я, прерывая поцелуй и почти виновато глядя на вампира, который взглянул мне в глаза со столь близкого расстояния, после чего прошептал прямо в губы:

— Лесс... Только не умирай... — и поцеловал меня еще раз, обнимая так крепко, что казалось, еще немного — и захрустят ребра. Так, как будто действительно прощался навсегда, и его это прощание несколько не радовало. Напротив, угнетало, заставляло чувствовать боль.

Я думала, тысячелетние вампиры вообще позабыли о таких мелочах.

«Если только они не сохранили частичку себя прежних», — мрачно вздохнул Фэй и замолчал.

Если это действительно прощание — а так оно скорее всего и есть, то...

Я обняла Дрейка крепче, скользнув кончиками пальцев по его спине, царапая ногтями шелк его рубашки. Прощай, Эдгар Дрейк. Вряд ли судьба разрешит мне войти в одну и ту же реку дважды, да и сколько можно крутиться перед носом у смерти, раздражая ее сверх меры? Если мы с Джером доберемся до входа в Столицу — это будет чудом. И вряд ли наше везение будет столь велико, что через три недели я буду ждать тебя и твои чаролеты у скалы-маяка...

Но если невозможное случится, то до свидания.

В ответ его объятия лишь усилились — он повторял мой жест, стараясь при том удержаться на какой-то грани... Поцелуй стал почти судорожным, но все равно оставался приятным, если бы не одно «но»: я не могла сама себе объяснить такую резкую смену поведения Дрейка. Как будто сегодня вечером в нашей с Джером каюте сидел один вампир, а тут — совершенно другой.

— Дрейк, Дрейк, хватит! — Я помотала головой, приходя в себя и упираясь ладонями в грудь вампира, удерживая его на расстоянии. — Ты головой не ударялся? Возбуждающих средств не пил?

Он моментально выпустил меня из объятий, и взгляд его стал более осмысленным.

— Извини, Лесс. Сам не знаю, что на меня нашло.

— Бывает. — Я вздохнула, оправляя куртку и застегивая ее наглухо, до самого горла. — Меня перед боем тоже иногда заносит. И сейчас... Вон с Джером целую неделю друг от друга оторваться не могли. Так что я понимаю...

Я еще раз достала подаренный Дрейком нож, покрутила его в руке и убрала обратно в ножны.

— Надеюсь, что твой подарок сохранит мне жизнь в Запретных землях. Ну, я пошла? А то я бы предпочла находиться на одной из открытых палуб — там я буду нужнее, если возникнут непредвиденные обстоятельства.

— Да, Лесс... Я сожалею, что так мало с тобой виделся. И еще провожу вас с Джером. — Вампир слабо улыбнулся, кивая мне на прощание. Я только улыбнулась, разворачиваясь к двери и шагая по полированному паркету капитанского мостика чуть скользящей, почти танцующей походкой.

Внутри уже поднималось наполовину приятное, наполовину тревожное волнение — то самое, которое обычно возникало у меня перед каждым серьезным «походом в никуда», перед каждым заказом или боем. Это уже потом, когда придет время действовать, это волнение уляжется и не напомнит о себе до тех пор, пока все не закончится, а до того придется немного понервничать.

«Не страшно, при твоём роде занятий это даже полезно. Концентрация внимания сохраняется».

Да и вообще поволноваться иногда попросту необходимо. Хотя бы веришь, что от тебя прежнего хоть что-то осталось.

Я взялась за позолоченную дверную ручку, поворачивая ее и дергая дверь на себя, и, видимо, потому не услышала, как Дрейк подошел как мне. Поняла это, только когда он произнес уже в шаге от меня:

— Это все же выше моих сил... — после чего развернул меня к себе, прижал к щелкнувшей замком двери всем своим телом так, что квэли в ножнах больно вдавились в спину, и вновь поцеловал в губы, яростно, почти жестко, словно действительно ничего не мог с собой поделать.

Фэй!! Тут не так что-то!

«Уже проверяю!»

Быстрее! Еще немного, и я остановлю его сама, а это будет больно, и очень!

«Знаю».

Я ощутила, как Фэй потеплел, и ухватила правой рукой Дрейка за ладонь так, чтобы нагретый металл браслета соприкасался с кожей вампира. По себе знаю, что так изобретение д'эссайна работает лучше.

Дрейк еле слышно застонал и оторвался от моих губ, покрывая поцелуями мое лицо, шею... Я уже радовалась, что успела застегнуть воротник куртки, иначе, боюсь, Дрейк не устоял бы от искушения пустить мне кровь... чуть-чуть, самую малость. Я ощущала, как его клыки царапают мою кожу, почти вдавливаются, но в последний момент отодвигаются, так и не пустив кровь.

Фэй, быстрее!

«На нем приворотное заклинание! Очень мощное. Вызывает непреодолимую тягу, желание следовать за объектом поклонения, почти не отличается от настоящей страсти, приводящей к легкому помешательству. Но заклинание с ошибкой, рассчитывалось явно не на тысячелетнего вампира».

А на кого? И откуда оно взялось?!

«Лесс, на второй вопрос ответа не знаю. На первый — рассчитано было, судя по всему, на женщину. На тебя, как я предполагаю».

Я еле слышно выругалась сквозь зубы. Потом довольно жестко двинула вампиру кулаком в бок, привлекая его внимание.

— Дрейк, на тебе приворотное заклятие!

— Знаю, — прошипел он сквозь зубы. — Лучше бей в нос! — И отдалился от меня на какое-то мгновение, которым я и воспользовалась, ударив его по лицу так, что вампир невольно отшатнулся.

— Тебе лучше? — поинтересовалась я, на всякий случай готовясь нанести ему еще один удар. Правой. Говорят, вампиры могут влететь с размаху лицом в каменную кладку, и ничего им от этого не будет. Не проверяла, но на всякий случай бить от души не стала — не хотелось бы сломать нос нашему капитану, вряд ли ему пойдет горбинка.

Из носа вампира потекла тонкая струйка крови, замарав подбородок и оставляя яркие следы на белоснежной рубашке.

— Лучше. Увы, но это заклятие мало того что усиливается со временем, так еще и использует слабости того, на кого попадет. Хотя и не мне предназначалось. — Дрейк облизнулся, окончательно приходя в себя. — Видимо, не все забавные комментарии на полях следует читать.

— Я не знала, правда. — Мне стало неловко и почти стыдно. — Я ведь сто раз эту книжку читала и перечитывала, и ничего подобного не наблюдалось. Может, Фэй сумеет это снять...

«И не надейся, милочка. Я тебе не дипломированный маг и не бабка-знахарка. Снимать сглаз и вешать на уши не обучен. Тебя исцелить от подобного еще сумел бы, и то только потому, что ты мой носитель. Его — вряд ли. Быть может, ослабить воздействие, но не снять полностью».

— Нет, не сумеет, — вздохнула я. — Говорит, что может только ослабить действие. Надеюсь, у тебя маг есть на корабле? Ну хоть один?

— С меня оно и само слезет. После полноценного питания, — отрезал Дрейк, откровенно любуясь мною. — Или еще что-нибудь придумаю, все не так страшно. Но вот за тебя... И за Джера опасение есть. — Вампир неопределенно повел рукой. — А еще... Лесс, пока что я тихо от тебя с ума схожу.

— Тогда я пойду от греха подальше, пока ты себя в руках держишь, — вздохнула я. — В любом случае, как я поняла, высадят нас с Джером максимум через сутки, так что потом у тебя будет чуть больше трех недель, чтобы преодолеть этот... недуг.

— Знаешь, сейчас я даже не уверен, что хочу его преодолевать, — прошептал Дрейк одними губами. — Удачи, Лесс. Береги себя. — Вот эту часть фразы он произнес уже громко, нарочито бодрым тоном, демонстративно улыбаясь.

Отвечать ему я не стала, только махнула рукой и выскользнула за дверь, используя Фэя как крайне говорливую и весьма заинтересованную только что полученной информацией карту. Два коридора, лестница наверх — и я уже вышла на вторую палубу, продуваемую всеми ветрами.

Как раз для того, чтобы увидеть, как «Птица», сбросив скорость, медленно всплывает в густое облако серебристого тумана, довольно ярко светящегося в ночных сумерках. В нос ударил кисловатый влажный запах не то стилового болота, не то протекающей подземной шахты. Никогда не могла понять, чем пахнет туман над Запретными землями, но то, что он забивал собой все остальные запахи — факт.

Мерзко, противно. Словно погружаешься в вязкий кисель, заползающий за шиворот, облепляющий лицо и волосы так, что рука сама тянется обирать с кожи несуществующую паутину.

«Ох, и сюда мы сунулись», — как-то обреченно пробормотал Фэй у меня в голове.

Да, именно сюда мы и сунулись. Можешь что-нибудь сделать, чтобы я не ощущала себя мухой в паучьем коконе?

«Могу». — Браслет замерцал, по письменам пробежали алые искорки, стремительно расплывающиеся по моему телу, как светящиеся муравьи. Стало щекотно, потом тепло, а затем я вдруг перестала ощущать так и липнущий к коже туман.

Спасибо.

«Не за что. Это заклинание много энергии не тратит, разве что его подновлять раз в сутки надо, но не переживай — об этом я точно не забуду».

Вот и ладушки.

Я подошла к поручням и заглянула вниз, в слабо светящееся туманное облако. Как ни странно, местами оно было прозрачным, и на миг мне показалось, что в этой прозрачности мелькнуло что-то белесое, длинное и гибкое, похожее на извив змеиного хвоста.

Волнение и тревогу как рукой сняло.

Шутки кончились. Мы — в Запретных землях.

ИНТЕРЛЮДИЯ II

Ничто так не приближает к смерти, как долголетие.

**Из записей сидхийского жреца, оставленных в наизидание
потомкам**

Алессьер Лэари'Шаан

Сегодня сияние нашего подземного «ночного солнца» было особенно ярким. Оно изливалось из сотен больших и малых кристаллов амитрина, растущих прямо на потолке гигантской пещеры, в которой располагался верхний, жилой уровень Seith'der'Estell, сидхийской Столицы, дробилось в аметистовых розетках, украшающих стены ближайших домов. Сияние слепило, разбивая вдребезги «ночное зрение», превращало столпившихся на

небольшом удалении сидхе в черные силуэты-тени. Я перевела взгляд на сияющий чуть в стороне от меня кристалл, озаряющий своим розовато-сиреневым светом эшафот и черные линии, складывающиеся в символ портала — к чему была дополнительно потраченная на освещение магия? Чтобы не давать мне разглядеть лица тех сидхе, что пришли на эту площадь проводить меня в «последний путь», а на деле — лишний раз проклясть за неверность данной клятве?

Только вот обвинение, которое сейчас зачитывает глашатай сидхийского Владыки, — ложное от первого до последнего слова. Не за нарушение клятвы Императорскому Дому изгоняют меня и из Сияющего Города, и из Дома Хранителей, и из собственной семьи. А за то, что чуть более века назад моя мать имела глупость польститься на светлого эльфа во время очередной поездки в Верхний город, Айрану. Да, полукровок в подземной Столице не любят. Очень не любят. Прошли те времена, когда смешанная кровь у младенца считалась нормой — конечно, в том случае, если в ребенке было больше от сидхе, а не от эльфа или, страшно подумать, человека. Сейчас полукровкам в Столице не место. Их сразу после рождения отправляют наверх, в Айрану, или еще куда подальше, благо наземное сидхийское государство ничуть не меньше подземного. Ведь до сих пор считалось, что полукровка не сравнится с чистокровным сидхе и потому не сумеет принести должную пользу обществу Столицы, где, как известно, остаются лишь лучшие из лучших.

Я родилась настолько похожей на чистокровную сидхе, что если бы не внеплановая проверка, устроенная Золотым Домом, никто и никогда не заподозрил бы во мне полукровку. Да и как заподозрить сидхе, которая с честью прошла все испытания во время длительного обучения в Ar'Quilen, уже год как получила в пожизненное пользование именные квэли и вот-вот готовилась влиться в ряды Танцующих при императорском дворе?

Правильно, никак.

И когда выяснилось то, что кровь моя недостаточно чиста, чтобы оставаться в Столице согласно ее законам и правилам, встал вопрос — что же со мной делать? Изгнать прилюдно Танцующую за смешанную кровь попросту не представлялось возможным — это подорвало бы сложившуюся за века непогрешимую уверенность в том, что овладеть тайным искусством боя и стать Танцующим может только чистокровный сидхе, ведь полукровки по определению не могли ни выдержать обучение, ни пройти ритуал посвящения. А я стала живым доказательством ошибочности этого суждения. Но поскольку власть сидхийского Владыки в последнее время была не столь незыблема, каковой должна бы быть, то я оказалась проблемой, которую необходимо было устранить в кратчайшие сроки.

Решение, разумеется, было найдено.

Тайная казнь и последующее объявление о моей гибели во время очередного обхода Рубежа — четвертого, пограничного уровня. «Героическая смерть» на службе Владыке принесла бы моему роду честь, а Дому Хранителей, к которому я принадлежала, — дополнительные дотации в качестве «искупления за утерянную жизнь».

Вот только первоначальный план, казавшийся столь простым, не удался. Нет, я не сбежала, я даже не пыталась воспротивиться, когда меня схватили мои же сослуживцы, заковали в кандалы и привели в Зал испытаний, в котором все Танцующие должны были пройти через последнее тренировочное сражение.

Оказалось, что в тот день почти каждый из присутствовавших в зале «палачей» долгие годы придерживал для меня камень за пазухой. По крайней мере, когда меня приковали к свисающим с потолка цепям и моя партнерша по брачному союзу от души влепила мне оплеуху с воплем: «Полукровка!!» — я перестала удивляться, увидев среди собравшихся и нашего общего мужа. Именно он грубо ухватил меня за толстую косу, спускавшуюся почти до щиколоток, и отхватил ее одним движением клинка. Голова сразу стала легкой-легкой, как пушинка, и одновременно пришло осознание — всё. За секунду тесно сплоченное «мы» разделилось на «я» и «они». Я все еще принадлежала к сидхийскому народу, но уже перестала для них существовать, как будто бы уже умерла.

И тогда моей партнерше вручили длинный тяжелый кнут и предложили наказывать меня

за ложь.

Право слово, до этого момента у меня оставалась робкая надежда на то, что женщина, с который мы делили ложе в течение шестнадцати лет еще со времен обучения, любит меня так же, как я ее, но с первым же ударом кнута, располозовавшим мне спину, она погасила ее раз и навсегда. Тариша словно с ума сошла, полосуюя мое тело и с каждым ударом говоря, за что она меня ненавидит. За то, что я, полукровка, сумела обогнать ее в Ar'Quilen на последнем испытании. За то, что тройственный союз с нашим общим возлюбленным мы заключили только потому, что без меня наш муж не соглашался брать ее в свою постель. Тогда мне было наплевать на мужчин, но этот оказался довольно симпатичным сидхе и интересной личностью, и я вполне могла потерпеть его в своей постели ради подруги, а вот поди ж ты... теперь я оказалась крайней.

Ничто так не губит лучшие чувства, как ненависть. Ледяная, отрезвляющая и позволяющая взглянуть на все как бы со стороны. Трезво взвесить поступки, оценить их — и сделать определенные выводы. И когда Тариша отбросила в сторону окровавленный кнут и обошла меня, чтобы заглянуть в мое лицо напоследок, то ее ждал неприятный сюрприз: моя улыбка на потрескавшихся, искусанных губах.

Моя теперь уже бывшая «жена» слишком хорошо меня знала, чтобы понять: если я каким-то чудом окажусь на свободе, то ее саму более никто и никогда не увидит в сидхийской Столице. Разве что Танцующие, обходящие дозором туннели у форпостов, наткнутся на засунутый в узкую расщелину труп.

Потом мои кандалы сняли и быстро зачитали приговор. По традиции жрец Богини Смерти вознес молитву божеству, прося принять меня к себе и дать возможность возродиться в лучшем из миров, после чего меня поставили на колени, а один из учителей-Танцующих занес надо мной ритуальный меч, используемый для казни.

Я до сих пор не знаю, что произошло. Как вышло так, что лезвие из адамантиевого сплава разлетелось на десятки осколков, едва коснувшись моей шеи. Почему острые как бритва осколки лезвия, вонзившиеся в мраморный пол по обе стороны от меня, всего лишь порезали и без того изодранную кнутом форму Танцующих, но не оставили ни малейшей царапины на коже. Это не могла быть магия — Зал испытаний был напичкан диамарийскими кристаллами, гасящими малейшее проявление волшебства настолько хорошо, что совершить такое чудо, как расколоть столь прочный клинок, могло только божественное вмешательство.

Богиня Смерть не пожелала принять меня к себе в тот день, именно поэтому я сейчас стою перед толпой жителей Seith'der'Estell в белом ритуальном одеянии со скованными руками. Меня решили не просто изгнать, а отдать на милость Богине в качестве добровольной жертвы. Если будет на то Ее воля, то я останусь жить, куда бы меня ни забросил портал с выходом в произвольную точку где-то на поверхности. Считалось, что сама Богиня решит, где мне появиться, чтобы начать новую жизнь или умереть в Ее честь. Но на деле, как мне кажется, представитель Дома Магии уже назначил мне точку выхода в максимально отдаленном и опасном районе, чтобы я гарантированно умерла и никогда не помыслила вернуться.

Наконец-то глашатай закончил с обвинением, под ноги мне положили честно заслуженные квэли в наспинных ножнах — отнять их не имели права, они принадлежали мне до конца жизни, а немолодой маг как раз закончил символ портала. Теперь оставалось только его активировать, и меня унесло бы в никуда. Вместе с памятью обо мне среди сидхийского народа.

Я отправлялась в верхний мир, лишенная принадлежности к роду и Дому, с обрезанными под корень волосами в знак позора, имеющая только ритуальное одеяние жертвы Богине, сохраненное имя и квэли Танцующей. С момента, когда портал выбросит меня где-нибудь наверху, все прежние клятвы будут забыты, а я буду считаться умершей для Столицы.

Сидхийский Владыка, находившийся за моей спиной на эшафоте, обратился к своему

— уже не нашему — народу с довольно длинной и витиеватой речью. Он огласил мой приговор так, что никто из присутствовавших не сомневался в том, что все сказанное — чистейшая правда, а то, что он, Владыка, отдает меня на суд и милость почитаемой Богини Смерти в качестве добровольной жертвы — неслыханное милосердие по отношению к клятвопреступнице. Я же с трудом удерживала равнодушное выражение лица, хотя губы так и норовили расплыться в ироничной усмешке — ведь именно сейчас Владыка показал свое насквозь лживое лицо и в моих глазах раз и навсегда перестал быть тем, ради кого нужно было умереть, не задумываясь.

Зря тогда он, по традиции, предоставил мне последнее слово.

Он считал, что я гордо промолчу, поскольку так и надлежало сделать, к тому же маг уже запел заклинание переноса, активируя портал, но ошибся. Я успела сказать многое, не стесняясь в выражениях. И то, что Императорский Дом вырождается, раз у самого Владыки в фаворитах ходит его же собственный капитан стражи, а старший принц и наследник престола так и не сумел заставить себя переспать хотя бы с одной женщиной, предпочитая исключительно хорошеньких молодых мужчин из прислуги его Дома. И о том, что Богиня Смерть все реже поддерживает решения Владыки — ведь даже на днях она вмешалась, противореча слову венценосного сидхе...

К счастью для Владыки и к несчастью для меня, маг успел дочитать заклинание до того, как я перешла на личности, и меня выбросило из Столицы крайн знает куда. Чернота телепорта сменилась вечерними сумерками в густом, пропахшем сгнившей листвой и древесной смолой лесу. Тишина стояла такая, что после гула толпы казалась попросту оглушающей — ни шороха, ни треска ветвей, ни птичьего пения. Заповедный лес...

Приграничный Лес.

Ох, Богиня, зачем ты не дала меня казнить, я бы тогда попала в твои объятия легко и быстро...

Где-то вдалеке раздался приглушенный треск, и все сразу же стихло. Я вытянула один квэли из ножен, валявшихся на траве под моими ногами, и, кое-как утвердив оружие под выступающим из земли древесным корнем, начала быстро-быстро перепиливать о мелкие зазубрины на внутренней стороне клинка металлическую цепь, прочно соединяющую кандалы на моих руках. От самих «браслетов» как-нибудь потом избавлюсь, сейчас для меня главное — свободные руки.

За этим делом я почти пропустила момент, когда нечто небольшое, похожее на обросшего мехом паука, бросилось на меня из ближайших кустов. Почти — это потому, что «паук» выскочил как раз в тот момент, когда железная цепь со звоном лопнула, перепиленная пополам, и не в меру голодную зверушку я встретила уже с оружием в руках.

Уже позже, невесть каким чудом выбравшись на затянутую туманом равнину из Приграничного Леса, я задумалась — как вышло так, что мне на пути не встретилось ничего страшнее того самого «паучка»: ведь если судить по сведениям, хранящимся в Столице, тварей в этом Лесу обитает немерено. И далеко не все они выпрыгивают из кустов — большинство предпочитает заманивать или загонять в ловушки, из которых нет выхода. Похоже, Богиня Смерть действительно не хотела принимать меня, и я уже не знала, стоит рассматривать это как неслыханную милость или же как величайшее презрение с Ее стороны.

Самое смешное, что по ту сторону Приграничного Леса меня ждали.

Еще не успело стемнеть, — а из Леса я выбралась на рассвете, — как я столкнулась со светлым эльфом, спокойно сидящим у костра с небольшой трубкой в зубах. Он даже не удивился, когда я вышла к нему, грязная, расцарапанная, голодная и с дикими глазами — просто предложил присоединиться к ужину. Когда я более-менее наелась и пришла в себя ровно настолько, чтобы вести себя не как затравленный зверь, а как разумное существо, мы познакомились.

Его звали Тираэль Ильрреан л'Арей и он был дальним родственником моего отца, получившего весточку из Дома Хранителей о моем грядущем изгнании. Как я и

предполагала, маги заранее спланировали место переброски, а в моем родном Доме об этом как-то узнали — и приняли меры, чтобы известить светлого эльфа. Оказывается, они верили в то, что раз Богиня не пожелала моей смерти, то я непременно выживу. И выйду из Леса где-нибудь здесь.

Тир не сразу признался, где находится это самое «здесь». Только поутру, после того как я проснулась и сменила ритуальные одежды, превратившиеся в грязные тряпки, на принесенные Тираэлем штаны и рубаху, он сказал название местности, где я оказалась после выхода из Приграничного Леса.

Запретные земли.

И это оказалось худшей новостью за последние несколько дней.

ГЛАВА 3

Любое мнение можно оспорить при помощи подавляющей огневой мощи.

Первое правило ведения переговоров

Джерайн Тень

Я не люблю время за то, что его никогда не хватает. Казалось бы, на борту Vera Be'gloria Preza я уже не первый день, маску и дроты я получил в самом начале нашего второго путешествия, так кто мешал мне заняться ими раньше? Плюс с Дрейком нормально не поговорил, на любые попытки общения отвечая: «занято». Стоп. Как подсказывает мне моя память, а я не имею причин ей не верить, тут я не очень прав. «Занято» отвечал тот из нас, у кого хватало дыхания. С учетом того, какой громкой могла быть Лесс в те моменты, когда прекращала сдерживаться, — ответить по-человечески удавалось не всегда. Зато любые попытки беспокоить довольно быстро прекратились.

На самом деле я даже рад тому, что судьба подарила нам с Лесс эти две недели спокойствия. Впереди Запретные земли, в них будет не до занятий любовью. Более того, если нам хоть немного не повезет, то мы вообще не доберемся до цели. В лучшем случае до Столицы сидхе дойдет только один из нас. Я очень надеюсь на то, что это я закрою Лесс собой, а не наоборот. Переживать ее гибель...

Нет. Глупо, очень глупо пытаться представить, что же я буду делать в таком случае. Я не знаю. И не хочу об этом думать. Тем более что с точки зрения всей экспедиции — и я и Лесс просто должны жить. Без меня останутся неосуществимыми многие планы Дрейка. Без нее... Без нее мне будет сложно жить, а не только думать о каких-то там планах. Особенно — о своих. Тем более я ей обещал!

Мы с Лесс прекрасно дополняем друг друга. Настолько, что иногда мне кажется, что мы — это две половинки одного целого и нам легко действовать вместе. Чувствуя партнера всем своим телом, понимая и принимая каждое движение. Знаете, иногда из-за такого хочется поверить в судьбу, которая сплела нити наших жизней в столь тесный узел, что их не отделить друг от друга, даже если прервать одну из них.

Я встретил ее месяца полтора назад в совершенно неподобающей для любовных дел обстановке. Точнее не так, это она встретила меня, причем два раза подряд и оба не слишком приветливо. В первый раз она меня обворовала, попутно приведя в чувство, во второй — собиралась перерезать мне горло из-за украденной картошки и куска мяса. Не знаю, с какого крайна я ее нанял, зато прекрасно помню, с какого возжелал. После той сцены с Тираэлем... Памятного купания...

Ладно, хватит. Воспоминания — это, конечно, хорошо, но предаваться им вечно невозможно. А как бы хотелось остановить некоторые прекрасные мгновения и обратить их в маленькую вечность на двоих... Но это означало бы потерю будущего, а даже самый

лучший поцелуй с Лесс не смог бы заменить всех тех, которых мы бы лишились.

Я положил на верстак маску. Провел кончиками пальцев по потемневшему металлу. Время взяло свою дань, потому моя задача — сделать что-нибудь свое на основе этого кусочка прошлого. Серебро тут найдется, остатки старой силы в маске — тоже. Да и с чего бы им тратиться, если я надел ее на какую-то пару часов, и то только для того, чтобы потерять в бою и уйти на дно. Собственно, тот случай был моей первой и последней попыткой службы в войсках.

И теперь именно эта маска, больше тысячи лет назад спрятанная в каком-то потайном месте, лежала передо мной на верстаке, ожидая ремонта, который занял лишь немногим больше времени, чем восстановление в памяти событий тех давних дней. Надеюсь, что тот, кто послал мне эту маску, хоть и знает, кто я на самом деле, то хоть немного недооценивает меня, хоть что-то не смог узнать о той старой битве...

Дальше стоило бы заняться дротиками, но я решил, что на этот вечер воспоминаний мне хватит. Если же воскрешать в памяти прочие события, то придется заново анализировать их последствия, проверять расчеты в связи с новыми обстоятельствами, и вечер воспоминаний легко может растянуться на всю жизнь — и я бы не сказал, что эта жизнь будет долгой и счастливой. Равен придет в себя уже очень скоро... К сожалению. А у меня еще что-то не готово. Вот только Шепчущие не сочли нужным напомнить — что.

Я мельком взглянул на тоненькую книжечку, явно оставленную мне Дрейком, и уже собирался приступить к прикладной алхимии, но взгляд мой зацепился за одно число на обложке.

Изумленный, я перечитал всю строчку. Затем еще раз. Информация потрясла меня настолько, что я почувствовал острую необходимость выпить чего-нибудь покрепче для восстановления душевного равновесия. Я потянулся к кувшинчику с вином и уже собирался отхлебнуть, но вовремя пришел в чувство, приняхался и отставил его в сторону. Если брошюрку мне подкинул Дрейк, то и вино оставил он. А если так, то туда может быть подмешано что угодно.

Я, конечно, верю, что мой ученик не станет меня убивать, но... Зная себя и вспоминая, чему я его учил, эффект от этого вина сказался бы в самый неожиданный для меня момент, играя на руку вампиру. Не люблю играть для кого-то. Уже много лет я играю сам для себя. На свой страх и риск, пусть и ради других существ. Но не для них.

Поэтому я отставил кувшин в сторону и внимательно просмотрел всю брошюру, окончательно подтвердившую мое мнение о вампире. Дрейк — гений и маньяк, совершенно безумный, но настолько же умелый. Нет, технические характеристики кораблей класса «Велика» могли быть выше, особенно при использовании д'эссайновской технологии. Но...

Дрейк *это* сделал. Как бы невероятно это ни звучало. Он в самом деле захватил тот западный континент, а потом так удачно организовал там государство, что постройка этих трех суперавианосцев заняла всего лишь семьсот лет. Это, конечно, если учитывать время на постройку плотин, электростанций и прочей инфраструктуры, добычу ресурсов и, собственно, научные исследования, потому что научно-технической базы для постройки таких колоссов в мои времена не было. Как и производственной, если честно...

От ВБП, да и вообще всех чаролетов моих времен, проект «Велика» отличался наличием не одного, а нескольких десятков сорсов, каждый из которых отвечал за свою функцию. Так за полет отвечало целых двадцать, плюс четыре — за синхронизацию и еще один — за взаимоотношение этой группы сорсов со всеми остальными на чаролете. Кроме того, как авианесущий корабль, «Велика» была способна удерживать на борту до пяти сотен «Воробьев», которые являлись побочным продуктом проекта «Велика» и так же, как и она, не могли быть построены в мое время.

Веретенообразный корпус с четырьмя рудиментарными крылышками вмещает в себя миниатюрный сорс, кабину пилота и средства эвакуации. Все. Конструкция максимально облегчена и обладает недостижимой для «больших» чаролетов скоростью и маневренностью, позволяющей с легкостью написать на облачке пару матерных слов в адрес противника.

Правда, защитного поля при такой скорости хватит в теории минут на двадцать, что было бы неприятно для пилотов, если бы не запас батарей, стремящийся к нулю уже на десятой минуте полета. Семьдесят километров дальности — это неплохо, но в наших реалиях воздушный бой затяжной, а не скоротечный. Мощности же орудий «Воробья» не хватит на что-то большее, чем свалить десяток-другой деревьев. Дальше исчерпывалась энергия, и стрельба становилась возможной только за счет двигателей, приближая бесславный конец.

В результате получаем чаролет, который невозможно применять в отрыве от хорошо укрепленной базы, да и на ней он не будет особенно полезным из-за долгой перезарядки. Единственное, что сейчас приходит в мою голову, — использовать эти чаролеты в больших количествах в качестве самоубийц, которые должны уничтожать противника, попросту пробиваясь через его защиту тараном. Дорого и глупо. Я пока еще не видел ни одного чаролета, который бы стоило уничтожать подобным способом.

Пока — не видел.

Потому что, насколько я могу судить по ТТХ «Велики», она была именно таким кораблем.

Большая часть ее сорсов была ориентирована на снабжение энергией «Воробьев», заряжая их за считанные секунды или же поддерживая в воздухе и помогая вернуться обратно тем боевым единицам, которые полностью израсходовали все запасы. В результате получаем оружие с максимальным радиусом действия в тридцать — тридцать пять километров, способное с легкостью перегрузить оборону любого противника, пусть даже крайне многочисленного. Кроме того, в случае боя, происходящего на расстоянии до десяти километров от «Велики», она может кратковременно накрывать «Воробьев» своим щитом, делая их почти неуязвимыми.

Больше всего потрясали размеры этой «суперавиаматки». Антрацитово-черный кукурузный початок порядка трехсот метров в длину, а в ширину — до ста, окруженный длинными щитами, похожими на листья, усыпанный «Воробьями» в защитных капсулах из хрустала, по которому проходили защитные поля «Велики».

Без минусов, впрочем, не обошлось. Скорость самих «Велик» оставляла желать лучшего, и на землю для ремонта приземляться они не могли. Да и не всякая река сможет вместить в себя такого гиганта. К тому же для производства каждого корабля были использованы какие-то очень старые артефакты, что увеличивало баснословную цену еще на порядок.

От чтения, анализа и алхимии меня отвлек тихий сигнал тревоги. Тихий — и тревоги?! Необычно, право слово. Я подключился к рабочей частоте ВВП, чтобы наконец-то прослушать, что же там приключилось.

Шум статики ударил по мозгам, в то время как я, несмотря на наводимые территорией и малой мощностью приемника помехи, смог разобрать, что флот атакован какими-то летучими существами, потеряно три «Воробья», противник не обнаружен. Рекомендовалось убрать всех «лишних» с верхних палуб, поскольку потери среди личного состава не исключались.

Ничего страшного, такой флот разматывает любую угрозу с воздуха в считанные минуты. Можно сидеть себе внутри чаролета и ждать, пока все закончится. Хотя...

Лесс. Крайн!!!

С нее станется попытаться найти приключений на свою... голову: попытаться отыскать эту чудо-юдину самостоятельно и провести сеанс пожизненного анатомирования противника, отчленив от него все лишние конечности, или там псевдоподии, в зависимости от того, что именно окажется у этих созданий. Как «удачно» у нее закончилась такая попытка с грифоном, слишком хорошо врезалось в мою память, чтобы бездействовать и дальше.

Крайн! Только бы успеть удержать ее от подобного безрассудства! Воображение уже нарисовало мне подобие того змея, с которым Лесс сражалась на речке, добавив ему лишние

крылья, щупальца, лапы... В запретной зоне могут водиться и более кошмарные создания, и вот с ними девушке сражаться точно не стоит.

Стремительно поднявшись на верхнюю палубу, я заметил сидхе, равнодушно обозревающую туман и благодаря этому неестественному спокойствию выглядящую на фоне общей тревоги, по меньшей мере, странно. Я тихо вздохнул с облегчением, когда заметил, что рубиновый глаз браслета на руке моей женщины неярко сияет, активируя одно из заложенных в его память заклятий.

Армаду окутывала мягкая ночная тьма, в небе светил ущербный месяц, а звезд, казалось, было намного больше, чем вообще может быть видно в этих широтах. Молочно-белый корпус Vera Be'Gloria Preza тускло светился в темноте. Если сильно напрячь зрение, то можно было увидеть вокруг очертания других кораблей, едва заметно подсвеченных зеленой по контуру.

Меж громад чаролетов летали юркие «Воробьи», обшаривающие окрестности прожекторами. Пока что, несмотря на все усилия, результата не было. Таинственные чудовища все так же прятались где-то рядом и поглощали тех, кто им попадался.

Я побежал к Лесс, чтобы утянуть ее с открытой палубы, когда на нее упал яркий луч прожектора одного из снующих повсюду «Воробьев». Между «Воробьем» и Лесс внезапно высветилась тварь, более всего напоминающая разросшегося червяка, который не то летел, не то парил в клочковатых извивах белесого тумана.

Тут же стало понятно, почему никто не заметил это существо раньше. Тело у него было практически прозрачным, как у медузы. Упавший на существо луч прожектора высветил в тумане не только слабозаметные очертания, но и скрючившиеся, изломанные тела внутри, будто бы оплавившиеся, скорее всего, уже частично переваренные в желудке твари. Хотя... Похоже на то, что все это существо — сплошной желудок.

Длинные, тонкие щупальца, росшие изо рта червя, потянулись к застывшей у борта сидхе, когда браслет на ее руке полыхнул густо-фиолетовым огнем, и гибкие призрачные щупальца сперва потемнели, а потом побелели, покрывшись инеем. Лесс, не поворачивая головы, почти весело окликнула меня, наблюдая за отшатнувшимся чудовищем, часть щупалец которого осыпалась мелким ледяным дождем.

— Джер, ты когда-нибудь видел, чтобы медузы летали? Нет? Я вот тоже вижу в первый раз. Не думала, что они настолько прожорливые.

— Не видел... — выдохнул я, немного замедляясь. С того момента, как я выбрался на бордажную палубу ВВП, прошло не больше двух секунд, и нас с сидхе разделяло еще с полтора десятка шагов. — Лесс, давай уйдем с открытого места? — Не нравилось мне соседство этого создания и моей сидхе. Любимой сидхе. Мысленно я подготовил захваты к тому, чтобы, чуть что, отлететь в сторону с пути этого создания, прихватив Лесс с собой.

— А смысл? — поинтересовалась девушка. — Оно все равно на таран пойдет и...

Договорить она не успела, потому что случилось две вещи. Во-первых, по несколько обмороженному червячку начали стрелять снующие вокруг «Воробьи», и он шарахнулся подальше от «Птицы», уходя куда-то вниз; и во-вторых — над открытой палубой нарисовался брат-близнец этого создания, явно младший, ибо был и меньше и быстрее того, которому досталось от браслета, позаимствованного ушастенькой у меня. настолько быстрее, что я с большим трудом смог различить, как в сторону Лесс «выстреливают» щупальца, а затем...

Я, честно говоря, не сразу смог понять, что же именно произошло. Сидхе метнулась в сторону настолько быстро, что это движение не просто «размазалось» — оно было почти незаметно взгляду. Всего лишь за какую-то долю секунды Лесс смогла преодолеть разделявшее нас расстояние. Упругий порыв ветра обдал мое лицо, и зависший над палубой «мелкий» — всего метра четыре червячок, разрубленный вдоль на две неравные части, начал медленно опускаться на доски палубы, растекаясь студенистым полупрозрачным киселем.

— Лесс, — осторожно сказал я, резко останавливаясь, — давай уберемся с палубы. Если так хочешь участвовать в сражении, то лучше пройти к Дрейку. Там ты будешь

полезнее.

И не будешь демонстрировать редкие чудеса скорости, и... Я пока еще ни разу не видел, чтобы Лесс настолько быстро двигалась. Может, не предоставлялось возможности? Не знаю. Похоже на то, что с тем водяным червяком, который чуть ее не убил, она не могла так ускориться из-за его ауры. Но... Кажется, только теперь я начинаю понимать, за что же на самом деле так не любят Танцующих. Ведь наверняка Лесс не одна такая умелая.

Если это действительно так, то пребывание в столице, где таких, как Алессьер, не один и не двое, а целый гвардейский полк, может оказаться более занимательным, чем я мог предположить, когда меня отговаривали от этого похода.

— Знаешь, — сидхе стряхнула с клинков серые комочки слизи и немного неровным шагом прошла разделяющее нас расстояние, отступая от медленно расползающейся по палубе лужи киселя, воняющего тухлятиной, — я даже готова с тобой согласиться... — Ее голос дрогнул. — А если ты посмотришь наверх, то поймешь почему...

— Лесс! К Дрейку! Бегом! — коротко скомандовал я, со всех ног несясь к ближайшему люку. Сидхе, на бегу закинувшая клинки в ножны, меня обогнала. И я ее прекрасно понимаю.

То создание, что медленно и величественно-плавно опускалось сейчас на ВБП, описать сложно. Судя по всему, этот летающий фосфоресцирующий студень, размером немногим превосходящий всю Vega Be'gloria Preza, приходился родной мамочкой тем созданиям, которые атаковали флот. Нет, я знаю, что с ним справятся. Но если щит хоть немного не выдержит, то те, кто по собственной глупости окажется на палубе, однозначно будут раздавлены, а погибать так по-глупому мне очень не хочется. Надеюсь, это существо успеют разделить на части до того, как оно сядет на корабль.

Лесс пробежала по кораблю, распахнула дверь на капитанский мостик, и, позабыв о церемониях, чеканя шаг прошла к донельзя сосредоточенному Дрейку, то и дело поглядывая на торжественно опускающуюся на «Птицу»... в общем, это светящееся полупрозрачное нечто.

— Дрейк, убери нас из-под этой гадости! — Сидхе нервно вцепилась пальцами в шикарную кожаную обшивку кресла управления. Хм. Похоже, еще немного, и она прордерет ее насквозь, и Дрейку придется либо латать дыры, либо заказывать новое кресло. Насколько я его знаю, оба варианта равновероятны. И я не удивлюсь, если выяснится, что среди нынешнего экипажа ВБП найдутся и краснодеревщик, и кожевенных дел мастер.

— Лесс, лапушка, не волнуйся. Все под контролем, — сказал Дрейк, увеличивая изображение твари на экране. — Смотри внимательно...

Сперва мне показалось, что в существо влетел огромный огненный шар, опаливший бок существа. Но шар продолжал сиять, и в его янтарном отблеске была прекрасно видна как сама тварь, так и синие отблески щитов ВБП. Секунд через пять «шар» съежился и принялся мерцать, все чаще и чаще, до того момента, пока откуда-то со стороны не полыхнул толстый карминовый луч энергии, прожегший в плоти существа широкую сквозную дыру. Думаю, что «Воробей» через такое протиснуться смог бы.

— Это был Бехемоф, — отметил Дрейк. — Сейчас... Еще секунду...

Щупальца твари ударили по щитам «Птицы». Они выдержали, и почти сразу же в небе одновременно зажглись сотни прожекторов, отвлекающие существо, но выдающие «Воробьев», заходящих в атаку на тварь небольшими группами по три — пять машин. Правда, групп этих было много. И в ночном небе эта атака походила на брачный танец светлячков, сопровождающийся фонтанчиками похожей на белесый студень «крови» — и многочисленными вспышками заклинаний. Несколько «Воробьев» все-таки попало под удар щупалец, но пока существо проигрывало вчистую.

— По-моему, с «Воробьями» перебор, — задумчиво проговорила Лесс. Кожаная обшивка спинки кресла под ее ногтями лопнула и расползлась неровными дырками. Ого! Удивительно, как она умудрилась не пропороть мне спину за все то время, что мы с ней... делили уединение. — Дрейк, и если я еще хоть раз услышу от тебя «все под контролем» до

высадки, я убедительно докажу, что это не так.

— Почему перебор? — Дрейк оторвался от картины битвы и взглянул на Лесс. — Что тебе не нравится на этот раз, о, вечно сомневающаяся дева, чья кожа подобна свежему снегу под лучами утреннего солнца?

— Я тебе потом расскажу. А пока не отвлекайся, не то я тебя съем и скажу, что так и было задумано с самого начала. — Сидхе убрала руки со спинки кресла управления, немного полюбовалась на получившиеся «автографы» и нехорошо улыбнулась.

— Расскажи сейчас. — Вампир неотрывно смотрел на Лесс, в то время как «Воробьи» на экране сосредоточились на методичном отстреливании щупалец существа. Это выходило у них весьма успешно, и первое щупальце рухнуло вниз всего за полминуты обстрела.

— А я у тебя все хотела поинтересоваться, откуда в кабацкой песенке, подслушанной мною где-то неподалеку от Иррестана, взялась строчка: «Но пятьсот воробьев на сундук мертвеца это, как ни крути, многовато». — Девушка подняла голову, наблюдая за тем, как корчится в воздухе огромная тварь, как вниз падают ошметки полупрозрачной осклизлой плоти. — Нам повезло, что они не очень быстрые, даже маленькие, что удивительно.

— Многовато, многовато, — нетерпеливо перебил вампир. — Я тому сочинителю когда-нибудь что-нибудь оторву. Например, язык. Лесс, ты не ответила на мой вопрос. Прошу тебя! Тем более что с чудищами уже практически покончено и скоро мы двинемся дальше.

— Честно говоря, я несколько неуютно ощущаю себя на чаролетах. — Лесс едва заметно и почти смущенно улыбнулась. — Поэтому мало того что от пропасти с версту под ногами меня отделает всего лишь некая конструкция из дерева, металла и магии, так еще и какая-то гадость пыталась на нас усесться, как курица на высиживаемое яйцо.

— Лесс, курица и яйцо — не самое удачное сравнение. Хотя, как я подозреваю, и самое удачное из цензурных. — Говоря все это, я внимательно вглядывался в выражение лица и движения сидхе. Надо же, о том, что она так боялась, я и не знал. — К тому же маленькие «медузки» быстрые, и даже очень, а ты... — Меня перебил низкий, раскатистый грохот. Чаролет тряхнуло, но не слишком сильно. Внимание мое переключилось на экран, на котором дохлое чудовище уже стекло по куполу защитного поля и отправилось в долгий полет к земле.

— Если бы я была нормальным разумным существом, то предложила бы повернуть назад, — задумчиво протянула Лесс. Мы с вампиром удивленно покосились на нее, когда она развела руками и добавила: — Какое счастье, что я не из таких. Дрейк, извини, что отвлекаю в очередной раз, но есть ли у меня шансы в ближайшее время совершить налет на корабельный камбуз и обнаружить там что-то съестное, помимо повара?

— Как только все уляжется, — ответил вампир, — то есть минут через двадцать. Но учти, что заниматься рейдерством на территории, занятой чужим флотом, — это смертельно опасное занятие. Надеюсь, что твой желудок потерпит доставки нормальной пищи?

— Лесс, а про твою нормальность мы потом поговорим. Наедине, — уточнил я. — Тем более что мне очень и очень хочется узнать о том, каким именно способом ты умудрилась ускориться до такой степени и даже не заметить этого знаменательного факта.

— Дрейк, когда я начну грызть твое ухо, ты сразу поймешь, что терпеть я больше не могу, — фыркнула сидхе и замолчала, делая вид, что сосредоточенно разглядывает прорванную обивку кресла и собственные ногти, которые, как могло помнить мое тело, «боевой заточкой» не отличались.

— С учетом того, как ты обо мне отзывалась, погрызенное ухо будет действительно крайней степенью голода. — Вампир довольно усмехнулся, повернувшись к экранам. — У тебя там рядом Джерайн стоит. В качестве неприкосновенного мясного запаса.

— Пожалуй, на него я посягать не стану, он сам кого хочешь съест. К тому же тебя от погрызенного уха не убудет, а с Джером мне еще через Запретные земли к сидхе идти. Вдруг он сначала обидится, а потом меня на выходе недосчитаются? — с фальшивой скорбью в голосе протянула Лесс, и в самом деле как-то очень уж алчно рассматривая Дрейка.

Интересно, она действительно верит в то, что сможет взять вампира на испуг? В жизни не поверю в подобную наивность опытной наемницы.

— Лесс, ты точно еще ни одного своего противника не сожрала? Кажется, ты действительно достойная пара для Джерайна. — Вампир сделался на удивление флегматичным. — Столько голода и агрессии после каких-то двух минут сражения — это, по моему мнению, перебор. — Он настолько заскучал, что даже зевнул. Нет, отнюдь не фамиллярно раззявливая пасть так, чтобы всякий желающий мог бы разглядеть и оценить состояние его челюстей, а аккуратно прикрывая рот кружевным платочком.

— А может, я все-таки беременная, оттого и аппетит повышенный? — с «радостной» ноткой в голосе задумчиво выдала сидхе, рассматривая что-то на экране перед Дрейком.

— Не-а, — решил я вмешаться в диалог, пока вампир разглядывал Лесс с повышенным удивлением, едва успев закрыть рот. — Если бы ты уже была беременна, то твой браслет такую бы свистопляску устроил... Я сомневаюсь в том, что он позволил бы тебе подвергать опасности как свою драгоценную жизнь, так и жизнь твоего нерожденного младенца. При этом он был бы совершенно уверен в том, что защищает ваши жизни от твоей глупости, и я не могу даже предугадать последствия такой заботы.

— Джер, ты просто невероятная зануда, раз шуток не понимаешь. И кстати, а ты-то откуда знаешь, когда и как свистит Фэй? — Девушка развернулась ко мне с таким хищным выражением лица, что мне стало ясно, что она с удовольствием попробует закопать меня здесь и сейчас. — Ты ведь какую-то подслушивающую штучку собрал, да? Джерайн Тень, лучше отвечай честно, а то я за себя не ручаюсь!

Интересно, подобные перепады настроения вызваны голодом? Тогда я рад, что вижу ее такой голодной впервые. И надеюсь на то, что подобное состояние будет возникать как можно более редко.

— Во-первых, я создал Фэя. И на правах создателя получаю от него сигналы тревоги. Конечно, не всегда и при соблюдении определенных условий, которые сейчас выполняются. Штучка же, которую я себе сделал, лишь увеличивает дальность получения подобных сигналов. Не волнуйся, Лесс, эта так называемая «шизофрения» будет хранить тайну твоей личности до утраты собственной целостности и даже несколько дольше, ибо расшифровка всех сведений займет не один и не два года, но...

— Что-то твою тайну она хранит не очень успешно, — перебила меня Лесс, — насколько я могу судить. Но буду иметь в виду, что все более-менее значимые сведения о моем состоянии будут тебе известны.

— А я разрешил ему про меня рассказывать, если не помнишь. И еще раз повторю, — я положил руки на плечи сидхе, — что-либо мне станет известно лишь в критическом случае, например, при тревоге. Я совсем не подслушиваю те скабрёзности, которые он тебе высказывает при первой возможности, хотя они мне, бесспорно, интересны. Но рассказывать об этом я поостерегусь, делая скидку на «лишние» уши.

— Не переживай, сейчас его с трудом можно заткнуть. — Лесс склонила голову, легонько потерлась щекой о мою ладонь. — Дрейк, сколько осталось до высадки?

— Шесть часов. Иначе вам пешком придется идти и дальше и дальше. Лесс, ты точно в порядке?

Пока он говорил, я притянул любимую к себе, шепча ей в заостренное изящное ухо:

— Слушай, дорогая моя, ты точно в порядке? Все ясно, боевой гнев, но такой сильный — это чересчур, понимаешь?

Она только качнула головой, осторожно приобнимая меня в ответ, и я почувствовал, с какой бешеной скоростью бьется ее сердце, перегоняя кровь по жилам. Теперь понятно, почему она так голодна — похоже, что она чувствует себя так, будто ее обмен веществ внезапно ускорился в разы. Если же судить по тому, как она меня обнимала... После произошедшей встряски она до сих пор на взводе.

— Расслабься, — прошептал я ей на ухо одними губами.

— Лесс? — Дрейк оторвался от экранов и повернулся в нашу сторону. — Твоя

внеплановая пища скоро будет.

— Спасибо. — Сидхе глубоко вздохнула и попыталась медленно выдохнуть. У нее не получилось. Странно, что Фэй не вмешивается, по идее это его прямая обязанность. — Дрейк, я буду тебе весьма благодарна.

— Лучше будь благодарна повару. Я только посредник. — Вампир развернулся вместе с креслом, откидываясь на его спинку, и тут же снова выпрямился. — Лесс, это ты сделала? Если нет, то возникает другой вопрос: откуда тут это? — В конце фразы он повысил голос.

— Что именно? — вяло откликнулась девушка, делая вид, что она тут совсем ни при чем. Почти успешно.

— Ты испортила обшивку кресла. — Дрейк проследил за движениями сидхе подчеркнуто внимательно. — Как я понимаю, своими ногтями. Я прав?

— Я не нарочно...

— А специально, — завершил фразу Дрейк, наблюдая за тем, как в открывшуюся дверь вкатывают столик на колесах, на котором стояло несколько накрытых блюд. — Кушать подано. Правда, садиться тут некуда, но, надеюсь, есть стоя — это не совсем дурной тон? — Он встал с кресла. — Лесс, я настаиваю на твоём ответе. Объясни, как ты это сделала и почему Джерайн все еще жив.

Я уже успел выпустить Лесс из объятий, но при этих словах тут же насторожился.

— Мм? — глубокомысленно выдала сидхе, уже откидывая салфетку с одной из тарелок и откусывая внушающий уважение кусок от горячего еще пирожка.

— Судя по тому, что произошло с моим креслом, в первую же ночь с тобой он должен был лишиться нескольких солидных кусков мяса, вырванных из его спины твоими нежными пальчиками.

Лесс в ответ только развела руками, поскольку одновременно внятно говорить и жевать еще ни у кого не получалось, пусть даже попыток было множество.

— Не спеши, прожуй. Не торопись так сильно, подавишься! — Он повысил голос, глядя, как сидхе попробовала возразить и на эту фразу. — Я все равно жду твоего ответа. — Дрейк обошел кресло и встал, положив руки так, что они легли на царапины, оставленные ногтями сидхе. При этом его пальцы были заметно короче этих самых царапин.

— И мне объясни, — попросил я. Регенерировать подобные раны я могу, но инстинкт самосохранения нервно взвизгивает, как только я представляю, что еще может натворить моя сидхе, если нечаянно так сделает со мной.

Лесс все-таки прожевала пирожок и виновато посмотрела на нас обоих.

— Ребята, извините, я испугалась немножко, когда корабль тряхнуло...

— А можно ты приведешь еще один пример того, как «немножко» испугалась? — уточнил я. — Ты никому, часом, голову не оторвала? И, кстати, поцарапать кресло ты успела до тряски.

— Не помню, — созналась она, беря еще один пирожок с тарелки. — Но из Запретки в тот день мы с Тиром как-то выбрались...

Я склонил голову набок, внимательно рассматривая Лесс.

— Ты что, о том своем походе вообще ничего не помнишь?..

— Обижаешь, помню. Просто тогда я в принципе была очень нервная, очень злая и очень обиженная. А из Запретных земель мы с Тиром примерно неделю выбирались или около того. Просто оказалось, что недалеко от границы проживала тварюшка, вернее... В общем, оно генерировало негативные эмоции, и страх — в первую очередь, а потом загоняло в ловушку. Вот все, что происходило с того момента, как мы на нее натолкнулись, я знаю только со слов Тираэля. Сама не помню. Но Тир говорил, что зверушки там этой больше нет. Как и ее гнезда. — Лесс доела второй пирожок, потянулась за третьим. — Джер, по ходу дела скажу, что недавнюю встречу с речным змеем я помню только благодаря Фэю. В Запретных землях, судя по всему, на меня в тот раз накатило то же самое.

— Кхмм... — Я умолк, подавившись собственными мыслями. Интересно, если от страха Лесс настолько сходит с ума, то как выжил Тир? То, что меня спас мой браслет, я уже

понял. Без него у меня была бы огромная куча проблем, а так... Так у меня огромная куча других проблем. Но хотя бы Лесс со мной. — Давай не будем про Тира?

— Давай, — подозрительно легко согласилась сидхе. — Что говорить о живых покойниках. Дрейк, к тебе не относится. Кстати, Джер, зря ты настолько нервничаешь. У Танцующих состояние страха искусственно культивируется, превращается в оружие и позволяет совершить невозможное. Случаи провалов памяти у меня — это, как мне сказали при обучении, моя индивидуальная особенность, своеобразная реакция, так сказать. В бою я себя контролирую, по крайней мере, настолько, что отличаю своих от чужих. Большого обычно и не требуется.

— А ты всегда в состоянии заметить, что противники уже кончились? — спросил я с легкой иронией в голосе. — Так... заранее уточняю.

— Я ж тебя тогда не убила, — пожалала плечами сидхе, добираясь до второй тарелки с бутербродами и наливая себе из графина прохладную воду.

— Кхм... — Я закашлялся, представив себе перспективу дальнейшего путешествия. Кажется, следить за своей женщиной придется не только ради ее безопасности, но и своей тоже. Так, на всякий случай.

— Интересно, — протянул Дрейк, глядя на сидхе каким-то совершенно особым взглядом. — И ты в любой обстановке так пугаешься?

— Не-а, и не надейся, — широко улыбнулась Алессьер. — Далеко не всегда и далеко не в любой обстановке.

— А ты можешь этот страх контролировать?

Интересно, к чему он клонит? И понимает ли Лесс, что она меня не попыталась убить не совсем благодаря своей собственной выдержке?

— По большому счету да. Раньше было сложнее, а сейчас, с помощью Фэя — гораздо проще. Он все же помогает мне выходить из этого состояния с наименьшими потерями. А с чего такой живой интерес?

— Так, это личное. — Дрейк многообещающе улыбнулся. — Учусь восстанавливать над собой контроль. В определенные моменты.

— Учись-учись, тебе полезно будет. Конечно, я слышала, что для древних вампиров управление страхами всех тех, кого они считают существами низшими, то есть не равными себе, это отдельная категория удовольствий, но прошу, не пытайся ставить на мне эксперименты. — Девушка отправила в рот очередной бутерброд и многозначительно побарабанила пальцами по спинке пострадавшего кресла.

— И кто тебя учил такой чуши? — уточнил я, надкусывая один из пирогов. — Вампиры любят управлять совсем не страхами. Некоторым вообще на управление кем-либо наплевать, вне зависимости от их возраста. Понимаешь? — И вообще, сколько вампирских кланов, столько и мнений. Управление же страхами — это хобби и хлеб насущный д'эссайнов! Поверить не могу, что какой-то вампир оказался столь беззаботен и нагл, что присвоил себе сии привычки!

— Понимаю, — беззаботно кивнула сидхе, с непосредственной наглостью усаживаясь в кресло управления и перебрасывая ноги через один из подлокотников. — Видимо, тот, который мне встретился и нес эту чепуху, был в своем роде извращенцем.

Дрейк же отреагировал на сей маневр девушки несколько необычно: он провел в воздухе над головой Лесс, будто глядя ее по волосам, но так, чтобы она не могла этого заметить.

— О... Ты еще не успела рассказать мне про эту встречу. Поделишься? — спросил я. — Она закончилась для него летально?

— Насколько я знаю, потом то помещение просто выжгли и сделали ремонт заново, — пожалала плечами Лесс, задумчиво глядя то на экраны, то на серебристый туман сквозь решетчатую «полусферу», накрывающую капитанскую рубку. — Дрейк, знаешь, у меня возникла мысль о том, что непосредственно у гор нам лучше не высаживаться. Лучше в низине, там, где довольно густой пролесок.

— Проблем нет. — Вампир пожал плечами. — Выбор места высадки сейчас зависит лишь от твоей прихоти, ибо ты знаешь эту часть Запретки лучше, чем я. Один только вопрос, на всякий случай: ты можешь ответить, чем обусловлен этот выбор?

— Тем, что в густом пролеске на нас не нападет никто, размером больше эттина, а даже если попытается, то услышим мы это гораздо раньше, чем оно успеет приблизиться на критичное для нас расстояние. — Иногда оптимизм Лесс кажется мне сравнимым лишь с ее пессимизмом. Наверное, она ни разу не видела по-настоящему крупной и притом бесшумной твари. Я видел, и мне этого впечатляющего зрелища хватило. Надеюсь, что нам такое не встретится. Очень надеюсь. Это первое. А второе... — Лесс указала на один из экранов, на котором были видны те самые горы, в которых так не хотела высаживаться сидхе. Изображение было приближено, но не слишком сильно, горы были чуть подсвечены, рисуясь не черными, а серыми громадами. — Присмотрись внимательнее, пожалуйста. Ничего не замечаешь?

— Про что именно ты говоришь? — То, что вампир даже не взглянул на экран, говорило о многом. Как минимум он и без подсказок знал или догадывался о том, что имела в виду Лесс. Как максимум — параллельно с нашим разговором он занимался тем, что общался с кораблем на все возможные темы, включая координацию и управление флотом.

— Про это. — Девушка коснулась кончиком пальца изображения горной цепи, которая казалась темной громадой в окружении более светлых, слабо светящихся прядей тумана. При более внимательном рассмотрении стали видны редкие, хаотично передвигающиеся блуждающие огоньки, которые возникали на фоне гор яркими вспышками и тут же пропадали, мгновенно появляясь в другом месте. — Считайте меня кем угодно, но мне очень не хочется оказаться рядом с одним из этих «огонечков».

— Разумно, разумно. Я понимаю, что ты о них ничего не знаешь и хочешь обезопаситься от неведомой опасности. Хорошее решение, — улыбнулся Дрейк. — До прилета время еще есть, и его даже больше, чем нужно на сборы. Думаю, что всего до вашей высадки остается часа два. С учетом погоды. Надеюсь, что вам хватит, и вы не будете нас задерживать лишний раз?

Сидхе вздохнула и перевела на капитана чаролета тяжелый, усталый и по-своему безнадежный взгляд.

— Дрейк, вся, абсолютно вся эта затея с самого начала безумна, лишена логики и здравого смысла. И самым разумным в данной ситуации может быть только отказ от этой бессмысленной затеи. Но поскольку ни ты, ни Джер даже и не предлагаете совершить что-то по-настоящему разумное, мне остается делать все возможное, чтобы не погибнуть с вами в один день, как последней идиотке.

Лесс рывком поднялась с кресла и направилась к выходу с капитанского мостика, по традиции оставив за собой последнее слово, которое, как всегда, добротой не отличалось.

— Кто бы говорил про безумие, — вздохнул я ей вслед, после чего повернулся к Дрейку. — Да, времени на сборы хватит с лихвой. Думаю, что если бы я не отвлекался на то, чтобы посмотреть на бой, то успел бы завершить все, что можно, гораздо раньше, но... так получилось.

— Надеюсь, зрелищем вы насладились?

— О да. Это было интересно, — сказал я, поворачиваясь к Дрейку спиной и направляясь к двери. — Прости, но, боюсь, времени осталось слишком мало, чтобы тратить его на разговоры.

— Понимаю, — сказал вампир и добавил тихо-тихо: — И удачи тебе... Джер.

Я ничего не ответил на его пожелание и вышел из рубки, затворив за собой дверь.

Времени оставалось мало, а дел было действительно достаточно много, для того чтобы занять эти несчастные два часа.

ИНТЕРЛЮДИЯ III

Запомните! Вы это делаете не чтобы сделать, а чтобы задолбаться!

Третий армейский принцип

Джерайн Тень

Однажды я служил в армии. Смешно звучит, право слово. Тогда мне было лет тридцать — сорок, увы, точный возраст стерся из моей памяти. Я был восторженным юнцом, недавно собравшим свое эсси'д'шарме и захотевшим условно «легализоваться», получить право на убийство так, чтобы не нарушать никаких законов. С такими запросами я мог пойти в палачи, медики¹⁰ или же в армию. Что бы там ни говорили про разведку и контрразведку, убийство при подобной работе — признак беспомощности и неумения заставить ситуацию работать на себя.

Распределительно-тестирующая машина имперской военной службы закинула меня в пограничные войска. С учетом того, что нарушителей границы было позволено убивать без санкции вышестоящего начальства, я приободрился. Источник пищи должен был стать надежным настолько, что о базовом росте умений я мог и не задумываться.

Приподнятое настроение сохранялось до тех пор, пока я не прибыл в расположение части. Тогда я взвыл от тоски и безысходности, но было уже поздно. Я забыл о том, что кроме внешних государственных границ в империи было немало «внутренних», разделявших беспокойные во всех смыслах территории. Пограничные башни оставались стоять даже после того, как происходило окончательное принуждение к миру всех инакомыслящих. Логика командования была простой: если есть башня, то в ней должен быть гарнизон. В крайнем случае он успеет позвать на помощь прежде, чем героически погибнет во славу охраняемой территории. Даже если охранять им за давностью лет нечего.

Ну или не успеет никого позвать. Система связи регулярно накрывалась пресловутым медным тазом, в качестве которого могло выступать все что угодно, начиная с плохой погоды и заканчивая таинственными, неведь откуда берущимися помехами.

Караульная башня, в которой мы располагались, была около тридцати метров в высоту, метров десять в диаметре и окружена стеной в два метра шириной и пять высотой. Для полного счастья она была построена из практически неподвластного времени и неразрушимого материала нежно-розового цвета. Не знаю, каким извращенцем и извергом нужно быть, чтобы тратить такие огромные деньги на такую ерунду, и знать не хочу! Думаю, что именно после этого легендарного строительства в архитектурных планах оборонительных сооружений появился пункт «расцветка материалов».

Впрочем, о той истории я ничего не знаю, так что не буду гадать.

Как я уже говорил, к моему жутчайшему разочарованию, рядом с башней уже давно не было никакой границы, и, следовательно, не было никаких нарушителей. Рацион был достаточно скуден, чтобы занять часть стен парниками, редкие охоты на горных козлов позволяли не забывать вкуса мяса, а поскольку до ближайшего поселения было полтора дня пешим ходом, единственное возможное развлечение оказалось труднодоступным, и рекрутам пришлось как следует поднапрячься, чтобы не сойти с ума от скуки.

Всего нас, таких неудачников, было пятнадцать существ. Я, два эльфа, десять человек и один эттин. Я бы мог ради шутки сказать, что он-то нами и командовал, но это было бы перебором. Бесспорно, эттины на многое способны, но поручать им руководящие должности — это один из способов совершать узаконенное убийство подчиненных руками начальства. Ведь эттины — трехметровые двухголовые гиганты с дубленой шкурой, толстыми мясистыми пальцами и когтями размером с акулий зуб, были способны разорвать тигра

¹⁰ У каждого врача должно быть личное кладбище!

голыми руками, но при этом мгновенно пасовали, если требовалось сделать самый простой выбор из двух вариантов. При этом они отличались удивительными философскими идеями и были способны описать одну проблему с множества точек зрения: их оппонент всегда был с ними рядом.

Посему командовал нами человек изумительной храбрости и стойкости, капитан Лингэл. Ветеран нескольких десятков спецопераций, одной победоносной кампании, человек-камень, находившийся в самом расцвете сил — и в глубокой опале, связанной не то с излишней жестокостью, не то с придворными интригами.

Остальная компания подобралась ему под стать — эльфы, тихо озверевшие от скуки, выращивали на окне казармы какие-то очень веселые травки и систематически проверяли их действие на людях. Капитан, глядя на укуренных в дымину солдат, первое время очень ругался, но продолжалось это ровно до того «счастливого» момента, пока крайн и его не попутал на то, чтобы попробовать, что же такое эльфы тестируют. Как выяснилось, это были опытные «боевые» наркотики, которые должны были заметно повысить агрессивность одного отдельно взятого эльфа. Пока что повышалась лишь потенция, да и то незначительно.

В результате этого несанкционированного эксперимента выяснилось, что на организм одного конкретного человека «веселые травки» действуют как раз должным образом. Весь день до самого вечера гарнизон проходил внеплановые учения по маскировке на местности. И буду честным, мы дешево отделались.

Доктор вывихнул ногу, забираясь на стену с разбега. С учетом отсутствия в стене каких-либо щелей или чего-нибудь, за что можно было бы зацепиться, — прекрасный результат! Эльфы получили по легкому сотрясению мозга на каждого, хотя, казалось, были бы мозги... Правой голове эттина капитан сломал челюсть, левой — выбил пару зубов и опять же устроил сотрясение мозга. Я отделался сломанной рукой и сорванными ногтями — повторить подвиг дока по скоростному подъему я оказался не в силах, за что и пострадал. Придя в себя, капитан смог выдавить из себя лишь громогласное «Охренеть!», прежде чем упасть и проспать мертвецким сном целые сутки.

Доктор Бейн был замечательным специалистом. Во-первых, после того инцидента он сумел из подручных средств синтезировать целых два нейтрализатора для эльфийского наркотика. Первый ускорял его распад и выводил из крови, второй позволял уменьшить эффект до некоторого порогового значения. Во-вторых, впечатленный результатом «полевых испытаний», док по согласованию с кэпом еще месяц «гонял нас по химии» — читал семинары по применению химических веществ в боевых и военных условиях. Лекции были замечательными, особенно потому, что помогали хоть как-то разогнать скуку.

Кроме того, под началом у доктора был санитар, по совместительству — младший брат. Его сперва направили в стройбат, но по ходатайству старшего, а также из-за дурного характера перевели к нам в гарнизон. Бейн-младший отличался от старшего звериной рожей, умением пальцами раскрошить кирпич в пыль, а также тем, что докторскую он защитил не по медицине, а по физике твердых тел. В армию он пошел добровольцем, следом за братом, отбывающим медицинскую повинность: оставлять «тщедушного» брата на произвол судьбы ему не хотелось.

В свободные от несения караульной службы часы Бейн-младший пытался всеми имеющимися у него средствами отколотнуть кусочек от башни «ради исследований». Не знаю, по какой причине он был так заинтересован. Что-то не так было с материалом, но сейчас, увы, уже ничего и не выяснишь.

Забегая вперед, скажу, что попытки успехом не увенчались, зато выговор от Лингэла наш санитар получил знатный. На удары пневмомолотом, на стрельбу из излучателей капитан смотрел сквозь пальцы, списывая расход боеприпасов в счет стрелковой подготовки, благо физик ухитрялся избегать различных травм с ловкостью кошки. Везение кончилось на неудачной попытке подорвать башню.

Бейн-младший отделался легкой контузией, но от взрыва вылетели стекла парника, чего капитан простить уже не смог. Следующие две недели санитар занимался

индивидуальной строевой подготовкой, по сравнению с которой тот кошмар, который устраивали ему сержанты из учебных частей, показался нашему физику раем.

Из прочих участников этой истории хочется еще упомянуть наших связистов — Лежко и Горелого. Лежко отвечал за ретрансляционную станцию, которая располагалась на самой вершине нашей башни. Большую часть времени он проводил в бесплодных попытках реанимировать «упавшую» связь или же пытаясь предугадать, когда связь наконец-то появится, при случае отправляя отчеты об отсутствии проблем на вверенном нам участке «границы, которой нет».

Видел я как-то один из этих отчетов и, помню, много смеялся. Нет, все было серьезно, строго следовало стилистике первостатейного канцелярита. Пусть сюжеты Лежко выдумывал, разнообразя нашу отчетную жизнь пришлыми козопасами, эпидемиями дизентерии и кори, но как весело оно все читалось! На одном дыхании, с тихими смешками в особо сочных местах. По тексту сразу виделась тоска бывшего модного писателя по нормальной жизни — и понимание, что прежней его жизнь больше не будет никогда.

Горелый же... Нет, про него до сих пор нелегко рассказывать. Когда-то Горелый был нормальным человеком, но все закончилось в тот день, когда он попал в число многочисленных свидетелей пожара. Может быть, для него все и обошлось бы, но этот добрый человек услышал, что на одном из верхних этажей еще оставалась маленькая девочка. Облившись водой с ног до головы, он влетел внутрь, не дожидаясь пожарных или огненных магов. Горелый успел пробежать по горящим лестницам и сумел отыскать девочку, спрятавшуюся в сундуке...

Я не знаю, откуда у человека может найтись столько сил, чтобы поднять сундук с девочкой внутри, весящий немногим меньше него самого. Я не знаю, что это такое — выбираться из пылающих коридоров, по лестницам, которые проваливаются под твоим весом, не знаю, как чувствует себя человек, на котором загорелась одежда, а он идет вперед, сквозь пламя и угли...

Девочку он тогда спас.

Но то, что осталось от Горелого, с трудом можно было назвать человеком. Несмотря на лечение в лучших клиниках того времени, повреждения были слишком велики. Он потерял практически все доступные человеку чувства. Слух еще кое-как восстановить смогли, но зрение, осязание, обоняние и вкусовые ощущения были утрачены навсегда. Единственным утешением стало то, что после пожара в Горелом открылся дар псионика, и лишь он хоть как-то скрашивал существование этого человека.

Горелый был страшно худ. Из-под пергаментно-тонкой кожи торчали тонкие кости, скопища трубок и прозрачных емкостей с различными жидкостями. Вместо лица его череп прикрывала тусклая серебряная маска с искусно изображенной на ней улыбкой и красивыми человеческими чертами. Он любил мысленно рассказывать о том, что маска — лишь тень его прежнего лица. На затылке Горелого кожи не было вовсе, и потому тусклый блеск титановой «кости», которой ему заменили половину черепной коробки, смотрелся единственным светлым пятном на фигуре искаленного героя.

Основной обязанностью Горелого была поддержка связи с империей. С помощью телепатии он делал все, чтобы мы не оказались совсем отрезанными от мира.

Может быть, поэтому все и произошло так быстро.

Несмотря на то что Лингэл держал гарнизон в приличной форме, отсутствие внешней угрозы и вменяемых занятий очень сильно расхолаживало. К примеру, часовые иногда позволяли себе поспать на посту, особенно когда привыкли к практически бесшумной походке капитана и приучили себя просыпаться ко времени его «неожиданной» проверки.

Несмотря на наличие оборудованных «секретов», предназначенных для обороны местности и обозревания местности, ими пользовались очень редко, обычно в тех случаях, когда отправлялись на охоту. Когда охотничья партия не вернулась вовремя, то тревогу бить не стали. Мало ли — задержались где. Даже капитан как-то раз на сутки задержался, с его-то выучкой... Об этом событии не доложил даже Лежко, видимо, счел ниже своего достоинства

использовать в своем «мысле» такой избитый штамп, как зверски замученные сослуживцы. Тем более что тут неуместные предположения могли вызвать нежелательный резонанс.

Увы нам, но все самые неуместные предположения Лежко были более реалистичными, чем то, что произошло с нами...

На следующий день нас отрезало от мира. Совсем. На этот раз до цивилизации не смог достучаться не только Лежко, но и Горелый, которого я впервые увидел настолько испуганным. Сначала он сказал, что не может достучаться ни до кого из тех, кого знал. Затем — что мы окружены. И, проваливаясь в транс, пробормотал, что нас уже накрыла Тень и теперь мы все умрем. Лингэл попросил его повторить — и Горелый повторил. И еще раз. И еще.

Его ментальный голос поднялся до крика, и с каждым словом взрывался один из тех сосудов, что поддерживали жизнь в его искаленном теле. Из почти незаметных ранок текла кровь, или же жидкость, заменявшая ее, и было ее столько, сколько не может быть ни в нормальном человеческом теле, ни в теле, которое было вылечено таким жестоким способом. С каждым словом Горелый медленно поднимался над кроватью, до тех пор, пока его ментальный крик не захлебнулся на высокой ноте в момент, когда он начал говорить про Тень, которая должна убить все. Он попытался сказать еще что-то, но внезапно обратился в живой факел, сгорая без жара и оставляя после себя лишь жирный черный пепел и серебряную маску. Ничего больше.

Страшна участь человека, невольно прикоснувшегося разумом к чему-то зловещему, чего он не в силах познать. Своей смертью Горелый спас всех, кого смог — когда мы с доктором и капитаном вышли из комнаты псионика, то...

Нет, не так.

Одновременно с тем, как Горелый принялся вопить про нашу смерть, солнце исчезло с небосвода. В одно мгновение землю душным покрывалом накрыли сумерки, в которых наша башня начала светиться тошнотворно-розовым цветом, вызывающим отвращение и бешенство. В тот же момент, как Горелого охватило пламя, самую верхушку башни накрыл столб огня. Лежко умер мгновенно, вместе с ним была уничтожена вся аппаратура. Мы остались без связи с внешним миром, но и наличие связи не дало бы нам шансов выжить.

Сейчас, с высоты моего нынешнего опыта, я начинаю думать, что у меня нынешнего была бы возможность избежать ненужных жертв. Вообще избежать жертв. Даже у меня прежнего были такие шансы, но тогда я не обладал всеми нужными знаниями. Я вообще был маленький и глупый. И все нужные знания я приобрел лишь благодаря тем событиям.

Еще нам мог бы помочь квалифицированный демонолог с учениками и рота тяжелой механизированной пехоты. Или один боевой чаролет, хотя бы малый, с полным экипажем. Хотя нет, чаролета могло бы и не хватить.

Кошмар начался.

Когда я по приказу Лингэла выбежал на крышу, чтобы выяснить, что же случилось с Лежко, по крыше разбрызгало то, что совсем недавно было пропавшими бойцами. Сразу же после этой «бомбардировки» таинственный враг атаковал нашу башню.

Это была бойня. Не самая большая и не самая кровавая из тех, что я наблюдал в своей жизни, но первая из них.

Существа, напавшие на нас, не отличались ни огромным ростом, ни внушительным телосложением, нет. Сперва я увидел лишь синие контуры человекоподобных фигур, мерцающих идвигающихся с какой-то удивительной грацией. Они казались совершенно неосязаемыми, к тому же успели продемонстрировать способность к проникновению сквозь твердые предметы, проскользнув прямо сквозь теплицу. Да и выстрелы излучателей не приносили им никакого вреда. Но мое предположение об их призрачной природе, увы, оказалось совершенно необоснованным.

Первым погиб эттин. Одно из существ набросилось на него. Гигант попытался отмахнуться от тени ударом кулака, но его удар, способный выворотить добротную дубовую дверь вместе с косяком, прошел насквозь и не произвел никакого эффекта. В следующее

мгновение фигура эттина закрыла от меня существо. Я моргнул, и оно вырвалось прямо через его спину, проделав своим броском сквозную дыру в теле великана. Кто-то когда-то обвинял эттинов в том, что они слишком глупы, чтобы умирать, даже если многократно ранить их в жизненно важные органы. Не знаю, так ли это, но без позвоночника, сердец и легких наш философ не протянул и двух секунд. Существо, убившее его, продолжило свое движение, только теперь мерцание его стало кроваво-красным.

Лишь после этого заработали оба тяжелых излучателя. Увы, я не видел, кто успел к ним первым. Тьму разрезали оранжевые лучи света такой мощности, что могли резать металл и камни. Пришельцы тускнели, когда луч проходил сквозь них. Появилась надежда, что хоть это оружие поможет против них, но увы, у них тоже было что-то такое... странное, отчего мир вокруг потускнел на один миг, будто рука невидимого художника стерла все краски, оставив лишь черные штрихи на белом фоне...

Излучатели взорвались двумя огромными огненными шарами, спалив тех храбрецов, у которых, казалось, были шансы хоть что-то сделать. У всех остальных, судя по крикам, таких шансов не было. Капитан, судя по грохоту, сопротивлялся дольше других. Как именно — я уже не видел, потому что занял удобную позицию рядом с лестницей. Настолько удобную, что лишь каким-то чудом умудрился увернуться от призрачной руки.

Не давая опомниться, враг бросился на меня, широко раскинув лапы. Я отпрыгнул назад и в сторону, зацепился ногой за какой-то провод и рухнул на пол. Не поднимаясь на ноги, тут же откатился в сторону так далеко, как смог, быстро вскакивая — и понимая, что теперь до барьера, огораживавшего верхнюю площадку башни, уже рукой подать. Может, я бы и выбрал позицию лучше, но мой противник не позволил мне этого сделать, совершив еще один прыжок. И теперь мне было некуда уворачиваться.

Я не знаю, каким чудом умудрился уцепиться за верхние конечности нападавшего, но мы вместе рухнули вниз. По непонятной причине он не смог снова стать бестелесным, и мне удалось приземлиться на противника.

От удара о землю, пусть и смягченного телом врага, я очнулся далеко не сразу — живой и весь заляпанный кровавыми ошметками, в которые превратился нападавший. Судя по всему, мне крупно повезло: позвоночник выдержал, а сломанные кости уже начали срастаться. Сама башня казалась разрушенной практически до основания и теперь представляла собой странную решетчатую конструкцию.

Я был достаточно голоден, чтобы восполнить потерю сил за счет своего несостоявшегося убийцы, а затем и за счет бывших товарищей по гарнизону, для которых уже ничего нельзя было сделать. Так я начал понимать, что же за бардак вокруг меня творился.

Кроме меня, хоть как-то преуспел в убийстве чужаков лишь капитан. Каким-то образом он смог устранить аж троих «невидимок». Этого я не видел. Когда я нашел Лингэла, он был все еще жив. Возможно, у него оставался небольшой шанс все-таки оклематься и еще много чего наворотить, но только не в близком соседстве с израненным и потому весьма голодным и не желающим умирать д'эссайном.

Я уже выжил. И хотел пережить эту маленькую катастрофу. По этой причине мне нужен был весь боевой опыт, до которого я мог добраться. И поэтому я съел капитана. И из уважения к его заслугам и стилю командования — сначала его добил, потратив на это драгоценные силы.

То, что произошло дальше, окончательно и бесповоротно изменило мою жизнь. Со свежеполученными силами, умениями и знаниями я смог одолеть этих «призраков». Я узнал, что на самом деле это были люди, защищенные специальными доспехами и тайными чарами, хранившие секрет о своем затерянном во времени Братстве Перечеркнутых часов Судного Дня, — но все-таки люди. Хитрые, долго ждавшие своего часа и совершения пророчества, а дождавшиеся меня.

После этого мне пришлось убить их «хозяина», появлением которого в нашем мире и была вызвана эта катавасия. И пока остатки башни не вернулись в реальный мир, мне

оставалось лишь имитировать собственную смерть вместе с гибелью всего гарнизона. На память я себе оставил лишь серебряную маску. Правда, потерял я ее довольно быстро...

На вопрос, зачем я оставил себе этот сомнительный «артефакт», могу ответить лишь одно. Это была не маска Горелого.

Это была моя собственная маска.

Чем дальше в лес — тем больше твари.

Наблюдения выживших приключенцев

Алессьер

Не знаю, чем занимался Джерайн ту пару часов, что Дрейк выделил нам до высадки, но я себе места не находила. И дело вовсе не в том, что все вещи у меня были давным-давно уже собраны. По правде говоря, больше всего мне хотелось схватить одного излишне самоуверенного д'эссайна за воротник и как следует встряхнуть. Можно несколько раз, при этом не забывая приговаривать: «Это тебе не увеселительная прогулка!», — но боюсь, должного эффекта я все равно бы не добилась. Джер почему-то вбил себе в голову, что сидхийская Столица — это всего лишь некое интересное местечко, где расставлена куча забавных механизмов и бродит энное количество народу, который существует лишь для того, чтобы д'эссайну было чем разнообразить унылое блуждание по подземным коридорам.

«Ага, а также внести приятное дополнение к походной жратве», — уныло пробормотал браслет, который после стычки с полупрозрачными летающими желудками как-то притих и даже лишний раз не комментировал происходящее, что меня немало удивляло.

Фэй, ты часом не заболел? А то тихий ты какой-то, а я уже успела привыкнуть к твоей непрекращающейся трескотне.

«К счастью, заболеть я не могу, хотя мое нынешнее состояние может классифицироваться как когнитивный диссонанс, вызванный противоречием поступающей информации, а также несоответствием...» — а далее, как говорится, шамана понесло. Право слово, я перестала понимать, о чем идет речь, уже секунд через десять после того, как Фэй начал объяснять причины своей редкой молчаливости, и теперь заткнуть его не представлялось возможным.

Ты можешь выражаться более кратко и понятно?

«Я бы сам этого очень хотел, — пожаловался браслет. — Просто вот если вы с Джерайном сгинете к Крайневой бабушке в этом болоте, что будет со мной?!»

В худшем случае тебя съедят вместе со мной. А поскольку переварить тебя не сможет даже самое страшное чудище Запретных земель, рано или поздно ты снова окажешься на свободе.

«Ты сочувствуешь или издеваешься?»

Сложно сказать, при любом раскладе мне будет уже все равно.

Я подхватила стоящий на полу рюкзак и, напоследок окинув взглядом довольно уютную каюту, в которой мы с Джером провели несколько весьма приятных дней, вышла в коридор, а оттуда спустилась на нижнюю палубу, где матросы Дрейка уже готовили малую платформу к спуску. Я знала, что у нас будет меньше минуты для высадки с корабля, а там уже — как повезет. До гор всего-то верст двадцать — двадцать пять; если очень сильно постараемся — пройдем за два, максимум три дня.

«Но это нам должно нехило так повезти», — внес свою пессимистическую нотку в мои раздумья Фэй, когда на нижней палубе невесть откуда появился Джер. Д'эссайн выглядел настолько встрепанным, словно куртку он натягивал едва ли не на бегу, да и то пару раз ошибался прежде, чем наконец-то получилось одеться правильно. Но собраться он, похоже, успел.

— Надеюсь, я не сильно опоздал?

— Не-а. Сильное опоздание было бы в том случае, если б я уже махала рукой взлетающей «Птице», находясь на земле, — пожала плечами я, нервно стискивая лямку рюкзака.

«А ведь еще не поздно отказаться, — наполовину с надеждой, наполовину издевательски произнес Фэй. — Может, ну их к крайну, а?»

Их к крайну мы успеем послать всегда. Кстати, надеюсь, что ты не забыл, как сканировать окружающее пространство?

«Обижаешь. Я уже проверил эту систему; более того, смогу поддерживать ее двадцать четыре часа в сутки с малым радиусом в течение трех недель. С большим, конечно, не так долго, но тебе в любом случае хватит».

Только поясни, малый радиус — это сколько?

«Шагов тридцать. Поисковые импульсы на расстояние до половины версты будут испускаться каждые десять — пятнадцать минут».

Маловато будет, но это лучше, чем совсем ничего.

«Ну, сколько есть. Считаю неразумным тратить слишком много энергии на сканирование и поиск, поскольку лучше будет перенаправить ее на своевременную защиту и при необходимости — на атакующие заклинания».

На этот раз я даже спорить не буду.

«Вот спасибо, мне прям враз полегчало, о моя госпожа», — иронично усмехнулся Фэй у меня в голове. Да, быстро он в себя приходит после разного рода «потрясений», весь в создателя, можно сказать.

— О, до подобной задержки, Джерайн, тебе далеко. — Дрейк возник как всегда неожиданно и за спиной. Еще немного, и я либо начну отвечать агрессией на такое появление, либо, что намного хуже, привыкну и перестану обращать внимание на подобные театральные эффекты со стороны вампира. — Более того, вы оба чуть-чуть поспешили. Не сильно, просто в рамках необходимой вежливости. Прибываем через пять минут, так что можете готовиться к высадке.

— Если ты не видишь, то мы уже готовы, ждем, пока платформу спустят, — буркнула я, наконец-то осознавая, что несколькими секундами раньше едва не запустила в вампира дротиком. Серебряным. По привычке.

«Некрасиво могло бы получиться. Он хотел как лучше...»

А едва не получилось, как всегда.

— Кстати, я почему-то думала, что ты окопаешься на капитанском мостике и носу оттуда не высунешь. — Я обошла Дрейка и встала рядом с д'эссайном в центре малой платформы, от которой как раз отошли матросы ВБП.

— Ну как я мог не проводить вас в путь...

«В последний...» — нервно хихикнул Фэй. Я едва заметно улыбнулась.

— Да, думаю, что твой браслет прекрасно завершил мою фразу, ведь додумать это не так сложно. В любом случае каждому из вас я желаю только удачи. Готовы?

— Не думаю, но это вряд ли чего-нибудь решит. — Я отвела взгляд, и в этот момент платформа дрогнула и медленно поползла вниз, к странно изогнутым макушкам деревьев, затянутых едва заметной серебристой дымкой. Здесь, наверху, прохладный ветер все еще сохранял некоторую свежесть, но я помнила, каково в том обманчиво-мирном лесу, пропитанном тяжелым запахом болота, который раскинулся под платформой. Там на каждом дереве может находиться «дикий мох» — хищное растение, паразитирующее на коре. Оно почти ничем не отличается от обычного мха, за исключением того, что трогать его крайне не рекомендуется. Едкий сок, выделяемый этой дрянью, всего за несколько секунд может превратить пальцы в размягченное желеобразное нечто, и уж не дай Всевышний прислониться к деревцу, облепленному таким «мхом». Зрелище не для слабонервных.

«Э... Лесс, прости, если вмешиваюсь, но когда ты успела увидеть эту гадость в действии, вы же с Тираэлем, насколько я понял, шли через Запретные земли вдвоем, да и вышли оттуда в том же количестве?»

Помимо нас там иногда приключенцы попадались. На останки одного мы как раз и натолкнулись. В общем, «цветочек», встреченный нами у Гранца, — безобиднейшее растение по сравнению с тем, что тут обитает.

«Ты меня запугать пытаешься?»

Нет, проинформировать.

«Давай лучше я тебя проинформирую, ладно? — подозрительно кротко произнес Фэй. — Впереди болото».

— По запаху оно и так понятно, — пробормотала я, вглядываясь в подозрительно ровную поляну, поросшую густой ярко-зеленой травой по колено высотой, а кое-где качали алыми венчиками цветы, формой напоминающие нарциссы. Слащавый, приторный аромат почти полностью забивал собой запах болотной гнили, и если бы Фэй не подтвердил, что впереди самая настоящая топь...

— Что понятно по запаху? — Джер сделал несколько глубоких вдохов. — Что по этой траве идти не стоит?

— Только если ты не захочешь прогуляться по болоту. — Я кивнула на «лужайку», манящую островками алых цветов посреди буйной зелени. — Честно говоря, я не рискну пройти по нему, не зная безопасной тропы, отмеченной вешками.

— Мм... — протянул Джер, оглядываясь на платформу, которая начала довольно быстро подниматься вверх. — Я бы даже с вешками не рискнул. В болоте может прятаться много всего дружелюбного и веселого, предпочитающего откусывать ноги напрочь, пользуясь тем, что в мутной воде даже крайна не углядишь...

— Интересно, Дрейк нас специально на болоте посадил, таким образом ненавязчиво намекая, что мы увязли в этом бардаке по самые уши, или же просто хотел усложнить нам жизнь? Как-то не верится, что «оно само получилось». — Я проводила взглядом платформу и с трудом удержалась, чтобы не помахать на прощание ручкой. Там, наверху, вряд ли оценят.

— Думаю, что сверху это болото выглядит вполне гостеприимной полянкой. Опять же у нас есть возможность его обойти. А представь, высадили бы нас в его центре? Проблем было бы гораздо больше. Опять же платформу нужно куда-то опускать, а это не самая легкая задача в условиях леса.

— Значит, при встрече поблагодарю нашего капитана отдельно, — хмыкнула я, окидывая взглядом «поляну» и замечая, что скопление ярко-алых цветочков ближе к левому краю стало как-то больше. Из-за дымки над болотом кажется, что ли?

«Тогда и мне кажется. Только я не уверен, что это обман зрения», — тоскливо проныл Фэй у меня в голове, а в довершение ко всему в устоявшейся тишине я уловила еле слышное чавканье. Словно кто-то очень маленький и легкий шел по сочной, раскисшей грязи, с усилием выдергивая крохотные сапожки из неприглядной жижи.

Я присмотрелась и невольно подалась на полшага назад, заметив, что красные «нарциссы», обратив в нашу сторону густо-фиолетовые сердцевинки, медленно, чуть подпрыгивая, перемещаются к краю болота.

— Вот крайн... второй раз в жизни за мной цветы охотятся, — негромко пробормотала я, не отрывая взгляда от ходячих растений. — Не дай Всевышний, кто-нибудь когда-нибудь попытается меня цветами на свидании одарить — прибью сразу. Невзирая на прошлые заслуги.

— Запомнил, — кивнул д'эссайн, без особого интереса оглядывая медленно перемещающиеся алые островки. — Снова заниматься прожаркой ненужных цветочков? Или для начала мы попробуем убежать? Мне лично все равно, я сыт и полон сил, так что выбирай, что тебе больше нравится. Хорошо?

— Тогда побереги их на что-нибудь более шустрое и хищное, а не на падальщиков, — хмыкнула я, оглядываясь по сторонам и неторопливо удаляясь в сторону от болота. — Потому что я подозреваю, что цветочки сами нападать на нас не собираются. Скорее ждут, пока нас кто-нибудь убьет, и тогда они смогут присоединиться к остаткам пиршества.

— На их месте я бы так не торопился. Мы еще живы, и ничего, способного нас убить, я пока не вижу, — протянул Джер, вновь пригнувшись и оглядываясь по сторонам. — Но есть вероятность, что они как раз что-то такое видят, и потому я бы предпочел немного поторопиться.

— Тише едешь — дальше будешь. — Я ускорила шаг, но самую малость. Еще с прошлого пребывания в Запретных землях я усвоила накрепко одно правило: никуда не торопись, если хочешь жить. Даже когда убегаешь. Потому что есть немалая вероятность, что слишком медленно бегающий хищник на самом деле загоняет тебя в расставленную ловушку или поближе к логову другой твари. Встречалось и такое, сама видела. К счастью для себя — мельком и издали, но мне хватило. Навстречу смерти всегда можно успеть, а вот оттянуть этот момент удается далеко не всегда.

«Лесс, неподалеку что-то движется. Очень быстро!»

Я замерла, не завершив шаг, напряженно вслушиваясь в тишину вокруг, всматриваясь в постепенно сгущающуюся туманную дымку. Медленно поставила ногу на землю, потянулась к рукояткам квэли.

Ничего не слышу... и не вижу.

«Я тоже, но регистрирую сильное искажение пространства! Это не живое существо, это какая-то аномалия!»

— Джер, валим отсюда, — тихонько прошипела я сквозь стиснутые зубы. — Фэй, направление движения?

«Хаотично, передвигается скачками, вычислить направление невозможно».

Я повторила сказанное вслух. Д'эссайн просто положил руку на мое плечо и крепко сжал.

— И что? Лесс, будем пытаться бегать хаотично, или у тебя есть более рациональные планы?

Ответить я не успела, потому что нас с Джером окутало туманное непрозрачное облачко, неведь откуда появившееся и так же быстро куда-то девшееся, а пейзаж вокруг радикально изменился. Только что мы стояли рядом с болотом, поросшим ходячими цветами, а теперь находились посреди густого тенистого леса, где стволы деревьев были перекручены совершенно непостижимым образом, а ветки переплелись, образуя нечто вроде крыши, сквозь которую не проникал даже дневной свет. Место тихое, мрачное и словно вымершее. Почему-то мне вспомнилось когда-то давно зачищаемое мной кладбище, которое днем ничем не отличалось от любого другого в округе, зато ночью там каждый второй мертвец выползал из могилы.

Нерадостная ассоциация.

— Приехали, — негромко и с чувством отчеканила я, добавив лично от себя пару нецензурных слов, очень точно выражающих мое крайне негативное отношение к сложившейся ситуации.

«Причем неизвестно, куда приехали! — возмущенно возопил Фэй. — Это же... это же редчайшее природно-магическое явление!!! Блуждающий телепорт Райдона, при этом совершенно безопасный!»

Фэй, я не поняла, ты радуешься или возмущаешься? Нас вообще-то перебросило неизвестно куда, к твоему сведению.

«Все ерунда, — снисходительно отозвался браслет. — БТР переносит на расстояние всего до семидесяти километров, верст шестьдесят пять по-вашему, но это предел; к тому же расчет на одного „пассажира“. Двоих далеко бы не унесло».

А тут далеко и не надо, хмыкнула я. Достаточно сместиться на полверсты в сторону, но неудачно — и окажешься по уши в болоте или посреди гнезда какой-нибудь малоизученной твари.

«Но это же БТР!» — с ностальгией в голосе протянул Фэй.

Псих. Прямо как его создатель.

— Похоже, что приехали. — Джерайн шумно пригнулся, оглядываясь по сторонам и

по-прежнему удерживая на лице маску приключенца-первопроходца, которого и в путь-то взяли только для того, чтобы было кому костер разводить да ужин готовить. А еще собирать на своем пути все возможные ловушки. Правда, непонятно, зачем д'эссайну понадобилось лишний раз демонстрировать мне свои актерские качества. Поневоле начинаешь задумываться, а был ли тот немного неловкий, острый на язык воздыхатель с сумасшедшинкой истинного ученого в глазах, которого я неизвестно зачем сопровождала к границе сидхийских земель, настоящим Джерайном Тенью, или же все это было очередной маской? — Осталось понять, куда и сколько нам теперь пешедралить до точки назначения.

— Идти нам в сторону гор, если ты это имел в виду. — Я пожала плечами и посмотрела на плотный зеленый «навес» над головой. — А то, что с земли мы вожделенных гор не увидим, понятно даже Фэю, занятому осмыслением данных о блуждающем телепорте, который нас сюда притащил. Вывод: надо подобрать деревце поудобнее и лезть на верхушку, чтобы осмотреться.

«Подтверждаю: в радиусе пятидесяти саженей нет ни единого живого существа, — выдал Фэй, потом на несколько секунд замолчал и добавил: — Нежити тоже нет. Вообще никого нет. Странно...»

Можно подумать, ты еще и все опасные растения посчитал. Быть такого не может, чтобы все куда-то делись. Насколько я помню, безопасных мест тут не бывает, но если ты утверждаешь, что отсюда все куда-то делись, значит, есть вероятность того, что в округе обитает настолько опасная тварь, что остальные держатся от ее жилища подальше.

«Здесь нет признаков гнездовья, но я все равно посоветовал бы не задерживаться».

— Я, конечно, не профессиональный древолаз, да и древесных домиков в округе не наблюдаю... — Джерайн критически оглядел окружавшие нас деревья, словно примериваясь к каждому из них. — Но ничего против того, чтобы пройти краткосрочные курсы переквалификации, не имею. Кстати, каковы результаты сканирования местности?

— Фэй говорит, что на пятьдесят саженей никого живого нет, но меня это не успокаивает. Очень надеюсь, что мы не влетели в логово какой-нибудь жуткой твари, которой только по счастливой случайности не оказалось дома. — Я неторопливо подошла к одному из деревьев, по своему виду напоминающему донельзя разросшуюся березу, и прикинула его высоту, одновременно выискивая на коре подозрительные с виду капы и белесые бороды «дикого мха». Ни того ни другого я не заметила, значит, можно попытаться залезть.

— А еще тут может быть хищный мох. Или, например, хищные деревья. — Джер явно не разделял моего оптимизма. — Знаешь, такие, которые питаются случайными путниками-древодолами? Думаю, что попрыгать нам в любом случае придется изрядно.

Вот честно, не прошло и получаса с моменты высадки, а мне уже хочется на него наорать, а еще лучше — стукнуть чем-нибудь тяжелым. Бесила нарочитая расслабленность д'эссайна, словно Джер находился на увеселительной прогулке, а не в одном из самых загадочных и опасных мест этого материка.

«Спокойнее надо быть, спокойнее. Каждый борется со страхом, как умеет. — Фэй почти печально вздохнул. — Впрочем, д'эссайны вообще не знают, что такое страх. Ощущение, что в генотипе у них такое чувство вообще не заложено».

Намекаешь на то, что мне страшно, потому и злюсь?

«Не намекаю, а говорю прямо. Мне-то врать бесполезно, я считываю твои физиологические показатели и могу утверждать, что ты находишься в состоянии стресса».

Фэй, скажу тебе, как хозяин артефакту: смени тему.

— Не советую. Пока нас не преследуют, лучше передвигаться медленно и скрытно, чтобы лишний раз не заявить о себе местным жителям. А заодно и успевать осматриваться по сторонам. — Я сбросила с плеч рюкзак и, оставив его на земле под корнями облюбованной «березы», легонько провела кончиками пальцев по едва заметно подрагивающей белесой коре, слишком мягкой, как у молодого деревца, а не моего ровесника, слишком упругой.

«Как будто это не кора, а шкура живого существа. Га-а-адость. Лесс, и ты на это полезешь?!»

А что делать-то? Мне кажется, что тут все деревья такие. Или, по крайней мере, большая часть.

«Мы попали в ад на земле», — уныло протянул Фэй и замолчал. Ну что я могла ответить на такое? Я была полностью с ним согласна.

— В любом случае идея перемещаться, не ступая лишней ногой на землю, мне кажется здоровой. — Д'эссайн поднял голову, осматривая древесный полог. — К тому же судя по тому, как перекручены тут стволы и ветки, этим заниматься нам придется в любом случае.

— Исходя из моего предыдущего опыта пребывания здесь, я не уверена, что лазить по деревьям — хорошая идея. Подсадишь?

— С удовольствием. — Джер встал рядом с выбранным мной деревом. — Более того, полезь следом!

— С сумкой полезешь? — поинтересовалась я, ставя ногу на сложенные лодочкой ладони д'эссайна и примеряясь к нижней ветке березы, растущей на высоте полутора саженей. По правде говоря, я даже скомандовать не успела, как Джер подбросил меня кверху — я едва успела ухватиться руками за кривую ветку, подтянуться, случайно сломав локтем тоненький молодой побег, покрытый нежными листочками, и сразу же на лицо мне брызнул густой ярко-красный сок со знакомым солоноватым запахом.

«У дерева кровь идет. По крайней мере, сок у него по составу схож с кровью», — пробормотал Фэй, пока я оседлывала ветку и тщательно стирала с лица резко пахнущую жидкость лежащим в кармане куртки платком, пропитанным особыми «духами», начисто отбивающими запах крови. Весьма полезная вещь, особенно когда отправляешься туда, где на этот запах сбегаятся существа куда более опасные, нежели комары и мошки.

— Конечно. — Д'эссайн принялся снова. — То-то мне что-то казалось странным. — С этими словами он обхватил ствол руками и, упираясь ногами, медленно полез вверх. — Эта роща — мечта вампира-вегетарианца!

— Поверь мне, нормального здесь уже ничего нет давно. И я, по правде говоря, даже думать не хочу, на чем растет это деревце и чем оно питается. Явно не как обычная береза. — Я встала во весь рост на ненароком поврежденной ветке и, подпрыгнув, ухватила за ту, что повыше, к счастью, не повредив кору. Обычно я взбиралась на дерево меньше чем за минуту, тут же пришлось лезть почти четверть часа — ближе к верхушке я обнаружила свисающий с веток «дикий мох», облепивший, помимо всего прочего, еще и древесный ствол так, что подняться выше, не вляпавшись в эту гадость, было нереально.

— Джер, — я обернулась к д'эссайну, — тут возникла небольшая заминка, не торопись наверх, ладно?

— Ладно. — Он устроился на одном из сучьев, прижавшись к стволу. — Нашла что-нибудь интересное?

— «Дикий мох», который превращает человека за пару часов в малопривлекательное желе и питается его останками. Со стволом, кстати, особенно не обнимайся. Так, на всякий случай. — Я осторожно перешла на середину ветки и присмотрелась к белесым зарослям.

Фэй, сможешь сжечь эту дрянь максимально быстро, эффективно и не оставив следа?

«Могла бы не спрашивать. Заклинание уже готово, просто наведи меня на цель».

Я протянула правую руку по направлению к «дикому мху» и ощутила, как браслет на правом запястье едва заметно нагрелся — из рубинового глаза выскользнул узкий ярко-алый луч, который ударил в хищное растение, обращая его в пепел. Внизу что-то хрустнуло, словно сломалась ветка.

Через секунду снизу послышался восхищенный голос Джерайна:

— Ой, какая страшненькая морденция внизу бежит! Какая она быстрая, какая уродлива... — Снизу раздались странные хлюпающие звуки. — Кажется, оно добежалось. Лесс, давай не будем задерживаться здесь надолго?

— Если эта гадость сожрет мой рюкзак, настроение у меня будет испорчено до конца

похода, — мрачно буркнула я, с опаской перелезая на ту ветку, где всего минуту назад росло хищное растение.

«Рюкзак оно не сожрет, я на него охранное заклинание повесил».

Что, шибанет так, что от вора и мокрого места не останется? Кстати, а почему не предупредил о том, что внизу бегают, а?

«А какой смысл, если наверх оно лезть не собиралось и вообще, судя по всему, было занято совершенно другими делами?» — возразил Фэй.

Я только головой покачала, не в силах постичь логику браслета. Информацию он выдавал как-то очень выборочно и только тогда, когда считал, что она будет своевременна. Такими темпами либо я излечусь от своей паранойи, научившись полностью доверять Фэю, либо все-таки «перекрою» браслет под себя, и он станет таким же перестраховщиком, как и я.

— Верю. Но если кто-нибудь сожрет тебя, то беспокоиться о смене настроений тебе уже не придется. — Джерайн уже почти догнал меня, перебираясь с ветки на ветку легко и грациозно, будто бы всю жизнь только этим и занимался. — Не видишь, до вершины далеко?

— Последний вопрос можно было бы уже не задавать, — улыбнулась я, наконец-то выбравшись на самую верхушку березы и очутившись над зеленовато-бурым лиственным морем. Сизо-серые горы виднелись не так далеко, как я предполагала, но и не так близко, как я надеялась. Не двадцать верст, как было с момента высадки, а все шестьдесят, да еще и западнее того места, где находился наземный вход в сидхийскую Столицу.

Бесперспективно...

Я уныло осмотрелась вокруг, но с высоты макушки дерева пейзаж был удручающе однороден — лиственные кроны, почти полностью маскирующие все то, что копошилось, жило и охотилось на земле, кое-где желтоватые пятна дымки указывали месторасположение болот и топей. Редко где среди лиственного полога были заметны проплешины обширных полян, но туда мне почему-то соваться хотелось меньше всего.

«Лесс, я бы не согласился с твоей оценкой нашего положения», — почему-то преувеличенно-бодро отозвался Фэй. Я бросила взгляд на мерцающее всеми цветами радуги алое «око» браслета.

С чего такой оптимизм?

«Видишь ли, дорогая, я определил наше теперешнее местоположение, сверил конечную точку маршрута, проложенного еще на „Птице“, с географической картой местности и, исходя из этого, могу поработать навигатором. То есть буду указывать дорогу».

А если на пути опять возникнет болото или что похуже?

«Корректировка направления движения не повлияет на точность маршрута», — гордо ответил браслет, прекращая мигать разноцветными огоньками, теперь только по ободку «глаза» то и дело пробегала ярко-зеленая искорка.

«Режим путеводителя включен. Просьба следовать получаемым указаниям».

— Теперь я знаю, в кого Фэй такая зануда, — тихонько пробормотала я, опасливо глядя вниз и стараясь рассмотреть результаты охоты одной тварюшки на другую. Пусто, как ни странно. Ни следов крови, ни остатков трапезы. Только примятая трава да следы на влажной, мягкой земле.

— Неужели в меня? — делано изумился Джерайн. — Лесс, лапушка, пока что волноваться не о чем. — Его голос приобретал глубину и легкий бархатный окрас с каждым произнесенным словом. — Какой великолепный вид открывается отсюда! Уже возникает нехорошее желание задержаться здесь подольше.

— Нет, спасибо. — Я нервно усмехнулась, наблюдая за тем, как где-то далеко, верстах в пяти от нас, что-то потревожило макушки деревьев. Сложилось впечатление, будто бы под лиственным пологом прогулялся великан, отодвигающий со своего пути пышные кроны как жалкие кусты. — Я предпочту вообще лишнее время не задерживаться в этом проклятом месте.

— Как хочешь, — произнес он с легким сожалением в голосе. — Похоже, чтобы

чувствовать себя здесь в своей тарелке, нужно быть капельку ненормальным. Сумасбродным и безбашенным.

— Я тебя обрадую, такой ты и есть, — хмыкнула я, начиная осторожно спускаться вниз, чувствуя, как пульсирует ток «крови» под мягкой и упругой древесной корой, как ветки, принимая на себя мой вес, начинают ощутимо подергиваться, словно я не на ветку наступала, а на чей-нибудь палец. Неприятное, почти пугающее ощущение. Как я тут ночевать буду — не знаю даже.

Джерайн, похоже, оказался прав: чтобы путешествовать здесь, надо быть либо сумасшедшим, либо д'эссайном. Существом, которое вообще не знает, что значит пугаться за себя или окружающих.

«Лесс, на твоём месте я не был бы столь категоричен».

К счастью, ты не на моём месте.

— Я и не отрицаю, — согласился Джер, спускаясь. — И, кстати, можешь двигаться чуточку быстрее. Я все равно тебя боюсь, так же, как и Фэй. — Голос моего спутника приобрел деловую интонацию, наконец-то избавившись от сумасшедшей веселости. — Все-таки не нравится мне здесь.

— Никому здесь не нравится, — буркнула я, спрыгивая с последней ветки на землю и чувствуя, как мягкая, будто бы перепаханная почва дрогнула под моими ступнями.

Сердце сжалось, пугливо екнуло, и я машинально выхватила квэли из наспинных ножен, оглядываясь вокруг, еще толком не понимая, что же меня насторожило. В памяти промелькнули какие-то обрывки, что-то, напоминающее сон-явь, когда я каким-то чудом пробиралась через Запретные земли вместе с Тираэлем, когда провалы в памяти стали обыденным явлением, а выживала я не благодаря полученным умениям, а наперекор всему.

«Лесс, что ты нервничаешь? Рядом никого нет, я сканирую все вокруг», — растерянно пробормотал Фэй, а я медленно, как во сне, посмотрела себе под ноги на вывороченные, кое-как присыпанные землей куски дерна с торчащими во все стороны белесыми корешками.

«В сторо...»

В голове взвыла непередаваемая какофония звуков. Я рванулась с перепаханного невесть чем клочка земли обратно к дереву, безжалостно вбивая один из квэли в ствол, не обращая внимания на брызнувшую в лицо кровь и надеясь взлететь по этой «ступеньке» раньше, чем...

Что-то с силой сдавило мне ноги чуть повыше щиколоток, дернуло в сторону и вниз, да так резко, что квэли вывернуло у меня из руки, и он так и остался воткнутым в кровотокающую рану на теле дерева.

Я не успела даже вскрикнуть, как комья влажной земли посыпались мне на лицо, когда неизвестная тварь стремительно потащила меня за собой в свое подземное логово под истеричное завывание Фэя...

ГЛАВА 4

Когда встречаешь в лесу маленькую девочку, главное не спрашивать ее: «Девочка, а зачем тебе такой большой топор?»

Из лабораторного журнала Джерайна Тени

Джерайн Тень

Нет ничего хуже неопределенности. Ее верным спутником является то щемящее состояние, когда нет никакой возможности исправить ситуацию к лучшему. Да и вообще непонятно, что делать.

Поимка ускользавшей сидхе была бы делом гораздо более простым, чем попытка сохранить ее после этой поимки в целости. Потому я и не стал ничего предпринимать — что,

спрашивается, я стал бы делать с половинкой эльфийки? Некрофилией я не наслаждаюсь и совершенно не страдаю по этому поводу. Рассчитывая броситься под землю следом за ней, я не учел самого важного фактора — сыпучести местной почвы. Тот лаз, в который затянуло Алессьер, обрушился практически мгновенно, и я уже не мог проследовать за ней. Для полного счастья тревожный сигнал браслета оборвался через пару мгновений после их исчезновения. Так как рядом точно не могло быть ни одного создания, поглощающего ману, то...

Альтернатив на самом деле вырисовывалось не так много. Или браслет вместе с носительницей очутился на таком расстоянии, что мощности передатчика перестало хватать, или же там внизу произошло расслоение временного потока, и Лесс оказалась на некотором удалении в прошлом или же будущем. Я даже склоняюсь ко второму варианту, ибо если браслет еще способен отследить портал, как и защитить своего владельца от его воздействия, то средств для реагирования на изменения во временном потоке у него нет.

Дело в том, что у меня существовали определенные разработки, для которых мне нужно было немножко пошалить с течением времени. Ничего криминального. Точнее, ничего более преступного, чем вся остальная моя деятельность. В любом случае свидетельств своих действий я предпочитал не оставлять. Даже таких ненадежных, как остатки старых записей в памяти браслета. К своему стыду могу сказать, что тогда все удалось не лучшим образом, зато теперь у несчастного браслета появляется оправдание. Он просто физически не мог отследить подобную атаку. Главное будет это объяснить Лесс, когда она вернется. Если вернется...

Когда и если. Произносить эти слова — значит расписываться в собственном бессилии. Не выношу такого. С тех самых пор, как стал полностью самостоятельным, я предпочитал не попадать в такие ситуации. Конечно, изредка случалось не рассчитать свои силы, но с момента моего пробуждения, кажется, таких ситуаций становится все больше. Если ничего не изменится, то с чем я дойду до конца пути? И дойду ли?

Самое неприятное для меня то, что я сейчас не в силах позаботиться о своей сидхе. Я привык держать всех, кто мне дорог, в пределах досягаемости, чтобы всегда быть в состоянии решить их проблемы. В крайнем случае, добить. Мои спутники обычно отличаются незаурядными талантами, а значит, их опыт никогда не бывает лишним. Но все же...

Когда и если. И куда. О Лесс, сидхе, с какой-то радости укравшая часть моего разума и все сердце целиком сразу после моего пробуждения... Или же чуточку раньше? Или намного раньше?! Все чаще я замечаю, что разум мой, до сих пор работавший с точностью отлаженного часового механизма, стал давать легкие сбои, неожиданные и неприятные. Кажется, что с пробуждением я умудрился забыть что-то важное, что-то определившее все те поступки, которые я совершаю сейчас. И даже обращения к своему Шепчущему не помогают. Он угодливо демонстрирует лакуны, куски моей памяти, которые я не могу расшифровать. И на все вопросы отвечает, что еще не время. Ощущение, будто я проживаю свою жизнь заново, получаю возможность исправить все, что натворил раньше. Вот только не знаю, в каких случаях исправляю, а в каких совершаю новые ошибки.

Лесс, Алессьер... Что же нас связывает, кроме страсти, проснувшейся с нашей встречи? Почему я беспокоюсь за тебя, хоть и чувствую, что все происходит именно так, как должно происходить? Интересно... Я, конечно, не верю в то, что ты можешь легко погибнуть — в случае действительно серьезной опасности твоей жизни и здоровью Фэй способен устроить полноценное светопреставление, пусть даже это перегрузит все его цепи или даже уничтожит. Проблема в другом.

Найти обратную дорогу может быть нелегко. Самое худшее, если тот путь, по которому тебя протащило в *иное* место, не позволит вернуться. Надеюсь, что это не так. Искренне надеюсь. Никакой завал не сможет стать серьезной помехой — из-под земли можно выбраться и с помощью браслета, благо в него вложены соответствующие функции. Вот только хватит ли у тебя сил, чтобы вернуться, дорогая? Буду в тебя верить, пусть и больно знать, что ничем не могу тебе помочь.

В любом случае, сидеть там, где я тебя потерял, — бессмысленно и бесполезно. Когда ты вернешься, то можешь оказаться где угодно. Запретка велика и непредсказуема. Остается надеяться лишь на то, что точка сбора уже определена, и значит, нужно дожидаться свою женщину там, где договорились, а не отдыхать во всяких подозрительных кустах.

Я нацепил ее ранец себе на грудь, лямки пришлось ослабить практически до предела, и только затем надел свой, замотал доставшийся мне квэли в ткань и укрепил через пояс на одном из захватов. Конечно, легендарное оружие Танцующих отличается завидной остротой и прочностью, во многом благодаря тому, что было сделано из адамантия, а поскольку лишних ножен у меня не было, значит, придется тащить его с собой, соблюдая максимальную осторожность. У меня нет никакого желания ненароком зарезаться.

Маска стала завершающим штрихом к моему костюму. По-моему, человекообразное нечто, тускло блестящее серебряным лицом из-под капюшона, больше соответствует собирательному облику путешественника по Запретке, чем взлохмаченные рубиново-красные вихры, тем более что горят они хорошо. А уж способов пострадать от огня, как мне кажется, здесь полно. Маскировку я отключил, чтобы не тратить заряд амулета, который, надеюсь, мне еще успеет пригодиться.

Думаю, сейчас я смотрелся забавно, да и ранец на груди немного стеснял движения, но это не делало меня менее опасным. Тем более что сейчас было самое время вспомнить о маленьком умении, которое я всегда приберегал на черные дни, благо под светом ночного солнца его действие было наиболее впечатляющим.

Возможно, я бы практиковался чаще, но увы... Каждое обращение к Тени не только пьет мою кровь, подобно пиявке, но и открывает мое местоположение для всех, кто обладает похожими талантами или же особыми поисковыми навыками. Я отчего-то не могу вспомнить, но у меня есть стойкая уверенность, что среди них могут оказаться те, кому не понравятся мои упражнения. Те, кто заставит меня поплатиться головой за чрезмерную страсть к обучению. Но не здесь.

Запретные земли — это огромное белое пятно для всех поисковых заклинаний. Тысячи квадратных километров, где мана буквально искрится в воздухе и где можно творить почти любые заклинания, не опасаясь навредить окружающей среде. Эта среда сама кому хочешь навредит.

Увы, местным созданиям магия тоже не всегда способна нанести вред. Дабы гарантированно поразить большую часть местных созданий, нужен не маг, а пара-тройка полноразмерных сорсов, работающих на перегон маны в боевые заклинания. Хотя, конечно, Фэя тоже должно хватить, если он в себе сомневаться не будет. В остальном же... Сколько магов уходили сюда за сокровищами, ожидая, что в подобных «тепличных» условиях смогут получить себе вечность и бессмертие в придачу? Вернулись единицы, но справедливости ради могу сказать, что свое все так или иначе получали. Говорят, что и Равен сюда наведывался перед тем, как у него начались разные болезненные фантазии. Но меня сейчас это не касается.

Важнее для меня то, что моя Тень — это не магия, нет. Иначе здесь она бы съедала мои ресурсы гораздо быстрее, чем должна бы. Это всего лишь умение, способность, нечто сродни дыханию или же зрению, а при должной фантазии может заменять и то и другое. Это дает мне неплохие шансы на то, чтобы добраться до сидхийской столицы живым. К тому же думаю, что без должного уровня владения Тенью там я стану жертвой, а не охотником. Если я не смогу выжать из себя все, что могу и не могу, то участь моя будет менее завидной, чем котенка, выброшенного в мешке в воду в хорошей компании десятка булыжников.

Примерно с такими рассуждениями я неторопливо пошел в направлении места, где у нас с Дрейком была назначена встреча. Надеюсь, что дорога поможет все исправить.

Дорога. С каждым пройденным шагом я вспоминал, по какой причине был городским жителем, предпочитая город любой деревне, как бы ни были тучны стада и благополучны фермеры, сколько бы мудрецов ни пряталось по пещерам в одиноких скалах.

Скука. Страшная скука одиночных пеших переходов, возникающая из монотонности

окружения. Ты можешь идти минуту, две, три минуты, час, два часа... Но до конца пути тебе придется не единожды заночевать под открытым небом, а отсутствие попугайчика означает отсутствие беседы. Одиночество без привычки отупляет. Даже если в уме рассчитывать технические характеристики очередного творения, практическая реализация будет невозможной еще достаточно долго — все время путешествия, плюс время тех дел, ради которых оно затевалось, плюс время обратной дороги... Очень много свободного времени, в течение которого заняты преимущественно ноги. В меньшей степени — глаза, уши, нос и руки.

Если бы я шел не по Запретным землям, то, скорее всего, умер бы со скуки. К счастью, Запретка может предложить миллиарды более неприятных способов уйти из этой жизни. В первую очередь об этом не давал забыть окружающий меня воздух. Время от времени становилось тяжело дышать, температура внезапно ощутимо поднималась или понижалась, а трава под ногами то покрывалась хрустким белесым инеем, то желтела и ссыхалась, припадая к земле.

Какое счастье, что нас закинуло не слишком глубоко!

Думаю, что чем ближе к центру Запретки, тем сильнее могут быть такие перепады, и мне заранее страшно представить себе, каким снаряжением нужно оснастить экспедицию в здешние места, и сможет ли вообще какое-либо снаряжение тут помочь? Самое главное, конечно, — на чью долю выпадет организация подобного путешествия. Как ни крути, но заняться этим придется, и чем раньше, тем лучше. Запретные земли расширяются. Медленно, очень медленно, но это не значит, что они не могут поглотить весь шарик в одно мгновение. Это вообще ничего не значит.

Как правило, столкнувшись с чем-либо выходящим за рамки традиционного восприятия, живые существа в большинстве своем предпочитают игнорировать это «чудо», запереться в своем тесном мирке, делать что угодно, лишь бы не замечать необычного. Обычно так продолжается до того самого счастливого момента, пока чудо не поставит их на колени и не убьет с особой жестокостью. Просто потому, что не видит разницы между милосердием, жестокостью и зверством. Оно мыслит иными критериями и ощущает все совершенно иначе. В последний момент многие успевают начать трепыхаться, но что можно сделать в этот самый последний момент? Умереть с честью от рук тех, кто совершенно не имеет понятия о том, что такое честь? Смешно.

Нужно просто не терять себя, столкнувшись с неведомым. Нужно быть готовым к тому, что чудо будет совсем не таким, каким ты себе его представляешь,¹¹ и понимать, что если ты не будешь ничего делать, то участь твоя окажется стократ хуже, чем если бы ты активно сопротивлялся.

Если же ты будешь сопротивляться, от тебя может не остаться никакой доброй памяти. Тебя может свернуть в бараний рог и извратить так, что никто и никогда не подаст тебе руки; ты можешь превратиться в то, что сам ненавидел всей душой... Опасно бороться с чудесами. Но кому-то надо.

Запретка — это самое опасное из известных мне чудес, и я совершенно не представляю, как с ним справиться. Но придется. Хотя всему свое время.

Несмотря на всю опасность Запретки, сейчас со мной ничего особенного не происходило, зато я имел возможность немного полюбоваться местной растительностью. Деревья с кровью вместо сока — это еще не самое странное. Пройдя какой-то километр, я столкнулся с деревьями, росшими вверх торшашками: на земле располагалась их крона, густо покрытая ярко-рыжими листочками, а голые корни, извивающиеся подобно щупальцам, тянулись в небо. Ими они, кстати, с успехом ловили случайно пролетающих и пробегающих страшилищ, после чего высасывали их досуха. Я на примере убедился в том, что тело

¹¹ Те же фазри, например, при своих милых обличьях, совершенно не знают, что такое жестокость. Они практически бессмертны и почитают тела своих товарищей по играм столь же прочными. Им часто приходится разочаровываться, тем более что товарищей из царства мертвых вернуть удается не всегда.

состоит из жидкости практически полностью — легкие и невесомые останки не слишком удачливых жертв растеньица тихо хрустели у меня под ногами.

Не менее чем такие «перевернутые» деревья меня восхитили образцы флоры, растущие параллельно земле, иногда даже ничем не соприкасающиеся с нею. Они медленно дрейфовали и ловили своими «ветвями» и «корнями» случайно пролетающих «мошек» на пару с жутковатыми пауками-симбионтами. Подлеска в таком «лесу» практически не было. Редкие кусты стремились очутиться как можно дальше от этих странных деревьев, при необходимости выдерживая корни из почвы и откатываясь в сторону.

Единственным значимым событием первого часа моего путешествия стало столкновение со стаей четырехкрылых птиц, внезапно вырвавшейся из-под земли и устремившейся на меня в атаку в строгом порядке. Я не знаю, какие инстинкты диктовали им это действие, поскольку я смог увернуться от стаи так, что получил возможность лишний раз полюбоваться трапезой «перевернутого» дерева. Одну из птиц я поймал себе на завтрак, и, не замедляя шага, цинично сожрал, предварительно оципав, выпотрошив и зажарив при помощи огненного амулета. По вкусу — мясо как мясо, но внутреннее строение сего создания достойно отдельного описания, поскольку могло бы довести до инфаркта не одного биолога. Увы, я не биолог, потому понять, как, отчего и зачем мышцы этой птицы переплетались с каким-то растением, так и не смог.

Следующие полчаса не происходило вообще ничего. Казалось, что местная живность занята друг другом, а случайный путник их интересовал лишь тогда, когда делал что-либо, задевающее их интересы, территориальные или гастрономические. Если не останавливаться, то никаких претензий и не возникало. Главное — не задерживаться долго на одном месте, даже выискивая безопасный проход промеж хищных деревьев.

На исходе этого получаса относительного спокойствия я наткнулся на нечто такое, чего вовсе никак не ожидал увидеть. Внезапно я вышел на широкую просеку, по которой была проложена дорога бледно-серого цвета. Мне показалось, что это всего лишь выцветший от времени асфальт, коим когда-то давно мостили дороги в крупных развитых городах, но стоило немного приглядеться, чтобы понять, насколько я не прав; да и кольцо, подаренное Белой Невестой, предупредительно оцарапало палец.

Говорят, что при постройке большинства великих трактов погибло так много людей,¹² что сказать: «костями вымощен» — значило бы сильно преуменьшить суровую правду жизни. В таком случае, этот тракт был стройкой тысячелетия, не меньше. Я в этом, конечно, сильно сомневаюсь, скорее эта костяная дорога была всего лишь еще одним из порождений Запретки. Я флегматично рассматривал плотно подогнанные друг к другу кости и размышлял о том, каким методом можно было бы сделать подобную дорогу без участия магии — хоть какое-то развлечение для ума, право слово.

Я уже собирался продолжить свой путь, но здравый смысл подсказал, что не стоит наступать на всякие подозрительные поверхности, не проведя предварительную проверку, для которой я использовал срубленный рядом сук. Результат меня обескуражил: как я ни стучал им по дороге, ничего не происходило, даже когда я ударил с такой силой, что деревяшка не выдержала и треснула. Мелкие щепки отлетели в сторону и замерли в дорожной пыли.

Пожав плечами, я отбросил палку в сторону и пошел вперед. Через пару шагов кольцо вгрызлось в палец до боли, и я машинально отпрыгнул назад.

Вовремя.

От следов моих ног на дорожном покрытии расходилась мелкая рябь. Еще мгновение, и поверхность дороги стала прозрачной, открыв бездонную расщелину, из которой лезли тысячи скелетов всех видов и рас, скалящиеся и стремящиеся вырваться наружу. Они прижимались оголенными черепами к дорожной изнанке, стучали по ней кулаками так, что

¹² Разумных существ. Какая в общем-то разница?

землю вокруг стало трясти, как при слабом землетрясении, но тщетно.

Тонкое-тонкое покрытие удерживало их там, в бездне. Боюсь, что стоит мне наступить на эту дорогу, то или преграда не выдержит их, или она пропустит меня, как пропустила вниз те мелкие щепки... Но ведь мне надо на другую сторону!

Судя по увиденному, для того чтобы обойти эту «дорогу», придется потратить не одни сутки. Что еще можно сделать? Попытаться построить мост из подручных материалов? Деревя тут достаточно. Конечно, расчеты конструкции займут некоторое время, но это должно быть быстрее, чем... Стоп.

Кажется, недавно я один «мост» уже построил. Как услужливо подсказывает мне моя память, в тот раз все закончилось успешным применением захватов. Похоже, что к увеличившейся во мне силе я еще недостаточно адаптировался. Вес захватов кажется настолько несущественным, что я о них просто забываю, как о каких-то браслетах. Это неправильно и довольно опасно — забывать о тех возможностях, которые у меня имеются, особенно здесь.

Вот только длины троса до деревьев с той стороны мне никак не хватит. Может, сцепить захваты вместе, изменив рабочую программу? Или понадеяться на чудо и поискать висящий в воздухе крюк, за который можно было бы зацепиться? На всякий случай я поднял взгляд к небу.

Крюка там не обнаружилось, зато на фоне серых облаков, застилавших небосвод, отчетливо выделялись два троса, висевших в воздухе параллельно друг другу на высоте метров этак шести. Если хорошо раскачаться... Вариант неплохой. Интересно, хотя бы один из этих тросов способен выдержать мой вес в течение длительного времени? Боюсь, придется проверять опытным путем. Что-то в этой идее меня настораживает, но это совсем не повод для того, чтобы от нее отказываться. Кстати, мне чудится, или эти тросы тихо гудят?

Мои размышления внезапно прервал громкий рев, раздававшийся откуда-то слева. Я повернул голову и узрел неторопливодвигающееся по костяной дороге существо. Как ни странно, оно не проваливалось в бездну и при этом оставалось недостижимым для мертвых, реагирующих на него с особым ожесточением. Рефлекторно я отпрыгнул в тень деревьев и вжался в землю, разглядывая этого незваного гостя.

Судя по тому, что я смог рассмотреть сквозь высокую траву, существо походило на огромного тупорылого червя грязно-бурого цвета, метров этак трех в поперечнике. Спину его украшала корона из двух пар рогов. Одна из этих пар касалась висящих в воздухе тросов, отчего гудение только усиливалось. Через неравные промежутки времени раздавался громкий треск, и из точки соприкосновения вылетал сноп искр. Вовремя это создание возникло, вовремя. Если бы я все-таки зацепился захватом за этот трос, то смерть моя была бы быстрой и сопровождалась бы красивым фейерверком.

Вторая пара рогов выдавалась далеко вперед, и с нее свисали полуистлевшие тряпки того же грязно-бурого цвета. Существо ползло по дороге, замедляясь с каждым пройденным метром, пока не остановилось прямо напротив меня. После этого оно вновь заревело, распахивая беззубую пасть в своем боку.

Мне кажется или...

Я встал, отряхнулся от земли и подошел поближе к этому «существу». Самая обычная повозка на электрической тяге. Если бы я пораньше разглядел колеса, то не пришлось бы лишний раз вытирать местную пыль животом. Вопрос: «Откуда в Запретке могла оказаться такая повозка?» — я опускаю, ибо он не имеет смысла. В Запретных землях возможно все. Главное, что сей транспорт дает мне возможность пересечь эту странную дорогу, не тратя время на обход и не проваливаясь в бездну. Я залез внутрь через открытую дверь по невысокой лесенке. Затем дверь с легким дребезжанием закрылась, повозка поехала вперед, постепенно разгоняясь, а я, не теряя времени, огляделся по сторонам.

Внутри находились два параллельных ряда с сиденьями, один с широкими, другой с узкими. За исключением одного сиденья в левом дальнем углу, все места были заняты

пассажирами, выглядевшими так, будто они застыли между сном и явью, между жизнью и смертью. Отрешенные лица, пустые глаза. Невольно у меня создалось впечатление, будто едут они здесь уже не первое столетие. Несмотря на внешнюю безжизненность, все они были чем-то заняты. Кто-то пялился в огромные окна, чернокожий мужчина дремал, обхватив странную черную лютню, по струнам которой пробегали искры, его сосед с замотанной бинтами головой мурлыкал заводной мотивчик себе под нос. Сонный восторженный полуэльф крепко сжимал у груди магический посох с резным навершием.

Практически все пассажиры казались неуместными в окружающей их обстановке, но их это совершенно не волновало.

На единственном пустом месте валялся листок бумаги с неаккуратно сделанным карандашным наброском, изображавшим лабиринт, дверь и ключ, под которыми было написано: «Я живой. А ты?» Сам ключ лежал прямо под бумажкой, и я прихватил его с собой. На всякий случай. Конечно, вероятность того, что он пригодится, ничтожно мала, но запас карман не тянет. В крайнем случае, при возможности верну его обратно, отметив, что не пригодился.

Для удовольствия пассажиров были сделаны большие стеклянные окна, немного затемненные, но открывающие поразительный обзор. Меня сильно удивило то, что затемнение увеличивалось с каждой секундой, будто окна готовили к близкой вспышке. Потом я заметил, что в кабине этого странного транспортного средства нет и намек на водителя. Следом за тем мое внимание зафиксировало, что спинка водительского кресла разодрана. Меня поразили странный рисунок, который кто-то выложил, вырывая клочья из обивки: круг, поделенный на двенадцать частей, с выделенным сектором. Вот только была в нем какая-то странность, что-то притягивающее мое внимание. Стоило мне немного приглядеться, как я увидел, что рисунок постепенно изменялся, подобно часам, которые шли в обратную сторону. И ведь это действительно были часы. Только измеряли они совсем не время...

Говорят, что подобные «часы» есть на дне самой глубокой из океанических впадин, и вместо стрелок там колонии трубчатых червей, перемещающиеся совершенно мистическим образом. Говорят, еще одни такие «часы» спрятаны на обратной стороне Луны, невидимой с Земли, и собраны они из обломков древних разбившихся спутников и пришедших в негодность роботов. Копии этих часов хранятся в давно заброшенных храмах, захваченных такими существами, которых сложно вообразить. Можно случайно обнаружить их нарисованными кровью и ржавчиной на стенах катакомб.

Это Часы Судного Дня.

Те самые часы, которым совершенно плевать на то, какое время за окном, которые сами заботятся о своей безопасности и о точности своих стрелок. Тех стрелок, которые сами по себе идут то вперед, то назад, иногда прибавляя в час по минуте, иногда снимая за день час. Когда-нибудь все эти часы одновременно пробьют полночь. И тогда начнется последний день в истории этого мира, славный ли, бесславный... какая разница?

Я был рад, что наткнулся на работающий экземпляр в этом необычном месте. Если раньше я мог сомневаться в необходимости моего путешествия, то сейчас все сомнения отпали. На часах было половина двенадцатого.

Допустим, что повозка движется на восток, часы идут назад, повода для улучшения ситуации нет никакого, отсюда следует, что повозка едет из будущего в прошлое. Наверное. Пока приму эту версию за рабочую. Интересно, может, мне прокатиться так на пару дней назад? Помешать Лесс попасть в прошлое или же подготовить ей там незабываемую встречу. Конечно, временной парадокс — это нехорошо, но... Кто мне, спрашивается, помешает?

Зря я забыл, что подобные вопросы никогда не остаются без ответов. Ожили спрятанные динамики, и приятный женский голос с механическими нотками заявил:

— Следующая остановка — «Небеса Эгиды Семь». Всем живым рекомендуется покинуть борт корабля до межпространственного перехода во избежание получения повреждений, несовместимых с поддержанием нынешнего состояния. Спасибо за понимание.

Одновременно с этим повозка начала замедляться, а двери с громким лязгом заблокировали толстые стальные полосы. И как мне выходить? Я огляделся по сторонам. Единственный выход — высадить окно. Недолго думая я выхватил посох у полуэльфа и с силой ударил им по стеклу. Оно пошло трещинами; еще удар, и оно вылетело в бездну, а следом за ним посох рванулся из моих рук на волю. Хозяин посоха философски пожал плечами и вновь погрузился в оцепенение. Я же взобрался на край окна и, с силой оттолкнувшись, прыгнул, в наивысшей точке полета метнул захваты к ближайшим деревьям и приземлился на обочине, едва не коснувшись прозрачного дорожного полотна. Убедился, что передо мной нет никого опасного, и обернулся, втайне ожидая каких-нибудь неприятностей от «повозки».

Мои ожидания оправдались. Сначала повозка с грозным хрипом тормозов остановилась. Затем исчезли провода, будто втянувшиеся прямо в верхние рога, которые тут же наклонились вперед, повисая над второй парой и посверкивая пробегающими по ним разрядами. После этого транспорт медленно поднялся в воздух, складывая колеса и закрывая все окна металлическими пластинами. Одно мгновение тишины, и прямо перед ним открывается портал, в овале которого видны мириады звезд, далекие красные и зеленые вспышки и тянущаяся в бесконечность дорога-бездна с рвущимися наружу мертвецами. Медленно и неторопливо транспорт направился в портал...

На другой стороне дороги я заметил странное шевеление. Оценить размеры выбравшегося оттуда существа в неровном свете габаритных огней транспорта было нелегко, но его прыжок заслуживал уважения. До края дороги он не допрыгнул лишь самую малость, после чего на мгновение замер и с хрустальным звоном рухнул вниз.

Вопль боли затих практически мгновенно, сменившись чавканьем и хрустом. Наступившая после этого тишина была бы зловещей, если бы не мертвецы, выползавшие через пролом. Увы, но познакомиться с ними поближе я не успел — портал, в который ушел транспорт, втянул в себя дорогу, свернувшуюся за ним подобно рулону бумаги, после чего закрылся.

Если бы не широкая просека на том месте, где недавно проходила дорога, я бы мог предположить, что полдня пролетело мимо моего восприятия. Но, увы, если верить моей памяти и тому, что мог сообщить мой Шепчущий, я действительно вернулся на половину дня в прошлое, что подтверждают яркие вспышки в небе, явно вызванные воздушным боем. Судя по некоторым косвенным признакам, к этому путешествию приложила руку Белая Невеста, а значит, такое изменение моего маршрута ей зачем-то нужно.

Вопрос — зачем? Боюсь, что узнать об этом мне придется в ближайшем будущем. Кстати, интересный момент: раньше я считал, что Запретка полностью свободна от так называемого божественного вмешательства, но история с «колесницей» показала, что некоторые боги все-таки способны использовать подходящие им участки территории в качестве проводников собственной воли. Буду знать, может, удастся... Хотя как знать.

Я глубоко вздохнул и посетовал в глубине души на то, что ночное зрение позволяет мне видеть очертания объектов даже в полной темноте, но очень сильно урезает цветопередачу. Неудобно. Впрочем, идти к точке сбора мне это не мешает. Даже ту погрешность, которую внесло изменение маршрута, учесть не сложно. В любом случае, днем я смогу залезть на какое-нибудь дерево и определиться точнее.

Идти по Запретке ночью — это крайне крайново удовольствие. Шансы влипнуть в крупные неприятности растут пропорционально каждому пройденному шагу, каждой сдвинутой с дороги ветке. Поэтому когда очередное дерево, под которым я проходил, попыталось меня этими самыми ветками поймать, я не удивился, лишь отпрыгнул назад, а затем использовал огненный амулет для того, чтобы обзавестись шикарным факелом, в который превратился мой противник.

В неровном свете пламени я отметил, что не зря предпринял тактическое отступление. Если бы я в ужасе бросился вперед, то гарантированно влетел бы в паутину, которая была столь тонка, что различить ее невооруженным глазом, да еще в темноте, было практически

невозможно. Не знаю, смогла бы она меня удержать или же просто разрежала бы на мелкие части, но горела она потрясающе — ярким и ровным пламенем. В его свете я мог лучше разглядеть то дерево, которое попыталось на меня напасть. Зрелище впечатляло. Висящие тут и там пучки глазных яблок, лианы-щупальца, заканчивающиеся когтями и мелкими зубастыми пастями. То-то горело оно плохо. А еще пыталось плевать какой-то дрянью, что, впрочем, ему не помогло. Минуты через полторы дополнительной термообработки амулет сел на четверть, дерево загорелось, и я смог пройти мимо него. Отсветы пламени помогали мне ориентироваться. Немного нервировало то, что гул пожара за спиной становился с каждым моим шагом все громче. Кажется, другие деревья оказались более горючими. Прискорбно. Лесные пожары даже в Запретке — штука весьма неприятная.

Через некоторое время сила пламени, преследовавшего меня, стала утихать как по волшебству. Я смог остановиться и, оглянувшись, понаблюдать занимательнейшую картину: языки огня лизали деревья, но те, выплевывая струи воды, сопротивлялись его напору. Пока в этой битве не замечалось явного перевеса, но дожидаться исхода было бы попросту глупо.

Я продолжил свой путь, замедлив шаг и надеясь отыскать какое-нибудь место, которое было бы легко держать под наблюдением. Идти к точке сбора в сгустившейся темноте совсем нелепо. Вот если деревья проиграют свою битву с огнем, тогда да, придется бежать, но пока света достаточно хотя бы для того, чтобы видеть, на кого я наступаю, и быть готовым к большинству неприятных сюрпризов, которые в обычных условиях могли бы оказаться незамеченными. Вскоре я выбрался на небольшую поляну чуть в стороне от намеченного маршрута, и к моему удивлению, там не оказалось никаких чудищ. То есть совсем.

Ничего страшного или странного, кроме какого-то невзрачного строения. Или все же взрачного? Никогда не задумывался, делают ли семь метров высоты бревенчатое строение значительным или нет? Если бы не размеры, я бы предположил, что передо мной находится самая обычная охотничья избушка. По крайней мере, ее внешний вид примерно соответствовал тому, как я себе представляю охотничьи избушки, но...

Зачем-то вокруг нее торчали толстенные стальные столбы. Я подошел поближе, не скрываясь, но и готовый к тому, что это все может оказаться миражом или же какой-нибудь загадочной тварью, готовящейся к тому, чтобы съесть случайного путника. Но ничего не произошло. Меня не ударило током, не накрыло охотничьей сетью, я не нашел никаких волчьих ям. Избушка не подпрыгнула в воздух в попытке сожрать меня. Столбы еле слышно гудели где-то на пределе слышимости, заставляя задуматься об их назначении: они стояли слишком редко, чтобы можно было считать их оградой, но оказались чересчур массивны и акkuratны, чтобы считать их наличие чем-то незначимым.

Избушка выглядела совершенно обыденно. По крайней мере, неухоженную охотничью избушку я всегда представлял именно так — слегка скособоженный четырехстенный домик, сверху торчит печная труба, на каждой стене есть окно, плотно закрытое ставнями. Если бы не размеры... Все, казалось, было сделано для какого-то великана. Я осторожно приоткрыл дверь и заглянул внутрь — стандартный набор. Печь в углу, кровать, два сундука, два стула, стол посередине, ловушек не видно, хозяев тоже. Настораживало, что убранство было обычного, отнюдь не великанского размера, да и комната всего одна, но... Думаю, что можно попробовать войти.

Как водится, бесплатный сыр в виде безопасного и потому особенно заманчивого отдыха оказался в мышеловке. Поскольку стоило мне только снять рюкзаки и упасть на один из стульев, как обстановка заметно изменилась. На втором стуле возник удивительно знакомый голубой контур антропоморфной фигуры, который медленно-медленно проявлялся в человека, облаченного в глухие доспехи. Одновременно начало происходить что-то странное с потолком.

— Здравствуй, Джерайн Тень. Я ждал тебя. Очень долго ждал.

Моим первым побуждением при звуках глухого механического голоса было швырнуть в моего собеседника разделяющий нас стол. Несмотря на все неурядицы с моей памятью, не

вспомнить, где я раньше видел такие доспехи, я не мог. Розовая башня, беззвучный вопль Горелого... Такое не забывается.

— О... И откуда вы меня знаете?

Тень была готова к действию, но выкачивать знания из мертвого собеседника гораздо дольше, чем из живого. А значит, придется попытаться успокоиться и потерпеть.

— Скажем так, я утратил счет тому, сколько раз с тобой уже говорил. Где-то в двадцати процентах случаев ты убивал меня в течение первых двух минут разговора, но с момента изменения стратегии моего поведения, а также озвучивания статистики, положение начало исправляться. На данный момент ты оставлял меня в живых до конца разговора в восьми попытках из десяти.

Мой собеседник окончательно проявился. «Доспех» оказался комбинезоном, покрытым тонкими защитными пластинами, слабо светящимися в темноте. Шлема на этот раз не было, и потому я мог видеть и короткий ежик седых волос, и молодое лицо, изрезанное тонкими морщинами.

— Как я вижу, пока ты меня не убиваешь. Хорошо. — Я открыл рот, собираясь задать вопрос, но он перебил меня: — Ты хотел спросить, почему пока? У тебя нет, не было и никогда не будет иного выхода. Ты будешь вынужден сразиться со всеми нами. Пока ты не проигрывал ни разу, но кто знает? Может быть, когда-нибудь нам повезет. — Он замолчал, положив руки на стол, и я скорее почувствовал, чем увидел, как он одними губами прошептал: «Но я надеюсь, что этого никогда не случится».

Я наконец-то понял, что происходило с потолком. С момента начала нашего разговора из него выскользнули зазубренные полуметровые шипы, да и дверь избушки оказалась заблокирована тяжелым стальным засовом. Прекрасно!

— Я продолжу, хорошо? — спросил мой собеседник, не дожидаясь моего ответа. — Официальный вызов передан. Отключить записывающую аппаратуру.

— Что за...

Договорить он мне не дал:

— Времени у меня действительно мало, и пожалуйста, дай выговориться прежде, чем я вновь начну все сначала!

Он ударил ладонью по столу, и ножки его угрожающе треснули.

— Ты убьешь меня, слышишь, и сожрешь мою душу, чтобы дать мне хоть какой-то шанс сбежать из этого ада! — Еще один удар. Треск повторился. — То, что мы сделали с собой, чтобы выжить здесь, в Запретных землях, замкнуло нас в кольцо, из которого не удастся выбраться, какие бы усилия мы ни прилагали! Даже если умереть, то все равно откроешь глаза на своем посту за мгновение до начала событий, не имея возможности ничего изменить! Снова, снова, снова, снова, снова... Из раза в раз! — Еще один удар, и стол с треском просел и накренился. — Годы и века выживания здесь, множество вариантов, приводящих к одному и тому же. — Мой собеседник сделал короткую паузу, после чего ядовито продолжил: — Через Запретные земли идет Джерайн Тень, когда-то уничтоживший всех наших братьев, которые остались снаружи. Выследивший и убивший поодиночке всех, кто так или иначе был с нами связан. Терпеливо и трудолюбиво выкорчевавший нашу надежду на спасение. Он идет, а за ним следует его давний враг, собирающийся закончить начатое. И если беззаботный Джерри иногда может пробежать мимо, то тот, кто следует за ним, — нет. Он обязательно заглянет и спросит, почему пропустили!

Еще один удар, ножки стола окончательно подламываются, и столешница с грохотом падает, но человек в комбинезоне, распаленный собственным монологом, этого уже не замечает.

— Спросит, спросит... Причем так, что следующую попытку начнешь в холодном поту, не в силах отделаться от привкуса крови. Спасти себя можно, от него — нет. Никак. Никогда. Ты наша последняя надежда на спасение, Джерри! Убей всех кого найдешь и заberi их души, слышишь? Убей! Если же кто-то спасется... Тот, кто идет за тобой, не будет заходить к нам, если мы задержим тебя. По его мнению, мы на большее не годимся. Думаю,

что он прав, мы слишком хотим выбраться отсюда, и временами это кому-то удастся. Кто-то, притянутый твоим Шепчущим, покидает нашу тесную компанию. Кто-то получит возможность сбежать из Запретки, когда временная петля развернется в прямую линию.

— То есть вы заранее сдаетесь без боя? — уточнил я на всякий случай, представляя, как на меня выпрыгивает толпа народу, ожидающая возможности совершить групповое самоубийство с моей посильной помощью. Не представлялось никак, тем более что с появлением шипов на потолке оно никак не вязалось. С другой стороны, кажется, я зря думал о необходимости тренировки...

— Советую спрятать все походные вещи в сундук прежде, чем я отвечу, — предложил он, и мне оставалось только послушаться. Никакой магии в сундуке не было, и он выглядел достаточно прочным, чтобы уцелеть в грядущей заварушке. Никакая Тень не поможет, если ты выходишь против превосходящего противника, увешанный барахлом, как крольчиха детьми.

— Никто не будет сдаваться без боя, дорогой наш д'эссайн. Более того, никто не намерен сдаваться тебе. Мы совершенствуем свою систему обороны, анализируя твои успехи в прохождении маршрута. С недавнего времени мы стали тестировать систему на защитниках, и, к твоей чести, последняя версия способствовала уничтожению аж двадцати штук без существенных потерь с нашей стороны. Единственное, чего мы так и не смогли понять: почему их сила растет недостаточно быстро по сравнению со всеми нашими расчетами. Несмотря на значительные потери с их стороны, мы до сих пор сталкивались лишь с низшими разновидностями. Скорее всего, это связано с чудовищным усилением в ближайшем будущем, но мы уже имеем все шансы не дожить до этого. Ох, мое время почти кончилось. Если мы еще раз увидимся — убей меня, Джерайн!

— И что это все значит? — спросил я, хотя вопрос мой был по большому счету риторическим. Человек в комбинезоне, уже не обращая на меня внимания, поднялся с места и внезапно изменился.

Заостренные уши. Длинные седые волосы. Дитя леса во всей красе. Не хватает разве что лука или же сабли. Хотя... сабля как раз была на месте, в чем мне пришлось убедиться мгновение спустя, уклоняясь от рубящего удара. Еще мгновение понадобилось, чтобы перехватить оружие за узкое, заостренное снизу яблоко, выкручивая из хрустящего эльфийского запястья, и обратить удар против хозяина клинка. Превосходная сталь играючи разрезает как одежду, так и брюшные мышцы. Наружу начинает сыпаться требуха, рот моего противника распаивается в беззвучном крике, но он не успевает произнести ни звука. Удар саблей с короткого замаха почти без усилия сносит эльфийскую голову с плеч, и конвульсивно подрагивающее тело оседает на залитый кровью пол.

Бой занял пару мгновений, оставив у меня ощущение неправильности происходящего, особенно когда прочная, заточенная до бритвенной остроты сабля рассыпалась серебристой пылью прямо в моих руках. В ту же пыль превратилась вытекающая из обрубка шеи кровь, и обезглавленное тело истаяло на глазах, как клочок тумана под солнечными лучами.

КРАЙН! Поверь мне, если я когда-нибудь познакомлюсь с тобой лично, то из нашего знакомства ты получишь множество самых необыкновенных знаний о пределе собственной выносливости, а также о скорости достижения болевого порога и способах удерживать в сознании тело, которому по всем законам давно полагается умереть. Только твоим вмешательством я могу объяснить то, что, похоже, мне пришлось столкнуться с одним из самых неприятных порождений Древних.

Подтверждая мои мысли, из россыпи серебряного крошева поднялся обнаженный угольно-черный орк. Тело его бугрилось мышцами, а мужское достоинство внушало определенные опасения. О такое можно и ногу сломать ненароком! Интересно, если его отрезать, удастся ли сохранить ценный генофонд, или же, повинувшись приказу, данному извне, наномашины перестроятся вновь, впуская в себя очередное сознание? Судя по тому, как быстро исчезла сабля, верен второй вариант... А жаль.

Подставлять шею под удар так же легко, как эльф, орк не пожелал. Вместо того чтобы

приблизиться, он наклонился, подхватил с пола столешницу и воспользовался ею в качестве гигантской мухобойки. Мило. Если бы я был мухой, то оценил бы в полной мере. Но я успел выскользнуть из-под удара, а затем — запрыгнуть на столешницу, лишая противника этого импровизированного оружия, после чего пнул орка в челюсть. Этот удар он заблокировал свободной рукой, упорно пытаясь выдернуть доску. С трудом удерживаясь на ней, я нанес серию ударов кулаками — и на этот раз добился результата. Орк отшатнулся, выпуская столешницу, с грохотом упавшую на пол, и отступил на шаг. На его лице отразилось легкое замешательство, не более того, которое быстро проходит, если дать противнику такую возможность.

Обойдется.

Я вцепился в горло и чресла орка, сжимая их в своих когтях, и с натугой поднял его над своей головой, насаживая на шипы, хищно потянувшиеся к жертве. Тело на мгновение зависло на импровизированных кольях, роняя уже знакомую мне серебристую пыль, а затем соскользнуло вниз, рассыпаясь в воздухе. Интересно, кто будет следующим и чем это кончится? Надеюсь, что сейчас здесь окажется человек или гном, а не...

Эттин. Самый натуральный эттин, пусть и низкорослый. Конечно, головами он практически касается шипов, зато размах рук такой, что близкий бой с легкостью превратится в игру в поддавки. Конечно, пару ударов я выдержу, но рассчитывать на это нерационально. Значит, настала очередь эсси. Сорвав рукоять с пояса, я включил «невидимое лезвие». Как раз вовремя, чтобы уклониться от сокрушительного удара в грудь, подрезая сухожилия, и отлететь к стенке, получив пинок по ребрам, успев мазнуть клинком по своему противнику.

Эсси я удержал в руках каким-то чудом. Второе чудо — то, что я все же зацепил ногу своего противника, что заставило его ненадолго поумерить свой пыл. Истаявшая плоть не хотела зарастать, несмотря на чаяния моего оппонента. Так и не дождавшись, припадая на подраненную ногу, эттин двинулся ко мне, что-то шепча на неизвестном мне наречии. Если он колдует, то количество моих проблем возрастет на порядок.

Кольцо на моем указательном пальце напомнило о себе болезненным уколом. Боль позволила мне скинуть оцепенение и, не вставая на ноги, подкатиться под ноги эттина, уклоняясь от удара неповрежденной руки. Пнуть снова он меня не успел, в мгновение ока лишившись мышц и связок на ногах. Взмах лезвием — и вторая рука противника с легким шипением тает, как снег на раскаленной крышке котелка, обнажая голые кости.

Интересно, и как они все-таки оживают? Хотелось бы понять, поскольку этот аттракцион «Оживи с новой силой» начинает надоедать и рискует затянуться надолго.

Судя по внутренним ощущениям, все мои противники делили между собой одно-единственное тело, сотканное из наномашин, и чтобы прекратить этот бессмысленный танец со смертью, достаточно лишь найти, где прячутся души. Надеюсь, что как у личей — в специальных артефактах, спрятанных в теле. Если тут задействован какой-нибудь более сложный протокол, то задача может оказаться куда как более сложной. Поневоле напрашивается самый естественный вариант решения — скормить эти души Тени и крайн бы с ними. Но я ведь не ищу легких путей? Если где-то рядом меня ждет сотня таких красавцев, то лучше заранее понять, каким же способом их убивать. Целее буду. Одна жалость — таким противником не подзакусишь: песок на зубах хрустеть будет. Может быть, он и питательный, но я еще помню истории о демонах, скармливавших охотникам их мечи и стрелы. С летальным исходом для откушавших угощения. Лучше потерплю, чем лишусь трахеи, пищеварительного тракта или что там оно еще может испортить.

Поиски уязвимого места больше всего напоминали выискивание одной-единственной изюминки в здоровенном шоколадном пудинге. Если бы наниты не испарялись под действием невидимого лезвия эсси, все было бы гораздо дольше и неприятнее. К чести эттина можно сказать, что он почти не кричал. Поначалу. Закричал он только тогда, когда я коснулся его подаренным кольцом, и пыль превратилась в кровь. Отсюда можно сделать два вывода. Приятный — благодаря «подарочку» Белой Невесты я смогу восстанавливать свои

силы, не отрываясь от боя. Неприятный — еще чуть-чуть, и эттин просто сдохнет от болевого шока, что существенно осложнит поиски контролирующего устройства. Значит, нужно действовать быстро...

Одним движением эсси я разделил эттина на две половины, замечая у него внутри между двумя сердцами нечто, похожее на волосатый кристалл. Я уже протянул к нему руку, собираясь наконец-то разделаться со своим противником, как вдруг в мгновение ока из пыли собрался давешний эльф, первым же ударом выбил из моей руки эсси, и тотчас хрупкие тонкокостные эльфийские пальчики вцепились в мое горло как клещи. Скажу честно, у него были все шансы если и не задушить меня, то раздавить мою трахею. Но сделать этого я ему не дал.

Всего один удар напряженными пальцами под ребра.

Подарок Белой Невесты, прорастающий сквозь мою плоть и обернувшийся длинным светлым когтем.

Эльф рассыпался белой пылью прямо подо мной, оставив дрожащий, пульсирующий, истекающий кровью кристалл душ у меня на ладони. От соприкосновения с кольцом он заалел и уменьшился в размерах, его кровь смешивалась с моей, но это уже не имело никакого значения. Не имел значения и тот страх, который испытывали заключенные в этом камне души.

Я просто прикрыл глаза и съел их.

Насладиться моментом мне не дали самым подлым образом. Пол домика дрогнул и с плавно возрастающей скоростью провалился вместе со всей избушкой. Назначение шипов на потолке стало мне совершенно ясным, так же, как и назначение столешницы. Извернувшись, я ухватился за нее и поставил между собой и шипами. Дерево выдержало. Шипы, на удивление, тоже. Если мои подозрения и на этот раз подтвердятся, на пенсии можно будет подрабатывать гадалкой.

И действительно, падение резко замедлилось, и мне пришлось постараться, чтобы не быть пришлепнутым тяжелой деревяшкой. Недолгий спуск, краткое мгновение невесомости — и вновь ускорение, да такое, что деревяшку вжимает в потолок. Подобные разгоны и замедления создали у меня стойкое ощущение, будто те, кто тащит меня в эту ловушку, дразнятся. Да, угроза моей жизни есть, но не такая большая, чтобы я сразу воспользовался Тенью и таким образом избежал нежелательной встречи. Наверное, они знают, что я постараюсь сбежать сразу же, как только пойму фатальность этого падения, и успели подготовиться и к подобному варианту развития событий.

Значит, не стоит оставлять за спиной такого противника.

Придется навестить гостеприимных хозяев.

Прибыл я с потрясающим грохотом. Ставни избушки не выдержали и сорвались. Ускорение при приземлении было рассчитано очень точно, и неприятных ощущений следовало ожидать в полном объеме, но травмы не оказалось ни одной.

Сразу после моего прибытия произошло еще одно замечательнейшее событие: что-то прожгло избушку насквозь, чуть не зацепив меня. Затем голос явно из громкоговорителя «в последний раз» предложил мне сдаться. Мечтатели. Пусть сами сдаются!

Судя по тому, что я успел разглядеть, я очутился в гигантском подземелье. Рассеянный свет практически уничтожил все возможные намеки на тени. Неприятно, но не смертельно. В отличие от присутствия какого-то горючего газа, с тихим шипением распыляющегося в воздухе. Судя по всему, они начнут бой, как положено, с огневой подготовки. Это значит, что пришла пора использовать Тень.

Теперь выбора действительно нет.

ИНТЕРЛЮДИЯ IV

Сделать героем — это убить с особой жестокостью в назидание потомкам.

Хранитель дорог

Время — это очень интересная штука. Оно подобно нитке, на которую нанизываются бусины событий человеческой жизни. Если поранишь палец — потечет кровь. Если выдернешь волос, то назад его уже не вставишь. Так устроен мир. По крайней мере, та его часть, к которой привыкло большинство знакомых мне существ.

Но иногда... Иногда привычный порядок меняется. В лучшем случае ты будешь знать, что произойдет, и получишь власть над событиями. Изменить будущее не сложнее, чем изменить прошлое. В худшем же случае... Сперва у вас потечет кровь, а затем придется поранить палец. Сперва вы умрете, а затем ваше тело погибнет так, что никто не задастся вопросом о причине вашей смерти. И так называемые Запретные земли — это одно из тех мест, в которых причинно-следственная связь может быть нарушена с легкостью.

После сегодня может наступить вчера. За ним — послезавтра, затем дождливая неделя и позапрошлый месяц. А завтра... Завтра может не наступить никогда.

В Запретке реальное и ирреальное переплетены столь тесно, что, единожды переступив ее границу, ты можешь никогда не вернуться назад. Достаточно лишь забыться, испугаться, стать нерешительным. Достаточно забыть, зачем ты идешь. Потерять себя — это не так уж и сложно, если задуматься. Сочетание простейших ритуалов способно лишить разума, замещая его законами ритуала. Конечно, это дает стабильность. Но не всякая стабильность стоит того, чтобы жить по ее правилам. Каждое сомнение порождает свою тень реальности. Свой вариант развития событий. Чем больше вариантов, чем сильнее они отличаются, тем меньше шансов на то, что путь будет когда-либо завершен.

Многое зависит и от того, насколько ты готов идти до конца. Во что бы то ни стало. Это старая добрая Игра, ставка в которой всегда больше, чем твоя жизнь. Главное, вовремя разобраться со своими проблемами. Быть готовым на жертву... или на жертвы. И ни за что не сдаваться.

Скажем, Дрейк, пройдя Запретку, получил больше, чем мог мечтать, но и потерял при этом столько, что был вынужден научиться подлинному терпению. Хотя сейчас, если честно, мне хочется рассказать совсем не о нем.

Никакое умение, никакая сила не даются даром. Желания очень любят сбываться в самые неподходящие моменты. Запретка очень любит играть в игры с теми, кто хочет сыграть, и принимает любые ставки. Есть множество миров, кроме этого. Некоторые события происходят вне зависимости от наличия сторонних наблюдателей и от желания этих наблюдателей как-либо вмешаться. Смешать все это и не взбалтывать.

Некоторые события просто происходят...

— И чтобы ни одна тварь меня не побеспокоила! Ясно? — Маги закрыли глаза и сосредоточились на ритуале.

Я не могу сказать, к какой расе они принадлежали, к каким родам относились. Не имеет значения, сколько у них было конечностей и сколько голов. Тем более что при смене расклада все это регулярно изменялось. Важно другое. Они очень хотели спастись. Вызвать демона, который бы гарантировал им жизнь и безопасность. Вот только место для ритуала было выбрано крайне неудачно... Крайн был доволен.

Воины ничем не подтвердили получение приказа, но они поняли его в полной мере. Сорванный ритуал поставил бы на их жизнях жирный крест: то, что могло явиться, не должно было знать пощады. Каменные двери святилища, конечно, давали хорошую защиту от тех тварей, что роились снаружи, но кто знает, сколько времени они бы продержались,

если бы пришел кто-то действительно опасный?

Стражи рассредоточились по многогранному залу с расчетом, чтобы любой враг был встречен чьим-нибудь клинком в течение секунды после своего появления. Так и произошло. Человек, возникший в воздухе на расстоянии длины клинка от одного из воинов, через мгновение после появления лишился левой руки, а затем рухнул на землю горой плоти. Если противник способен возникать перед тобой неожиданно, то не стоит выказывать ему неуважение простым отрубанием головы. Нет, нужно сделать так, чтобы он после этого точно не ожил. Хотя бы до тех пор, пока не закончится ритуал.

Первый шаг пройден.

Воин недовольно поморщился. В воздухе повис запах крови и смерти, а до конца ритуала оставалось больше часа. Неприятно, но отнюдь не смертельно. К тому же получившаяся куча останков могла отвлечь нападающих. Если они действительно появятся.

Пять минут не происходило ничего. Монотонный речитатив магов не нарушался никакими посторонними звуками. Поэтому когда пришелец начал восставать из собственных останков, собираясь из частей, подобно головоломке, это не осталось незамеченным. На сей раз воин одним ударом развалил его на две части. На мгновение всем показалось, что этого достаточно, но иллюзия развеялась в тот момент, когда у человека широко распахнулся рот в беззвучном вопле, а из глаз потекли кровавые слезы. Более того, он даже попытался встать...

Что закончилось ровно так же, как в момент его появления.

Второй шаг.

То, что одежда пришельца восстанавливалась вместе с его телом, сочли дурным предзнаменованием. Потому, как только тело человека стало регенерироваться, его пришили к полу, используя кинжалы и один запасной меч.

Следующая жизнь пришельца состояла из одного лишь громкого воя, на который не должно было хватать ни его легких, ни его выносливости. Тот воин, что заткнул ему рот кляпом, лишился руки. Разрез был столь ровный и гладкий, что неясно было, каким оружием человек, находящийся в состоянии болевого шока, смог сделать это. На самом деле удара не заметил никто. Просто отходивший боец, на котором с трудом сфокусировался взгляд пришельца, внезапно почувствовал пульсирующую, режущую боль в запястье, а кисть с тихим шлепком упала на пол. Пришелец умер уже после того, как его пленителя перевязали.

Третий шаг.

Больше к нему не приближались.

Никто больше не считал, сколько еще раз умирал пришелец. Притом все старались приглядывать за ним хотя бы краем глаза. Хотя бы для того чтобы не пропустить момент, когда он все-таки вырвется на свободу. В том, что этот момент наступит, сомнений уже не возникало. И подозрения укрепились после того, как куда-то пропал кляп. Человек больше не выл, лишь тихо хрипел, но этот хрип раздражал сильнее, чем любой вой. У воинов оставалась единственная надежда на то, что ритуал закончится раньше, чем пришелец войдет в полную силу.

Никто не удивился, когда все предметы, удерживающие пришельца на полу, взлетели в воздух, как пробки из бутылок с игристым вином. Человек, пошатываясь, медленно-медленно поднялся на ноги. В него вонзилось несколько метательных дисков, один из них перерезал трахею, но, похоже, ущерб от этих атак был не больше, чем от комариных укусов.

— За... что? — Пришелец говорил с трудом. Так, будто успел забыть, каким образом воспроизводятся звуки, и теперь с трудом вспоминал. Кровь из открытых ран перестала течь, тем же потоком вливаясь обратно в жилы. — За что вы меня убиваете? Я же вам ничего не сделал!

— Чтобы и не сделал, — сказал один из охранников и тут же рухнул на пол, обливая его кровью из перерезанной шеи. Метательные диски вылетели из тела пришельца с умопомрачительной скоростью, отскакивая от стен. Еще несколько воинов упали мертвыми. Или ранеными? Или же и вовсе никто не пострадал? Не имеет значения. Они все уже были обречены на гибель.

— Вы представляете, насколько это больно — умирать? — спросил пришелец, всплескивая руками. Половина левой руки от локтя и ниже у него пропала из поля зрения, превратившись в какое-то марево, растягивающееся, колышущееся. Убивающее. Первый же воин, двинувшийся навстречу парню, осыпался на землю месивом.

Через мгновение после этого муар пропал, а парень снова обрел целую левую руку — красно-черную, с вытекающими из нее жирными кровавыми струйками. Пришелец взглянул на нее в изумлении и согнулся, не в силах удержать остатки пищи в желудке. Хорошо поставленный удар заставляет пронзительно свистеть рассекаемый воздух. Голова прыгает по плитам, оставляя за собой кровавые отпечатки. Останавливается. Рассыпается пылью, расплетается на нити, и через мгновение пришелец вновь стоит на ногах. Левая рука от локтя и до кончиков пальцев блестит сталью. Глаза — как два красных фонаря и светятся яростью.

Первая ступень пройдена.

Маги не успели совсем чуть-чуть. Это позволило им хотя бы в посмертии, но сохранить свои души. Кроме пришельца, из обитателей этой комнаты не выжил никто. Ни в какой из вероятностных линий. Пришелец же — тот, кого в дальнейшем будут называть Защитником, был полон ненависти к себе и к тому положению, в котором он оказался. Одним ударом он выбил каменную дверь из петель и, выйдя из святилища, отправился по одному ему известному маршруту туда, где он был нужен. Хотя его и не ждали. И никогда не будут ждать.

Нет ничего проще времени, порой это всего лишь спутанный клубок.

Из услышанного на постоялом дворе

Алессьер

Никогда не любила мрачные, сырые подземелья, несмотря на то, что большую часть своей сознательной жизни провела в сидхийской Столице. Но разве можно сравнивать величественные каменные своды, изукрашенные мозаикой, барельефами и светящимися кристаллами, с земляной норой, в которой передвигаться можно разве что на четвереньках, а с низкого потолка то и дело сыплются камешки, песчинки и мелкие насекомые?! Я стянула с широкого ножа, подаренного Дрейком, остатки не шибко прочного хитинового панциря той дряни, что утащила меня в свое подземное убежище, и огляделась, пользуясь Фэем как светильником.

Увиденное оптимизма не добавило. Мало того что туннель, через который меня утащила тварюшка, похожая на сильно выросшую медведку, осыпался. Еще «обрадовала» перспектива ползать тут на четвереньках, то и дело ожидая соседей невиданного насекомого и поминутно вытряхивая из волос какую-то мелкую, так и норовившую заползти за шиворот, скользкую живность. Счастье, что пока меня тащили вниз, Фэй обеспечил меня защитным коконом, благодаря которому я не зацепилась косой ни за один из выступающих древесных корней и могла дышать, не боясь наглотаться земли и насекомых.

«Сомнительная похвала, но хоть чем-то сумел помочь», — расстроено пробормотал браслет. Как только первая опасность прошла, мой телохранитель не переставал убиваться по поводу собственной профнепригодности из-за того, что не додумался вовремя просканировать пространство у меня под ногами.

Фэй, сделанного не воротишь, но если сможешь отсюда выбраться на поверхность — будешь полностью реабилитирован в моих глазах.

«Рискую тебя разочаровать, но, по-моему, самый короткий путь наверх надо прокапывать напрямую, иначе блуждать в этой норе можно не один день. Судя по всему, утащившее тебя насекомое принадлежит к колонии, живущей под землей, и вряд ли выбиралось на поверхность без необходимости. А ход наружу, как ты могла убедиться, очень ненадежный, осыпается сразу, как только „медведка“ утаскивает добычу вниз». — Браслет

еще чего-то пробубнил, а потом затих, увеличивая яркость «подсветки» и позволяя мне получше рассмотреть лежащее поблизости насекомое.

Шесть небольших членистых лапок с маленькими, но довольно острыми коготками прикреплялись к вытянутому приплюснутому туловищу, которое плавно перетекало в уродливую голову с круглыми белесыми глазами. К моему счастью, широкий абордажный нож, который вручил мне Дрейк перед отбытием с «Птицы», оказался достаточно острым и прочным, чтобы разрубить панцирь насекомого даже с короткого замаха. Квэли были практически бесполезны в этой треклятой норе — размахнуться ими из-за тесноты негде, а колоть «медведку» в брюхо — занятие явно бесперспективное, вряд ли у измененного Запреткой насекомого там скрывается какой-нибудь жизненно важный орган.

«То ли дело голова», — задумчиво прокомментировал Фэй, пока я разглядывала внушающие трепет зазубренные жвала, трогать которые не рискнула. Мне повезло, что за ноги меня схватили именно лапки с коготками, иначе я получила бы не просто исцарапанные сапоги, а жалкие обрубки вместо них, заканчивающиеся на уровне щиколоток.

«Ага, повезло, что тварюшка оказалась настолько голодной, что решила утащить тебя целиком, а не просто отхватить лакомый кусочек».

Сомнительное везенье, я бы сказала.

«Ну уж какое есть. Между прочим, я регистрирую движение потоков воздуха. Ветерок. Слабенький, но он есть. Предлагаю двигаться против него, возможно, там выход на поверхность или хотя бы дырка в земле, ведущая наверх. Я тогда постараюсь тебе сделать окошко в мир пошире».

Главное — весь туннель не обвали.

«Неправильно формулируешь. Главное — не обвалить туннель на тебя. Все остальное несущественно. Ты ведь не собираешься тут поселиться? И так знаю, что нет. Поэтому берем ножик в зубы и шустро-шустро ползем по норке местных тараканов следом за указателем».

Ты не обнаглел? — мысленно усмехнулась я, пряча нож в ножны, и поползла по сырой норе за мягко мерцающим ярко-желтым огоньком.

Право слово, если бы я была светлым эльфом или человеком, то в сложившихся условиях боязнь закрытых пространств у меня развилась бы с неслыханной скоростью. Лаз напоминал заброшенную могилу — темно, сыро, свисающие сверху корни кое-где образовывали нечто вроде прутьев решетки, протиснуться меж которых было тяжелой задачей. И опять выручил нож Дрейка: он с легкостью перерубал ненавистные корни, из которых текла кровь, иногда — прозрачный сок, и только раз от брызнувших на рукав желтоватых капель задымилась куртка. Что за растение наверху обладало столь едким соком, я не знала и знать не хотела, поэтому поспешила уползти подальше от неприятных корешков, надеясь с ними больше не столкнуться.

Интересно, что бы подумал Джер, увидев меня такой? Перемазанной землей, с испачканным кровью и липким древесным соком абордажным ножом в руке?

«Наверняка первым делом убедился бы, что кровь на ноже и куртке — не твоя. А дальше под настроение. Кстати, похоже, что насекомое, затащившее тебя в гости, живет в одиночестве на довольно большой площади. Иначе мы наверняка с кем-нибудь еще повстречались, а пока никого нет».

Я даже не знаю, радоваться или огорчаться. Ведь если ты не видишь чудовища, это еще не означает, что оно не видит тебя. Поэтому я предпочту более явную угрозу.

«Тебе не угодить! — хмыкнул Фэй, замерцав зелеными огоньками по ободку алого „глаза“. — Ну, хочешь, я их приманю как-нибудь? Так, чтобы тебе не было так одиноко и страшно в этой неуютной норке?»

Учти, если приманятся аршинные хомячки, тебя я скормлю им первым.

«Интересно было бы на это посмотреть. Магов, способных прирастить тебе правую руку, я в ближайшем окружении не наблюдаю, а сам я не слезу, не надеюсь. Нет желания пройти через кишечный тракт гигантского хомяка и потом работать ближайшую тысячу лет ценным удобрением».

По-моему, ты себя переоцениваешь.

Что-то больно укололо ладонь, наполовину вдавившись в мягкую разрыхленную почву. Я чертыхнулась и остановилась, поднося Фэя поближе к земляному полу и рассматривая предмет.

Кости. Кажется, когда-то это было чьей-то довольно изящной рукой с тонкими пальцами и принадлежало либо человеческой женщине, либо представителю эльфийского народа. Взгляд скользнул по слабо освещенному кругу, выхватывая из общей мешанины обломанных высохших корешков, тускло поблескивающих чешуек и камешков потемневшие части скелета. Грудная клетка с частью позвоночника и сокрушенными ребрами. Кисти рук, бедренные кости, выглаженные оголенные черепа.

Кладбище...

«Или столовая, — мрачно пробурчал Фэй. — Не хочу прослыть паникером, но давай все же побыстрее сваливать отсюда, а? Мне здесь не нравится».

А кому нравится? Мне, что ли?

Я осторожно поползла вперед, стараясь по возможности не касаться останков погибших, но задача оказалась мне не по плечу, и давящая на уши тишина подземелья наполнилась еле слышным хрустом трескавшихся под моим весом костей. Вот тогда-то у меня сердце заныло от удушающего страха, что я никогда не выберусь наверх, не увижу солнечного света, навсегда оставшись в темной сырой норе, на кладбище собратьев по несчастью. Пришлось остановиться, крепко зажмурить глаза и слушать успокаивающий, чуть звенящий от напряжения голос Фэя, цепляться за него, как за спасительную ниточку, которая не дает свалиться в пропасть паники. Я — ночная сидхе, я Танцующая, я не имею права на такую идиотскую эмоцию, как паника! Особенно сейчас!

«Лесс, что это? Слева от тебя, просто подвинь руку».

Металл, холодный, успокаивающий, с колючей поверхностью. Я открыла глаза, поднося странную пластинку к лицу и рассматривая тонкие, едва заметные паутинки, безжизненно свисающие из центра небольшого «медальона» овальной формы. Блестящие капельки-огоньки на оборотной стороне, изрисованной строгими линиями, и снова крошечные капельки металла. Что-то знакомое, но сейчас не вспомнить.

«Лесс, возьми с собой на всякий случай. Когда выберемся, покажи Джеру, уверен, он будет в восторге».

С чего бы? Артефакт какой-нибудь д'эссайновский?

«В том-то и дело, что это не наше, иначе на нем стояло бы клеймо мастера. Это нечто вроде механизма, который давно не работает, но Джер с такими штуками возиться обожает. Думаю, ему будет интересно».

Я только плечами пожала и сунула пластинку в один из внутренних карманов куртки. Если бы это нечто было небезопасным, Фэй не стал бы советовать его брать с собой. Но раз уж он настаивает... будет Джерайну сувенир из Запретных земель. Интересно только, где мы вылезем на поверхность и как далеко окажемся от д'эссайна? Он вряд ли станет караулить меня у засыпавшегося подземного хода, скорее, не слишком торопливо двинется к «точке сбора», как называл Дрейк место встречи.

«Ничего, как наверх выберемся, я сориентируюсь и выведу тебя на прежний маршрут. В крайнем случае, буду выдавать в эфир сигнал на особой частоте, которую Джерайн сможет принять. Кажется, нужный приборчик он уже собрал». — Фэй довольно хихикнул, а плавающий впереди маячок завернул в боковой коридор, уже не такой низкий и с довольно ровными стенками. Ползти стало значительно легче и приятнее, по крайней мере, сверху уже не вылезали древесные корни, мимо которых было не протиснуться.

Кажется, жизнь начинает налаживаться.

«Не сглазь, а? Впереди нечто вроде зала, а сразу за ним — источник свежего воздуха. Только не рекомендую рваться к свободе слишком шустро — я регистрирую присутствие живого существа».

Я перехватила рукоять абордажного ножа поудобнее и медленно поползла к окончанию

коридора.

Фэй, что там?

«Существо классификации не поддается. Но если судить по биометрическим показателям, оно находится в состоянии покоя. Спит».

Или притворяется спящим.

«Мои сенсоры весьма чувствительны», — обиделся браслет, останавливая мягко светящийся маячок у входа в подземный зал.

Но если ты даже не можешь это существо классифицировать, откуда ты знаешь, что оно вообще спит? А вдруг оно в таком состоянии постоянно находится, а как только пробежит мимо что-нибудь съедобное — ка-а-ак схватит...

«Подавится», — резонно отметил Фэй, отправляя маячок в свободный полет под потолок выкопанного под землей зала.

Да уж. Тут я могла бы не только встать на ноги, но еще и попрыгать вдоволь — пронизанный частой сетью древесных корней купол находился на высоте приблизительно трех саженей, и именно там находился тот самый «выход» — небольшое пятно света. Н-да, даже когда я доберусь до этого вентиляционного отверстия, придется его расширять, пока что туда без проблем только кошка пролезет.

«Это как раз наименьшая из наших проблем, — уныло протянул Фэй. — Наибольшая находится у дальней стены зала. И я не знаю, что это такое».

Еще один шарик, на этот раз чисто-белый, отделился от браслета и плавно воспарил вверх. Он ненадолго завис между полом и потолком, а затем неторопливо полетел к тому, что я поначалу приняла за причудливое переплетение древесных корней. Впрочем, в каком-то смысле так оно и было — странное сгорбленное существо, опирающееся на длинные руки, оплетенные тонкими побегами, словно выросло из земли, составляя единое целое с деревом на поверхности. Головы у существа не оказалось вовсе — только грубое подобие лица на груди с невидящими глазами-провалами и плотно сжатым ртом.

«Похоже на симбионта, соединенного с корневой системой дерева наверху. Правда, по какому принципу — сказать затрудняюсь», — озадаченно пробормотал Фэй, пока я разглядывала существо из коридора, не решаясь выйти в зал. Вроде бы передвигаться оно не может вовсе — слишком прочно вросло в переплетение корней, питающих его, как пуповина плод в утробе матери, но в Запретных землях ничто не является тем, чем кажется.

«Я тебя огорчу заранее: тебе все равно придется выйти в зал и встать под отверстием. Расширить-то я его могу и отсюда, но вот поднять тебя левитационным заклинанием сумею только в том случае, если ты будешь находиться точно под выходом».

А иначе никак?

«Только если ты полезешь по корням, которые вросли в спину этого „красавчика“, но почему-то мне кажется, что такая идея тебе вовсе не понравится», — нервно хихикнул Фэй, зажигая в глубине рубинового глаза ярко-зеленые огоньки.

Работай, и по возможности пошустрее, мне надоело здесь ползать.

«Принято».

Дыру в потолке заслонило стремительно расширяющееся зеленоватое облачко идеально круглой формы, а потом вдруг исчезло с легким хлопком вместе с пластом земли и частью корневой системы дерева. Поток хлынул алый древесный сок из обрубков, запахло кровью, а существо у дальней стены вдруг вздрогнуло, медленно ворочаясь в своем коконе, и с тихим стоном раскрыло беззубый рот, больше похожий на дупло. Оттуда неожиданно выскользнуло нечто, похожее на плотно сомкнутую ярко-розовую раковину с той лишь разницей, что не бывает у раковин сокращающихся стенок, как и тонкого «стебелька», смахивающего на пищевод.

«Не поверишь, но, кажется, это желудок», — пораженно прошептал браслет у меня в голове, пока я зачарованно наблюдала за тем, как «раковина» распахнула створки, подставляя внутреннюю поверхность под стекающие из перерубленных корней быстро иссякающие струйки крови.

Поверю. Я сейчас во что угодно поверю...

Существо еще с минуту ловило в «раковину» частую кровавую каплю, а потом разочарованно заныло, захныкало, словно младенец, не вовремя отнятый от материнской груди. Теперь предполагаемый желудок плавно передвигался из стороны в сторону, словно надеясь поймать побольше пищи, и встать под отверстие для того, чтобы Фэй поднял меня вверх, стало еще проблематичнее.

«Хочешь лезть вверх по корням? Не советую, ибо не уверен, что желудок у этой твари не выдвигается еще дальше».

У меня была немного иная мысль. Замораживающие заклинания у тебя еще не выдохлись?

«Обижаешь, хозяйка. Только еще раз предупреждаю, что в Запретных землях моя магия может давать незначительные сбои».

Я вышла в зал, радуясь возможности наконец-то встать во весь рост и расправить плечи. Уцелевший квэли лег в левую руку, когда я неторопливо пошла к беспокойно плавающей в воздухе полураскрытой «раковине», выставляя перед собой Фэя с мерцающими в глубине рубинового глаза синими искрами.

Дать команду браслету я не успела — предполагаемый желудок странного существа метнулся ко мне со скоростью пущенной стрелы, до предела распахивая влажные, покрытые дурно пахнущей слизью «створки». Не уверена, что я поместилась бы там полностью, но, как мне кажется, этого и не потребовалось бы.

Ослепляющая белизной вспышка полыхнула на расстоянии вытянутой руки, покрывая «раковину» тонким слоем голубого льда. Порыв ветра, невесть откуда взявшийся в зале, отбросил назад тонкие пряди волос, когда я уклонилась, пропуская мимо себя чрезвычайно шустрый желудок.

Лезвие квэли, падающее вниз, перерезало «пищевод», как замороженную веревку, легко, почти не встречая сопротивления. До чего же медленно падала на рыхлый земляной пол все еще сокращающаяся «раковина», как неторопливо убирался назад жалкий обрубок, роняющий тяжелые капли крови! Словно существо не успело толком понять, что же произошло, почему столь важная часть тела больше не слушается и вообще валяется на земле, покрытая подтаивающим льдом.

Я подбежала к снопу света, падающему вниз из значительно расширенного Фэем вентиляционного отверстия. Браслет сразу же нагрелся, и я ощутила, как земля уходит у меня из-под ног, словно кто-то с невероятной скоростью поднимал меня на невидимой веревке.

Станный густой воздух на поверхности — пальцы вязли, когда я выбиралась на волю, цепляясь за траву и какое-то мелкое деревце, оказавшееся поблизости. На миг возникло ощущение, будто я падаю в бесконечный колодец, желудок болезненно сжался, а виски словно сдавил ледяной обруч — до боли, до краткого момента слепоты, когда мне почудилась пронизанная холодом бесконечность. Потом неожиданное возвращение обратно в собственное тело, уставшее, с ноющими плечами и пребольно впившимся пониже копчика корешком.

Я ойкнула и повернулась на бок, приоткрывая глаза и с удивлением обнаруживая, что лежу на земляничной поляне. Маленькие ярко-красные ягодки прятались под широкими зубчатыми листиками, такие спелые, что, казалось, их и обрывать-то не надо — сами свалятся, только ладонью проведи. Тоненькая березка, за которую я хваталась, выбираясь из отверстия в земле, трепетала нежно-зелеными, почти прозрачными листочками на ветру, который нес с собой запах нагретой на солнце почвы, сосновой смолы и палой хвои.

Фэй, мы где?

Тишина в ответ. Я села и посмотрела на нетронутый мох в том месте, где я выбиралась из-под земли всего минуту назад, на здоровые, не изуродованные странной магией Заброшенных земель деревья, тянущиеся к ярко-голубому летнему небу, и вот тогда мне стало по-настоящему беспокойно, если не сказать страшно.

Фэ-э-эй!!!

«Я думаю. И анализирую. И вообще я сейчас немного приду в себя и, возможно, даже вменяемым буду».

Я тебя сейчас прибью. Расколочу о лезвие квэли и скажу, что так оно и было. Где мы?!

«Милочка, не хочу тебя шокировать, но нас с тобой, похоже, занесло не „куда“, а в „когда“. Насколько я могу судить, к северу расположены те же самые горы, что и рядом с Запретными землями, но местность, сама видишь, сильно отличается. Странной живности поблизости не видно и не слышно — обычные птички, бабочки и зверушки, вместо дикого леса — нормальные деревья и кусты. Если не веришь — попробуй ствол мечом потыкать. Готов спорить, что пойдет обычный сок или смола, а не кровь».

Час от часу не легче. Есть идеи, как вернуться обратно?

«Есть, но задача несколько усложнилась из-за того, что временная аномалия, через которую мы сюда пробрались, сместилась на версту с небольшим к западу. Я могу ее засечь, но не уверен, что, пройдя через нее, мы окажемся в том же времени, из которого прибыли».

Хочешь сказать, что мы довольно долго можем блуждать по одному и тому же месту, но в разные времена?

«Именно. К сожалению, ориентироваться во временных потоках я не обучен — вряд ли Джерайн мог предположить, что мне придется служить компасом в межвременье».

Я задумчиво сорвала земляничку и машинально сунула в рот. Спелая ягодная сладость, смешанная с солоноватым привкусом крови, навела меня на две мысли. Первая — хорошо бы поесть, ибо я ощутила себя голодной, как проснувшийся д'эссайн, а вторая — неплохо было бы помыться, потому что сейчас, забрызганная кровью деревьев из Запретки, я представляла лакомую добычу для любого уважающего себя хищника.

«Что-то мне подсказывает, что в этом лесу ты самый страшный и голодный зверь, — хихикнул браслет. — Но если очень хочешь есть — могу помочь. Как мне кажется, тут должно быть достаточно много некрупной дичи».

По-моему, я сейчас не в состоянии гоняться за зайцами и мышами.

«Предоставь это мне. Поверь, я еще способен на кое-какие маломощные боевые заклинания, так что потенциальный обед будет лишь слегка опаленным. Кстати, неподалеку есть закрытый водоем, довольно большой и, судя по всему, безопасный».

Так что сразу не сказал?

Я ругалась больше по привычке, чем всерьез, и моя заботливейшая из нянек, удобно устроившаяся у меня на запястье, принялась указывать дорогу с помощью цветного светящегося шарика, плывущего на уровне глаз в пяти шагах передо мной. Поначалу я хваталась за нож на поясе при первом подозрительном шорохе, но постепенно успокоилась и перестала оглядываться через плечо, поминутно ожидая подлости. Странно непривычно было видеть Запретку такой, какой она была очень давно — простой лес, где нет никаких разъедающих плоть мхов, причудливых тварей, словно выбравшихся из горячечного бреда пьяницы или сумасшедшего. Поневоле начнешь задумываться, а что же должно было произойти с этой местностью, чтобы она стала Запреткой? Ну, вот не верилось мне, что земля могла сама себя изуродовать до такой степени без вмешательства извне, значит, «помог» кто-то.

«Если бы Равен не был мертв много лет назад, я бы подумал, что это его рук дело. Он славился навязчивой идеей захватить этот мир, принести самую колоссальную в истории жертву и каким-то образом перековать существующее мироздание».

Тогда он точно был психом, потому что в одиночку такое никому не удастся.

«Не хочу тебя разочаровывать, но ему это почти удалось. Д'эссайны вмешались».

Погоди-ка. Насколько я помню из уроков истории, Равена убили сидхийские воины. Именно они обезглавили мага и забрали с собой в новую Столицу его посох.

«Все правильно, убили Равена сидхе, а вот его возрождению воспрепятствовали д'эссайны. Не спрашивай, как — сам не знаю. И подозреваю, что, кроме Джера, подробностей той истории знать некому, а он вряд ли кому расскажет. Даже тебе. И не

потому что не доверяет — скорее, просто не хочет тебя в это впутывать».

Как благородно! Только верить в благородство д'эссайнов чаще всего смертельно опасно.

«Я почему-то думал, что ты ему доверяешь...»

Тиразлю я тоже доверяла. Результат тебе известен. Чем последний из д'эссайнов лучше лесного эльфа?

«Ничем. Джерайн просто другой».

Я кое-как отжала волосы и, в который раз воспользовавшись Фэем, как сушилкой, принялась одеваться. Сложно выразить, какое же это все-таки счастье, когда в косе не копошатся мелкие насекомые, стряхивать которых бесполезно, а кровь деревьев вперемешку с сырой землей не стягивает кожу на руках и лице. Рубашку мне отстирать почти удалось, правда, после сушки от нее пахло озерной водой и тиной, но это всяко лучше запаха сырой норы, откуда я вылезла. Штаны и куртку я отчистила, но вот процарапанные насквозь голенища сапог пришлось зачаровывать с помощью браслета, который негромко зудел на тему того, что в служанки он мне не нанимался, но работу свою тем не менее сделал исправно.

Все бы хорошо, но есть все равно хотелось, причем сильно, вплоть до того, что еще немного — и я буду готова сожрать любое живое существо, как какой-нибудь д'эслайн, тысячу лет «отсыпавшийся» в каменном гробу, весьма удачно прикидываясь древней мумией.

«Лесс, не знаю, насколько для тебя это в новинку, но твой голод вызван неизвестно почему ускорившимся в несколько раз обменом веществ. Плюсы этого состояния — ускоренная реакция на окружающую обстановку, минусы — если не будешь пополнять затраченные „ресурсы“, организм начинает сжигать сам себя с огромной скоростью. Сейчас я пытаюсь контролировать этот процесс, но не уверен, что смогу долго прослужить для тебя аккумулятором».

Я посмотрела на браслет, рубиновый глаз которого пульсировал алым в такт моему сердцебиению. Если даже Фэя с его многолетней подзарядкой не хватит надолго, чтобы поддерживать мой организм во вменяемом состоянии, то мне даже сказать нечего... Поневоле возникают вопросы о той «подготовке», которую проходили ученики Ar'Quilen, если после нее они становились сильнее, быстрее и могли выносить нагрузки, которые ломали более взрослых и развитых сидхе.

Как-то во время практической отработки полученных навыков в условиях, приближенных к боевым, группа будущих Танцующих, состоявшая из учеников третьей и первой ступеней, столкнулась с весьма неприятным порождением нижних уровней Столицы. Существо, похожее на ожившую каменную глыбу, перевитую стальными тросами, как высокое дерево — побегами плюща, появилось на четвертом «пограничном» уровне, который мы патрулировали под присмотром Танцующего, заслужившего квэли около двух десятков лет назад. В результате этого незапланированного столкновения одну из младших учениц мы уносили наверх в виде раздавленного месива, которое наш наставник чрезвычайно аккуратно упаковал в свою накидку с довольно циничным комментарием: «Теперь это всего лишь мясо, куски которого нам лучше не растерять по дороге». Эти его слова я почему-то запомнила на всю жизнь. Потому что рядом со мной в тот раз стоял ученик первой ступени, по которому неопознанное существо ударило ничуть не слабее, чем по моей знакомой. Разница была только в том, что его повреждения были смехотворны — синяки и ссадины, разорванная одежда да вывихнутое плечо. По сравнению с тем, что осталось от попавшей под каменный «кулак» девушки, — несущественная ерунда.

«Мне уже интересно, что сделали с тем, кто почти не пострадал, — протянул Фэй, выстреливая тонким ярко-красным лучом куда-то в кусты. Раздался треск ломаемых веточек невысокого боярышника, повеяло запахом паленой шерсти. — Кстати, это тебе на обед. Надеюсь, у тебя хватит выдержки, чтобы хотя бы освежевать и выпотрошить добычу.

Поджарить-то я могу ее хоть сейчас».

В другой раз расскажу...

Тушка упитанного кролика, обнаружившаяся в ближайшем кустарнике, пришлось как нельзя кстати. Кажется, я начинаю понимать Джерайна, когда тот рассказывал о зверином голоде, от которого темнеет в глазах и пробуждаются кровожадные первобытные инстинкты. Каюсь, если бы Фэй не умудрился поджарить освежеванную дичь меньше чем за минуту, я сжевала бы ее сырой и не поморщилась.

Я успела съесть примерно половину своего долгожданного обеда, когда где-то в лесу неподалеку раздался шорох. Поначалу едва слышный, он довольно быстро приблизился, стал громче, отчетливей. К шелесту листы прибавился треск ломаемых сучьев. Кажется, кто-то пробирался через густые заросли, не особенно утруждая себя поиском обходного пути.

По-моему, кто-то говорил, что опасных существ тут нет. Фэ-э-эй! Мне даже пожрать толком не дают — на бесплатное угощение начинают сбегаться!

«А я... да оно... и не опасное... вот...» — Браслет пробубнил что-то неразборчивое и затих, а я вытянула оставшийся квэли из ножен и взяла в правую руку только что отчищенный от крови и грязи широкий нож, поджидая незваного гостя, который должен был вот-вот появиться. И он не заставил себя ждать.

Из кустов нетвердой походкой вышел худой как щепка темноволосый подросток. На первый взгляд я подумала, что его кожа странного черно-малинового цвета, но на второй эта иллюзия рассеялась — парень был настолько изгваздан кровью, что нельзя было с уверенностью определить цвет его одежды или кожи. Сделав пару шагов по направлению ко мне, он запнулся о какой-то корень и рухнул лицом вперед, даже не попытавшись выставить руки, чтобы смягчить падение, ненадолго замер и пополз к воде.

— Твою мать... — тихо, но с чувством выдала я, убирая оружие и глядя на руки подростка, которыми тот цеплялся за траву. Семипалые ладони, характерные только для д'эссайнов. Невероятная живучесть — вряд ли кто еще сумел бы столь упорно держаться за жизнь обеими руками и зубами в придачу.

«Как я и предполагал. Мы попали во время, когда д'эссайны были еще живы. Что делать будем? Оставим его умирать или все же поможем?»

Ну, ты же понимаешь, кому его лечить придется, ведь так? И на будущее: о подобных предположениях лучше сообщай заранее!

«Напоминаю, что все мои нынешние предположения очень и очень неточные, я не был рассчитан на перемещения во временных потоках, поэтому могу только гадать о том, в каком времени мы очутились».

Не занудствуй, и без тебя тошно.

Я надела куртку поверх рубашки, наспех застегнула и пошла к парнишке. Может, с моей стороны это и цинично, но я не хочу, чтобы ткань измаралась в его крови, потому что вряд ли у меня будет время на то, чтобы стирать рубашку во второй раз, а возвращаться в лес Запретки, благоухая кровью д'эссайна, — не самая лучшая идея. От толп охотников за вкуснятинкой не отобьюсь. Кожаную куртку я могу просто протереть, а рубашку пришлось бы выкинуть.

Паренек замер, когда я подошла к нему. Перевернуть его на спину оказалось гораздо сложнее — он так крепко держался за траву, что когда я наконец-то одолела сопротивление ребенка, в его пальцах оказались намертво зажаты кусочки дерна. При внимательном рассмотрении оказалось, что все даже хуже, чем думалось вначале. Левая рука была сломана в двух местах, одно ребро выступало из-под кожи, количество порезов подсчету не поддавалось. Но парень был жив, и это уже немало. Похоже, ему несказанно повезло: несмотря на сломанное ребро, легкие у пострадавшего были целы, иначе губы были бы в кровавой пене. Случай тяжелый, но не смертельный, а для д'эссайна и вовсе — досадное недоразумение, как выразился бы Джерайн.

«Рекомендую перенести пациента поближе к воде. Напоишь его, пока я буду вправлять сломанные кости. Надеюсь, у тебя найдется что-нибудь, что можно приспособить в качестве

лубков?»

Дротиков у меня еще много; один, так и быть, пожертвую.

Я осторожно взяла подростка на руки. Он оказался на удивление легким и худым, как будто постоянно недоедал, но скорее, ему просто еще предстоит вырасти и как следует заматереть. А сейчас — хрупкая тростиночка.

Пока я несла его к бережку пруда, пострадавший не шевелился, но стоило мне начать опускать его на землю в шаге от воды, как он задержался и как следствие довольно неаккуратно свалился в траву.

— Псих, — констатировала я, легонько шлепнув д'эссайна по щеке, привлекая его внимание. С грязного, перемазанного кровью лица на меня глянули совершенно недетские пронзительные глаза. Слышит. И, похоже, понимает. — Я тебя топить не собираюсь. Убивать тоже. Потому что, если бы хотела, уже сделала бы, не задумываясь. Поэтому лежи и не мешай, здоровее будешь.

Мальчишка нерешительно кивнул, закусив нижнюю губу. Думает, что будет больно. Правильно в общем-то думает. Если бы Фэй не умел накладывать обезболивающие заклинания, рассчитанные на д'эссайнов, парнишке пришлось бы пройти через еще одно испытание.

«Поднеси меня поближе к нему и надави мне на глаз».

В смысле?

«Ты ж все грозила мне око выколупать. Ну, вот и занимайся».

Да как скажешь.

Я подпернула рукав куртки и положила правую ладонь на плечо д'эссайна. Надавила на подмигивающий разноцветными огоньками глаз браслета, и тот приподнялся, выпуская из узкой щели между рубином и оправой десятка три тонких серебряных «ниток». Две из них впились в шею мальчишки, заставляя того расслабиться под воздействием обезболивающего и успокоительного заклинаний, а остальные принялись работать с переломами. Я невольно поморщилась, услышав, как слегка хрустнула, выравниваясь, левая рука, обвитая серебристыми жгутиками, и увидела, как сломанное ребро перестало выпирать из-под кожи. Глубокий порез, пересекающий бровь, перестал кровоточить и превратился в небольшой жесткий рубец, который непременно сгладится со временем.

«Не хлопай ушами, доставай дротик и приматывай его чем-нибудь к руке, иначе кости опять сместятся и рука срастется криво. Он ею тогда пользоваться в полной мере не сможет».

Раскомандовался тут, фыркнула я про себя, вытаскивая из кожаной петли на левом бедре самый длинный и тяжелый стальной дротик; более легкие, которыми я обычно пользовалась, оказались коротковаты. Пока я отрезала широким ножом полоски ткани от одежды паренька и приматывала «лубок» к предплечью д'эссайна, Фэй уже закончил лечение и порекомендовал здесь больше не задерживаться. Во избежание.

С ним точно все нормально будет? Выглядит-то он не очень...

Я осторожно коснулась кончиками пальцев лба паренька — на ощупь холодный, почти как у мертвеца, и покрыт испариной. Нехороший признак. Кровопотеря, судя по всему, такая, что человек давно бы загнулся, да и д'эссайну несладко придется. Еще непонятно, выживет ли. А ведь он совсем еще ребенок, на вид — немногим старше Эрин...

Мне не пришлось расстегивать рукав куртки — только задрать повыше и осторожно провести жутковатым на вид лезвием Дрейкова ножа по светлой коже, наблюдая за тем, как из неглубокого пореза выкатываются капельки багряной крови. Поднести запястье к пересохшим окровавленным губам мальчишки, флегматично наблюдая за тем, как он ловит горячие темные «бусины» на язык.

«Да не мучай ты его, раз решила помочь вылечиться!» — не сдержался Фэй, ощутиمو сжав металлом браслета мою руку.

Ладно-ладно, больше не буду.

С этой мыслью я приложила запястье с надрезанной веной ко рту д'эссайна, который

прильнул к моей руке, и его действие оказалось чем-то средним между поцелуем, лаской и просто попыткой напиться и прийти в себя. Казалось, что с каждым глотком ему становится все лучше и лучше, по крайней мере, он уже не лежал пластом, а начал шевелиться, делая попытки сесть. Выживет, куда денется.

— По-моему, тебе уже достаточно. — Я попробовала отнять запястье от его губ, но подросток вцепился в него здоровой рукой, сжимая семипалую ладонь, из захвата которой просто так не вывернешься. Он уже не столько пил кровь, сколь зализывал мою рану... И делал это так, будто пытался сделать мне приятно.

— А вот это уже лишнее. — На этот раз мне все же удалось высвободиться. Д'эссайн не пытался меня удержать, но выпустил с явной неохотой.

Я поднялась с колен, убирая нож и доставая из кармана куртки платок, пропитанный особой жидкостью, отбивающей запах крови. Неторопливо отерла руки и куртку. Посмотрела на приподнявшегося на локте паренька. Едва заметно улыбнулась в ответ на странный внимательный взгляд.

Вырастет и забудет.

— Мы еще увидимся. — Голос д'эссайна был сиплый, слова давались ему с видимым трудом. — Хочешь... фокус на прощание?

Нет, этот — не забудет. Еще припомнит, когда вырастет.

«Радуйся, что вас разделяет слишком много лет и одна временная аномалия Запретных земель».

Джерайну тысячелетняя разница в датах рождения не помешала.

«И ведь не поспоришь», — почему-то огорчился Фэй. Я же только хмыкнула и посмотрела на мальчишку-д'эссайна.

— Малыш, тебе сейчас отлеживаться надо, а не фокусы показывать.

Он слегка шевельнул рукой, касаясь ею моей тени, закусив нижнюю губу так, что подбородку побежала свежая струйка крови.

— Не хочешь смотреть — не покажу. Я тебя узнаю. Потом...

— Очень и очень скоро, малыш. — Я широко улыбнулась, подмигнула мальчику и встряхнула рукой с браслетом, наблюдая за тем, как медленно наливается алым глаз Фэя. — Когда оклемаешься — поешь, рядом с тобой половинка кроличьей тушки осталась. Тебе лишним не будет.

«А нам будет не лишним быстро-быстро шевелиться в сторону временного сдвига! Хотя бы потому, что он снова сместился, и на этот раз дотянуться до него будет не так легко и просто!»

Учись конкретизировать!

«Оно под водой. Если пробежишься вдоль левого берега, туда, где начинается обрыв, как раз увидишь».

— Время — это колесница смерти. От нее сложно убежать, и она может настигнуть тебя в самый неожиданный момент. — После столь длинной фразы он ненадолго замолчал, часто дыша, но все же продолжил: — Я еще отблагодарю тебя за помощь.

Я посмотрела на него, потом перевела взгляд на водную гладь, туда, где волны еле заметно высвечивались белым. Тусклый, неверный маяк. Куда он выведет — совершенно непонятно. Можно сорваться с места, как стрела, и броситься в воду, а можно посидеть на берегу, подождать очередного «сдвига» — результат будет одинаковым.

Полная неизвестность.

— Может случиться так, что когда ты вырастешь, благодарить будет уже некого.

Будь что будет. Конечно, древняя мудрость о том, что если долго сидеть у реки, то рано или поздно мимо тебя проплывет труп твоего врага, может оказаться к месту, но в данном случае у меня нет времени сидеть и ждать. Джер, конечно, в Запретных землях не пропадет, но потрепать его может знатно.

И к тому же вдруг мой враг тоже сидит где-нибудь на берегу той же реки ниже по течению?

Для того чтобы достигнуть еле заметного искажения, находящегося на дне озера, я не потратила и минуты...

ИНТЕРЛЮДИЯ V

Запреты чаще всего вводит тот, кто скрывает больше остальных.

Сидхийское наблюдение

Алессьер Лэари'Шаан

Трудно, невыносимо трудно лежать на девственно-белой простыне, смотреть в высокий потолок, выложенный бело-серым мрамором, и не иметь возможности пошевелиться. Но приходится терпеть, потому как выбора у меня все равно нет.

Тихонько попискивает настроенный на мое сердцебиение прибор, который есть только в лазаретах Seith'der'Estell, и это единственный звук в комнате, не считая шума дыхания. Тишина давит, как могильная плита, оборачивает почти осязаемым коконом, медленно сводит с ума. Как же я ненавижу свое «предназначение», из-за которого мне приходится каждые два месяца отлеживаться несколько дней в лазарете!

Я — наследница рода Лэари'Шаан, принадлежащего великому Дому Хранителей Запретов, и это накладывает на меня слишком большую ответственность, слишком трудные, иногда кажущиеся невыполнимыми обязательства. Все дело в том, что Хранителями Запретов наш сидхийский Дом был назван неспроста: мы оберегаем то, что скрыто на третьем уровне Столицы, огромный музей, склад, сокровищницу — назвать можно как угодно, но три четверти помещений уровня заняты вещами, которые слишком опасно использовать, но необходимо сохранить. Хранилище пополнялось веками, и, насколько мне известно, когда сидхе перебрались в нынешнюю Столицу, этот «склад» уже был заполнен почти на две трети. Все предметы были помещены в странные магические сосуды, в колонны, которые сохраняли вещи неизменными сотни лет и при этом могли за секунду состарить любого грабителя, который дерзнет их коснуться.

Поначалу и сидхе не могли воспользоваться защищенными таким образом предметами, но это было до тех пор, пока основательница рода Лэари'Шаан не заключила договор с великой Богиней Смертью — божеством, которому мы поклоняемся. Подробности этого священного союза мало кому известны, но в результате женщины нашего рода получили некий дар, он же проклятие: каждая наследница могла ощутить божественное прикосновение Смерти, получить возможность проникать сквозь тонкую пленку волшебных кристаллов хранилища, не рассыпаясь в прах. Великая честь — быть носителем частички силы божества, которому поклоняешься, но и горе тоже немалое — сидхе, отмеченные прикосновением Богини, старились вдвое, а то и четверо быстрее своих сородичей, ведь каждое обращение к дареной силе отнимало бесценные дни отпущенного судьбой срока.

Моя мать, великая жрица Богини Смерти, носящая на своей груди знак благодати — небольшой след, похожий на цветок с шестью острыми, как шипы, лепестками, стареет слишком быстро. По моим ощущениям — почти как недолговечные, непостоянные люди, чей жизненный срок заканчивается в пределах одного столетия. Ее лицо уже отметили морщины, все чаще она предпочитает совершать моления и обряды, не выходя из спальни. И пусть недавно она сумела родить здорового второго ребенка, чтобы обеспечить продолжение нашего рода, на мой взгляд, ее жизнь сокращается неоправданно быстро для сидхе. А все потому, что слишком часто она прибегает к использованию подаренной Богиней силы, но тут не ее вина, а жрецов-исследователей, которым постоянно требуется достать что-нибудь из хранилища.

Мать надеется, что после ее смерти я взойду на священный алтарь нашей Богини, умру

ради нее — и воскресну, приняв в свое сердце божественный дар-проклятие. И никто, разумеется, не спросил меня, а хочу ли я этого. Впрочем, если я сумею стать Танцующей, если не сломаюсь во время обучения и все-таки получу в дар от Айера Криаса именные квэли — вот тогда у меня есть шанс. Возможность отвернуться от «великой чести» и прожить несколько дольше.

Впрочем, нельзя сказать, что Танцующие живут дольше жриц-хранителей. Их гвардия защищает сидхийского Владыку и его двор, патрулирует нижние, ставшие небезопасными уровни Столицы, идет в бой по приказу и погибает без сожалений и страха.

Я хочу так же.

Чтобы моя жизнь зависела исключительно от моего умения выжить, сражаться, а не от того, сколько раз Хранители Запретов пошлют меня доставать из смертоносных кристаллов древние предметы. Лучше я погибну, защищая честь и жизнь императорского двора, или же в бою на одном из нижних уровней Столицы, чем буду медленно угасать от преждевременной старости и немощи, ловя сочувственные взгляды родственников и друзей, со стороны наблюдающих за тем, как я превращаюсь в старуху за какие-то двести лет.

Но пока я не Танцующая, я вынуждена проходить через весьма неприятные, а зачастую болезненные обряды, которые подготавливают мое тело к принятию семени Богини Смерти. Раньше, когда эти обряды еще не проводились, Богиня Смерть отвергала жриц в половине случаев, и тогда тело, неспособное принять божественный дар, старело и иссыхало на глазах. Если я не хочу повторить их судьбу, то придется вверять себя в руки Хранителей Запретов раз в два месяца, засыпать под их заклинаниями — и просыпаться каждый раз обессиленной и без возможности двигаться.

Когда я очнулась в первый раз и осознала, что не могу пошевелиться, я испугалась до обморока, но с каждым новым обрядом паралич длился все меньше и меньше, я понемногу привыкла, ободренная тем, что страдать таким образом мне придется всего два или три года, после чего я смогу поступить в Ar'Quilen и, если повезет, стать Танцующей.

— Алессьер, как ты себя чувствуешь? — Я повернула голову на голос и увидела одного из Хранителей Запретов, облаченного в традиционную для жрецов белоснежную тунику до колен с синим узором-веточкой у левого плеча и белые штаны. В правой руке у сидхе было самопишущее перо, в левой — небольшие листы пергамента на тонкой черной дощечке. Темные глаза смотрели на меня внимательно и серьезно, и именно из-за этого взгляда жрец казался старше своего возраста, хотя на деле он лишь недавно отпраздновал совершеннолетие.

— Уже лучше. — Я почти смогла улыбнуться, чувствуя некоторую неловкость перед симпатичным юношей.

— Можешь пошевелить ногой или рукой?

— Не знаю. — Я попыталась подвигать ступнями, но не вышло, зато ладонь сжалась в кулак без особых усилий. — Только рукой.

— Правой или обеими? — Сидхе что-то отметил на листе бумаги, самопишущее перо замерло, словно ожидая моего ответа.

— Обеими, — отозвалась я, медленно приподнимая левую руку над тонким белым одеялом.

— Очень хорошо. — Хранитель Запретов убрал перо в небольшой кармашек сбоку дощечки и вежливо улыбнулся. — Если восстановление двигательных функций будет проходить с нынешней скоростью, завтра вечером ты сможешь вернуться домой. Ты молодец, девочка. Наш Дом гордится тобой.

— Спасибо...

Жрец уже повернулся, чтобы уйти, но я дернулась, пытаюсь удержать его и задать еще один вопрос... И внезапно ожившая рука метнулась с такой скоростью, что мне почудилось, будто бы она пропала, а в следующее мгновение уже крепко ухватила Хранителя за тунику. Он замер, посмотрел на меня и медленно, словно боясь, что я вцеплюсь ему в горло, вытянул белоснежный шелк из сжавшихся пальцев.

— Алессьер, тебе не стоит перенапрягаться. — Он осторожно переместил мою руку обратно так, что она безвольно легла поверх одеяла. — Ты хотела что-то спросить?

— Да. Скажите, долго ли еще мне проходить эти... обряды?

— Мне сложно судить. Но полагаю, что через полгода, если ты будешь соблюдать все предписания старшего Хранителя и исправно делать все что положено, завершится подготовка твоего тела к возможному принятию семени Богини Смерти.

— И я смогу поступить в Ar'Quilen?

— Право выбора твоего образования находится у твоих родителей и главы Дома, но, поскольку ты проявила редкостное упорство в желании служить нашему высочайшему Владыке, полагаю, твое мнение будет учтено. Служить Богине — великая честь, но честь не меньшая — это служение императорскому двору. У тебя есть сестра, которая сможет заменить жрицу, когда придет время, значит, твое желание может быть исполнено. Добрых снов, Алессьер. Я навещу тебя утром.

Он вышел из комнаты, и, как только за его спиной с тихим шипением задвинулась зачарованная дверь, свет белых кристаллов под потолком стал гаснуть, пока не спустились густые сумерки.

Завтра вечером я смогу вернуться домой. Увижу мать и ее второго мужа — первый не вынес принятия женой благословения Богини и предпочел покинуть Дом Хранителей, вернувшись в императорскую гвардию, — и они опять начнут твердить о том, что я не имею права отказываться от чести благословения и перекладывать эту тяжкую ношу на сестру. Особенно будет настаивать отчим — ведь это его родной ребенок, а он всегда дороже, чем приемный.

Но я рискну вызвать его ненависть, если таковой будет цена за освобождение от быстрой старости. Все равно это будет меньшим из зол...

ГЛАВА 5

На любой хитрый план можно найти свой лом.

Против лома нет приема.

Народная мудрость

Джерайн Тень

Любите ли вы запах пожара по утрам? Аромат подгорелого мяса с тонкими оттенками пролитой крови, угарного газа и еще какой-то химии? По мне, так ужасающая вонь. Одна радость — сломанный нос напрочь отбил обоняние. Надсадно болели разбитые губы, каждый вздох давался с трудом — судя по всему, сломана пара-тройка ребер. О мелочах вроде раскалывающейся от боли головы я и не говорю.

К счастью, все те новые дырки, которые появились в моем теле, почти не нанесли серьезных повреждений, и во мне не осталось на память инородных предметов. К несчастью, кровопотеря была велика, даже если считать с тем, что я успел отожрать, плюс сколько-то ушло на регенерацию, плюс — кажется, что-то из жизненно важного мне немножко задела. Кроме того, огненный амулет был полностью разряжен, половина захватов требовала ремонта, как и амулет личины, да и одежду проще было выкинуть, чем отстирать и зашить...

В сухом остатке остается желание свернуться в клубок и проспять сутки-двое, а затем, выспавшись, выбраться и сожрать сырым первого встречного. И лучше всего, если он окажется покрупнее и помясистее. При хорошем голоде размер и сила противника не играют роли, они влияют только на его привлекательность в качестве пищи.

К сожалению, о сне приходилось только мечтать. Во-первых, я пока не знал, когда и куда вернется Лесс, а значит, имел все шансы опоздать к месту встречи. Никогда, вы слышите меня, никогда не пробуйте опаздывать на свидания к девушкам, прекрасно

знающим и то, между какими ребрами находится кратчайший путь к сердцу мужчины, и то, как доставить по этому самому пути смертельное количество стали, яда или чего-либо более неприятного. К тому же мне вновь приходилось нести ее квели, потерю которого мне наверняка не простили бы.

Вторая же причина моей бессонницы весело прыгала рядом, со странным возбуждением рассматривая местную флору и фауну. Время от времени возгласы восхищения сменялись криками боли или хрипами агонии. В таких случаях мне приходилось отбивать останки своего спутника от местной живности до того момента, когда он, восстановившись, получал возможность сделать это самостоятельно. Судя по тому, на что я успел налюбоваться немногим ранее, а также по гигантскому столбу дыма, поднимавшемуся за нашими спинами, если бы я дал ему возможность справляться с опасностью самостоятельно, меня вполне могло бы накрыть чем-нибудь из его арсенала. То, что произошло с последним оплотом Братства Перечеркнутых часов, было прекрасным тому примером...

Взрыв газа я пережил благодаря теневой броне. Она же позволила мне выдержать первые атаки и ворваться во внутренние помещения базы. К моему сожалению, врагов было так много, что через некоторое время я просто завяз в них. Так как в бою с каждым противником для того, чтобы прервать череду его воскрешений, необходимо было или поедать, или иным образом уничтожить его «сердце», управлявшее нанитами и содержавшее в себе некоторое количество душ, приходилось всегда очень точно рассчитывать не только маршрут передвижения, но и способы убийства. Но, несмотря на все ухищрения, убийства не обеспечивали достаточный выход сил, чтобы поддерживать теневую доспех непрерывно. В конце концов настал тот момент, когда я потерял возможность использовать данную защиту.

После этого я и получил все те ранения, о которых только что вспоминал. К счастью, Тень помогла отключить почти все ловушки, да и врагов почти не осталось.

Вот только меня, вымотанного и израненного, дожидались отдохнувшие сильнее воины братства. Не знаю, скольких из них удалось упокоить до того момента, как я повстречал своего нынешнего спутника. К собственному стыду, я все же провалился в ловушку, самую неприятную из тех, что возможны в Запретных землях. Я попался в «паутину вероятностей» и с каждым выбором терял себя. Стоило ли бить этого врага при помощи эсси, забирая его душу, или достаточно было отдать и его Тени в надежде, что обретенных сил хватило бы на что-то полезное? Свернуть направо, налево, пойти прямо или вообще взорвать пол под собой?

Само устройство их базы было таково, что усиливало эту раздробленность. Тут были раскинута сеть узких коридоров, наполненных смертоносными ловушками: падающими плитами, вылетающими из монолитных стен лезвиями, отравляющими газами. Существовало множество альтернативных путей, соединяющих жилые помещения, столовые, оружейные... Короче говоря, коридоры постоянно сменяли просторные помещения, в которых на меня наваливалась целая толпа врагов. Ужасающе скучно, и ужасно выматывает. И что самое неприятное — вынуждает постоянно принимать бессмысленные решения.

Каждое такое решение дробило реальность, порождало альтернативы, существующие только здесь и сейчас, и чем дальше, тем больше их становилось. Конечно, некоторые вероятностные линии были слабы и сливались друг с другом, существуя какие-то секунды и доли секунд. Я держался, как мог, сужая коридоры выборов, но чувствуя при этом, как сознание размывается в попытке вместить в себя больше событий и фактов, чем можно переносить, не сходя с ума. Я сражался, понимая, что шансов на победу не так уж и много, но они есть! Главное, чтобы выжила каждая из моих копий, иначе я навсегда останусь в Запретке, пойманный в капкан времени.

Все вероятности сплелись в одну совершенно неожиданно. Я пришел в себя, прижимаясь спиной к стене. Гладкой. Идеально отполированной. Теплой. Помнящей свежую

ярость огня. Камни — были. Мелкая каменная крошка вокруг — была. А мой противник внезапно перестал существовать один удар сердца назад. Судя по обрывкам моих воспоминаний, это было крупное существо, облаченное в тяжелую огнедышащую броню. Орк? Наверное...

Тяжелая механизированная броня и глухое забрало позволяли лишь делать предположения о том, кто скрывается внутри. А вращающиеся вокруг кистей лезвия, установленные на запястьях, пара огнеметов, вмонтированных в плечи, да и просто кулаки этой бронированной гадины не оставляли времени на раздумья.

Огненное лезвие эсси, как и невидимое, не причиняло моему противнику никакого вреда. Попытки же добраться до мягкого и вкусного содержимого этого железного ореха были очень сложными. Вот если бы я знал о его уязвимых местах, или бы он милосердно сдался...

Увы. Единственным моим преимуществом была увертливость. И то не так уж весело приходилось крутиться волчком вокруг изрыгающего пламя и щедро раздающего воздуху пинки и оплеухи врага, оставляя на его броне лишь царапины, и кожей чувствовать, что еще немного — и увернуться не удастся. А еще одно ранение — и для меня все закончится. И чем дольше я дерусь, тем больше вероятность ошибки. Пот от жара уже заливал глаза и падал на пол крупными каплями.

К счастью, мои метания выводили его из равновесия не только душевного, но и физического. Пропустив над собой вращающиеся лезвия и прокатившись под струей пламени, я изо всех сил рубанул по тыльной стороне его «бедра», и еще раз в ту же точку, окончательно заклинивая конечность.

Потеря времени на второй удар оказалась роковой ошибкой. Доспех оказался лучше, чем я мог предполагать, — мой враг развернулся на здоровой ноге, сшибая меня в сторону. Кажется, локтем, не уверен. Приложило о стену знатно, ненадолго в глазах помутилось, и я потерял контроль над своим телом. Когда я пришел в себя, мне в грудь уже летело вращающееся кольцо лезвий. Плавное замедляющееся кольцо лезвий...

Тихий хлопок воздуха, и противник исчез, а я почувствовал себя снова реальным и цельным. Интересно, с кем придется сражаться дальше? Грохот и ляг неторопливых шагов подсказали, что зря я задумался на эту тему...

Из необследованной мною части коридора вышел человек в броне столь тяжелой, что каменные плиты пола с неприятным хрустом проминались под его шагами. Под мышкой он нес тот сундук, в котором целую вечность назад я прятал «лишние в бою вещи». За свой квэли Лесс меня точно убьет! Я обреченно помотал головой, надеясь, что от этого взгляд лучше сфокусируется.

Не помогло. Оставалось лишь поудобнее перехватить рукоять эсси, чувствуя, как от напряжения сводит пальцы. Какой режим подойдет лучше? Огонь, адамантий... Быть может, стоит попробовать ударить комбинированным, вдруг сил на это все же хватит? Останется ли у меня шанс на вторую попытку после ошибки? Достанется ли мне хоть какой-нибудь кусок его брони, чтобы потом изучить? Это было бы неплохо... Даже нет, это было бы крайне хорошо! Только, наверное, такой возможности уже не будет...

Бронированный между тем бросил сундук в мою сторону, да так, что я еле увернулся, и погрозил пальцем. Затем он ткнул тем же пальцем в потолок, будто приглашая меня приглядеться к чему-то повнимательнее. Я честно кинул взгляд туда, куда он указывал. Потолок как потолок... Зато вот с рукой у этого существа было что-то не так. Совсем не так.

Сперва из его указательного пальца вырвался узкий лучик синего цвета, а затем вся рука раскрылась подобно цветку, открывая моему взору длинный кристалл в обрамлении золотой паутины, испускающий мягкое голубоватое сияние. Сияние это пульсировало подобно биению сердца, и с каждым «ударом» его интенсивность возрастала.

Десяток ударов сердца, и он вспыхнул так ярко, что стало больно смотреть! Я отвернулся, смутно осознавая, что оставшиеся силы придется потратить на защиту, иначе...

Тень приняла меня в объятия, закрывая-защищая от всех опасностей. В ту же самую

секунду и долбануло. Удар был столь силен, что, несмотря на защиту и на то, что я закрыл глаза ладонью, я все равно почти ослеп. Бронированного же протащило по коридору, как плугом распахивая каменные плиты пола. Интересно, сколько же он весит? И чем можно пробить такие доспехи? Боюсь, что такого оружия у меня с собой нет.

Я выпал из Тени, чувствуя, как из носа течет кровь. Да и, кажется, не только из носа. Навязчивый соленый привкус во рту мне уже совершенно не нравился. Я не смог удержаться на ногах и медленно сполз по стене, пытаюсь хотя бы ногтями уцепиться за плотно подогнанные панели. Кажется, силы кончились. Зрение ни за что не хотело восстанавливаться, я видел все вокруг как через плотную туманную пелену. К счастью, это существо было не слишком враждебно ко мне: если бы оно стреляло не в потолок, а в меня, то от меня бы, несмотря ни на что, остались одни воспоминания.

Встать удалось далеко не с первой и даже не с пятой попытки. По стеночке. Медленно и осторожно. Оставляя красивые кровавые разводы. К тому моменту мой неожиданный союзник уже поднялся. Дождавшись того момента, когда мой взгляд сфокусировался, он снова вскинул руку, указывая на потолок. Только не надо повторения! Второго раза я не выдержу!!! Я рефлекторно вжал голову в плечи, но послушно поднял взгляд вверх, где обнаружил отверстие полутораметрового диаметра. Кажется, сквозное. Это что?! Выход на поверхность?! Как бы в подтверждение моей догадки незнакомец постучал по своей груди, затем ткнул пальцем в потолок, затем указал пальцем на меня и снова — на потолок. Интересно, что он имеет в виду? Не соображу. Голова раскалывается, а из лекарств, способных исцелить эту боль, у меня только эсси.

Убедившись, что я ничего не понимаю, бронированный медленно подошел к дырке в потолке. Мне показалось, или его шаги действительно стали легче? Не показалось. На очередном шаге он медленно поднялся в воздух и пошел по нему, неуклюже перебирая ногами. Зависнув у дыры в потолке, он повернулся ко мне и снова указал по очереди на меня и на дыру, после чего замер, протянув мне руку. Он предлагает мне услуги по доставке на поверхность? Если так, то буду рад. Я осторожно, чтобы не упасть, обхватил сундук, на всякий случай, закрепив на нем захваты левой руки. Захваты, укрепленные на правой руке, кинул незнакомцу...

Пришел в себя я уже на поверхности от того, что кто-то хлопал меня по щекам. Ужасно болели кисти рук и плечи. Голова раскалывалась. Лицо было залито кровью, и на то, чтобы открыть глаза, мне пришлось потратить с полминуты. Может, и больше — ощущение времени было полностью утеряно. Надо мной склонился коротко стриженный темноволосый молодой человек с резкими острыми чертами лица.

— Фуф, я уже начал думать, что ты слишком сильно ударился о потолок и превратился в полного дебила. Сверхкачественная нейрохирургия могла бы спасти и не от такого, но я не уверен, что сейчас на нее способен. Уж извини, что так получилось, сам я... — Слова его долетали до меня как через толстый слой ваты. Воспринимал я их как-то отстраненно, с трудом вникая в смысл. Передо мной извиняются. За что? За то, что у меня болит голова? Но какая связь между моей головой, чьими-то извинениями и нейрохирургией?

Незнакомец поднялся, огляделся по сторонам и сделал шаг в сторону. Что-то громко зашипело. Верхняя половина его тела испарилась. Ноги сделали еще один неуверенный шаг и упали на землю, при этом не пролилось ни капли крови.

— Двадцать первый. — Установить источник насмешливого голоса мне не представлялось возможным, а его громкость отзывалась во мне столь острой вспышкой боли, что я застонал. — Джерайн, ублюдок, поднимись и умри с честью, ты проиграл!

Блаженная, священная тишина, позволяющая мне прийти в себя, удержать сознание от провала в забытие, была цинично прервана появлением человека, облаченного в сияющие мерзким синим светом доспехи братства. Подарок Смерти, и без того искалечивший палец, бесцеремонно дернул мою руку к этому человеку. Он, казалось, ждал этого и одним расчетливым движением короткого клинка пригвоздил ее к земле. Мне, кажется, даже и не больно. Просто ничего не чувствую.

— Интересно, где ты нашел двадцать первого? Его не было ни в каких наших расчетах. Ладно, разум с ним. Умер он намного быстрее, чем его предшественники. Так же быстро, как умрешь ты, Джерри. — Хриплый голос был довольным донельзя, но запах страха был слишком силен. Мне кажется, что мне врут. Но в чем? Как сложно думать... и искать еще какие-то смыслы. — Судя по исследованиям наших психологов, ныне временно покойных, ты очень хорошо ведешься на предложение освободить кого-то через убийство. Красивая ловушка, не так ли? Конечно, раз за разом ты вырываешься из нее, а что происходит дальше, увы, не удерживается в моей памяти. Но я совершенно уверен, что в этот раз у меня все получится, и я смогу тебя убить. — Он направил на меня раструб своего оружия, похожего на белый параллелепипед, к одному торцу которого прикрутили приклад, а ко второму — воронку. По всей длине оружие было усыпано перемигивающимися огоньками, и их мерцание только усиливало мою головную боль. — А это значит, что со временем мы переломим все события в свою пользу и вырвемся наружу. Капля точит камень, Джерри, а время — на нашей стороне!

Каждое слово моего «врага» отзывалось в голове тупой ноющей болью. Хуже чем зубная. Было бы чем — меня бы вытошнило. Но ничего, сил на рывок еще хватит. Только бы тело не подвело. Сейчас же нужно выждать, изображая утекающее сознание и легкие судороги. Каждая секунда отсрочки дает мне силы на то, чтобы собраться. Воздух вокруг его оружия слегка искрился. На грани видимости. Неужели у него такая подкачка энергии?

— Не волнуйся, твоя смерть будет безболезненной. Пуфф — и все, — ухмыльнулся глава Братства Перечеркнутых часов. Я почувствовал, как дрожит его палец на спусковом крючке, одно нажатие на который превратит меня в пыль. Сейчас меня и смерть разделяло лишь напряжение одной пружины. Но напряжение подарка Смерти, а также то, как ласково он терзал мою израненную руку, придавало мне определенную уверенность.

Ствол оружия чуть вздрогнул и разлетелся на сотни металлических осколков, на мгновение вспыхнувших радугой. Броня моргнула синим цветом и рассыпалась серой пылью, оставляя «брата» в одной лишь майке и трусах.

— Не стоило врать. Это было очень больно, — раздался сухой голос моего предыдущего собеседника. — И я был бы рад доказать это на живом примере. Пока живом.

Я с трудом повернул голову и наконец-то смог разглядеть его полностью. Человек. Рост — средний или чуть выше. Что-то между ста семьюдесятью и ста восемьюдесятью, ближе к верхней границе. Светло-синие штаны, неоднократно линявшие; тяжелые крепкие ботинки светло-коричневого цвета, черная футболка, темно-синяя куртка с разорванным по локоть левым рукавом. Зато его левая рука... то, что было у него вместо нее... Серебристо-стальная трехпалая клешня, покрытая многочисленными шипами, казалось, жила собственной жизнью, извиваясь подобно змее, втягивая в себя многочисленные щупальцанити, практически неразличимые зрением. Я моргнул, и за это время клешня успела превратиться в руку, из запястья которойросло изогнутое лезвие, так же медленно втягивающееся внутрь.

— Джер, извини за дурацкий вопрос, но ты его есть будешь? — уточнил незнакомец. — В качестве извинения за мою оплошность. А то мне его дереализовывать жалко, я лучше силы на кого-нибудь менее полезного потрачу.

Я кивнул, медленно поднимаясь с земли. Перед глазами все плыло. Рука, из которой ранее торчал меч, болела, но всю эту боль можно было терпеть. Особенно, если заесть ее свежим теплым мясом. Глава братства, пребывавший до того в ступоре, наконец-то осознал, что с ним происходит.

— Но... Это противоречит всем правилам! Почему я тогда помню все те попытки, что были прежде... — Он закрыл глаза ладонью и жалко заплакал, не пытаясь даже сдвинуться с места или как-либо защититься. — И... и бессчетное количество следующих? Неужели это на самом деле конец, и я ничего не могу изменить?!

— Да, — согласился я, отрубая ему голову.

Идти рядом с человеком, способным походя устроить такие разрушения, и уцелеть при этом — хуже, чем нести в руках жестянку с кислотой. Никогда не угадаешь, когда именно разъест тонкие стенки и ты потеряешь пальцы. Крайне «крайноугодная» забава. Не удивлюсь, если узнаю, что крайны приложили свои лапы к появлению этого существа здесь. Хотя...

Запретка на то и Запретка, чтобы притягивать к себе всяческие аномалии. Такое количество невероятного на одном месте способствует как спонтанным телепортам, вроде того, в который попали мы с Лесс, так и не менее спонтанным межмировым порталам. Она даже может подарить часть своего безграничного могущества, вот только плата за него, на мой вкус, будет непомерно высока.

Случай, когда пришелец из иного мира смог вырваться отсюда и выйти наружу, можно пересчитать по пальцам рук и ног. И лишь в двух-трех известных мне случаях эти существа вынесли наружу что-то хотя бы относительно полезное для них самих, а не только свою жизнь. Двое точно умерли потом в палатах с очень мягкими стенами, спрятанных на глубине ста пятидесяти — двухсот метров под землей, под присмотром подземных тварей; слухи же про третьего доносились настолько разные, что можно было сомневаться, существовал ли он вообще когда-либо?

На своей территории Запретка может даровать даже подобие вечной жизни, исказив и переродив тело свежего «бессмертного» так, что он никогда не сможет вырваться наружу. Во времена моей молодости я помню, как столкнулся с одним таким «бессмертным» во время экскурсии по приграничным областям Запретных земель. Официально они к Запретке отнесены еще не были, но у нее, судя по всему, существовали на то свои взгляды.

Если бы не Тень, пожранная незадолго до того, у меня бы не было никаких шансов на победу, а так... Убить-то я своего противника убил, но выжил после этого только чудом. Или божественным вмешательством, но это спорно. Сомневаюсь, что тогда на мою персону у кого-либо могли иметься далекоидущие планы.

Но пока прошлое не имеет значения. Для начала, думаю, мне стоит разобраться со своим спутником, пока в его голову не вложили желание разобраться со мной, а значит, нужно успеть раньше. Одна радость — изучая всякие древние, забытые и запрещенные тексты, я узнал об одном полезном правиле, которое действует даже в таком неопределенном месте, как Запретка. Всякая сила подчиняется своим законам. Один из них — обязанность ответить на некоторые вопросы. Совершенно честно ответить. Быть может, не очень подробно, но тут уж ничего не поделаешь.

Я дождался завершения очередного витка цикла «увидели новое создание, изучили на собственном примере его охотничьи повадки, умерли, воскресли, продолжили свой путь». Естественно, разбираться со встревоженной зверушкой снова пришлось мне. Хотя бы перекусить потом сумел. Тем, что осталось. Так что увеличение моего запаса сил покрыло расход. Как только темноволосый пришелец снова стал целым и открыл глаза, я задал первый вопрос:

— Кто ты?

— Я? Защитник. — Он принялся часто моргать. — Защитник реальности... Брр! Громкий титул. А имени не помню. Представляешь? Как отрезало, хотя память работает, кажется, даже лучше, чем раньше. Как отрезало. Напрочь. Защитник... Что это значит, не знаешь? Хотя, наверное, сейчас узнаешь, это ведь не последний вопрос, не так ли? Их должно быть больше, минимум три, я-то точно знаю!

Интересно, это о подобных существах рассуждал мой собеседник в преддверье Братства Перечеркнутых часов? Кажется, да. Правда, кажется, что головой я ударился слишком сильно... Хотя кого из нас двоих считать безумным? Дурацкий вопрос. Считать нормальным существо, которому на моих глазах уже с десятков раз различными способами отрывали голову — глупо.

— Что тебе надо?

— Мне? — Он медленно поднялся с земли, качая головой из стороны в сторону так,

будто у него зажало позвонки, после чего состроил идиотскую рожу и взвыл дурным голосом: — Мне нужен ми-и-ир! И желательно весь! А еще вечность, пара коньков в придачу, леденец на палочке — и домой. Последнее — самое приоритетное, а без остального обойдусь. Хех, самый обычный психологический шок от всего того, что на меня свалилось! Если в моей дурной голове осталось место для шока... а вот чем мне придется заняться, ты спросишь потом, потому, что не имеешь права менять порядок основных вопросов, ибо хорошо знаешь, чем это может тебе грозить. Кстати, не ошибаешься. Не во мне дело даже, но этого тебе знать как раз не положено, и объяснить ничего я не смогу. На самом деле тебе нужно знать, чего на самом деле надо тебе самому, но это — мой вопрос, а не твой, поэтому обойдешься без подсказок. — Мой собеседник зевнул. — Давай, крути шарманку дальше.

Основные вопросы почти закончились, а знаний почти не прибавилось. Только новые вопросы. Но не задать следующий вопрос я уже не мог, хотя и представлял возможные ответы на него. Интересно, мой собеседник телепат, или *действительно* сам знает весь список? Последнее означает крупные и серьезные проблемы.

— И зачем тебе это надо?

— Я хочу домой. Мне здесь не нравится. Очень не нравится. А дома меня ждут, и я искренне надеюсь, что дождутся. Вот только путь — это подлая и жестокая штука и никогда не бывает коротким. Судя по тому, что я тебе отвечаю, мне грозит путешествие длиной не в одну жизнь с совершенно призрачными шансами на возвращение. Кстати, не забудь пересказать мне все то, что я тебе отвечаю, хорошо? А то забуду же, это правилами тоже предусмотрено. Да и память человеческая многого вынести не в состоянии. Так что давай, задавай свои вопросы дальше, мне тоже будет интересно послушать эту белиберду. Кстати, на всякий случай: я не телепат. Я просто знаю все те вопросы, которые ты мне задашь во все наши встречи. Мне положено. И знаю все свои ответы. Я бы с удовольствием подсказал тебе некоторые, но, увы, не смогу. Хорошо, что реальность, в которой ты задаешь правильные вопросы, довлеет над прочими, иначе бы ты не узнал и этого. Задавай дальше.

Следующий вопрос я обдумывал пару минут. Мой собеседник терпеливо молчал и даже не порывался убежать. Причинить мне вред он уже и пока не мог. Интересно, а время подобного диалога ограничено хоть чем-нибудь? Я об этом ничего не слышал. И даже не знал, где можно отыскать эту информацию. Будет неприятным сюрпризом, если беседа внезапно прервется и «защитник» перейдет в наступление. Стоп! А ведь это почти хороший вопрос!

— Чего ты защищаешь, «защитник»? — Я не удержался от саркастического тона, но мой собеседник не обратил на него никакого внимания.

— Я же сказал — реальность. — Он высунул язык, становясь немного похожим на обезьяну. — Я Защитник Реальности, а это безумно круто. Только я не очень представляю, зачем я тут нужен, вы и без меня хорошо справляетесь с тем, чтобы все угробить, но... Быть может, тут все дело в том, что лиха беда — начало?

Я замер, как хищник, готовящийся к прыжку. Кажется, я начинаю вспоминать, к какому типу можно отнести моего собеседника. Если бы я мог съесть подобное существо, то все мои проблемы решились бы сами собой. Правда, появилась бы куча новых, но... Судя по тому, что я встречал раньше в кодексах,¹³ о природе подобных существ известно...

Да ничего не известно, на самом деле. Просто было упомянуто несколько случаев, когда с ними происходили столкновения. Так появилась Дикая пустошь, топи Нейранайи и пустыня Надежды. Кажется, теперь я понимаю, почему не вспомнил этого раньше: лезть на оборону, способную перемолоть двадцать штук «защитников» подряд, — это один из самых болезненных способов самоубийства. К слову, ребра у меня до сих пор болят. Правда, я живой! Быть может, из-за того, что на двадцать первого «защитника» вместе со мной они не

¹³ Кодекс Крови, раздел «При встрече с этими созданиями рекомендуем проверить наличие завещания»; Кодекс Времени, раздел «Благодарности»; Кодекс Памяти, раздел «Крайний допуск».

рассчитывали? Вот только если он действительно захочет убить меня, то у меня будет ровно один шанс из тысячи, чтобы успеть первым. Хотя, если отсечь его от источника силы, как я проделал с тем «бессмертным»...

— И скажи тогда, Защитник, в чем подлинный источник твоей силы? — Это уже не основной вопрос, а отсебятина, но правилами это не запрещено. Основные вопросы кончились, а я должен быть уверен в том, что он тот, за кого себя выдает, а не очередное порождение Запретки.

Давно я не видел, чтобы у человека так быстро вставали дыбом волосы без применения электричества. Давно. Еще в другой жизни.

— Правильный вопрос, Джерри. Ты меня не разочаровываешь. Так и тебя, думаю, не разочарует мой ответ. — Его глаза вспыхнули ярким алым светом, в котором растворились зрачки и радужка. Край! Из-за кровопотери я точно не успею ударить первым! — Печать Боли. Уверен, что теперь твое желание сожрать меня пропало окончательно и навсегда. Черпать силу из одной из Великих Печатей — это большой соблазн, но ты лучше меня знаешь, что чувствует тот, кто это делает.

По правилам этой игры я не мог перебить отвечающего. Оставалось только слушать. И ждать возможности задать следующий вопрос. Но вот в чем я теперь был уверен, так это в том, что мой собеседник является даже большей жертвой Запретки, чем все ее постоянные обитатели. Я бы предпочел проказу, полный паралич или даже смерть, лишь бы не попадать под власть одной из Великих Печатей.

— Печать Боли... Джерайн, через некоторое время ты будешь прекрасно знать, что чувствует умирающий, я гарантирую это: как пробегает огонь по всем нервам, как организм отчаянно и безнадежно пытается бороться с уже свершившейся смертью. Какие он испытывает судороги, какое расслабление всех мышц, внезапно вышедших из повиновения. И тот момент, когда организм перестает удерживать в себе все, что должен держать в соответствии с приличиями и терпением. О, эти ощущения острее любого оргазма и страшнее самого ужаса. В отличие от нормального человека, я не могу умереть, зато получаю всю гамму ощущений, даже то, чего умирающий не будет чувствовать, поскольку смерть милосердна. Оторви мне руку, и я буду чувствовать, как отмирают нервы, как страдают от отсутствия кислорода мышцы, как кровь вытекает из обрубка, а ее замены не находится. О, кстати, — глаза Защитника внезапно снова стали нормальными, — интересно, а я смогу заставить свою руку двигаться отдельно? Было бы весело! Больно, конечно, но зато смог бы играть с кем-нибудь в ужасающую страшную руку-душителя и ее жертву! Забавно, правда? Отвлекает от дурацких мыслей. Кстати, не хочешь задать вопрос мне? Я буду рад, правда-правда, и даже пообещаю не пытаться тебя убить. Честно-честно!

Хорошая сделка. Дает надежду на благоприятный исход. Вот только какой вопрос он хочет от меня получить? Я ненадолго задумался. Защитник нетерпеливо начал ходить туда-сюда, затем отрастил на левой руке тридцатисантиметровые когти, втянул их обратно в пальцы... Завораживающее зрелище. Как я понимаю, вся рука его — какой-то удивительный механизм. Смертоносный и прекрасный. Да, кажется, он ведь говорил что-то, что его должно заинтересовать! Меня бы точно такой вопрос заинтересовал!

— Когда ты окажешься дома?

— О! Молодец. Спасибо. Не забудь пересказать мне этот ответ, когда я приду в себя, хорошо? Сто тысяч лет. Плюс-минус; быть может, даже сильно минус, ведь дом — это место, где любят и ждут, а один из путей реальности ведет меня в такое место, или же в такие места. Но слишком много вероятностей и альтернатив, есть кусочек будущего, которое можешь изменить ты, или же я, или же твоя драгоценная женщина... Все еще решается, коса смерти уже поднята, но на чью шею опустится лезвие — я не знаю. Но вот цифру в сто тысяч лет ты мне скажи обязательно. Пожалуйста. Если я решусь на первый шаг, то все получится! Все обязательно должно получиться, иначе во всех этих играх нет никакого смысла. — Его речь постепенно превратилась в бессвязное бормотание, а затем и вовсе стихла. Глаза вновь стали обычными, человеческими. Когда я уже почти решил на следующий вопрос,

Защитник внезапно повернулся ко мне:

— Джер, открою тебе две маленькие тайны. Первая — со всеми своими проблемами ты можешь разобраться самостоятельно, не привлекая меня к их разрешению. Я тут лишний. Почти. Хотя и могу быть бесценным. Тем более что сейчас ты увидишь вторую тайну. Это то, чего твоя женщина не знала о себе. И то, чего она может никогда не узнать, если я не вмешаюсь в эти события. Только на самом деле выбор должен быть твой.

Я поднял взгляд от его лица и увидел, как поляну заволочло молочно-белым зыбким туманом, глушащим все звуки, даже те, которые, казалось, нельзя заглушить — шум крови в ушах, стук собственного сердца, все еще неуверенно выстукивавшего естественный ритм. Дымка сгустилась, а потом стала расплываться, как мыльная пена в бадье с водой, и сквозь эту «пену» начали проступать нечеткие полупрозрачные фигуры. Вначале — лишь контуры, плавно заполняющиеся поначалу черной и белой красками. Цвета проступали постепенно, но все равно оставались блеклыми и неживыми.

Практически обнаженные мужчина и женщина, сплетенные в любовном объятии, отчаянном, дерзком, бесстыдном. Эльф и сидхе. Черные с синевой волосы ночной коротко, неровно острижены, словно их в спешке обрезают очень острым ножом, голубоватая кожа на спине исчерчена длинными, едва поджившими шрамами от плети, плечи угловатые и худые, как у недавнего подростка, еще только начавшего превращаться в женщину. Ноги исцарапаны, обожжены. Пальцами с обломанными ногтями она отчаянно цеплялась за плечи холеного эльфа, на руке которого блестел печально знакомый перстень-маячок. Неясным, неразборчивым эхом слышались их голоса — мягкий, бархатистый мужской и отрывистый, высокий, надорванный — женский. Естественно, они почти ничего не говорили. Скорее наслаждались близостью и друг другом.

Неужели это Лесс? Но это... Это точно не сейчас. Ревность утихла быстрее, чем разгорелась. Первый порыв — подойти и проверить, был бессмысленным и прошел без какого-либо вмешательства еще до того, как ладонь Защитника на моем плече предупреждающе сжалась, врезаясь пальцами в плоть так, что я тихо зашипел от боли. Сейчас я могу только наблюдать. И должен наблюдать. Особенно если не хочу, чтобы мой спутник случайно оторвал мне руку — похоже, он не вполне осознает свои силы. Видимо, то, что я вижу, происходило очень и очень давно. Интересно, эльф — это и вправду Тир? Тогда... Я понимаю, почему на моей памяти они были любовниками.

Сидхе вздрогнула, низко опустила голову, утыкаясь лбом в плечо эльфа, прижимаясь обнаженным телом... да, именно к Тираэлю, который осторожно, нежно гладил девушку по затылку, говорил что-то неразборчивое, но вдруг замер, уставившись внезапно остекленевшим, помертвевшим взглядом куда-то в сторону, вдаль. Черты лица эльфа поплыли, как воск перед жаром пламени, на миг сменившись призрачной маской проклятого полукровка с затянутыми кровавой пленкой белками глаз и, казалось, навсегда прилипшей к уголкам точеных губ саркастической усмешкой.

«Этот мир станет Моим!»

На сей раз я застыл, не дожидаясь болезненной подсказки и намереваясь досмотреть сцену до конца. События прошлого явно цепляли то, что произошло в начале моего пути. Еще один кусочек той цепочки, которую я начал растягивать незадолго до своей «кончины». Зато теперь в причине странного поведения Тира можно не сомневаться. И все же что произошло тогда между ним и Лесс? Надо заставить себя досмотреть и не отворачиваться.

Пальцы Тираэля бережно, ласково легли на шею девушки. Усмешка Равена на красивом эльфийском лице стала чуточку шире. Рука едва заметно напряглась, вены проступили из-под гладкой золотистой кожи. Доверчивой сидхе, да еще в такой позе, очень легко свернуть шею. Эльфы на самом деле очень хрупкие создания! Они остаются такими с юности и до самой смерти, с возрастом приобретая лишь способность не попадать в те положения, в которых целостности шкуры может что-то угрожать. И то далеко не все учатся на ошибках — они слишком долго живут, чтобы учиться лишний раз не дырять шкуру всякими глупостями.

Холод, затем жар. Ощущение, что к стуку моего сердца на миг присоединился отзвук еще одного, знакомого, бьющегося в унисон. Ощущение, будто бы через грудь протянули призрачную прохладную веревку с едва уловимым запахом металла, а потом от меня внезапно «отделилась» Алессьер. Такая, какой я ее в последний раз видел. Ну, практически такая же. С туго заплетенной косой до пояса, с квэли в правой руке, разве что без ножа, подаренного ей Дрейком. Куртка на спине наспех зачарована, неровные следы сквозных дыр заметны невооруженным взглядом. Пара дротиков отсутствует. Она прошла сквозь меня, не заметив преграды, и направилась к тесно сплетенной парочке...

Вот и та точка, с которой все началось для Лесс на самом деле — с ее возвращения в собственное прошлое, чтобы не дать случайному любовнику свернуть себе шею. Интересно, можно ли как-то вмешаться в эти события? Я на мгновение оглянулся на Защитника, но он не дал мне подобной возможности, развернув мою голову обратно.

Едва заметная, короткая вспышка, и сидхе с коротко остриженными волосами мягко соскальзывает на расстеленный на земле плащ, сворачивается в клубок, подтянув к груди колени, и, похоже, моментально засыпает, не обращая внимания на то, что творится вокруг. Тираэль-Равен плавно поднимается, делает шаг навстречу к сидхе и кланяется, совершенно не стесняясь своего обнаженного тела.

Начался разговор.

Сквозь барьер времени пролетали лишь отдельные бессвязные звуки, которые невозможно было соединить в слова, даже обладая солидной долей фантазии. Лицо Алессьер напоминало алебастровую маску. Спокойное и невозмутимое. Прекрасное. Она лишь сказала что-то, а затем вдруг оказалась за спиной Равена, прижав уцелевший квэли к его горлу.

Быстро, крайне быстро! Крайне! Движение, совершенно неуловимое взглядом. Похоже, что Лесс и вовсе не сознает, с какой скоростью движется. Интересно, кто ее научил такому фокусу?

Алессьер надавила лезвием на шею Тира-Равена, и кровь алой струйкой потекла по золотистой коже.

Одним ударом...

Остановить Равена...

И разрушить уже сложившееся настоящее.

— Если она его убьет, то никогда не вернется назад, — сказал Защитник совершенно невозмутимо. — Собственно, это один из парадоксов Запретки. То, что мы видим сейчас, происходит на определенном временном отдалении от нас, и вмешаться теоретически можно в любое мгновение, вот только нужно ли? А главное, что для этого тоже что-то нужно.

— Что именно? И... ты правда можешь вмешаться? — Слово «никогда», сказанное им, имело вес хорошей надгробной плиты. Из-под такой не выбраться. Никому.

— В ее выбор? Предпочту этого не делать. Игры с чужой волей могут кончиться для меня хуже, чем оторванная голова. А вот вернуть Алессьер к тебе я могу. Если мы с тобой договоримся...

— И что я могу тебе дать? — спросил я, попытавшись изумленно вскинуть бровь. Не уверен, что это у меня хорошо получилось — с подобными мимическими упражнениями у меня порой возникали проблемы. Особенно если мое состояние было таким же плохим, как сейчас. И, кажется, какую-то мышцу на лице все же зацепили. Никогда не обращал внимания на такую ерунду.

— А разве неясно? — Защитник улыбнулся, демонстрируя ровные жемчужно-белые зубы, медленно покрывающиеся стальным налетом. — Пару услуг... И величайшую из ценностей универсума! Информацию. — Он громко лязгнул зубами и упал в обморок.

Похлопывание по щекам никакого эффекта не дало. Идиотская ситуация. Рядом со мной находится существо, способное обратить своего врага в ничто и пробить километровую шахту, а также воскреснуть после того, как его разорвут на части. На очень мелкие части. При этом оно сейчас лежит без каких-либо признаков сознания, и что делать с ним — непонятно. На внешние раздражители не реагирует, пульс ровный... Есть желание попинать

его по ребрам, но, увы, я не уверен, что, придя в сознание, он воспримет такой способ побудки адекватно и не отправит меня на тот свет по какой-нибудь несчастливой случайности.

Ладно, отставить волнение. Сейчас что-нибудь придумаю.

Я осторожно приоткрыл его губы. Зубы уже утратили стальной блеск и обрели прежний перламутр. Замечательно. Это значит, что я могу влить в него что-нибудь, не рискуя потерять при этом то, чем буду разжимать его зубы. Остался лишь один вопрос: что именно я буду вливать в своего «пациента»?

Увы, выбор был крайне скуден. Я могу напоить его водой, своей кровью или же тем зельем, которое успел приготовить для себя на крайний случай. Вода отпадает сразу — еще захлебнется, затем очнется и будет мне мстить.

По уму, мне стоило оставить этого Защитника самого разбираться со всеми свалившимися на его голову проблемами, но, увы, он был той ниточкой, которая вела к Лесс, той соломой, которую я просто обязан ей постелить. Так что мне придется поставить его на ноги как можно скорее.

Зелье с этим справится. И, надеюсь, ему хватит и одного глотка, а то потом не хватит мне. Кровью же буду делиться, если придет действительно крайний случай. Сейчас мне нужно восстановиться самому. А зелье, увы, не лечит, а только активизирует резервы. Мои же почти на нуле.

Осталось только разжать плотно стиснутые челюсти и влить в «больного» мой фирменный коктейль. Я осторожно достал из рюкзака заветную склянку и с сомнением посмотрел на Защитника. Нет, руками разжимать ему рот я не буду. И эсси для подобных развлечений не подходит. Только теперь я осознал, каким ослом был, не озаботившись нормальным походным ножом. А ведь была такая возможность, думаю, что у Дрейка на ВБП нашелся бы клиночек по руке. Да даже перочинный ножик подошел бы, даже издевательство с лезвием в пару ногтей длиной! Подвела меня городская привычка обходиться когтями и мечом, нечего сказать. Хотя...

Уже через две минуты тоненькая струйка зелья стекла по квэли прямо в рот Защитнику. Первые несколько секунд, пока я пытался разжать его зубы, мне казалось, будто кончик оружия Лесс будет безжалостно откушен, но обошлось... Теперь оставалось только дожидаться результата его действия.

Долго ждать не пришлось. Мой подопечный буквально взлетел с места, вытаращив глаза и широко раскрыв рот. Его грудь судорожно вздымалась, так, будто он не мог определиться, хочется ли ему дышать или нет. Из рта вырывался тихий хрип.

— Где... я? — спросил он, когда смог выговорить хотя бы слово. — И кто я?

Замечательно. Неужели у моего зелья среди побочных свойств оказалась возможность потери памяти? Никогда бы не подумал. Хотя, быть может, причиной моей амнезии стало употребление подобного зелья, о котором я в результате успешно забыл? Вполне возможно. Но сейчас что-то нужно делать с моим собеседником.

— Ты здесь, чудик. В Запретных землях. Это очень далеко от твоего дома, и крайн его знает, когда ты доберешься обратно. Ты — Защитник, и с этим теперь придется жить. Долго и мучительно, но кому сейчас легко?

Его взгляд сфокусировался на мне. Затем на моих волосах. После этого он перевел взгляд на мои глаза, разглядывая, видимо, рубиново-красную радужку.

— Никогда, никогда больше не буду пробовать веселых таблеток. Или я их так и не принял? Не помню... Голова болит, да и чудится теперь всякое... Мужики красноволосые, кровью заляпанные, комары размером с собаку... — Мерзкую тварь я срубил в полете, вслушиваясь в монолог своего нового знакомца. Нужно отправить его за Лесс, только как теперь это сделать?

— Вообще — красивый глюк. — Он огляделся по сторонам, застыл ненадолго, поглощенный игрой древесных ветвей, раздравших какую-то случайную зверушку. Зрелище было столь красочным, что Защитника передернуло. — Хотя мне кажется, что такие

видения должны быть от чего-то очень сурового, а не от того, чем меня теоретически могли угостить. Хотя... Черт, куда же делась моя память? Что я, кто я, откуда я?! — Он посмотрел на меня шальным взглядом, а затем его левая рука, казавшаяся вполне нормальной, человеческой, превратилась в мешанину когтей и лезвий. Мой собеседник взглянул на свою руку и громко закричал от ужаса. При этом резко побледнел.

— Только не говори мне, что все это — на самом деле, хорошо?! Я сам... Я сам попробую в это поверить. — Он пошевелил лезвиями, а затем осторожно сложил так, что его рука снова не отличалась от человеческой. Почти ничем, за исключением серо-стального цвета. — Только что со мной случилось... такого? Ведь просто не могло ничего случиться, правда?

— Кхм. — Я деликатно прокашлялся, обращая на себя его внимание. — Все, что могло случиться, уже случилось. И теперь тебе придется с этим жить. — Я криво ухмыльнулся.

— Стоп-стоп-стоп, — сказал он, показывая мне открытые ладони. Левая упорно не хотела долго задерживаться в нормальной человеческой форме: по линиям пробегали искорки, время от времени они меняли свой рисунок. — Я правильно понял, что нахожусь чертовски далеко от дома? Настолько далеко, что мне потребуется совершить какой-нибудь подвиг типа спасения мира при помощи обретенной мною железной руки, для того чтобы благодарные жители изыскали способ избавиться от меня поскорее путем отправки обратно? Или, может, тут есть специальная программа государственной помощи переселенцам, которая позволит мне адаптироваться и забыть о том, что осталось в моем прошлом, хотя я и так пока что ничего не помню? Ну или там использовать на благо доброго и справедливого государя? Хотя сейчас меня и жестокий и несправедливый тиран устроит. Честно-честно!

— Сними розовые очки, парень, — глубоко вздохнул я, наконец-то понимая, каким образом нужно ответить на весь тот бред, который он нес. — Служба помощи пришельцам закрылась пару-тройку тысяч лет назад, а за спасение мира если куда-то и пошлют, то уж точно не по тому адресу, на который ты рассчитываешь. Что же касается времени, которое потребуется тебе, чтобы добраться до дома... Оценочная цифра мне все же известна. Сто. Тысяч. Лет. Достаточно для того, чтобы рухнул не один десяток цивилизаций, а пара-тройка миров помельче рассыпалась в пыль. Не волнуйся, у тебя отменные шансы прожить эти годы. Неплохая перспектива, не так ли?

Защитник сел там же, где стоял. Давно не видел, чтобы человека действительно не держали ноги. В глазах его было что-то... нет, не безумное. Скорее шальное, совершенно не сочетающееся со слезами, текущими по щекам и оставляющими на них две дымящиеся дорожки.

— Знаешь, Джерайн... — протянул он, и мне крайне не понравился его тон. Как и то, что тому альтер-эго, у которого амнезия, я еще не успел представиться. Вот только была ли это потеря памяти, или какой-то иной механизм, защищающий остатки человеческой психики? — Я таки что-то вспомнил. — Он усмехнулся зло и коротко. — Что-то из своей прежней успешной жизни. Что-то из того, о чем мы с тобой беседовали... Сверх заданных вопросов. Я вспомнил, что ничем не заслужил подобного перемещения: если судить по литературе, то уходят в другие миры или идиоты, или гении, а я не был ни тем ни другим. Самый обычный человек, самая обычная жизнь... Которая к чертям оборвалась, когда... когда... Не помню, — вздохнул он. Меня же постепенно одолевала скука. Ничего интересного он мне сказать сейчас уже не мог.

— Если ты вспомнил то, о чем мы говорили, то понимаешь, что сейчас я ничем не могу помочь. Вот если бы у меня был ключ от моей лаборатории, тогда... Тогда мое сочувствие имело бы какой-то смысл. Увы, сейчас творить портал мне нечем, не из чего. Да и, судя по всему, бесполезно. — Я развел руками. — Со своей стороны могу предложить помощь только в том случае, если выживу. И то я не уверен, что я смогу сделать для тебя больше, чем ты смог бы сделать для себя сам.

— Я мог бы ответить тем же. — Защитник усмехнулся. — Но это было бы ложью. По крайней мере, в отношении твоей женщины. Без моей помощи у нее нет возможности

вернуться к тебе вовремя. А без ее твой преследователь настигнет тебя раньше, чем ты поймешь, как с ним справиться. Думаю, не стоит спрашивать, чья голова после этого будет весело кататься по холодному и шершавому каменному полу? Что ты готов мне дать в обмен за спасение Алессьер, Джерайн?

Я задумался.

— Как я понимаю, обещать помочь с возвращением — глупо, поскольку это обещание будет немногого стоить, не так ли? Я не знаю, имеет ли смысл предлагать тебе какое-либо оружие, так как с твоими способностями...

— Ты прав, любое оружие практически бесполезно. Пока я не совсем понимаю, чем я являюсь на самом деле, но, судя по обрывкам ощущений, я сам себе оружие и армия. Так что — да, такая плата никуда не годится. Как и любые приборы, созданные для освещения, улучшения зрения или чего-либо такого. Продолжай думать, артефактор.

— Это намек на то, что я могу для тебя что-то собрать? Здесь, на окраине Запретки, с минимальным набором инструментов и без материалов? Все еще не оправившийся от многочисленных ранений? Ты уверен, что я могу сделать что-нибудь полезное?

— А у тебя есть выбор? — спросил Защитник и вскинул правую бровь, точнее — попытался это сделать.

Судя по всему, жест этот не был у него отработан, и получившуюся гримасу нельзя было назвать ни изумленной, ни саркастичной. Я улыбнулся, особо не сдерживаясь. Он сперва нахмурился, а затем рассмеялся в ответ. И в этот момент мне наконец-то стало ясно, что при жизни... ну, то есть в своей обычной среде обитания, он был сильно моложе меня. Возраст где-то посередине между подростковым и взрослым, но из-за особенностей конституции он казался старше, чем был на самом деле.

— Мне не из чего, — попытался возразить я.

— Материалы я предоставляю, — ответил Защитник. — И, думаю, что когда ты поймешь, из чего тебе пришлось делать мой заказ, ты будешь очень удивлен. Так как, берешься? Есть у меня одна безумная идея...

— А у меня есть выбор? — удивился я, вскинув левую бровь. На этот раз у меня вышло. Парень досадливо хлопнул себя правой рукой по колену.

За работой прошли сутки. Может быть, двое. Может, даже больше, не знаю. Время не имело никакого значения. Солнце не вставало и не заходило, а на уровень освещенности мне было плевать. Давно я не был настолько поглощен работой!

Мой заказчик был более чем доволен результатом. Конечно, материал был крайне необычен, и способ работы с ним...

В жизни каждого творца есть свои падения и свои вершины. Фэй был одной из подобных вершин, так же как та «феечка», которую я подарил Лесс. ВБП... Ну, ВБП — это отдельная песня. Но то, что я сделал для Защитника... Сомневаюсь, что когда-либо смогу повторить такую работу. Не тот уровень технологий, не те инструменты. Я, если честно, и сам не в силах понять, как работало то, что я сделал, и как я пользовался помощью Защитника для ее создания.

Честно говоря, больше всего меня радовали две вещи: то, что сделанная мною игрушка понравилась Защитнику до поросычьего визга, и то, что после этого он помог мне выспаться. В том смысле, что, отправляясь за Лесс, он окружил одно из деревьев каким-то странным барьером. По его словам, тот должен дать мне двадцать — сорок часов спокойного сна, а если повезет, то и больше. Правда, критериев «везения» он мне не дал. Зато пообещал помочь мне выспаться. Просто так.

Зря я согласился. Хотя мог ли я отказаться?

Как только я забрался на самую крепкую ветку и привязал себя к стволу, Защитник что-то сделал. Взмахнул рукой? Я не понял. Мой мир сузился в точку, а затем утонул во вспышке боли...

ИНТЕРЛЮДИЯ VI

*Техника за гранью вашего воображения!
Вы попытались придумать, а мы уже закончили испытания
прототипа!*
Девиз корпорации «Древние»

Репортер Майкл О'Нил, первый канал

Надежда умирает последней. Известное изречение, не так ли? Но для того чтобы надежда умерла, сперва ей нужно родиться. О, в некоторых темных уголках нашего мира надежды нет и быть не может! Тех, кто слышит меня, молю — *сделайте так, чтобы все это закончилось!! Выпустите меня! Выпустите нас отсюда!*

Шипение сбитого приемника.

Громкое.

Заполняющее всю мою реальность.

И кошмар начинается с самого начала.

Шпиль Генератора Хаоса пронзает собой небеса. Совершеннейшее произведение науки и техники, вершина всех исследований, производимых корпорацией. По крайней мере, в пресс-релизах они обещали «торжество технологии над реальностью»... «И здравым смыслом», — прибавляли пессимисты. Но пессимистов было меньшинство — слишком хорошая репутация была у корпорации. Заслуженная репутация.

Надо сказать, что впечатление эта штука производит отменное. Огромная башня отвратительного розового цвета, покрытая многочисленными выростами, украшенными ворсинками антенн, решетками и тарелками непонятного назначения. Какие-то из антенн будут обеспечивать передачу энергии на спутники. Но таких уж точно меньшинство...

Часы тикают. Мерзкий звук. Никогда его не любил. Каждый щелчок секундной стрелки — похоронный марш по еще одному упущенному мгновению. Говорят, что когда генератор запустят, то все изменится. Какой-то оптимист от науки уже провозгласил, что «при помощи этой штуки можно обеспечить счастьем всех! И по такой цене, что, почитай, даром». Лично мне не верится, но...

До сих пор единственной причиной заморозки всех исследований времени была нехватка энергии. Для того чтобы переноситься, а тем более изменять прошлое, нужны эксаватты энергии. И то сама возможность изменения чего-либо из свершившегося многими исследователями ставится под сомнение. Ничего, уже скоро станут возможными совершенно любые эксперименты!

До начала репортажа остаются считанные секунды. Вся аппаратура уже готова, в том числе специальные передатчики, экранированные от тех искажений, которые, наверное, будет вносить генератор, когда его запустят. Конечно, безопасность сооружения соответствует всем стандартам, но подробно я расскажу об этом через пять, четыре, три, две, одну... начали!

— Здравствуйте! С вами Майкл О'Нил, первый канал!

— Здравствуйте, Майкл! — Голос в наушнике, как всегда, бодр и весел. — Расскажите, пожалуйста, насколько Генератор Хаоса готов к пуску?

— Судя по последним заверениям представителей корпорации, запуск Генератора Хаоса будет произведен точно в срок, ровно через десять минут. Все сборочные работы уже завершены, а результаты тестов превосходят все самые смелые прогнозы: выход энергии превышает расчетный в пятьсот раз! Увы, я не могу назвать оценочную мощность — кажется, таких больших цифр еще не придумали. Представители корпорации говорят, что итоговая мощность вызвана новейшими технологическими разработками, проведенными в лабораториях Восьмой Колыбели. Увы, обнародовать результаты тех исследований они пока не торопятся. Но спешу обрадовать наших зрителей! Эксклюзивный репортаж о секретах

проекта «Повелители» и проекта Д выйдет на экраны сразу же после успешного запуска генератора!

Служба безопасности корпорации с нас за такое может голову снять... Хотя на фоне всеобщей эйфории они, думаю, пропустят и более компрометирующие материалы.

— Итак, что такое Генератор Хаоса? Как вы все знаете еще из школьных курсов физики, мера хаоса во Вселенной неуклонно растет. Конечно, есть и принципы самоорганизации, но, увы, в школе их не проходят. Принципы работы генератора, увы, крайне сложны и для специалистов высшей квалификации... Но если попытаться обобщить информацию, предоставленную Древними, генератор получает энергию из старения самой Вселенной! Из устаревания различных принципов, из того, что вчерашний день становится позавчерашним всего лишь с одним оборотом солнца!

В это трудно, практически невозможно поверить, но для нас, простых обывателей, Генератор Хаоса получает энергию ниоткуда! Пусть для этой цели и потребовались годы строительства. Та трехсотметровая башня, которую вы можете видеть на своих экранах, — это лишь крошечная часть огромного подземного сооружения! Для обеспечения полной безопасности генератора потребовалась беспрецедентная зачистка окрестных катакомб!

Все системы многократно продублированы и проверены на отказоустойчивость. На случай аварий генератор оснащен целой армией ремонтных ботов; более того, он способен к постепенной регенерации практически любых повреждений! К слову, именно регенерирующими свойствами был обусловлен выбор расцветки генератора — как известно нашим зрителям, регенерация розового паверита существенно превосходит таковую у паверитов всех остальных расцветок.

Но вернемся к нашей основной теме: если что-то действительно пойдет не так, любая цепь генератора может быть отключена для проверки и наладки, а сам генератор установлен на «холодных» направленных зарядах. Достаточно активировать систему самоуничтожения, и он обратится в кипящее облачко пара. При этом весь генератор провалится вниз, и проблема обеззараживания и очистки местности будет заботой исключительно подземников.

Для активации системы самоуничтожения нужна согласованная работа нескольких человек, находящихся в специальном центре контроля, защищенном лучше, чем флагман нашего флота! И связь с ним генератор не может потерять ни в каком случае.

Сейчас мы переключим изображение на камеру, которая установлена рядом с центральным рубильником, и вы сможете увидеть торжественную процедуру пуска генератора. К сожалению, ни одному журналисту не удалось получить разрешения присутствовать на церемонии лично, но... зато нам всем предоставили наилучший обзор!

То, что произошло дальше, можно было бы назвать адом. Увы, это слишком мягкое определение. Кажется, зрители оценили — не каждый день можно наблюдать конец света в прямом эфире! Интересно, есть ли хоть кто-то, кто его пережил? Сомневаюсь. Если же нет... *Почему нас до сих пор не выпустили?!!*

Исполнительный директор корпорации, пожилой мужчина благородной внешности, протягивает руку к рубильнику.

Над генератором из ниоткуда возникают плотные тучи. Как в дерьмовом фильме — спецэффекты ни к черту! Вот только это, увы, не фильм, хотя вокруг и множество операторов. Я понимаю, что произойдет дальше. Не разумом, той интуицией, благодаря которой ни разу не пострадал во время своих репортажей. Разворачиваюсь и бегу. Оператор остается снимать — не решается бросить дорогостоящую аппаратуру. Никто из нас ничего не может изменить, и его поступок честнее.

Следующий кадр: сильным разрядом директора отбрасывает в сторону. Рубильник уже опущен, хотя никто его не касался!

Отростки вокруг генератора приходят в движение. Они шевелятся, как тысячи щупалец. Извиваются, выстреливают маленькими молниями. Воздух вокруг них дрожит,

пространство пульсирует. Возникают небольшие провалы совершенно черного цвета — и тут же пропадают. Слышны вопли паники.

На многочисленных экранах трансляций видно, что директор жив. Под обгорелым деловым костюмом виден тяжелый защитный комплект корпорации, принявший на себя удар. Директор возмущен и хочет прервать церемонию. Он кричит какую-то кодовую фразу в свое переговорное устройство и хватается за рубильник. Резкое движение...

Его распыляет на молекулы в прямом эфире. Крови нет, просто «пуфф», и все.

Генератор светится голубым светом. Ярким, режущим глаза, искажающим действительность. Я спотыкаюсь и падаю. Оборачиваюсь и понимаю, что бежать уже бесполезно: от Генератора Хаоса расходится какая-то странная волна, искажающая все, чего касается. В оператора бьет молния, поджаривая его вместе с аппаратурой, но прошедшая волна не дает ему умереть. К сожалению, я не смогу описать то, во что он превратился.

Волна касается и меня.

Ничего не происходит.

По крайней мере, мне так кажется.

Хотя я ошибаюсь, но искаженное восприятие не позволяет мне осознать мою ошибку. По крайней мере, в первый раз. В будущем осознание придет, и это много горше.

Потом я каким-то шестым... седьмым... всем многообразием свежеприобретенных чувств воспринимаю, что что-то пошло настолько не так, что была активирована система самоуничтожения. Наивные корпораты! Неужели они не понимают, что случится дальше?

И я осознаю, что не понимают. Они все еще прежние. Сидят в своих теплых уютных командных пунктах. Они не чувствуют, что здесь происходит, просто знают, что что-то не так... Они не знают, не знают, не знают! Они не могут знать, какого дьявола создали и выпустили на нашу землю! Лучше бы они отпустили Повелителей — и наша смерть была бы быстрой и яркой! Лучше бы они завершили проект Д, чтобы не бояться Повелителей! Но только не это, не это!

Генератор светится еще ярче. Так сильно, что, даже когда я закрываю лицо руками, свет ослепляет меня. Я чувствую, как активируются заряды. И те, о которых было заявлено в пресс-релизе... И те, о которых Древние предпочли никому не говорить. Тайные. Скрытые. Такие мощные, что их хватило бы на то, чтобы уничтожить весь производственный комплекс. Создать воронку диаметром в два-три километра. Плевать на взрывную волну, плевать на разрушения — все что угодно, лишь бы остановить созданное чудовище!

Слишком поздно.

Генератор пожирает пламя, окружившее его. Втягивает в себя, как пылесос, — и вытягивается еще на добрую сотню метров вверх. И, кажется, вниз.

Вокруг него расходятся огромные трещины, заполненные холодной лавой и кипящим льдом. Одна из них поглощает меня и смыкается сверху, с мерзким чавкающим звуком перемалывая мои кости, мою плоть...

Мир замирает.

Я открываю глаза.

Шпиль Генератора Хаоса пронзает небеса.

До начала репортажа остается пять минут.

В первый раз мне было страшно и смешно.

Потом — наоборот.

Но теперь... Теперь это все надоело до самого сердца!

Если меня кто-нибудь слышит... Выпустите меня отсюда!!!

Все дороги ведут в преисподнюю. Но лишь одна — в никуда под названием «жизнь».

Из уличной проповеди

Алессьер

Каменные плитки странной дороги, больше похожей на извилистую тропинку, невесть кем выстроенную посреди жутковатого «сада», коим являлись Запретные земли, изменялись с каждым пройденным шагом. Розовый с золотыми прожилками мрамор сменялся грубо обработанным серым гранитом с вкраплениями блестящей слюды, уложенная плотными рядами морская галька — шероховатым красным кирпичом, сквозь трещины в котором прорастала изумрудно-зеленая молодая трава. Невысокие стрельчатые арки — словно дверные проемы, каждый раз ведущие в новый, непонятный, непознанный мир, который то сиял капельками росы на диких травах, обступающих дорожку со всех сторон, то скалился обломками ушедшей эпохи, оставившей после себя лишь руины, пронизанные паутиной проржавевших железных прутьев.

Дорога, которая приведет туда, куда желаешь попасть всем сердцем — только если не сойдешь с постоянно меняющейся плитки, не сделаешь одного-единственного шага в сторону. От непостоянных пейзажей за пределами дорожки очень скоро начинает кружиться голова, вместо твердого камня сквозь тонкие подметки сапог ощущается то рыхлая земля, то слежавшийся песок, то упругая живая плоть. Пальцы, скользящие по стрельчатым аркам, чувствуют, как холодный мрамор сменяют отполированная до блеска кость или шершавая древесная кора. Мне пришлось закрыть глаза, чтобы просто не бояться сделать новый шаг, не утратить ощущения реальности в случаях, когда тело чувствует совсем не то, что видит сидхийское зрение. А Фэй упорно молчит, словно опасаясь нарушить хрупкое равновесие этой странной дороги.

Как я очутилась на ней — толком не могу вспомнить. При попытке восстановить в памяти события, начиная с момента, когда я нырнула в подводное оконце временного перехода, голова начинала гудеть, как разбуженный пчелиный улей.

Сколько я проспала на теплом красноватом мраморе под белоснежной узорчатой аркой, больше напоминающей ледяное кружево? Не знаю, но проснулась я с ощущением позабытого кошмара, который запросто мог бы отправить меня в сумасшедший дом, если бы я помнила хоть одну деталь. Фэй ничем помочь не мог, да и не хотел, судя по всему. Он и включился-то не сразу, а лишь после того, как я позвала его вслух, а для верности еще и постучала костяшками сбитых в кровь невесть когда пальцев по закрытому глазу. Может, оно и правильно — о некоторых вещах лучше позабыть. Тем более когда оказываешься на Дороге, ведущей к дому.

Или к любому другому месту, где хочется оказаться.

«Лесс, похоже, что тебе надо это увидеть...» — Голос браслета был каким-то приглушенным, напуганным, а когда я, сдуру послушавшись его, открыла глаза, то не устояла на ногах и упала на колени, не в силах совладать с внезапным приступом головокружения.

Надо мной зияла перевернутая бездна, над которой протянулась узкая, кажущаяся нереально хрупкой серебристая дорога. Пустота чернее самой черной ночи, где царила оглушающая тишина. Вдалеке тусклыми льдинками мерцали звезды, но их слабый свет не мог разогнать сгустившийся вокруг покрытых льдом, почти невидимых в темноте арок Дороги.

Пустой мир, в котором не осталось ничего и никого.

«Это что, нам один из вариантов развития событий демонстрируют? — нервно хохотнул Фэй, заливая мое запястье кроваво-красным сиянием. — Это что, с нами такое может случиться?! И нас беспокоил Равен? Лесс, да трепыхания этого мага-недобитка просто детский лепет по сравнению с такими масштабами разрушений!»

Фэй, если ты не прекратишь истерику, ее закачу я. А дорожку эту треклятую мне лично почти не видно! Как думаешь, что с нами будет, если мы с тобой по глупости вывалимся за ее пределы?

«Что с нами будет? — переспросил браслет, вспыхивая вдвое ярче и озаряя небольшой кусочек дорожки из матового серого металла. — А ты сунь какой-нибудь из ножичков за

пределы арки — сама увидишь. Только ты сначала ладонь чем-нибудь обмотай, а то примерзнет рукоять намертво, приятного будет мало».

Там настолько холодно? — поинтересовалась я, рассматривая едва заметно светящуюся границу арки, до которой было чересчур близко — только руку протянуть.

«Там не просто холодно, там адски холодно. Превратишься в ледяную статую раньше, чем успеешь это осознать, и я тебе ничем помочь не смогу. И никто не сможет, даже тот, кто построил эту прогулочную дорожку».

А знаешь, самое смешное, что Джеру бы здесь наверняка понравилось.

«О да-а-а, Джерайн всегда пробирался туда, куда не просят, и чем крупнее буквы на табличке вроде „Не влезай — убьет!“, тем сильнее ему хотелось туда попасть. Для него банальное „нельзя“ без подробного объяснения, почему нельзя — как открытая вена для голодного вампира. Хочешь, чтобы д'эссайн-артефактор взялся за дело — сообщи, что задача ему не по зубам, и даже не стоит пытаться ее решить. В девяти случаях из десяти д'эссайн угробит кучу времени, но докажет, что небо черное, земля круглая, а кошка может быть жива и мертва одновременно».

Фэй, я все поняла, кроме кошки. При чем здесь некромантия?

В ответ браслет пробурчал что-то неразборчивое на тему недалеких сидхе, которые не различают науку и магию, а я подняла голову, рассматривая крошечные искорки-звезды. Странно, что их так мало — в летнюю ночь, когда у меня было время рассматривать небо, мне всегда казалось, что звезд-бисеринок на темно-синем, почти черном бархате так много, что сосчитать их не удастся за всю жизнь, а здесь можно не потратить и часа. Да и расположены они теперь как-то отдельными небольшими группками, будто крохотные островки на морской карте. Аметистовый остров, чуть в сторонке от него — сундучок с самоцветами...

«Лесс, ты долго собираешься глазеть на это? Может, у тебя здесь время и не ограничено, но ты уверена, что Джер долго протянет один посреди Запретных земель? Выжить-то он, быть может, и выживет, вот только вряд ли его культурный уровень от этого повысится».

Фэй, ты когда-нибудь научишься говорить кратко и по существу?

«Поясняю для всех недалеких сидхе, которые плятятся на звезды вместо того, чтобы шевелиться! Одичает он, о-ди-ча-ет. Не сразу, но кто знает, сколько времени он там уже провел? Д'эссайны по сути своей лишь хорошо адаптированные к обществу хищники, и когда встает вопрос выживания в чужеродной и опасной среде... Мне продолжить, или сама догадаешься?»

Намек понят, будем выбирать.

Я медленно поднялась и сделала осторожный шаг к высокой стрельчатой арке, покрытой скользкой корочкой льда. Бросила прощальный взгляд на разноцветное созвездие над головой и пораженно застыла, когда поняла, что оно погасло. Вот так просто, будто кто-то накрыл звездочки огромной черной ладонью, смахнул искрящиеся бисеринки с плотного бархата неба.

Фэй, ты видел?

«Видел. Но даже знать не хочу, почему гаснут звезды в этом мире. И тебе не советую выяснять».

Браслет туго сжимает онемевшее от холода запястье, и я делаю шаг вперед, дотрагиваясь до арки, которая оказывается остро заточенной сталью, и лезвие моментально раскраивает кожу на левой руке, пуская тонкую струйку темной крови.

Я невольно остановилась, глядя в мир, окутанный сине-зелеными сумерками и пронизанный острыми иглами белесого лунного света. Уже знакомые Запретные земли, которые последние несколько сотен лет оставались практически неизменными. По крайней мере, кусты, усыпанные алыми плодами, похожими на сжатые кулаки, я не раз встречала на своем пути, когда вместе с Тираэлем-Равеном выбиралась в Приграничье после изгнания из подземной сидхийской Столицы. До сих пор помню, как эльф с омерзением кромсал эти

самые «плоды», оказавшиеся не чем иным, как органами зрения этого странного растения. Хорошо хоть, что не средством нападения.

Человек, сидевший рядом с этими «глазастыми» зарослями, судя по всему, проблем с утонченной эстетикой не имел. Да и вряд ли его сейчас вообще волновали подобные проблемы — от одежды остались рваные грязные лохмотья, аристократически изящные руки были покрыты засохшей темной коркой, ногти отросли до таких размеров, что разумнее было назвать их когтями. Опустевшие ножны с одного конца потрескались в щепу и держались на поясе каким-то чудом. Голова опущена, и растрепанные длинные волосы, слипшиеся в тонкие серо-черные сосульки, закрывают лицо.

«По-моему, это не первый страждущий, встреченный тобой в подобном виде. И боюсь, что не последний. Но что-то мне подсказывает, что с этой дорожки лучше не сходить — обратно можем не вернуться вообще. Думаешь, это наилучшая перспектива?» — Голос Фэя чуть дрожал и слышался нечетко и приглушенно, словно чуткому механизму, собранному умелыми руками д'эссайна, было нелегко разговаривать на этой дороге, рассчитанной, судя по всему, только на одно разумное существо.

«Пойдем дальше?»

Я качнулась в сторону следующей арки, но в этот момент человек поднял испачканное лицо к небу и глухо, бессильно выругался.

Голос Дрейка, пусть даже охрипший и слегка надорванный, я узнала даже сквозь туманную пелену, отделявшую меня от мира за пределами дорожки, плитки которой сейчас напоминали плотно подогнанные друг к другу металлические чешуйки.

«Лесс, только не иди ему навстречу. Он ведь как-то выбрался отсюда. Сам!» — В голосе браслета скользнула нотка паники, а я едва заметно улыбнулась, облизнув внезапно пересохшие губы.

Невмешательство, равно как и попытка что-то изменить, может обойтись слишком дорого, но есть случаи, когда остаться в стороне просто нельзя. И, как мне кажется, эта странная дорога не просто так вывела меня к отчаявшемуся, потерянному вампиру.

«Я могу закрыть твоё лицо „слепым пятном“, если ты не хочешь, чтобы он тебя узнал в будущем». — Фэй определенно понял, что отговаривать меня бесполезно. А не можешь пресечь, то хотя бы не мешай, — браслет придерживался такой позиции и в подобных случаях старался помочь.

Закрывай. Определенное знание в этом случае для Дрейка будет только лишним.

«А если он сам додумается? Когда-нибудь потом?»

Его право.

Почти невидимая граница, отделяющая меня от вампира с отсутствующим взглядом, расступилась с тихим шелестом в тот момент, когда я сделала свой выбор и сошла с железной драконьей чешуи на заросшую жесткой пожухлой травой проклятую землю. Прохладной липкой паутиной легло на мое лицо «слепое пятно», скрывающее сидхийские черты и делающее их расплывчатыми и нечеткими. Терпеть ненавижу это заклинание, каждый раз приходится подавлять желание убрать с кожи щекочущие ниточки, а нельзя — морок «поплывет» и разрушится.

Трава отозвалась тихим хрустальным звоном, и вампир поднял на меня глаза. На фоне мертвенно-бледного лица, напоминавшего посмертную маску, сейчас они казались особенно большими. Белки покрывала тонкая сеть кровеносных сосудов, как будто Дрейк уже успел забыть о том, что когда-то нуждался во сне. На ногах вампир оказался меньше чем за один удар сердца. Склонил голову, глядя на меня через мешанину сваявшихся волос.

— Лю...ди? — спросил он, глядя на меня. — Жи...вой? — И в то же мгновение бросился навстречу, да так быстро, что было трудно поверить, что всего минуту назад он выглядел совершенно обессиленным.

Разбираться, атакует он или просто так оригинально здоровается, времени не было, поэтому я быстро скользнула в сторону и с размаху полоснула кväли по ближайшему дереву, из прорезанной коры которого брызнула густая темно-красная струя пахнущей железом

жидкости, которая моментально залила вампиру и без того грязное лицо.

Впрочем, это его не остановило, и он пролетел в считанных ладонях от меня, остановился, вытер лицо обрывком рукава, после чего медленно обернулся ко мне.

— Ду... ра! Я... пого... ворить хотел! — Он постоянно запинаясь, будто вспоминая, как должно произноситься то или иное слово. Я хмыкнула и как бы виновато пожала плечами, стряхивая древесную кровь с клинка на траву и убирая квели в ножны.

— Дурак, — беззлобно отозвалась я. — Если так здороваться посреди Запретки, можно и без головы остаться.

«Обмен любезностями состоялся, — нервно хихикнул Фэй. — Теперь только не подеритесь».

Постараемся.

— Это... не посреди. Посреди — иначе не... лзя. И нужно быстро. Очень быстро. — Дрейк облизнул губы, покрытые свежей кровью. — А без головы — сложнее сделать. Ска... зать про... сто. Ты что... есть?

— Вопрос по сути философский и требует долгого осмысления. Вторую попытку предпринимать будешь? — Я вышла из зеленоватой тени, протянула ладонь к острой спице лунного света, падающей с неба под косым углом. Лучик обогнул мою ладонь, зашекотал кожу прохладой, просочился сквозь пальцы и лег на хрусткую желтоватую траву, словно не встретив сопротивления. Право слово, на миг я засомневалась, что мраморная дорожка выпустила меня прежней. И в самом деле живой.

«Если бы такое случилось, поверь, я бы это понял. Скорее, это просто очередная шуточка Запретных земель».

Хотелось бы верить.

— Ты есть что? То есть... кто? — Вампир с нервным любопытством разглядывал, как луч света обошелся с моими пальцами. — Ты мне не... чудо? Не... чудишься?

— Надеюсь, что нет. Хотя в последнее время своего пребывания в Запретных землях я готова поверить во что угодно. — Я шагнула к вампиру, поднесла ладонь к его лицу, почти касаясь покрытой тонкой кровавой корочкой щеки. — Тебе предпочтительней неизвестность или неутешительная осведомленность?

— А... разница? — спросил он настороженно. — Вопрос — что делать дальше... — Он не удержался и, поймав меня за ладонь, поцеловал запястье, сдвинув рукав куртки шершавым подбородком и едва ощутимо царапая кожу острыми зубами рядом с моментально нагретым браслетом.

«Если он тебя тяпнет, то я за себя не отвечаю, — предупредил Фэй. — Пепел даже закапывать не нужно будет, по ветру развеет».

Не тяпнет. Без разрешения — не тяпнет, вот увидишь.

— Насколько ты хочешь домой? — тихо спросила я, чувствуя, как вампир вздрогнул и поднял на меня взгляд с разгорающейся искоркой безумной веры-надежды.

— Я туда... Иду. Уже давно. И отступать не собираюсь. Вопросы?

— Тогда я все-таки вовремя. — Я осторожно высвободила ладонь и сдвинулась в сторону, указывая вампиру на едва заметную меж кустов узкую стрельчатую арку из белоснежной полированной кости, на дорожку из черного, как ночь, мрамора, которой не осмеливалась коснуться игла лунного света. — Видишь его? Каменный путь? На него можно встать лишь однажды, но пройти нужно до самого конца, никуда не сворачивая, и тогда он приведет тебя в место, куда ты всем сердцем желаешь попасть. Даже если это место находится в далеком прошлом или чужом будущем, даже если это другой мир или другая эпоха. Куда угодно, слышишь? Только ни шагу в сторону, что бы ни увидел, второй попытки не будет. Дороги назад, впрочем, тоже. Рискнешь?

— Да, — сказал он, резко кивнув головой. — Благодарю. Как я... понимаю... у вас дальше... другой путь?

— Наверное, не знаю. — Я отступила от вампира, от мерцающей в темноте костяной арки, которая медленно таяла в постепенно сгущающихся сумерках. — Я свернула со своей

дороги.

— Значит, путь другой, — сказал он, медленно двигаясь к слабо мерцающей Дороге. — Увидите. Прощайте?

— До свидания, — усмехнулась я, отцепляя от пояса ножны с широким абордажным ножом, когда-то врученным мне самим Дрейком на борту «Птицы», и перебросила их вампиру. Тот поймал подарочек на лету, извлек оружие и первым делом проверил остроту лезвия кончиком когтя. — Тебе пригодится. В конце концов, хорошим надо делиться. Кстати... Дрейк, ты уж Джерайна дождись, он все равно вернется. Правда, опоздает несусветно, но он ведь ни разу в жизни не приходил в условленное время.

Вампир пожал плечами, убирая клинок в ножны и затыкая его за пояс.

— Он всегда возвращается. А ты тогда — дождись своего пути дальше. — Дрейк шагнул вперед по Дороге и бесследно пропал вместе с сияющей аркой и каменной тропинкой. Оставляя меня непонятно где в прошлом, которое могло быть задолго до моего рождения в сидхийской Столице.

«Лесс, а теперь объясни, чего мы с тобой добились этим героическим и, безусловно, идиотским поступком?! Спасли задницу воздухоплавающего вампира, который ни в грош не оценит твой героизм в дальнейшем, от блуждания по Запретке до полного иссыхания разума и обострения инстинктов, а нам теперь что делать?! Точно так же тут шляться и искать выход в Приграничье? Или брести, куда глаза глядят, в надежде отыскать еще одну временную аномалию?»

Я глубоко вздохнула и с ожесточением провела ладонью по лицу, стирая ненавистный «отвод глаз». Сразу же пропало мерзкое ощущение налипшей на кожу шелковистой паутины, и я с трудом удержалась, чтобы не обтереть пальцы о штанину.

— Ненавижу это заклинание, — тихо шепнула я, вслушиваясь в настороженную тишину, спустившуюся на Запретные земли.

Серые сумерки затягивали небо над головой, пряча острые иглы лунного света, прошивавшие пространство. Белесый налет на темной траве создавал ощущение, будто бы земля присыпана пеплом. Алые «плоды» на ближайшем кусте с интересом повернулись в мою сторону, стоило мне лишь сделать шаг прочь от странной Дороги, которая привела меня во время и место, которые казались мне неуловимо знакомыми. Словно я была уже здесь, была не раз и достаточно давно, чтобы воспоминания успели частично стереться из памяти. Впрочем, о своем первом посещении Запретных земель я помнила не слишком многое.

В воспоминаниях остались какие-то обрывки — Тираэль, который тащил меня сквозь заросли, невзирая на мое вялое сопротивление и безжалостно расшвыривая попадавшихся на пути тварей какими-то на диво мощными заклинаниями. Это получалось столь эффективно, что за его спиной оставалась полоса выжженной земли, мертвая зона, свободная от растительности и зверья. И что самое странное, никто не торопился преследовать нас в этом «коридоре». Помню, я тогда удивилась, что на помощь мне послали такого опытного и сильного мага, а сейчас дивлюсь, насколько я была слепа.

Тогда мне даже в голову не пришло, что чистокровные эльфы подобной магией не владеют. Только полукровкам удастся так легко подчинить и огонь, и «гнилую смерть», которая бежит на три шага впереди заклинателя и безжалостно губит все живое, попадающееся на пути. Именно потому Тираэль и нес меня тогда на плече, не давая коснуться земли даже мыском сапога. Тяжело дышал, обливался потом, шатался как пьяный, но нес. До этой самой поляны, где росли кусты с алыми плодами, впоследствии оказавшиеся чем-то вроде глазных яблок странного растения.

Интересно, если я похожу по краю поляны, найду дорожку, отмеченную «гнилой смертью»?

«Я тебе и без хождения скажу, — тихо пробормотал Фэй. Я скосила взгляд на браслет, замерцавший зеленью по краю белого металлического ободка вокруг „глаза“. — Десять шагов влево. Четкий след некромагии, замешенной на природном колдовстве. В условиях Запретки действительно образует мертвую зону, которая не воздействует только на своего

создателя. Подходить туда не рекомендую — боюсь, что это даже я дезактивировать не смогу. Короче, Лесс, не ходи туда — здоровее будешь».

Я и не собиралась идти именно туда. Просто, если это та самая «дорожка», которую когда-то создал Тираэль, быть может, я смогу повстречаться с ним прямо здесь. Если Равен в нем завелся, пока это эльфийское создание неземной красоты и обаяния пудрило мне мозги в Запретке понятиями близости народов и обещанием лучшей жизни, то, быть может, есть шансы разобраться с данной проблемой здесь и сейчас. Я и без Тираэля выберусь, а вот если Равен не сумеет покинуть Запретные земли...

Фэй, представляешь, скольких проблем мы с тобой избежим?

«А сколько приобретем? — Браслет недовольно хмыкнул, из неподвижного глаза выстрелил алый луч, распавшийся на отдельные, едва заметные лучики-паутинки, которые накрыли пространство вокруг меня частой сетью. — Лесс, а вдруг выяснится, что без эльфа своего ты бы и шагу по Запретке не сделала, не то что живой выбралась. Вспомни, какой ты тогда была, и какая ты сейчас. Мы по самые уши влипли, и даже не в грязь, а в кое-что похуже, несмотря на то, что ты сейчас сильная, здоровая и у тебя есть я. А тогда была лишь худая изможденная девчонка, которая с трудом могла поднять мечи, потому что руки ей предусмотрительно подрезали. Не сильно, но достаточно, чтобы они отказывали через минуту боя».

Тебе так нравится копаться в моих мыслях?

«Не меньше, чем тебе в чужих внутренностях, — съязвил Фэй. Алая сеть ярко вспыхнула и погасла. — След мага тянется от этой поляны в сторону Приграничья, насколько я могу судить. И он довольно свежий, если тебе это интересно».

Проводишь?

«А куда мне деваться? — В голосе браслета промелькнула нотка самодовольства. — Мне и самому интересно, как мы отсюда выберемся. И если выберемся, буду по праву считать себя одним из лучших проводников за последнюю тысячу лет».

А если нет? — улынулась я, неторопливо двигаясь за алым путевым «светляком», который по несколько секунд зависал почти над каждым кустом или корягой, выстреливал в потенциального врага тонким лучиком-паутинкой, от которого препятствие слегка дымилось, наполняя воздух запахом гари, и только потом перелетал на шаг вперед.

«Такой вариант развития событий я считаю слишком пессимистичным, поэтому даже рассматривать его не буду».

Очередная безобидная коряжка, валявшаяся поперек дороги, от прикосновения «паутинки» тонко взвизгнула и стремительно зарылась в землю, оставив после себя лишь неровный холмик взрыхленной почвы. Впрочем, внушительные когти на коротких лапах и круглую пасть, усеянную зубами, я заметить успела.

«Очаровательная зверушка, не правда ли? — нервно хихикнул Фэй. — Присосется к чему-нибудь, и тогда оторвать только с куском мяса получится. Если получится».

Меня передернуло, и я торопливо переступила через холмик, под которым скрылось неведомое создание, оставившее после себя легкий запах подгоревшей хлебной корки. Мелкое оно слишком для того, чтобы цепляться к кому попало, а вот паразитировать...

«Лесс, от твоих фантазий я скоро поседею, — недовольно пробурчал Фэй, приглушая сияние, красноватым ореолом расплывающееся вокруг браслета. — Надо же было придумать такую систему размножения...»

Ты поседеть не можешь при всем желании, не преувеличивай. К тому же в Запретных землях и не такую экзотику можно повстречать, а то, о чем я подумала, успешно реализуют осы на протяжении долгого времени.

«Вот это и самое страшное, что исключить подобное нельзя. Я уже избавлял тебя от проросших корешков хищного растения, с которым ты столкнулась у стен Гранца, тебе мало было? Мне вот впечатлений хватило на всю оставшуюся, и хорошо, что ты не знаешь медицинских подробностей твоего излечения, тебя бы кондратий прибрал на месте. А ведь это была даже не Запретка.»

Зато ты приобрел бесценный опыт.

«И ведь не поспоришь».

А надо?

Впереди замерцал рыжий лепесток пламени, в душном холодном воздухе запахло дымом. Неужели мы с Тираэлем в то время были настолько беспечны и невнимательны, что не давали себе труда скрыть свое присутствие в Запретке от местной живности? Да уж, воистину бог или другое высшее существо хранит не только детей, влюбленных и пьяниц, но и наивных идиотов.

Воистину странно наблюдать за самой собой, надежно укрывшись в густой тени, которую создавал ярко полыхающий костер посреди поляны. Сравнить себя-прежнюю с собой-настоящей и с горечью осознавать, что практически ничего не изменилось. Пролетевшие у меня над головой годы добавили мне разве что усталости в глазах, длинную косу и полсотни подлых наемничьих приемов. И все. Как была хрупким созданием, которое несложно убить, попросту поломав тонкие кости, так им и осталась, разве что обучилась редкой изворотливости.

«И таким образом просто свела вероятность попадания в столь неприятные ситуации к минимуму. А с моим появлением она и вовсе стала стремиться к нулевой отметке».

Что, сам себя не похвалишь — никто не похвалит?

«От тебя пока дождешься — разрядиться пять раз успеть можно, — в тон отозвался браслет. — Между прочим, глядя на то, как старается твой попутчик — неудивительно, что вы с ним долгие годы еще оставались любовниками. Ты, судя по всему, ему и вправду понравилась».

Изящные пальцы Тираэля нежно огладили коротко остриженный затылок меня-прежней, осторожно скользнули по голубоватой коже, словно ощупывая ряд выступающих на тонкой шее позвонков. Примерились, чуть вдавливаясь в плоть.

Отблески костра плясали на золотистой коже лесного эльфа, алыми искрами отражались в полуприкрытых глазах, когда сидхе, оседлавшая его верхом, приглушенно вскрикнула, припадая лбом к сильному, надежному, как ей казалось, плечу и оказываясь в совершенно беспомощной, заведомо проигрышной позиции.

Заалели пролитой кровью зеленые глаза Тираэля, что-то чуждое, циничное и жестокое выглянуло из черноты зрачков...

Метко брошенный дротик с тихим шуршанием разрезал воздух, всколыхнул коротко обрезанные волосы сидхе и до крови оцарапал костяшки пальцев лесного эльфа. Повеяло магией, едва заметное серебристое облачко на миг окутало затылок меня-прежней, и худая сидхе мягко соскользнула на расстеленный на земле плащ, сжимаясь в комочек и, судя по всему, моментально засыпая.

«Кажется, с тобой хотят поговорить без лишних свидетелей», — неуверенно пробормотал браслет, приглушая алое сияние рубинового «глаза».

Это взаимное желание.

— Так-так-так, кого еще принесло сюда из миражей? — Равен поднялся с земли и приветственно кивнул. Лицо Тира смотрелось белой костяной маской, слегка прозрачной, отчего чудилось, будто бы из-под нее проступают чуждые, искаженные черты. — Как я понял, мы действительно спаслись из Запретки, Отступница?

— Спаслись, — подтвердила я, выходя из тени и неторопливо вытаскивая из ножен уцелевший квэли. — Только я тебя разочарую...

Молниеносный бросок вперед, такой стремительный, что мне показалось, будто бы танцующее пламя костра замерло причудливой скульптурой, вырезанной из подсвеченного магией огромного куска золотисто-рыжего янтаря. Лезвие квэли аккуратно легло на шею обнаженного эльфа, а я нехорошо улыбнулась.

— Я отнюдь не мираж.

— А разница? — Тираэль не только не смутился, но и слегка возбудился. — Если ты будешь себя плохо вести, то ты им станешь, девочка. Причем навсегда. Сидхе, конечно,

слишком кичливы, чтобы думать... — По шее Тира-Равена сбежала первая струйка крови. — Но как ты думаешь, что с тобой будет, если ты убьешь меня?

— А с тобой? — Я чуть отстранилась, чтобы заглянуть в ставшее совершенно чужим лицо эльфа. — Кто из нас двоих больше потеряет, если останется привязанным к этим чудесным местам на веки вечные? Как тебе три с лишним тысячи лет болтаться в безвременье? Так понравилось, что хочешь растянуть срок на вечность, упустив последнюю возможность на возрождение? Крайн побери, да я тебя убью здесь и сейчас только для того, чтобы встречаться с тобой раз в пару тысячелетий и наслаждаться тем, как тебе отвратительно и как ты бесишься от невозможности сделать хоть что-то! Мне-то терять нечего, кроме собственной жизни.

— Да-да, деточка, именно! — Он расхохотался. — Такая маленькая, хрупкая, наивная... Если бы ты не ценила собственную жизнь, то сдохла бы гораздо раньше. И уж точно не переспала бы с эльфом, не дойдя до границы. Ведь для подобного жизнь нужно любить, нужно уметь чувствовать ее дыхание, ее пламя. Найти подходящее тело я смогу еще не раз, а от тебя останется лишь обрубок, живущий на этой поляне. И в этом моменте. Взгляни на эту хрупкую девочку. — Он осторожно указал пальцем на лежащую на земле сидхе. — Она не выйдет отсюда. И ее съедят, скорее всего, еще до того, как она придет в сознание. И все эти годы твоего взросления, вся та кровь, которую ты пролила, пропадут зря. Или ты считаешь, что тебе некуда возвращаться?

— Найдешь тело, — задумчиво протянула я. — А *Дорогу*, — я выделила это слово голосом, — найти сумеешь? Да и если выберешься отсюда — *что* ты можешь? Единственная вещь, которая могла бы вернуть тебе хотя бы частичку бывшего могущества, надежно укрыта там, куда тебе не добраться. А ключик к этой замечательной двери сейчас с тобой разговаривает. На данный момент — единственный существующий ключик. А теперь скажи, пожалуйста, что мешает мне оставить тебя здесь связанным, а девочку отнести к Дороге?

Врала я довольно убедительно. Хотя бы потому, что сказанное было правдой больше чем наполовину. Я происходила из рода Хранителей Запретов, и меня готовили к тому, чтобы стать живым «ключом», способным прийти и взять любой артефакт из хранилища — для этого мне достаточно пройти последний обряд посвящения, и новая жрица Богини Смерти готова к служению на благо сидхийской Столицы. Не знаю, жива ли сейчас моя мать и прошла ли посвящение младшая сестра, которая была еще ребенком в момент, когда меня изгоняли из Столицы, но...

Сделать из меня «ключ» — дело одного дня. А для любой другой из рода Хранителей Запретов это годы тренировок и множество болезненных операций, которые вынесет не каждая сидхе. Сколько же времени после изгнания я боялась, что меня когда-нибудь найдут и из чисто практических соображений призовут к служению Богине — а сейчас сама бравирую этой сомнительной и ненужной мне «избранностью»...

— Что мешает тебе это сделать? То, что ее уже там нет. — Улыбка Равена была снисходительной, как будто он разговаривал с ребенком. — С той Дороги нельзя сходить, и ты это знаешь лучше меня. Что же касается твоей избранности... Думаю, это хорошая причина проследить за тем, чтобы ты достигла своего возраста. Живая и более-менее здоровая. И к тому же по уши влюбленная. Скажешь, из меня выйдет плохой защитник? — Улыбка Равена стала совсем наглой, как будто он откровенно издевался надо мной. Пытался издеваться. Все-таки после общения с последним из д'эссайнов и тысячелетним вампиром маг-полукровка казался недостаточно острым на язык собеседником.

— Равен, ее нет для меня. Для кого-то, кому суждено выйти, — есть. — Я подумала и убрала меч, отступив на пару шагов. — А защитник из тебя выйдет, между прочим, слабоватый, я найду получше. Любовник, кстати, тоже так себе, так что тебе не грозит быть объектом моей влюбленности, уж не обессудь.

«Лесс, мне его уложить „отдохнуть“? Сейчас в нем силы — как у твоего эльфа, то есть чуть-чуть больше среднего. Мои заклинания на нем сработают».

Лучше подумай, как закрыть «я» Равена в Тираэле так, чтобы оно не вылезало как можно дальше. Сумеешь — будет отдельная благодарность и пара историй из личной жизни.

«Интересных историй?» — Браслет у меня на руке потеплел и засеребрился в темноте.

Еще каких.

— Если бы я был маленьким и глупым мальчиком, неуверенным не то что в собственных силах, но и в размере своего достоинства, я бы, наверное, обиделся. Но твои стоны пятью минутами ранее как-то противоречат твоим нынешним словам. — Маг пожал плечами, а затем плюнул в мою сторону, и плевок этот чернильным облаком окружил меня, прилипая к защите Фэя.

Браслет, впрочем, в долгу не остался, сквозь черную пелену шарахнуло ярко-зеленым лучом, который оставил в ровном полотне заклинания, растекающегося по защитному кокону, аккуратную круглую дыру, сквозь которую я увидела, как Тираэль-Равен падает на колени, хватаясь за голову и выкрикивая проклятия в адрес д'эссайнов. В ушах зашумело, перед глазами на миг поплыло, а потом чужое заклинание развеялось, оставив меня на упавшем древесном стволе, висящем над водой.

И что это было?

«Малый телепорт, — разочарованно вздохнул Фэй. — Отнес нас на версту в сторону от той полянки. Хорошо хоть, что я защиту поставил — нас хотя бы перенесло целиком, а не по частям. А гаду тому тоже досталось, я прояснение сознания твоему знакомцу сделал. До того эльф как будто во сне ходил, а сейчас проснулся. Голова поболит, но помнить он ничего не будет... до определенного момента. Однако возобновлять поиски не рекомендую, пусть дальше все идет, как должно идти. Думаю, что вашей следующей встречи в Столице Равен избегать не будет, так что никуда он от тебя не денется».

Нам бы самим никуда не деться. Идеи, как возвращаться к Джерайну, есть?

«Стыдно признаться, но мои возможности логического анализа ситуации исчерпаны, и прогноз неутешительный».

— Красотища... — вслух и с искренней ненавистью к сложившейся ситуации произнесла я.

— Красотища, красотища, — согласились откуда-то сзади. — Когда еще такой красотой полюбуюсь?

Я обернулась на голос так резко, что едва сохранила равновесие на скользком бревне, и увидела молодого человека, сидящего чуть поодаль от меня и беззаботно болтающего ногами над черной водой, похоже, нимало не беспокоясь о том, что может таиться под безмятежной с виду водной гладью.

— А ты кто такой?

— Я твой потенциальный билет к Джерайну. Или тебя интересует иная информация? Спрашивай тогда, только... — Парень сделал короткую паузу, видимо, что-то обдумывая. — А, ладно, это значения не имеет.

«Лесс, по-моему, у него с головой слегка того, — нервно отозвался браслет. — Но атаковать его даже не подумаю и тебе не советую. Не наш уровень, совсем не наш».

Значит, разговаривать будем.

— Здравствуй, уважаемый потенциальный билет, — криво улыбнулась я. — Извини, что не верю на слово, но сам понимаешь — место тут непростое, если каждому встречному-поперечному на слово верить, не только головы лишиться можно.

— Молодец, хвалю. — Человек задумчиво уставился на черную воду, будто выслеживал там что-то. — Впрочем, доказательством будет перемещение. А просто так перемещать тебя — скучно, Танцующая.

— Погуляй по Запретным землям — развлечешься, особенно если на Дорогу набредешь. Там столько интересного показывают, жаль только, что рассказать некому. — Я сложила руки на груди, сверху вниз глядя на склоненную голову парня. Выглядел он обычно, за исключением, пожалуй, левой руки, которая была выкрашена в серо-стальной цвет и безвольно свисала над черной водой.

— Пока что всех моих сил не хватит и на один шаг по этому пути. Всему свое время...

Он замер и через мгновение чуть не рухнул в воду. Из омута на него вылетело какое-то существо, похожее на рыбу, обросшую несколькими поясами щупалец и дополнительных глаз. Вес его был таким, что парень еле успел схватиться за бревно, чтобы не упасть. Впрочем, существо это уже не было ни на что способно, поскольку безвольно висело на пучке узких ножей, которые скрывались в левой руке парня.

— Рыбки не хочешь? Все равно сейчас торопиться бессмысленно, у меня есть всего две-три точки, в которые я могу тебя вывести. Хотя, конечно, варианты повеселее есть всегда. — Из тела рыбыны в омут текла кровь, и черная вода начала тихо бурлить от наплыва голодных созданий.

— Но у меня-то сил хватило. — Я смотрела на выросшие из стальной руки лезвия и тихонько пятилась назад. — Может, пообщаемся на берегу? Что-то меня не вдохновляет возня под этим чудным бревнышком.

— У тебя немного больше выбора, чем у меня, — сказал он, медленно заползая вверх на бревно. Кусок коры выскользнул из-под его пальцев, но человек чудом удержался и не съехал в воду. — Так как, рыбку будешь?

— Нет, спасибо. — Я бесцеремонно ухватила парня за шиворот, дергая его на себя и вытаскивая на относительно надежный берег, когда бревно, на котором мы находились полминуты назад, с шумом рухнуло в воду, где моментально задергалось, как живое, а потом вдруг камнем ушло на дно. Я ошарашенно проводила его взглядом и наконец-то выпустила из судорожно сжатых пальцев помятый воротник клетчатой рубашки своего «билета».

— Так и запишем — не голодная. — Он задумчиво уставился на рыбку, за какую-то секунду разделявая ее на части и роняя на землю, после чего втянул все лезвия обратно в руку. Задумчиво стряхнул с ладони дымящиеся капли крови. — А зря. Когда еще возможность покушать представится, не знаешь?

— Ты позанудствовать пришел или по делу? — Я уже начала терять терпение и понемногу злиться. — Честно говоря, мне все равно, кто ты. Если сказал, что от Джерайна, значит, и плату за мое возвращение ты уже от него получил. А раз так — делай, пожалуйста, на что подписался, я все равно не поверю, что ты по доброте душевной взялся меня отсюда вытаскивать.

— Ну, простите, имеет же простой защитник право на короткий отдых? Я просто не понимаю, чего ты так торопишься. И главное куда? А если не торопишься, то чего злишься? — Он удивленно склонил голову, а я только вздохнула. Почему-то сейчас этот парень казался удивительно молодым, но при этом уже успевшим под завязку хлебнуть разных напастей и совершенно не представляющим, что с этим всем делать.

— Я устала. У меня мозги плавятся от обилия впечатлений, которые я никак не могу переварить и разложить по полочкам, а ты оттягиваешь момент моего возвращения к единственному мужчине, рядом с которым мне спокойно и уютно. Так чего удивляться, что я начинаю злиться?

— Йарра, только ты пойми, что в ближайших завтра и вчера, которые мне придется посетить, у меня не найдется ни одного достойного собеседника. Особенно столь прелестного. — Человек попытался мило улыбнуться. Вышло неуверенно. — Так чего удивляться, что я продлеваю моменты нашего общения?

— С этого и надо было начинать, — улыбнулась я в ответ, — а не плести чушь. Кстати, что такое «йарра»?

«Судя по тому, как это создание смутилось — что-то ругательное или неприличное», — хихикнул браслет, играя огоньками всех цветов радуги по ободку рубинового глаза.

Запросто, но мне все равно интересно.

«Мне тоже. Я всегда готов пополнить свой словарный запас».

— Зависит от контекста. В данном случае это выражение согласия. Ты мило улыбаешься... — Он вновь перевел взгляд на рыбу. — Точно рыбки не хочешь? Пропадет же...

«Далась же ему эта рыба, — пробурчал Фэй, выстреливая алым лучом в мелко накрошенную добычу. Вкусно запахло испеченной на углях дичью, которую обильно полили сухим белым вином, и я заинтересованно покосилась в сторону страшненькой обитательницы местных вод. — Оно не ядовитое, судя по всему, так что можно съесть».

— Считай, что приглашение на обед принято. — Я уселась на траву, аккуратно отколупывая от полупрозрачной косточки ярко-розовое обжигаяще горячее мясо и протягивая его собеседнику. — Мне кажется, что тебе тоже не повредит. Зовут-то тебя как?

— Вот это я и называю великой победой естественного интеллекта над искусственным! — сказал человек, подняв указательный палец и усаживаясь напротив меня. — То, что оно не ядовито, я уже и так говорил. Только огня у меня сейчас нет, увы. В следующий раз запасу впрок.

Он торопливо запихнул в рот кусок рыбы и проглотил, почти не жуя.

— Что же касается имени, то у меня его как бы нет. Можете звать меня Защитником, если хочется как-то идентифицировать. Если нет — я и на «эй ты!» не обижусь.

— Защитник так Защитник. — Я охлопала себя по карманам уже порядком подранной куртки, выудила из одного из них почти полностью заряженный огненный амулет малой мощности и протянула его сотрапезнику. — Держи. У меня есть более качественный помощник, так что зажигательный амулет мне не нужен. Пользоваться им проще простого: сдвигаешь вниз пластинку с янтарем — огонек загорается. Возвращаешь пластинку обратно — гаснет. Заряда там еще месяца на три частого использования хватит, может, и дольше, если экономить. Пользуйся на здоровье.

— Можно и больше, если уметь заряжать, — задумчиво сказал он, запихивая в рот еще один кусок. Поперхнулся, закашлялся, но все же проглотил. — Или использовать другие источники энергии. Например, так. — Он на мгновение открыл пластинку и тут же закрыл ее снова, но за это мгновение пламя, казалось, коснулось небес и погасло, закрытое пальцем парня. — Если ты уже не голодна и не хочешь отдыхать, то можем идти.

Ничего себе фокус. Я не знала, что обычная «зажигалка» так умеет.

«Я тоже не знал. Но, вероятно, все дело в том, кто ей пользуется. И хорошим манерам его, похоже, не учили, — недовольно пробурчал браслет. — Хоть бы спасибо сказал».

Пусть его. От меня не убудет.

Я торопливо прожевала последний кусочек и встала, машинально отряхивая штаны от мелкого лесного сора.

— Ну, води.

— Закрой глаза, — сказал он и, не дожидаясь, когда я закрою их, накрыл металлической ладонью, после чего подтолкнул в спину, шагая рядом со мной. — Еще увидимся, Алессьер Отступница, тогда и отблагодарю тебя. Как заслужила. У тебя еще много на что хватит времени. И я надеюсь, что ты успеешь за это время научить свой браслет вежливости. Ему это пригодится, если, конечно, перепрошивки мозгов не хочет.

Напряженная тишина искореженного леса наполнилась отдаленными голосами на повышенных тонах, запахло дымом, а потом Защитник резко убрал ладонь с моего лица, едва ощутимо оцарапав щеку, и с силой толкнул вперед так, что я едва не упала, споткнувшись о выступающий из земли корень.

— Да что с тобой...

Я резко обернулась, но за спиной у меня никого не было. Даже тонкие веточки кустов, усыпанные светящимися бирюзовыми ягодками, дрожали скорее от дуновения ветерка, а не от того, что мимо них кто-то прошел.

Исчез?

«Именно. Не то телепорт, не то он и в самом деле знает тайные лазейки этого места. Но не это главное. Я просканировал окружающее пространство, и там, за деревьями, где ты слышишь нецензурные вопли, я ощущаю своего создателя».

Джерайн?

Кричать я не рискнула, но по еле заметной в серой мгле тропинке в указанном Фэем

направлении ринулась едва ли не бегом.

ГЛАВА 6

Земли запретов хранят в себе знания, которые должны быть уничтожены. Дитя Крови не сможет встретить там ничего, кроме Смерти.

Кодекс Крови

Джерайн Тень

Пробуждение было не из приятных. Боль отступила, оставляя меня совершенно разбитым. Нет, когда я восставал из собственного гроба, все было хуже. Кажется. В Запретке нужна одна полезная привычка: пересчитывать количество своих конечностей и определять их состояние сразу же после пробуждения. Если руки и ноги внезапно поменяются местами, то важно это вовремя заметить. Ничего не исправишь, но хоть будешь подготовленным.

Итак, руки-ноги на месте. Уже хорошо.

Дерево, на котором я спал, осталось примерно в том месте, в котором я засыпал. По крайней мере, оно не висело в воздухе, и это было мне по нраву. Никаких болезненных ощущений я уже не испытывал. Нет, голова слегка ныла, но это такие мелочи по сравнению с тем кошмаром, в который меня погрузил Защитник!

Все лишние дырки в моем теле затянулись, да и губы почти зажили. Облизываться было уже не больно. Зато живот снова сводило от голода. Похоже, что на исцеление организм потратил если и не все свои силы, то их немалую часть. В последний раз я ел главу братства, и это было достаточно давно.

Кажется, Защитник как-то попробовал поспособствовать моему восстановлению. Не очень представляю как. Да если честно, мне было плевать на то, что он мне сделал, после того способа, каким он лишил меня сознания. До сих пор передергивает! И слов ведь нет, чтобы описать такие ощущения. Кроме того, из моей головы совершенно вылетело, какую же услугу я ему оказал. Очередная дыра в моей памяти радости не добавляла. Главное, чтобы она не расплзлась еще сильнее! Надеюсь, что болевая атака сожгла не так много нейронов. Точнее, нет: я надеюсь, что он «помог» Алессьер не тем способом, которым попробовал «помочь» мне. Поскольку если он позволил себе *такое*, то я его убью. Чего бы это мне ни стоило.

Обоняние ко мне тоже вернулось. В полной мере. Увы. Именно это и стало основной причиной моего пробуждения. Удушающе-сладкий запах гниющего мяса — это не самый приятный аромат. Даже на пустой желудок. Такое мясо даже правильная готовка не спасет. Я поудобнее устроился на ветках дерева и принялся выискивать взглядом источник миазмов. Им оказалось удивительнейшее существо.

Больше всего оно напоминало какого-то паучьего выродка, вымахавшего до метра в высоту... Если бы, конечно, существовали пауки, у которых вместо лап были бы липкие щупальца, да и само тело больше напоминало клубок кишок, который по какому-то недоразумению обрел подобие сознания и, видимо, проголодался. Кроме того, лап у этого «паучка» было всего семь. Вот уж точно, ни рыба, ни мясо... Зато вони столько, что задохнуться можно! Счесть это существо опасным противником я пока не мог, но в Запретке многое является совсем не тем, чем кажется на первый взгляд, и потому я решил немного подождать.

Будто бы вторя моим мыслям, наверху, там, где переплетались кроны всех окрестных деревьев, что-то подозрительно зашуршало. Кажется, защита, окружавшая мое дерево, окончательно пропала.

Я осторожно взялся за рукоятку эсси, вглядываясь в мешанину ветвей, откуда

неожиданно показалась изящная женская ножка, обутая в остроносый сапожок на высоком стальном каблуке. Следом за ножкой из-за густых веток вылезло и все остальное. Что я могу сказать? Запретные земли полны удивительных тварей! Обозначившееся на дереве существо женского пола явно относилось к человеческому роду с особым, утонченным презрением.

Об этом говорил весь ее облик. Судите сами: кольчужная юбка на короткой кожаной подложке, кольчужный же лифчик внушительных размеров и тонкого плетения, нашитый, судя по всему, прямо на нижнее белье. У высоких, до середины бедра сапог кроме каблук-шпилек обнаружились и заостренные стальные мыски. Кольчужное одеяние тихо позвякивало, как похоронные колокольчики, цеплялось как за мелкие веточки, так и за свою хозяйку, но надменное выражение на милом личике говорило о том, что эта модница скорее убьет себя или же случайного наблюдателя, чем признается, что костюм ей хоть сколько-нибудь неудобен.

Прическа женщины говорила об ее неумении сделать осмысленный выбор. Казалось, что она никак не могла определить, какой цвет волос ей больше нравится, и потому выкрасила свою шевелюру всеми красками, которые нашла. Малиновые пряди соседствовали с салатовыми, рыжими, фиолетовыми, золотыми и просто русыми!¹⁴ Впервые за всю свою жизнь я увидел серо-буро-малиновый цвет в крапинку¹⁵ воочию!

Сама же прическа стоила нескольких од на двести — триста строф каждая, и я практически уверен, что смог бы взять с ними если и не первое, то хотя бы второе место на конкурсе страшилок. Даже творчество гномов, проводящих соревнования по созданию наиболее изощренных конструкций из собственных волос, меркло по сравнению с... этим.

И все бы ничего, но когда незнакомка еще и заговорила, то я даже вздрогнул от звука ее голоса. Высокого, возможно красивого, если бы не настолько визгливого.

Крайн... Оно еще и говорящее!

— Что уставился?! Не в музей! Не видишь, дерево занято! Дамой!

Теперь я окончательно уверился в том, что оно — реально. И что оно таки женского пола.

— Когда это кому-либо мешало? — удивился я. — Дерево большое, вы — маленькая. Места всем хватит.

— Это мешает мне! — Надо бы занять у нее самомнения. Лишним не будет.

Девушка шустро перебиралась с ветки на ветку, безжалостно оставляя острыми каблуками кровоточащие отметины на древесной коре, и наконец уселась практически у меня над головой, беззаботно болтая ногами, но не позволяя заглянуть под юбку. Длинный и даже на первый взгляд неудобный меч, больше похожий на неумело расплюснутый и наточенный лом, висел у нее за спиной, вяло перемигиваясь огоньками в камне оголовья. Интересно, а владелица меча знает, что это сияние вызвано аккумулятором, катушкой и обычным магнитом? Прыгает она, похоже, много. Да и сколько времени занимает извлечение столь длинного меча из явно неудобных, зато богато украшенных ножен?

— И чем это мешает тебе? — спросил я, склоняя голову налево, прислушиваясь к окружающей обстановке и разглядывая девушку с возрастающим интересом. Если девушка одна, то я неплохо позавтракаю, а если у нее есть спутники, то мой завтрак будет просто королевским!

— Ну-у-у как ты не понимаешь?! — девушка кокетливо улыбнулась и стрельнула глазками куда-то в сторону. — Сейчас мои верные друзья чуть-чуть отойдут после нашей очередной ссоры, погоняют в качестве профилактического наказания очередных милых тварюшек, вернуться... — Она понизила голос до интимного шепота, и я вздохнул с

¹⁴ После некоторых неудачных алхимических опытов прически бывали и страшнее. Факт. Но это был побочный эффект, который исправлялся со временем, а не холился и лелеялся!

¹⁵ Вместо крапинки был обычный древесный мусор, но зрелище все равно впечатляло!

облегчением, поскольку от визгливых ноток уже начала болеть голова. — А я тут, одна-а... с незнакомым мужчиной на дереве... — Она улыбнулась и наклонилась так, что бюст чуть не выпрыгнул из лифа. Теперь я понимаю, почему бюстгальтер усилен кольчужным полотном — обычная ткань, скорее всего, лопнула бы. — Ой, они ж такое подумают! Тебе тогда не сносить головы!

— Ну да, ну да, конечно, — хмыкнул я, игнорируя прыгающие передо мной налитые шары. Конечно, соблазн сперва воспользоваться своим завтраком для удовлетворения иной потребности организма был велик, но у меня ведь Лесс есть! И горе тому, кто осмелится в этом сомневаться! Даже если она нас не застанет, зачем заниматься странными вещами с посторонними, когда есть любимая женщина?! Любым идиотизмом можно заниматься лишь с теми, кто по-настоящему дорог. — Леди, вами что, так часто обладают всякие мужики на деревьях?

— Хам! — Острый носок сапожка чуть не попал мне под ключицу, я увернулся, но с трудом удержал равновесие. — Как смел ты усомниться в моем девичестве?!

— Тогда и спутники тоже не усомнятся, — пожал плечами я. Если же осмелятся, то им явно сильно достанется. — Вы же не позволите им лезть проверять?

— А это не твое дело!

Создание, все еще бродившее внизу, что-то зажевало и сыто срыгнуло. Сия газовая атака запросто могла бы сбить с ног или же надолго отбить обоняние. Девушка наконец-то позеленела,¹⁶ зажала рот ладонью, а потом вскочила на ветке и, вскинув руки в странном жесте, с диким визгом завопила какую-то тарабарщину. То ли подействовало колдовство, то ли отработанный вопль, но зверушка попросту лопнула, подобно гейзеру, усеяв дурно пахнущей слизью и ошметками половину полянки под деревом. Я в последнее мгновение успел скользнуть за ствол.

— Вот так действуют настоящие герои!

— Изгваздывают все доступное пространство? — уточнил я, не торопясь высказываться из-за дерева, но девушка обошла его, продолжая диалог.

— Наи-и-и-ивный, — протянула она таким голосом, что у меня по коже пробежали мурашки, и начала спускаться вниз. — Убивают врага быстро и решительно! С одного удара! Без всякой жалости! — Тут она повнимательней присмотрелась ко мне, и на лице ее расцвела широкая, почти искренняя улыбка людоеда, который распахивает двери гостям, пришедшим на обед. — Ты же д'эссайн, да? Торговец, как я посмотрю. А что у тебя такое интересное есть на обмен?

Чокнутая. Раздери ее г'р'макси, чокнутая! Может, она просто больная? Паразиты там мозговые завелись, так что вместо опасения перед заляпанным кровью хищником она считает его безобидным торговцем? Вдруг съем ее и потом долго животом и мозгами болеть буду? Может, отпустить ее с миром? Или... Нет, съесть стоит, но только после тщательного анатомирования. Вдруг я выясню, что у нее всего лишь детская травма мозга?

— Нету, нету ничего. Какие к крайну товары в этом захолюстье? — Я постарался говорить медленно и спокойно, как с буйнопомешанной.

— Так ты же два рюкзака с собой таскаешь, а такому замухрышке и одного бы за глаза хватило. Вот я и решила, что второй у тебя с вещами для обмена. — Она спрыгнула на облюбованную мной ветку, явно передумав спускаться. Налаживаем контакт с завтраком?

— Нет. Другой рюкзак — с другими вещами, — отрезал я. Жалко, что сейчас уже не удастся обрубить тот сук, на котором она сидит. Был бы рад полюбоваться тем, как это создание рухнет с дуба на жесткую землю. — Что ты вообще тут делаешь?

— Ну, вообще-то я путешествую. Инкогнито. Несу свет во все проклятые земли, очищаю их от скверны и зла в надежде, что когда-нибудь на землях, очищенных мною огнем и мечом да добрым словом, сможет процветать мирная и спокойная жизнь! — вдохновенно и

¹⁶ Совершенно не представляю, как она игнорировала дивный аромат этого создания все это время.

с пафосом в голосе сказала девушка, воодушевляясь с каждым словом. Визжать прекратила, и это хорошо. — Спутники, что примкнули к моему походу, очарованные моей красотой и необычностью, помогают мне в этом трудном и непосильном деле, но раз я, принцесса Мерилейн Грайвимерская,¹⁷ добровольно приняла на себя эту нелегкую обязанность...

Девицу понесло. Всерьез. Похоже, о себе любимой она может говорить часами, если не сутками напролет. Я вслушивался в ее слова, правда, не особо внимательно. Может быть, она и скажет что-нибудь полезное — например, о том, как она тут выжила, и что она и ее спутники ели в последний раз. Быть может, у меня даже есть подходящая к ним приправа?

Увы, похоже, что она слишком заинтересовалась содержимым моих рюкзаков, потому как отвлеклась от расписывания своих подвигов и внимательно к ним присмотрелась, совершая произвольные хватательные движения руками. Прямо как крабик на пляже. Клепнями клац-клац. Угрожающее моим вещам движение.

— Кстати, а ты-то чего с дерева не слезаешь? Ночевать тут собрался, что ли? Или гнездо вить?

— Тоже вариант, а какое тебе до этого дело? Может, я гнездовой д'эссайн?

— Не делай из меня дуру, таких не бывает! — Вот уж действительно, зачем дуру делать? И так достаточно. — А один ты пропадешь, жалко тебя. — Принцесса смотрела на меня совершенно честными глазами цвета утреннего неба.¹⁸

— Не пропаду, — возразил я. Еще немного, и я приступлю к завтраку, не дожидаясь тех героев, которые охраняют это исчадие глупости. — И это не ответ на мой вопрос. Чем я заслужил столь пристальное внимание?

— У тебя слишком низкое положение, чтобы ты мог требовать ответа от принцессы по крови! — фыркнула она и, отвернувшись, хлопнула в ладоши. Что-то в ее словах попыталось зацепиться за оборванные нити моей памяти, и на ускользящее мгновение мне показалось, что я все вспомнил... но увы. Неподалеку что-то бабахнуло, и в воздухе запахло озоном, возвращая меня от приятных воспоминаний к кошмарной действительности. Уже через полминуты на поляну вылетела группа странных существ, в которых при наличии должного воображения можно было опознать эльфов... Наверное.

Я никогда еще не вкушал... то есть конечно же не видел чернокожих эльфов. Черных орков, черных людей — пробовал. Черные тролли, увы, несъедобны. У кэрсов вообще, говорят, мех на любой вкус¹⁹ и цвет бывает. Но вот эльфы... Я даже не встречал упоминаний о том, что встречаются подобные создания — с кожей цвета воронова крыла, белыми, скорее бесцветными волосами, желтыми «кошачьими» глазами. Одежда на них была в стиле «зачем раздеваться, если и так все хорошо видно?» — обтягивающие брюки темного, сейчас уже ставшего непонятным оттенка, ремни, крест-накрест пересекающие грудь, и широкое ожерелье на шее. И все. Это телохранители или команда стриптизеров?!

Судя по тому, с какой скоростью они рассыпались по поляне, окружая мое дерево и натягивая луки, — телохранители. Завтрак откладывается. Придется или тратить запасы, или рисковать превратиться в особый вид ежа, утыканный стрелами. Тенью столько народу одним ударом уложить можно только в сытом состоянии. А я ведь только пришел в себя.

— Я с превеликим удовольствием покину вашу компанию, — поклонился я, краем глаза намечая путь отступления. Все шансы разойтись миром у нас есть.

Эльф, явно возглавлявший отряд, попытался что-то спросить, но Мерилейн совершенно не желала никого слушать.

¹⁷ Почему-то мне кажется, что «принцесса» знает много умных слов, но об их значении только догадывается. Иначе зачем ей самой раскрывать инкогнито?

¹⁸ Розово-голубыми. Не знаю, как она достигла этого эффекта — на линзы не было похоже.

¹⁹ Нет, кусать мех — это неприятно. Потом выплевывать шерстинки долго.

— Да пожа-а-алуйста, — хмыкнула она и вдруг прыгнула вниз, подобно метеору, по дороге сцапывая квэли Лесс, завернутый в ткань. — Не дергайся, я только поиграть взяла!! — прокричала она, приземлившись.

Я и не дернулся. Вместо меня вниз полетел пока еще целый захват, прочно ухватившийся за рукоять поверх ткани и подтянувший квэли ко мне вместе с «принцессой», упорно не желавшей расставаться с трофеем. Судя по весу, питается в своих путешествиях она точно не воздухом. Думаю, что хорошая диета ей бы не помешала. Хотя мясо должно быть нежным.

Теперь, чтобы удержаться самому, мне пришлось крепко ухватиться за ветку, но выражение лица Мерилейн того стоило. Кроме того, из нее получился неплохой щит: надеюсь, что лучники не рискнут стрелять, когда принцесса так дергается.

— Оружие детям не игрушка. Не дам. — С этими словами я аккуратно взял за рукоять квэли. — Сама отпустишь или помочь?

— Сам слезешь или помочь? — огрызнулась та, пробормотав что-то неразборчивое.

В результате дымящийся сук отвалился от дерева, словно его отрубили раскаленным мечом, и мы оба рухнули вниз. Я говорил, что мало на свете идиотов, в буквальном смысле рубящих сук, на котором сидят? Что ж, как минимум одного я теперь в лицо видел. Одну, если быть точным.

Единственное, что утешило меня в этой ситуации — я приземлился на ноги и с квэли в руках, который от греха подальше запихнул в рюкзак Лесс рукоятью вниз. Чокнутая принцесса, несмотря на все свое старание, приземлилась немного «мимо» меня, глубоко вбив в землю железные каблуки. И как только ноги не сломала? Представляю, что было бы, если бы она приземлилась на меня. Снова пришлось бы лечиться.

— Тогда я пойду, вашество, — сказал я, по дуге обходя принцессу и двигаясь прямо на телохранителей. К моему удивлению, эльфы вместо каких-либо проявлений агрессии опустили луки и ринулись поднимать, отряхивать и ощупывать принцессу, будто обыскивая. Телохранители под стать собственной госпоже.

— Ну и скатертью дорога, там все равно паучье логово! — мстительно взвизгнула Мерилейн мне вслед, потирая мягкое место.

— Как?! Светоч добра и справедливости, ее высочество Мерилейн оставила низменных тварей в живых?! — Яда в моей речи, возможно, хватило бы и на несчастных чудовищ, но принцессе было все нипочем.

— Они убегали, а всех я поймать не смогла, — смущенно призналась та, отпихивая от себя телохранителей, попутно выхватывая лук у одного из них. — А если бы мне дали в руки эту игрушку, то они бы точно не скрылись! Стрелу мне! В детстве я была лучшей лучницей в замке!

Я остановился, хотя, по уму, мне стоило оставить эту компанию как можно скорее. Думаю, что они уже никогда не выйдут из Запретных земель, значит, в их компании и мои шансы пропорционально уменьшаются. Конечно, будь их поменьше, я был бы рад ими полакомиться, но... не в этот раз.

— Ваше высочество! Этот лук для вас не подойдет, он чересчур туг и явно не рассчитан на ваши нежные пальцы. — Хозяин лука выполнил приказ и стрелу выдал, правда, безуспешно попытавшись воззвать к глухонемому голосу разума принцессы. Остальные телохранители рассредоточились, сливаясь с ландшафтом. Послышались тихие вскрики — наше собрание уже стало привлекать местную живность, но конфликт явно разрешился в пользу телохранителей, опасливо наблюдавших за своей госпожой.

— Что-о-о-о?! Хам! Быдло! Тебе за честь должно быть, что я вообще твоей грязной палки коснулась! Ничего, сейчас! Я... Я поражу это дерево! Нет, видите на нем яблоко? Оно обречено! — Действительно, дерево опасно приглядывало за всем сборищем. Тот глаз, на который указала Мерилейн, судорожно задергался, пытаясь спрятаться в толще листвы, но принцесса уже встала в странную позу и с громким сопением принялась натягивать тетиву, полностью сосредоточившись на этом процессе. Надо сказать, что и тетива и лук упорно

сопротивлялись. Увы, Мерилейн упорства было не занимать, и потому через две минуты яростного сопения лук поддался.

Мгновение, когда стрела сорвалась с ее пальцев, я чуть не пропустил. Щелчок тетивы был заглушён громким верещанием принцессы, но мне этих звуков хватило, чтобы успеть отбить стрелу в считанных сантиметрах от своего плеча. Я с трудом представляю, по какой траектории она прилетела ко мне, ведь я находился в стороне от принцессы. Ее телохранители явно ожидали такого результата, и пока двое занялись оказанием первой помощи Мерилейн, уронившей лук на землю и трясущей ободранной рукой, остальные снова взяли меня на прицел.

Похоже, что без потерь уйти не удастся.

Но если судить по потоку брани, изливающейся из накрашенного ротика чудо-принцессы, то без потерь не удастся уйти никому. Потому что Мерилейн, приняв помощь своих спутников, которые наложили компресс на ее синяк, обратила свой взор на того несчастного, который пытался не выдать ей требуемый лук.

— Мерзавец! — Начало было воодушевляющим. Похоже, что в этот раз страдать придется не мне. — Как ты мог подсунуть мне такой негодный лук, у которого не тетива, а размахившаяся бечевка?! Он никуда не годится! Из-за тебя пострадали мои нежные пальцы и моя хрупкая ручка!

С этими словами принцесса подхватила с земли лук и изо всех сил ударила им по некстати подкравшемуся дереву. Видимо, регулярные упражнения с ломом, лишь ошибочно именуемым мечом, закалили ее тело — лук сломался с оглушительным треском, напоследок заехав обломком по голове «воительницы», ответившей на эту несправедливость возмущенным взвизгом, и обвился тетивой вокруг ее шеи.

Чтобы не рассмеяться, я прикусил щеку, чувствуя себя актером, участвующим в дурном и безвкусном спектакле. Ну зачем принцесса устраивает такую сцену? Неужели она столь глупа и недальновидна, что не может сдерживать свои эмоции? Или ей плевать на чье-либо мнение, кроме собственного? Скорее последнее, но тогда нам с ней тем более не по пути. Может, мне удастся сбежать, пока принцесса занята стенаниями?

Увы. Оказалось, что у «милой дамы» неплохая избирательная наблюдательность. Воинственная истеричка заподозрила меня в том, что я не только с трудом сдерживаю смех, но и начал двигаться в сторону края поляны, и тонкий пальчик, на котором с трудом удерживался массивный позолоченный перстень с искристой, явно крашеной стекляшкой, обличающе указал в мою сторону.

— Ты! Я спасла тебя от мерзкого чудовища, одарила своим вниманием и предложением дружбы между великим домом Гравимейров и вашим племенем торгашей безделушками. Ты мне обязан своей жизнью и своим положением, и что же? Вместо сочувствия я вижу в твоих глазах одни лишь насмешки! Я всегда знала, что д'эссыны — двуличные создания, но ты превзошел все истории об их непотребствах! — Принцесса выпрямилась, снимая с себя то диковинное ожерелье, в которое превратился лук после общения с ней, и спросила: — Что скажешь в свое оправдание?

— Я немного не понял, в чем меня обвиняют, — проговорил я, пытаюсь понять, что же ее разозлило. По уму, мне сейчас нужно позавтракать хотя бы своими запасами, а не препираться со всякими идиотками. Но тут могут попробовать и еду отобрать. Кошмар! Значит, придется как-то отвязаться от этой дуры с телохранителями. — Право слово, я еще не давал повода для таких обвинений, ваше высочество!..

— Принцессе крови не нужен повод, — гордо ответствовала она. — Но я дам тебе второй шанс. Скажи, куда ты направляешься, ибо я намерена составить тебе компанию в твоём путешествии по этому неприятному месту. Все равно без моей магии ты пропадешь, поэтому еще успеешь понять, насколько тебе повезло. Я великодушно прощаю тебе хамство, вызванное низким происхождением.

Я бы с удовольствием послал принцессу туда, куда отправляют тех, кто лезет в чужие дела, если бы уже не находился в этом месте сам. Действительно, что может быть хуже

неопределенностей Запретки? Я мест не знаю. Разве что родина крайнов, и то не факт. Пока лично не удастся убедиться, на эту тему рассуждать не буду.

Ночь наступила. Внезапно. Так же, как тьма накрывает случайного прохожего в мрачном переулке, внезапно ощутившего на затылке тяжесть носка, набитого песком, или половинкой кирпича. В небе проявилось множество огоньков, мигающих, перемещающихся, похожих на глаза каких-то чудовищ, паривших где-то высоко-высоко. Не то звезды, не то действительно чьи-то глаза. Проверять, что это на самом деле, я бы не рискнул, тем более что рядом со мной и так было неприятное создание: ночь резко переменяла настроение принцессы.

Визгливым голосом и в совершенно непечатных выражениях она потребовала от своих телохранителей скорейшей организации ночной стоянки. В случае неповиновения она грозилась устроить ее самостоятельно, и это испугало ее спутников так сильно, что их бледные лица мгновенно проступили в темноте. Рассыпаясь в извинениях, они разбрелись по поляне. Костер разгорелся меньше чем через минуту после первого возмущенного визга, как вдруг в непосредственной близости от поляны что-то зашуршало.

Один из черноликих эльфов достал из ножен пару коротких широких клинков, которыми с равным успехом можно было рубить как молоденькие деревца, так и шеи противников, и отправился проверять, что же там шуршит, а заодно и по дрова, если ничего опасного не обнаружится. У меня возникло впечатление, будто у спутников принцессы подобные выходы — это норма. Они так устали от своей подопечной, что теперь хватаются за любую возможность избавиться от своей участи. В том числе и за возможность бессмысленной, но героической смерти в бою с неведомым созданием Запретных земель. Хотя есть ли на самом деле Смерть в пределах Запретки? Кажется, что она только гость здесь...

Чернокожий шагнул за границу освещенного круга и слился с темнотой и лесом. Несколько мгновений липкой тишины, а затем раздался тихий возглас и скрежет металла о металл, на редкость громкий и противный. Принцессу, сидящую у костра, передернуло, она с нарочито брезгливой физиономией заткнула уши и отвернулась. Похоже, что судьба охранника несколько ее не волновала. Я же осторожно сжал руки на рукояти эсси. Телохранители не отреагировали на это никак, и это уже их проблемы.

Узор на клинках эльфа загорелся неровным зеленым светом, позволяя видеть его местонахождение и оценивать скорость его движений. Противостояла ему яркая алая точка, рисующая в воздухе причудливые кривые. Несмотря на все свое старание, эльф был вынужден отступать обратно к костру. На мгновение он вернулся в освещенный круг, упав на колени, но тут же бросился обратно во тьму. В воздухе послышался слабый запах крови, от которого мой желудок скрутился в тугой узел. Похоже, что телохранитель принцессы имеет все шансы найти ожидаемую им смерть. Ну же, идиоты, подарите этой схватке еще немного своего внимания — и живыми вы не уйдете!

Скрежет и лязг оружия стал еще громче, эльф снова был отброшен в круг света, и за ним на мгновение вошел пришелец — чтобы тут же быть отесненным обратно, но я все-таки успел его узнать. Вернее, ее.

Черная вязь татуировки на узком белом лице, огромные глаза, кажущиеся бездонными дырами, плотно сжатые губы. И, конечно, уникальный браслет, пульсирующий алым светом на запястье. Квэли радостно порхал, сбивая атаки широких клинков, что злило телохранителя принцессы еще больше и заставляло совершать ошибки, благодаря которым запах его крови становился все сильнее.

Я с облегчением выдохнул.

Алессьер наконец-то вернулась!

Защитник честно выполнил свою часть договора. Мы с Лесс снова вместе. И с учетом того, что у нее есть Фэй, у нас существуют все шансы не быть утыканными стрелами. Впрочем, не знаю, насколько хорошими стрелками являются темнокожие эльфы. Вон темнокожие люди, скажем, традиционно лучше бегают, чем стреляют.

Но все же этот бардак необходимо прекращать.

— Из-за чего ссора? — крикнул я, пытаюсь привлечь к себе внимание дерущихся. Их срочно нужно разнять, пока остается еще хоть какой-то шанс на мирное разрешение ситуации. Если по Лесс будут стрелять, то она может и не увернуться.

— Прекратите драку! — Принцесса, наконец-то сообразив, что шансы на победу у ее спутника неуклонно стремятся к нулю, вскочила и слегка вихляющей походкой направилась к противникам, абсолютно игнорируя свистящие в воздухе клинки. Видимо, расчет был на то, что при одном виде ее сияющего светлейшества²⁰ бой мгновенно прервется и драчуны начнут ронять слюни, направив взоры и помыслы к бюсту таранного размера. — Немедленно! Или я за себя не отвечаю!!!

Расчет не оправдался, а грудь эльфа украсил короткий порез.

— Леди, может быть, вы грудью встанете на защиту своего защитника? Она у вас бронированная, не жалко, — ухмыльнулся я, подталкивая принцессу вперед. Если она сдохнет, то мне, кажется, только спасибо скажут...

— А ты вообще не лезь! Совсем мужчин не осталось нормальных, все приходится делать самой! — Принцесса раскинула руки, начиная читать по памяти какую-то бормоталку, но не учла, что оказалась непозволительно близко к дерущимся. Сперва чернокожий бесцеремонно отпихнул Мерилейн с дороги, уклоняясь от клинка сидхе, а в следующую секунду Лесс, перепрыгнув через упавшую на задницу принцессу, бесцеремонно вздернула ее на ноги и выставила перед собой в качестве щита.

Скрежет широкого меча о стальной бронелифчик был заглушён испуганным визгом принцессы. Мне показалось, что клинок и по принцессе проскользнул, не оставив следа. Магия или обман зрения? Сидхе поморщилась и передавила девице горло, прижав к нему запястье. Визг сменился хрипом, но через несколько мгновений наступила долгожданная тишина.

— Вот видите, встать грудью на защиту удалось в полной мере, — ухмыльнулся я, радуясь такому разрешению ситуации. — Лесс, позволь представить тебе принцессу Мерилейн Гравимейрскую, которая навязывает нам услуги проводника. Думаю, она уже оценила твои дружеские объятия, и можно продолжать переговоры с того момента, на котором они окончились.

— К крайну таких проводников, — выдохнула сидхе, даже не думая отпускать принцессу и не сводя взгляда с застывшего в двух шагах от нее чернокожего эльфа, опустившего меч. Левое запястье спутника принцессы кровоточило, тягучие, остро пахнущие железом капли скатывались на землю, превращая относительно безопасную прежде полянку в манок для местной хищной живности. — Этого дроу я прикончу прямо здесь, если не хочу проснуться с перерезанным горлом.

Дроу?! Теперь ясно, почему я сразу понял, что это эльф, пусть и чернокожий! Впрочем, они же вымерли давно. Настолько давно, что я даже не помню источника их силы. Интересно, как они в здешних местах оказались? Тут был их последний анклав? Или Запретка превратила в дроу какого-нибудь несчастливца? Увы, тут я до истины не докопаюсь.

— А с остальными что ты будешь делать? — спросил я, крепче сжимая рукоять эсси. Если мы сейчас не разойдемся миром, их всех придется убивать, и очень быстро. Одна радость — ночью пользоваться Тенью проще, но все равно сил может не хватить.

— Их доедят без нашей помощи, — цинично отозвалась Лесс, поднимая квэли. Принцесса задергалась, замахала руками, видимо решив, что есть ее будут прямо сейчас, и полузадушенно выдавила:

— Не смейте. Дровик вас не тронет, иначе крупно пожалеет! Брось оружие, я приказываю!

²⁰ От самомнения, достойного эпоса, конечно же принцесса слабо светилась в темноте.

Удивительное дело, но чернокожий послушался. Правда, лицо его исказила такая гримаса, что я понял: в тот миг, когда принцесса утратит власть над своим спутником, смерть ее будет долгой и мучительной. Заслуженной.

Алессьер толкнула девушку в объятия дроу и медленно отступила ко мне, все еще держа свой квэли наготове.

— Идем отсюда. Я порезала этого мерзавца, а это равносильно обеденному гонгу для местного населения. Мне не хочется присутствовать на их подготовке к трапезе.

— Ты думаешь, что эти так легко от нас отвяжутся? — с сомнением уточнил я. — Мне кажется, что ты недооцениваешь принцессу и ее спутников.

И в этот момент меня начала отпускать та смесь напряжения и вялости, которая владела мной с момента пробуждения. Теперь мне не придется больше возиться с амуницией Лесс, чувствуя себя черепашкой, не нужно будет искать возможности с ней встретиться. Можно просто ухватить свою женщину в охапку и наконец-то выбираться из этих забытых всеми приличными и светлыми богами Запретных земель. Можно...

Я почувствовал, как кровь кипит в жилах. Ночной лес расцветал новыми красками и запахами. Тень покорно отзывалась на мое состояние, с легкостью пробуждаясь. Если будет нужно, то телохранители принцессы не успеют и слова сказать! Прекраснейшее ощущение могущества, наполняющее каждую клеточку моего тела.

Лесс вернулась, и это прекрасно! И, как я чувствую, общение с принцессой лучше прекратить до утра... или до того момента, как я успокоюсь. Я почувствовал, как заостряются мои когти.

— Это ты недооцениваешь местную живность, — усмехнулась сидхе, забрасывая квэли в ножны и хватая свой рюкзак, лежащий у костра. — Фэй рекомендует залезть повыше и сидеть там потише. Возможно, стоит кому-нибудь помолиться, вдруг поможет.

— Куда вы так быстро?! — взвизгнула принцесса, когда я подхватил наши пожитки и последовал за Лесс. — Я еще не рассказала вам своей родословной!

— А не пошла бы ты... — тихо прорычал я, — истреблять всяких чудищ. Если тебе это так нравится, как ты хвасталась. Есть еще множество прекрасных занятий, которым ты можешь отдать себя на ближайшие пару часов. А пока проваливай, высочество, пока у тебя не кончились телохранители!

Странное дело, стоило мне почуять эту компанию своей Тенью, как я отметил не только полную незащищенность перед ней телохранителей принцессы, но и иммунитет самой Мерилейн. Похоже, что девчонка обладает каким-то из вариантов неуязвимости.

Увидев легкое недоумение на моем лице, принцесса вновь собралась сразить меня речью, но я легким ударом ладони захлопнул ее приоткрытый рот. Ощущение было такое, будто я бил каменную статую. Еще один кусочек к загадке принцессы.

— Тренируйте терпение, вашество. Сейчас я занят. Но если вам действительно хочется продолжить общение со мной, то думаю, что мы еще увидимся. У этого места свои законы.

Я повернулся спиной к принцессе и ее телохранителям. Почувствовал, как они синхронно положили стрелы на тетиву, и сломал луки Тенью. Это не потребовало почти никаких усилий и произвело достаточное впечатление: преследовать нас никто не стал.

Не знаю, каким чутьем руководствовались Лесс или же Фэй в выборе места стоянки, но мы вернулись к тому дереву, на котором я куковал стараниями Защитника. После ухода Мерилейн созданная им защита снова заработала, окружая дерево едва-едва заметным голубым свечением.

Лесс забралась на дерево первой, найдя достаточно прочную ветку на большой высоте, укрытую кроной. Как только я залез следом, она прижала палец к моим губам, видимо думая, что я буду шуметь и привлекать к нам внимание. Зачем?

Земля неподалеку от нас и так сильно тряслась, будто там устроили пьяное гульбище эллины. И мне не хотелось проверять, что на самом деле заставляло землю дрожать. Тем более что укрепленное магией дерево почти не качалось. Сейчас меня интересовало одно — вернувшаяся обратно *моя* женщина.

Огонь, заполнивший мою кровь, требовал выхода. И этот выход у меня был.

Я осторожно поцеловал палец своей сидхе, схватил ее за запястье, отводя руку от своего рта и прижимая к дереву. Крепко, жадно поцеловал свою женщину в губы. Глаза сидхе широко распахнулись от удивления, но через пару мгновений она ответила на поцелуй с не меньшим жаром, прикрыв глаза. Я почувствовал, насколько она напряжена на самом деле. И насколько по мне соскучилась.

В некоторые моменты желание становится таким большим, что вытесняет все, и восприятие переключается. Описать то, что чувствуешь, становится практически невозможным. Жизнь превращается в набор мгновений, сменяющих друг друга в безудержном танце.

Поцелуй прекращается, и мы никак не можем отдышаться.

Движением когтя так легко распороть ее штаны по паховому шву, чтобы оценить, насколько по мне «скучали». Дурманивший запах желания.

Когда я успел прижать ее к дереву, зажав рот рукой?

Нас не услышат, никто не услышит!

Никто, кроме меня, не будет чувствовать ее... так!!

Изумительный жар ее тела, обоюдное напряжение...

Кажется, она впилась в меня зубами... да! Я хочу... чувствовать... так!

Браслет пульсирует алым цветом, в такт моим... нашим движениям!

Алое сияние окрашивает в розовый бледные щеки сидхе, выхватывает из темноты ряд украшений на качающихся, подобно маятнику, косичках. Трилистник в волосах с двумя светлыми и темным камнем. Это важно! Причина...

Но потом!

Сейчас самое важное — ловить ее дыхание и отвечать своими порывами...

Пока мир не утонет в яркой вспышке...

Сознание возвращалось постепенно.

И первое, что я вспомнил, после того как полностью пришел себя и поцеловал довольную Лесс, была некая несообразность, на которую я обратил внимание минутами ранее. Прежде, еще перед нашим расставанием, на трилистнике в ее волосах все камни были однотонными, зелеными.

Сейчас же один из них был рубиново-красным. Как прекрасная артериальная кровь.

Конечно, моя память вся в провалах, и я забыл многое из того, что должен был помнить, и из того, что помнит мой Шепчущий. Но есть вещи, которые я не смогу забыть даже если очень-очень сильно захочу. И среди этих вещей — те дни, когда я по частям обретал свою Тень.

Один из них я уже недавно вспоминал...

Второй же, как оказывается, произошел совсем-совсем недавно. Хотя для меня это было еще почти детство. Единственное, что меня тревожит, так это то, что когда я, весь израненный в результате победы как над прежним носителем Тени, так и над существом, смертность которого пришлось доказывать в очень тяжелой схватке, выбрался на берег того озера, я был уверен, что оно уже не является частью запретной зоны. Или я ошибался, или она начинает распространяться и во времени. И то и другое удручает, но...

Меня спасли, это я помнил. Детали произошедшего канули в глубокую мглу забвения, но когда я очнулся, во рту стоял сладостно-приятный вкус чужой крови, которой меня поили, будто бы живой водой.

Думаю, что Алессьер права — утро вечера мудренее. Если я буду выпрашивать у Шепчущих среди ночи ответы на свои вопросы, то до Столицы точно не дойду — моя телохранительница убьет меня раньше за очередное внеплановое свидание со своим прошлым.

Лесс же спокойно спала на ветке. Любовь к деревьям в крови, кажется, у всех эльфов. Вне зависимости от того, чем они прославились впоследствии...

Что же, стоит к ней присоединиться.

Надеюсь, что день расставит все по своим местам.

*Каждый, кто утверждал, что нельзя войти в одну реку дважды,
никогда не пробовал вернуться к истокам.*

Из летописей Дома Хранителей

Алессьер

Всего неделя! Осталась всего неделя!

Этой фразой Фэй разбудил меня ранним утром, которое в Запретных землях почти ничем не отличалось от сумеречного вечера — разве что серый свет, кое-как пробивающийся сквозь густую туманную пелену, становился все ярче, а не угасал, погружая покореженный лес в чернильную мглу.

Семь дней, чтобы добраться до сигнального пика и встретить Дрейка и его команду! Горы совсем близко — с ветки дерева уже хорошо видны сиреневые вершины, проступающие сквозь туманную дымку. Но до них еще нужно добраться, не попав в пасть какой-нибудь вычурной твари, устроившей засаду в кустах. К тому же мало просто добраться до входа в пещеру, один из естественных туннелей которого плавно переходит в рукотворный коридор второго уровня сидхийской Столицы. Нужно еще не потеряться внутри подземного города и выйти, куда полагается, не столкнувшись ни с патрулем Танцующих, ни с охранниками, а это будет ничуть не проще, чем пересечь Запретные земли.

Честно говоря, я думала, у нас будет больше времени, что совместных усилий нашей маленькой, но отчаянной группы хватит на то, чтобы успеть вовремя, но все планы и графики поломала Запретка, которая сама по себе являлась чистойшей воды парадоксом и не признавала никаких разумных ограничений.

«Удивительное дело, насколько спешка проясняет тебе голову, — занудно проскрипел Фэй, легонько нагреваясь у меня на запястье. — Или не в спешке дело, а в бурной радости от встречи с последним из д'эссайнов? Между прочим, штаны у тебя до сих пор разорваны в самом непотребном месте, и я тебе порекомендовал бы переодеться прежде, чем слезать с дерева».

А просто так зачаровать прореху нельзя?

«Можно, — саркастически отозвался браслет. — Но если тебя внезапно накроет какой-нибудь ерундой, развеивающей маломощные заклинания, ты окажешься в прямом смысле с голой задницей перед врагом. Оно тебе надо?»

Ты так говоришь, будто бы слой ткани спасет меня от чьих-нибудь нетерпеливых зубов.

«Если это будут зубы мутировавшей пиявки, то ты хотя бы успеешь ее отодрать с минимальным ущербом для здоровья».

Я представила картинку, и меня передернуло. Умеет же мой милый, добрый и заботливый «хранитель» обосновывать свои рекомендации! Тут уж захочешь — не откажешься.

Переодевание, в результате которого изодранный и потертый скалолазный костюм отправился в рюкзак, заняло совсем немного времени, благо Дрейк снабдил меня прочными и добротными вещами из личных запасов, которые подгонялись по фигуре с помощью кожаных ремешков. Куртку тоже пришлось сменить, потому что, когда я уже намеревалась ее набросить поверх плотного жилета, выяснилось, что зачарованные Фэем дыры и потертости на спине, полученные во время сольных походов по Запретным землям, благополучно расплзлись. То же самое случилось и с любимыми сапогами на шнуровке, пришлось довольствоваться запасными, с высоким голенищем и небольшим кармашком с внутренней стороны для метательного ножа.

— Мы куда-то спешим?

Я подняла взгляд от подранной куртки, из кармана которой как раз показалась

сапфировая звезда, подаренная сидхийским «торговцем» из порушенного Дрейком Иррестана, и посмотрела на сонного Джерайна. Удивительное дело, но д'эссайн выглядел одинаково ленивым, просыпаясь и на удобной двуспальной кровати, и у походного костра, и на дереве, растущем посреди Запретки.

— А то, — продолжал он, — я все толком рассмотреть не успел.

— Мне кажется, что ты еще на «Птице» все и рассмотрел и ощупал, — улыбнулась я, пряча украшение в нагрудный карман куртки и застегивая клапан. Надела перевязь с квэли, подтянула слегка распутившиеся ремешки, проверила, легко ли клинки выскальзывают из ножен, и только после этого вздохнула свободнее. — Фэй сказал, что у нас до запланированной с Дрейком встречи осталась всего неделя, и у меня нет уверенности, что мы успеем в срок, вот и все. А опаздывать я не люблю. Между прочим, у меня есть для тебя небольшой сувенир.

С этими словами я выудила из кармашка куртки ту самую пластинку с иголочками и тонкими металлическими нитками, подобранную среди костей сидхе в норе, куда меня затащило порождение Запретки, и протянула ее своему спутнику. Тот принял подношение, с интересом покрутил в пальцах и сунул в один из кармашков на поясе со словами, что такую вещь нужно исследовать не на ветке, а в мастерской, желательно обладая хорошим запасом свободного времени и инструментов.

— И между прочим, время в местных землях — это такая смешная веревочка, завязанная узлом. На ней можно повеситься, в ней можно заблудиться, а один наш общий знакомый показывал, что даже умеет ее разрубать. Конечно, задерживаться тут не стоит. Но торопиться, как мне кажется, бесполезно. — Д'эссайн сладко, с хрустом потянулся, как большой и совсем не домашний кот, глубоко вздохнул и сел, свешивая ноги с ветки. — Что же касается того, что я наблюдал и щупал, то смею тебя заверить: некоторыми вещами хочется наслаждаться вечно!

— Не хочу тебя обидеть, но вечность в пределах Запретных земель вряд ли может быть приятной, вне зависимости от компании. А уж с местными странностями со временем я успела познакомиться самым тесным образом. Если расскажу — не поверишь. — Я сняла рюкзак с ветки, пристраивая его за плечами, и окликнула задумавшегося о чем-то своем артефактора: — Джер, ты идешь? Или мне сходить за принцессой, чтобы убедить тебя покинуть это чудесное дерево?

Похоже, что вчерашняя девица с разноцветными волосами настолько впечатлила д'эссайна, что с дерева его попросту сдуло будто ветром, да так быстро, что разговор он продолжил, уже находясь внизу и шутливо протягивая ко мне руки, будто бы предлагая прыгать:

— Почему не поверю? Поверю, только принцессы сюда не нужно. Рассказывай, благо время на разговоры у нас с тобой еще есть. Спустишься сама или тебе помочь?

Я с сомнением покосилась на артефактора, покачала головой и предпочла слезать самостоятельно, не слишком надеясь на странные захваты с цепочками, которые Джер еще в начале нашего первого совместного путешествия прикрутил к металлическим браслетам.

— Будешь смеяться, но я там столкнулась с Дрейком и наставила его на путь истинный, выдав ему тот самый нож, который он сам вручил мне на корабле. Похоже, что меня вынесло в момент, когда наш боевой вампир в одиночку шатался по Запретке, уже дичая и не особо разбирая дорогу. — Я осмотрелась и неторопливо пошла по узкой полоске примятой травы, ведущей куда-то в кусты. Белесый маячок, сотворенный Фэем, плыл в пяти шагах впереди, указывая путь к горам, до которых осталось всего ничего. — Знаешь, мне интересно, куда Дрейк потом этот нож дел. Потерял или все-таки в какой-то момент этих ножей стало два?

— Или так, или он этот ножик тебе и отдал, — равнодушно ответил Джерайн, пожимая плечами и следуя рядом со мной. — К сожалению, все, что ты видела, произошло уже после моей «смерти», поэтому я могу только гадать. Может быть, этот ножик благодаря влиянию Запретки стал уникальным вневременным артефактом, созданным неизвестно где и неизвестно когда, существующим в строго отведенный ему временной период... Или же ты

еще увидишь у Дрейка два ножа. Кто знает? Реальность — это очень пластичная штука.

— Странно, что храбрый капитан корабля не поделился с нами своими воспоминаниями о Запретных землях. — Я пригнулась, уклоняясь от внезапно ожившей ветки, рассекшей воздух над моей головой с резким, громким свистом, но даже не успела достать кväli, как и «ветка» и здоровенный нарост на стволе дерева осыпались черным вонючим пеплом после меткого выстрела Фэя.

«И вовсе это была не веточка, — мрачно отозвался в моей голове браслет. — Больше похоже на насекомое с непомерно загребущими и длинными лапками».

Гадость.

«Полностью с тобой согласен».

— Она же разная! — возмутился Джер. — Запретка неоднородна, тут повсюду происходит всякая ерунда. Ну а то, что Дрейк из своего похода вышел один, — это вообще общеизвестный факт! Даже я об этом уже знаю, хотя и пропустил столько всего. Чем он мог поделиться? Тем, как его кушали?

— Ну, хотя бы тем, что здесь есть дорога, на которую если попадешь — можно выйти туда, куда тебе надо. На нее, кстати, я его и направила, и неудивительно, что он в конце концов выбрался. — Я ускорила шаг, прислушиваясь к обступившей нас тишине, которая понемногу таяла, становясь больше похожей на обычную тишину обычного леса. Скоро, совсем скоро горы, а у их границы Запретные земли заканчиваются. По крайней мере, раньше заканчивались, будто бы Северные Хребты обведены магическим кругом, не пропускающим за невидимую границу чудеса и ужасы Запретки. — Между прочим, выяснилось, что мы с Дрейком шатались по этому чудному парку примерно в одно время, только он выбрался раньше, а я застряла на полдороге с одним эльфом, будь он неладен.

— Дорога — это не совсем местное образование. И ей, как мне кажется, совершенно плевать, где проходить. И, к слову, в одно и то же время тут гуляли не только сидхе, эльфы и вампиры, но и я, и где-то здесь бродила странная принцесса. Тут многое происходит в одно и то же время. — Джер выглядел совершенно спокойным, казалось, что тишина вокруг его совершенно не волновала. — Я бы даже сказал, что Время само по себе здесь редкий и очень ленивый гость.

— А ты сам-то чем развлекался, пока меня не было? — ненавязчиво поинтересовалась я, выбираясь на берег мелкой, но широкой речки с совершенно прозрачной, быстро текущей по округлым камешкам водой, в которой ничего подозрительного на первый взгляд не водилось. — Ограничился общением с Мерилейн или чего попроще?

«Я тебя удивлю, но в этом ручейке действительно ничего нет. Совсем. Даже мальки и головастики этой чудесной водичкой брезгуют, что странно».

Но так не бывает.

«Если бы у меня были руки, я ими развел бы. Но рук у меня нет, времени проводить обстоятельный анализ — тоже. Могу только заявить, что это не кислота и не отравка, но пить ее все-таки не рекомендую и переходить вброд тоже советую с осторожностью».

Пока я размышляла, стоит ли искать обход или все-таки рискнуть перейти ручей по черным угловатым камням, похожим на обломки скал, хаотично разбросанных по руслу, Джер задумчиво кинул камешек в речку. Не меняя выражения лица, пронаблюдал за холодной голубой вспышкой, в которой исчез испытательный снаряд.

— Чем развлекался я?.. Ну как бы сказать попроще и покороче? Как всегда: немножко меня убивали, немножко я любовался пейзажами, немножко ссорился с принцессой. Кушал, к моему искреннему сожалению, тоже немножко.

— Не хватило еды в моем рюкзаке, или ты про нее попросту забыл? — улыбнулась я, взбираясь на ближайший камень и перепрыгивая с него на следующий, узкий и заостренный сверху наподобие пики.

Тонкое каменное острие больно вдавилось в ступню даже сквозь подошву сапога, и я скакнула вперед, аккуратно приземляясь на плоский, как стол, камень, едва возвышающийся над поверхностью воды. Еще несколько попыток изобразить из себя лягушку, и я оказалась

на другом берегу, поросшем совершенно обыкновенной травой, из которой выглядывали бледно-розовые головки клевера. Солнечные лучи, пробившиеся сквозь медленно рассеивающуюся туманную пелену, косыми золотистыми клинками ложились на полянку, превращая капельки росы в искрящиеся самоцветы, а свежий ветер, дующий в лицо, оказался до дрожи приятным после духоты Запретных земель.

Неужели выбрались?

«Не хочу тебя разочаровывать, но еще не совсем, — отозвался Фэй после недолгого раздумья. — До магической границы, которую ты упоминала, еще несколько верст, но здесь Запретные земли еще не слишком сильно изменены. Конечно, какая-нибудь дрянь тут еще наверняка водится, но, по крайней мере, она уже не должна маскироваться подо все кочки, ветки и кусты».

Спасибо, утешил.

«Рад стараться».

Я усмехнулась, дожидаясь, пока д'эссайн не приземлится на берегу реки рядом со мной, воспользовавшись ближайшим деревом в качестве опоры для одного из тросов с захватами, расправила плечи и быстрым шагом направилась за плывущим в воздухе Фэевым «маячком», указывающим направление к Северным Хребтам. К той точке на карте, которую я обозначила еще на «Птице».

К «черному входу» в сидхийскую Столицу.

Историки утверждают, что горы, опоясывающие южную границу сидхийского государства, не всегда были такими величественными и высокими. Когда-то давно, когда сидхе еще не отделились от светлых эльфов и жили по всему континенту, Северные Хребты являлись всего лишь небольшой цепью скал, отделяющих плодородные равнины от скудных и холодных долин на севере, простирающихся до моря, покрытого льдами. Священные места, целиком и полностью отданные во владение Древним. Попасть к ним без приглашения было невозможно, попытаться захватить — безумно и бесперспективно, а наладить сотрудничество не удалось, поскольку у тогдашних народов не нашлось ничего, что можно было бы предложить в обмен на крупицу мудрости и великих знаний.

Говорят, первые д'эссайны пришли именно оттуда, из страны Древних, и потому были наделены знаниями для создания невиданных артефактов и волшебных мечей, не подчинявшихся никому, кроме их владельцев. Новый семипалый народ очень быстро расселился по континенту и начал устанавливать свои правила, охотиться и процветать, возводить города и всячески теснить прежних хозяев равнин. Кто-то попытался сопротивляться и объявил *детям Ужаса* — так д'эссайнов первыми называли светлые эльфы — войну, кто-то покорно встал на колени, благоразумно считая, что семипалые хозяева нанесут куда меньший ущерб численности населения, нежели затяжные боевые действия, а кто-то затаился, выжидая подходящего момента.

Он настал, когда скалы Северного Хребта за одну ночь выросли вдвое, превратившись во внушительную горную цепь, изрезанную перевалами и глубокими ущельями; когда равнины содрогнулись от края до края, и плодородные земли на севере вначале потрескались, а потом оказались затянуты густым серым туманом. Именно тогда орочьи шаманы начали распространять известие о том, что великие Древние ушли навсегда, оставив детей Ужаса без присмотра и поддержки.

Страшное, смутное время.

На д'эссайнов объявили охоту. Те государства, которые оказались посмелее и посообразительнее, начали объединяться и изгонять со своей территории семипалых хищников, а тех, кто отказывался покинуть обжитую территорию, вырезали люто и беспощадно. И никто не обращал внимания, что один убитый д'эссайн забирал с собой на погребальный костер полтора десятка светлых эльфов и еще больше людей — объединенные общей ненавистью и страхом народы не считали потерь, мечтая поскорее избавиться от захватчиков.

Шли годы. От светлых эльфов, так и не преуспевших в создании воинов, способных выйти один на один с д'эссайном и остаться победителем, отделился крупный клан, чьи потомки впоследствии стали сидхийским Домом Хранителей. Клан, который назвал себя *детьми Ночного Солнца*, отказался от магии светлых и ушел на север, повинаясь приказу новоизбранной Богини. И не зря: Богиня Смерть открыла своим последователям тайны, ранее недоступные ни светлым эльфам, ни даже д'эссайнам, и среди них — тайну о том, как можно превратить обычного эльфа в существо, способное выиграть поединок с сыном или дочерью Ужаса. Их называли Танцующими — в память о том, первом, который стал избранником Богини Смерти и основал училище для воинов, отобранных для сражений с д'эссайнами.

А потом пришел Равен, и мир в очередной раз передернуло от страха, затопило кровью битв и затянуло дымом пожарищ. Тогда почти все народы отложили междоусобные стычки, забыли о клановых войнах и объединились против одного общего врага, целью которого был не захват новых территорий и не обогащение за счет грабежа, а полное уничтожение всех — и тех, кто не покорился, и тех, кто опустил на колени. Танцующие сидхийские воины сражались плечом к плечу с д'эссайнами на передовой, лесные эльфы с орочьими шаманами плели общие заклятия на поле боя, а люди и эттины крепко держали тылы, защищая города, в которых собрали стариков, женщин и детей со всех окрестных поселений. Ни одна жизнь не была потрачена зря, ни одного живого пленника не оставили Равену при отступлениях, ни один предатель не успевал добраться с донесением. И когда наконец-то Равен был повержен, а черная тень его царствования отступила от континента, было заключено Великое Перемирие народов.

К сожалению, Договор Перемирия не означал наступления всеобщего братания, он просто обозначил для народов срок, на который были запрещены любые войны. Все государства понесли потери, а место последней битвы с Равеном и вовсе обратилось в выжженную дотла пустыню, залитую кровью и усеянную костями павших с обеих сторон.

Народам нужно было время, чтобы прийти в себя, восстановить разрушенное и создать новое. Наземная сидхийская Столица была уничтожена почти полностью, остались только развалины, пропитанные остатками заклинаний и потому притягивающие к себе нежить, как падаль — стервятников. Жить в ней было невозможно, и народ ночных эльфов после недолгого совещания удалился под землю, в город Древних за Северными Хребтами, оберегаемый бессмертным стражем. Из разрушенной Столицы сидхе сумели перенести лишь оплавленный боевым заклинанием трон последнего короля, и он до сих пор стоит в одном из парадных залов императорского дворца как вечное напоминание потомкам о том, что никогда не должно повториться.

Все это я рассказывала, сидя у разложенного на камнях походного костра у подножия горы, откуда уже был виден темный вход в нужную пещеру, расположенный высоко над головой. Добраться туда можно было по узенькой тропке, больше похожей на заросший кустами акведук, прилепленный к скале, либо попытаться взобраться по отвесной стене с небольшим козырьком, нависающим прямо над нашей стоянкой. Так или иначе, было принято решение сначала немного отдохнуть, перекусить, а там уже решать, как взбираться, тем более что солнце еще только клонилось к закату и были все шансы успеть с подъемом до темноты.

— Красивая легенда, — согласился Джерайн, жадно поглядывая в сторону разогревающегося над костром солидного куска мяса, выуженного из моего рюкзака. — Стройная и почти внутренне непротиворечивая, роняющая свет на некоторые забавные нюансы, но притом очень далекая от истины. Я тоже такие рассказывать люблю.

— Историю пишут победители, ты же сам это знаешь. — Я выудила на свет плотно закупоренную кожаную флягу, кое-как выдернула пробку и понюхала содержимое. — Ого, да Дрейк, не иначе как в медицинских целях, выдал нам коньяк о-очень большой выдержки. Он, пожалуй, постарше меня будет.

— В медицинских целях, думаю, он нам спирту не пожалел. В медицинских же

количествах, — ухмыльнулся д'эссайн. — Коньяк — это средство для моральной поддержки и лечения душевных ран. Вот только сомневаюсь, что он нам сейчас нужен. Хотя... — Он посмотрел на меня, вскинув бровь, и я, торопливо заткнув флягу пробкой, сунула ее обратно.

— Только не перед подъемом. Еще не хватало по пьяни сверзиться вниз и сломать себе шею. После того чего мы с тобой натерпелись в Запретных землях, такая глупая и недостойная смерть будет слишком обидным финалом. Нам потомки не простят.

— У нас их тогда не будет, — развеселился Джер. — Так что коньяк будет ждать наших успехов. Вот если бы я увидел лепешку на месте Мерилейн, я бы с удовольствием выпил за помин души.

— Чур меня! — Я суеверно сплюнула через плечо и постучала по ветке, приготовленной для поддержания огня. — Вот только этой чокнутой нам и не хватало для полного счастья. И, между прочим, у меня-то уже есть дочка, а вот насчет твоих потомков — большой вопрос. Ты пару месяцев назад с голодухи в каждой деревне в женской компании сеновал посещал, кто знает, вдруг там через полгода родятся очаровательные семипалые малыши?

— Не должны. У нас просто так дети не появляются, — поспешил откреститься мой спутник. — Только по особому желанию и с особым партнером.

— Это как у вампиров, что ли? — поинтересовалась я, доставая из-за голенища небольшой нож и тыча им в мясо, висящее над огнем. Еще немного, и можно ужинать. Конечно, лезть на скалу на полный желудок — идея не самая лучшая, но на голодный — еще хуже.

«Не совсем, — не преминул влезть в разговор слегка успокоившийся после выхода из Запретки, а потому значительно повеселевший Фэй. — Д'эссайнам нужно подготовить своего партнера, чтобы семя могло укорениться, и это делается через ритуальный порез или неглубокий укус. На подготовку требуется от одного до трех дней, зато после этого беременность гарантирована в девяти случаях из десяти с первой же попытки».

— Нет, не так. Вампиры размножаются ритуалами, а д'эссайны — спорами. Спорим, что у нас лучше выходит? — спросил Джер, подмигивая, а затем достал нож и, не дожидаясь, пока мясо как следует разогреется, ловко отхватил себе кусок, попутно едва не свалив все остальное в золу. Хорошо хоть, что падающий вертел, сооруженный из обструганной веточки, успели вовремя поймать.

— Ну, устрой как-нибудь с Дрейком соревнование, а я буду независимым арбитром, — хмыкнула я, снимая вертел с огня от греха подальше и начиная срезать кусочки мяса на одну общую походную тарелку.

Джерайн чуть не подавился, стукнул себя пару раз кулаком в грудь и поднял слегка ошарашенный взгляд.

— Э-э... Я немного не понял — что именно ты мне предлагаешь?

— Всего лишь кушать помедленнее, иначе кусок не в то горло попадет, — мило улыбнулась я, оставив вопрос без ответа. — Между прочим, мы сейчас находимся возле местной достопримечательности и на закате сможем наблюдать очень интересное зрелище.

— Это зрелище имеет отношение к темам беседы? — спросил Джер с явным подозрением в голосе. — Или оно из тех, которые нужно созерцать, расслабившись?

— Полагаю, скорее второе. Посмотри во-он на ту вершину. — Я указала ножом в сторону одиноко выдвинувшейся вперед скалы. — Видишь, там одна сторона будто стесана, и на ней выбит барельеф — скованная женщина в объятиях мужчины? Этот барельеф называется «Вечная любовь», и когда-то давно, еще до Равеновой войны, сидхе запечатлели в нем одну весьма поучительную историю.

Я отложила в сторону нож и пододвинула тарелку поближе к д'эссайну, мечтательно глядя на сверкающие в лучах закатного солнца линии барельефа. Сидхе выложили их горным хрусталем, бериллами и кварцем, чтобы запечатлеть во времени мрачную высокую фигуру мужчины в одеждах первых жрецов Богини Смерти и хрупкую женщину,

спрятавшую лицо на груди любовника. Тонкую талию женщины холодной змеей обвивала искрящаяся золотом цепь, она притягивала ее к жрецу, оборачивала обоих нерушимыми узами.

История та была о верности и большой глупости. О том, что у одного из первых жрецов Богини Смерти была супруга — прекрасная, как луч солнца, светлая эльфийка, не сумевшая оставить своего мрачного мужа, когда тот ушел из благословенных лесов вслед за кланом Ночного Солнца. Не смогла оставить и позже, когда он отдал ее, как самое дорогое, в дар Богине, которой трепетно и верно служил долгие годы. Но когда пришло ее время умирать...

— Когда пришло ее время умирать, — задумчиво продолжила я, барабанила пальцами по колену, — жрец понял, что не в силах отпустить свою супругу. Он провел ритуал Богини Смерти и вернул возлюбленную из мира мертвых, привязав ее душу к своей жизни, проживая год за два. Он держался за свою супругу столь сильно и любил ее столь слепо, что не сразу осознал, что женщина сама хочет уйти в Вечность. Хочет и не может. Впрочем, Богиня редко прислушивается только к одному из своих служителей, забывая о втором. Во время одного из молений в храме светлая эльфийка возвала к безмолвной госпоже о милости, упрасывая ее не дать нарушиться естественному кругу жизни и послать ей возможность обрести покой. И Богиня дала ей желаемое — с каждым закатом душа супруги того жреца покидала тело и уходила в Вечность, возвращаясь лишь с рассветом. Сидхе, которые построили этот барельеф, крепко усвоили урок о том, что любовь не имеет права быть вечной насильно, и потому на закате барельеф изменяется: изображенная на нем женщина постепенно выскальзывает из цепей и превращает свои руки в крылья, а лицо обращает на запад, уходя вслед за солнцем...

— Ты хочешь сказать, — спросил Джерайн, восхищенно разглядывая произведение сидхийских скульпторов, — что мужик каждую ночь ложился в одну постель с трупом?

— Скорее, каждую ночь он молился, упрасывая Богиню вернуть ему жену, — пожала плечами я. — Знаешь ведь поговорку о том, что сон — это маленькая смерть? Ну, вот его жена и засыпала каждый вечер, и никто не знал, проснется ли она утром. В конце концов, жрец не выдержал этой пытки — все же терять любимую снова и снова врагу не пожелаешь — и когда солнце в очередной раз село, а его супруга испустила последний вздох, он лег с ней рядом и пронзил свое сердце ритуальным ножом. Тем самым, с помощью которого он когда-то вернул свою возлюбленную к жизни. Судя по тому, что утром они оба остались мертвы, Богиня наконец-то приняла их обоих в Вечность.

— В общем, все хорошо, все умерли, — подытожил д'эссайн. — Мрачные у вас легенды, ничего не скажешь.

— А чего ты ждал от народа, который откололся от светлых эльфов ради служения самой Смерти? Веселых сказочек на ночь? — хмыкнула я, отправляя в рот кусочек мяса, который успел порядком подостыть.

— Почему бы и нет? Вон ледяные тролли — тоже сперва вырвут ноги по самые уши и лишь затем пробуют разговаривать. Но зато хмельные напитки у них самые чистые, и если уж ноги не оторвали — душевных баек расскажут до засыпания.

— Уговорил, в следующий раз пойдешь в гости за байками к ледяным троллям...

Увы, ни продолжить разговор, ни насладиться зрелищем изменяющегося барельефа нам не дали. Право слово, услышав страдальческий стон Фэя, так похожий на тревожную сирену, я сначала вскочила, озираясь по сторонам и выискивая взглядом невидимого врага, а потом и сама застонала, понимая, что тушить костер и прятаться поздно.

Из-за кустов, бряцая кольчужным бюстом, в нашу сторону уже бодро вышагивала треклятая принцесса, которую я уже давным-давно мысленно похоронила в Запретке. Количество ее воздыхателей уменьшилось до двоих — чернокожего дроу и субтильного бледного юноши, но они по-прежнему преданно поедали глазами Мерилайн, взявшую курс на нашу стоянку.

— Джера-а-айн, — нехорошо протянула я, чувствуя, как рука самопроизвольно тянется к квели за спиной. — Ты ее накаркал, вот теперь сам и развлекай!

— А может, мы на нее что-нибудь уроним? — сокрушенно вздохнул д'эссайн. — Тяжелое. Чтобы получилась лепешка.

— Боюсь, что у меня в рюкзаке столь солидного надгробия не найдется, — покачала головой я, наблюдая за тем, как принцесса ускорила шаг, заметив, что еда в обозримом пространстве заканчивается и ей явно может не хватить. — Но с другой стороны, если она такая неубиваемая, давай пустим ее вперед? Она же все ловушки на себя по глупости соберет, и хоть бы хны. В крайнем случае, ее как раз чем-нибудь тяжелым «случайно» и прихлопнет.

— Тоже тема, — согласился мой спутник, кладя в рот кусочек побольше. — Но беседуешь с ней ты. Я уже на годы вперед наобщался.

— С каких пор самое трудное достается мне?!

«Что, дорогая, теряешь врожденную сидхийскую дипломатичность? — вкрадчиво поинтересовался Фэй, приглушая сияние и становясь похожим на простое ювелирное украшение. — Только учти, на девице очень сильный артефакт, каким-то образом соединенный с ее телом, примерно как я с тобой, но штука куда более несовершенная, чем я. Так сказать, предыдущее поколение».

Интересно, и почему же ты не можешь это самое «предыдущее поколение» перемудрить и снять с принцессы защиту?

«Потому что он прост как камень и защиту генерирует такую же простую и надежную. Потому и магией его не пробить, гораздо безопасней просто подойти к этой девице и снять артефакт голыми руками».

Что ее охранники, судя по поведению, пытаются сделать уже не одно столетие.

«Плохо ищут», — хихикнул Фэй, а я хмуро перевела взгляд на принцессу, кое-как взобравшуюся с помощью чернокожего дроу на площадку, где расположились мы с Джерайном. Девица по-хозяйски оглядела нашу стоянку и плюхнулась поближе к еде, протягивая руку к самому большому куску. Д'эссайн как-то излишне плотоядно окинул взглядом фигурку Мерилейн, почти не прикрытую кольчужной одеждой, а я как бы ненароком хлестнула девицу по запястью веревкой, которой был перетянут сверток с провизией.

Принцесса взвизгнула и отдернула руку от тарелки, я же мило улыбнулась.

— Мушка пролетала, ваше высочество. Очень ядовитая и опасная.

— Такая если укусит — рука отвалиться может. Сначала распухнет вдвое, потом загниет и только после этого отвалится. По частям, — с убийственно серьезным видом подтвердил Джер, перехватывая спорный кусочек с тарелки и начиная жевать его со зверским выражением лица, как будто это была плоть его закоренелого врага, которого он сам выследил, убил и приготовил на ужин. Охранники, взобравшиеся на площадку следом за Мерилейн, обменялись понимающими взглядами и пристроились в сторонке от костра и, как мне показалось, подальше от принцессы.

— Так что вы намереваетесь делать дальше, ваше высочество? — поинтересовалась я, вытаскивая один из метательных дротов и начиная преувеличенно тщательно чистить острием ногти. — Запретные земли пройдены вами вдоль и поперек, самое время вернуться домой и возвестить подданным о своем великом подвиге, разве нет?

«Можно подумать, ее кто-то еще помнит, — хмыкнул браслет. — Судя по тому, что д'эссайнов она не боится и таскает за собой дроу, то она вполне может оказаться современницей дедушки Джерайна, если не прадедушки. Запретка с ней знатно поиграла, столько веков прошло, пока она прогуливалась в поисках приключений».

— Само собой, я вернусь домой, — надменно ответила девица, ласково поглаживая оголовье своего меча. — И мое королевство горько пожалеет, что когда-то выставило за порог свою великолепную наследницу престола! Кто дал им право возводить на трон мою младшую сестру, которая не знала, с какой стороны братья за меч, зато целыми днями рылась в библиотеке, как дряхлый книжный червь! Училась она, видите ли! Ума набиралась! Но какой ум можно найти в старых книжонках? То ли дело — личный опыт, преодоление

трудностей и свершение подвигов! А в книжках все равно врут. Я смотрела одну, так там было написано, что милых торговцев побрякушками стоит уважительно звать детьми Ужаса и чуть ли не кланяться при встрече, а потом бежать без оглядки. Глупость какая-то...

Джер напротив меня закашлялся, пытаюсь скрыть смех, а принцесса участливо поинтересовалась, не подавился ли он слишком большим куском.

— Ну, вообще-то пишут разное, о разном, и нужно с большой осторожностью подходить к выбору источников, а также к тому, каким книгам уделять свое внимание... — Д'эссайн осекся, посмотрел в слегка остекленевшие глаза принцессы и со вздохом продолжил: — В общем, врут все в этих книжонках, не задумывайтесь, вашество.

— Я знала! Знала, что рано или поздно мы с тобой найдем общий язык! — Принцесса со скрежетом кольчужной юбочки о камень пододвинулась поближе к Джеру, томно заглядывая ему в лицо. — И я больше чем уверена, что мы подружимся. Возможно, даже очень близко. Потому что я намерена продолжить путь вместе с тобой, пусть даже в будущем наши дороги разойдутся. Так куда ты сейчас направляешься?

Джерайн, пряча в глазах усмешку, указал пальцем вверх на темное отверстие в теле горы, едва заметное из-за выступающего козырька, нависшего над нашими головами.

Принцесса задрала голову, пытаюсь понять, куда же показывает «торговец милыми безделушками», а когда сообразила, то глаза ее изумленно округлились, став раза в полтора больше, чем нужно.

— Но туда же не залезть! Это же самоубийство! Я тебя не пущу!

В этот момент терпение д'эссайна все-таки лопнуло. Он ласково, почти нежно огладил возмущенно пискнувшую Мерилайн по голому животу, плавно вытянул ее меч из ножен примерно на треть и одним движением обломил жалобно звякнувшее лезвие у самой рукояти. Аккуратно вложил крестовину с погасшим камешком в безвольные руки остолбеневшей девицы и хищно улыбнулся:

— Попробуй меня остановить.

Стоянку мы покидали в гробовом молчании. Уже когда мы начали подниматься по узкой, уже скрывающейся в закатных сумерках тропке, я оглянулась — принцесса по-прежнему сидела на месте, уставившись в догорающий костер остекленевшим, чуточку мечтательным взглядом.

«Вот теперь одно из двух, — важно изрек Фэй, зажигая над тропинкой яркий белый светлячок. — Либо она образумится и все-таки пойдет домой, либо случится страшное, и тогда мы от нее в ближайшее время не избавимся».

Ты о чем?

«Ну, ты же понимаешь, такие девушки склонны влюбляться во всяких ужасиков в надежде, что непременно сумеют их перевоспитать и наставить на путь истинный...»

Я вздрогнула и затравленно оглянулась через плечо. Пожалуй, лучше нам действительно поторопиться...

Говорят, что Северные Хребты от пика и до основания пронизаны частой сетью ходов и туннелей, словно ствол старого дерева, источенный жуком-короедом. Некоторые из них плавно влились в величественные коридоры сидхийской Столицы, были облицованы мрамором, драгоценными камнями и, разумеется, напигованы хитрыми ловушками и тайными переходами. И даже сейчас, несмотря на то, что сидхе уже не одно тысячелетие живут под землей, не существует подробной и достоверной карты всех выходов на поверхность. Я помню, как одним из заданий будущих Танцующих на последней ступени перед выпуском из Ag'Quilen был поиск нового туннеля, выводящего либо в необжитую долину у подножия Северных Хребтов, либо к одной из горных вершин. Тогда, проболтавшись по подземельям почти три недели, я отыскала целых два выхода из Столицы. Об одном я рассказала Айеру Криасу, бессменному учителю нескольких поколений Танцующих, а вот о другом я предпочла умолчать — и, как оказалось, не зря.

Потому что именно по этому туннелю, который я открыла для себя много лет назад,

будучи ученицей в синей с белыми нашивками форме и с легкой тренировочной саблей на поясе, мы сейчас и шли вместе с д'эссайном.

Станный он, этот узкий, с низким потолком, неведь кем выдолбленный коридор. Стены гладкие, будто отшлифованные, порода на срезах идет полосками, волнами, темно-серый гранит перемежается черными и желтыми пластами, под подошвами сапог тихонько хрустит крупная каменная крошка. Каждый звук эхом отдается от полукруглого потолка, с которого капает вода.

Поворот налево, первая развилка.

Солнечных лучей тут отродясь не бывало, но тем не менее мои глаза хорошо видели в сгустившемся полумраке, в странном зеленоватом свете, который будто бы исходил от стен и не давал сгуститься вокруг нас ни единой тени.

«Меня от этого места в дрожь бросает, — негромко пробурчал Фэй, слегка нагреваясь у меня на запястье и в самом деле начиная слабенько вибрировать. — И плесень эта светящаяся меня нервирует».

По правде говоря, тут мало что изменилось. Я подошла к развилке, задержалась на мгновение, вспоминая, и шагнула в правый коридор, широкий и с низким потолком. Позади раздался глухой стук и едва слышное ругательство — похоже, Джер недооценил свой рост и все-таки стукнулся головой о свисающую с потолка каменную сосульку.

— Мне не нравится этот коридор, — прошептал д'эссайн. — Мне не нравятся эти сталактиты. Мне не нравится местное освещение!

— А мне с самого начала не понравилась кампания, затеваемая Дрейком, о чем я и сообщила. Но меня же никто не слушал, — негромко прошипела я в ответ, обходя острые каменные пики сталагмитов, вырастающие из пола. — Теперь иди и не ной.

— Я не ною, я ворчу, — ответил он. — И есть большая разница — ныть или ворчать.

— Если она и есть, то я ее не ощущаю. Потому что...

Я остановилась так резко, что д'эссайн не успел затормозить и столкнулся со мной, громко звякнув какой-то побрякушкой, висевшей на поясе. Что-то звонкое, металлическое кляцало в коридоре, из которого мы ушли несколько минут назад. Тихо-тихо, на грани слышимости, но звук приближался, становясь более четким и уверенным, металл звенел о каменный пол все громче и громче. И тут я вспомнила про железные каблуки на сапогах принцессы и тихо застонала, прижав ладонь к лицу.

— По-моему, эта сумасшедшая все-таки увязалась за нами.

— А ты думала, что она так легко отвяжется? Не-ет, мне уже кажется, что это какой-то демон возмездия за грехи наши тяжкие, а не женщина. Хотя я о таких демонах раньше и не слышал. А ты? — Джер сделал глубокомысленную паузу. — Возможно, она и в самом деле крайново дитя, кто знает.

— С каких это пор безумно влюбленная женщина становится крайновым отродьем? — фыркнула я, ускоряя шаг. В конце концов, не обязана я дожидаться эту шумную девицу, стоя на месте. Догонит так догонит, нет так нет, не слишком-то и хотелось новой встречи.

— С тех пор, как заводит себе гарем, — сказал д'эссайн, не отставая ни на шаг, будто обратившись в мою тень, которая повторяет любое движение и всегда следует за тобой, то приближаясь, то удаляясь. — И теряет способность к критическому мышлению.

— Вот сейчас ты только что оскорбил сидхийскую Владычицу своим высказыванием, — усмехнулась я, заворачивая за угол и замирая у входа в пещеру, которую я поначалу приняла за широкий вертикальный туннель, но потом все-таки рассмотрела в тусклом зеленоватом свете неровный потолок, обросший каменными сосульками.

Всего лишь еще одна пещера, залитая все тем же сиянием от плесени, густым слоем покрывающей своды. Где-то неподалеку журчит вода, стена под моей ладонью холодная и сырая — значит, рядом протекает русло подземной реки. Пол неровный, усыпанный какими-то обломками и мусором. Я молча указала д'эссайну на небольшое отверстие в противоположной стене пещеры и осторожно шагнула вперед.

Под ногой сразу же что-то сломалось с громким костяным хрустом.

«Лесс, не хочу тебя пугать, но это не просто пещера, — как-то подозрительно серьезно отозвался Фэй. Рубиновый глаз начал сиять ярче, узкий лучик скользнул по полу, выхватывая из полумрака облепленный пылью и плесенью сидхийский череп. — Это кладбище. Или, что более вероятно, чье-то логово. Мой вам совет — сматывайтесь отсюда побыстрее и потише, авось пронесет».

К счастью, Джерайну объяснять ничего не пришлось. Увидев то, на что был направлен красноватый луч из браслета, он выпрямился, отодвинул меня в сторону и быстро пошел вперед, двигаясь мягко и бесшумно, будто кошка. Ни единого лишнего звука, которого не сумело бы полностью заглушить журчание воды в крохотном озерце в полу пещеры, ни одного неверного движения. Д'эссайн скользил по подземному кладбищу легко и непринужденно, аккуратно обходя мусор и камни и держа руки на поясе, не то придерживая снаряжение, чтобы не зазвенело, не то готовясь выхватить меч из ножен. Багряная коса его мерно раскачивалась из стороны в сторону в такт движениям, зеленоватые пылинки танцевали в спертom воздухе, окутывая Джера призрачной дымкой, потусторонним сиянием, потрепанная Запреткой одежда кое-где свисала неровными, едва прихваченными ниткой обрывками, превращая моего спутника в призрак, в часть этой мертвой пещеры.

Так вот ты какое, дитя Ужаса. Бесшумное и ловкое, прочное как сталь и текучее как водяной поток. Столько времени я на тебя смотрела свысока, видя подчеркнутую неуклюжесть и незрелость подростка, если судить по меркам более долгоживущих сидхе, и не видела того, каким ты можешь быть — хищником до мозга костей, плавно огибающим препятствия, но способным в любой момент их разрушить одним ударом странного оружия, которое в подобранной у Дрейка книге звалось «вместилищем душ». Три ярких камня сияли в рукояти у Джерова меча — ярко-рыжий, синий и светло-зеленый. Когда у д'эссайна появился этот клинок, все они были одинаково серыми, тусклыми и будто бы пустыми, но теперь их цвет изменился. Я заметила это только сейчас, когда Джерайн Тень плясал в подземном склепе, аккуратно обходя «захоронения» и будто бы вовсе не касаясь каменного пола подошвами сапог.

Я где-то уже видела подобный «танец».

В Звонящей комнате, через которую были протянуты сотни тонких нитей с подвешенными на них колокольчиками. И сам Айер Криас показывал нам, еще совсем молодым сидхе, едва-едва поднявшимся на вторую ступень ученичества, как можно пройти через эту комнату совершенно бесшумно, как нужно двигаться, чтобы не задеть ни единой нитки. Красивое, опасное, завораживающее зрелище...

«Похоже, что этот твой Айер Криас кое-что перенял от д'эссайнов, — задумчиво произнес браслет, приглушая алый свет до неяркого мерцания. — Вот только мне интересно, где он успел на них насмотреться вживую, более того — чему-то от них научиться. Сидхе не живут настолько долго, да и твой учитель, как я понял, в вашу последнюю встречу не был стариком».

Не был. Он казался немногим старше моего отца, но знал и умел несоизмеримо больше.

«А он точно сидхе?» — с сомнением протянул Фэй.

На чистоту крови лично не проверяла.

Д'эссайн тем временем добрался до чернеющего в противоположном конце зала выхода, больше напоминающего выбитый тяжелой гномьей киркой провал в стене, затянутый белесой паутиной, и махнул мне рукой.

«Путь свободен, — прокомментировал браслет, как-то нервно хихикая у меня в голове. — Лесс, скажи честно, мне кажется, или сейчас вы с Джерайном поменялись ролями? Раньше ты не позволяла ему лезть вперед себя».

Поумнела, — вяло огрызнулась я, мягко ступая вперед по следам, оставленным д'эссайном в зеленоватой пыли, неровным слоем покрывавшей пол пещеры.

«Или наконец-то разрешила ему заботиться о себе. Для него это важно».

Скажешь тоже...

«Не веришь — поинтересуйся на досуге».

Обязательно.

Я почти добралась до Джерайна, настороженно оглядывающегося по сторонам и не снимающего ладони с вычурной рукояти меча, когда в коридоре, покинутом нами несколько минут назад, раздался торопливый металлический перестук и в склеп с радостным криком влетела принцесса, которую я надеялась больше никогда не увидеть! Девица, едва переступив невысокий порожек пещеры, умудрилась зацепиться за что-то каблуком, неловко грохнулась лицом вперед, едва успев выставить перед собой руки, и визгливо выругалась, породив гулкое эхо под сводом потолка.

— Я сейчас ее все-таки убью, — тихо-тихо и абсолютно серьезно пообещал д'эссайн, но реализовать угрозу не успел: сорвавшаяся с потолка каменная сосулька едва не пришила Мерилайн к полу, и если бы не чернокожий дроу, в последний момент выдернувший принцессу из-под импровизированного кола, был бы шанс проверить взбалмошную девицу на неуязвимость.

Еще один сталактит, раза в два больше предыдущего, рухнул сверху и надежно перекрыл выход из пещеры, через который появилась принцесса с телохранителями, а с нашей стороны послышалось тихое шуршание, перемежаемое негромким перестуком. Мы с Джером переглянулись и потянулись за оружием, осторожно, по стеночке, отступая подальше от выхода, за которым маячило нечто белесое и угловатое, приближающееся рывками, как будто рыбина, которую рыбак подтаскивает к берегу, неумело дергая удочку. Ругань принцессы ненадолго затихла, сменившись возмущенным мычанием — похоже, кто-то из телохранителей не выдержал и заткнул ей рот, и в этой относительной тишине паутинный полог, затянувший пролом в стене, прорвала белая бескровная рука, цепко сжимающая в тонких пальцах легкую, покрытую налетом ржавчины саблю.

Я застыла на месте, прикипев взглядом к этой сабельке, изящно изогнутой на кончике наподобие птичьего пера, с длинной тонкой рукоятью и почти отсутствующей крестовиной. Именно такое оружие выдавали ученикам второй ступени в Ar'Quilen, и юные сидхе носили его на поясе до момента, пока им не вручали именные квэли и не нарекали Танцующими...

«Лесс, не спи!»

Затылок словно ледяной водой окатило, я вздрогнула и подняла осмысленный взгляд на тонкую, будто тростинку, белокожую девушку-сидхе, облаченную в ученическую форму, местами изодранную и истлевшую, но все еще узнаваемую. Нашивка на истрепанном воротнике поблекла, но три золотые полосы на синем фоне — третья ступень ученичества Ar'Quilen — еще были хорошо различимы. Похоже, девчонка заблудилась, когда отправилась искать выход из Столицы на поверхность...

«Она не живая!» — голос Фэя, поднявшийся на высоту, на которой уже начинают звенеть истерические нотки, перекрыл даже возобновившийся поток слов со стороны принцессы. Мерилайн успела не то прожевать, не то выплюнуть кляп, насильственным способом призвавший ее к молчанию, и сейчас с удвоенным энтузиазмом начала поносить окружающую действительность. Едвадвигающуюся девушку с саблей она, похоже, даже не заметила, чего нельзя было сказать о д'эссайне.

Фиолетовое лезвие Джерайнова меча со свистом разрезоало воздух и с глухим костяным стуком застряло в тонкой руке сидхе, погрузившись в белую бескровную плоть всего на толщину пальца. Д'эссайн неопределенно хмыкнул, шевельнул ладонью, высвобождая лезвие, и торопливо отступил, уклоняясь от ржавой сабли, неожиданно ловко провернувшейся в руке девушки. Будто в хрупком на вид запястье не было ни суставов, ни сухожилий — только круглый гладкий шар с протянутым сквозь него упругим шнуром.

Не сидхе это. Не живое существо. Просто марионетка.

Кукла.

«Меня другое интересует, — проворчал Фэй, ощутило нагреваясь у меня на запястье, — как такое получилось из живой девушки и, что самое главное, кто сумел это сделать?»

Я лишь пожала плечами, ненавязчиво оттесняя Джерайна в сторону и скрещивая один

из квэли с легкой ученической саблей, и едва успела закрыться, когда рука девушки неожиданно провернулась назад, как на шарнире, а сабелька вылетела снизу, едва не угодив ржавым лезвием мне в бедро.

— А ну, всем разбежаться! — раздался в пещере до тошноты оптимистичный и самоуверенный звонкий голосок принцессы. — Сейчас я ее испепелю!

Право слово, я даже подумать не могла, что мне будет достаточно двух встреч с этой больной на всю голову девицей, чтобы при звуке ее голоса, слегка дрожащего от предвкушения, бросаться в сторону под ругань обозленного д'эссайна, бабочкой отлетающего к другой стене от греха подальше. Заревело пламя, расплескивающий жар и яркие хвостатые искры огненный шар пролетел через зал и ударил в грудь марионетки, заставляя ту опрокинуться в «мостик» и гулко стукнуться темечком в пыльный каменный пол.

— Легче легкого, — хмыкнула принцесса, потирая слабо светящиеся ладони и победно улыбаясь слегка ошалевшим от такого экспромта телохранителям.

— Да ну? — усмехнулась я, наблюдая за тем, как бывшая сидхийская ученица рывком поднимается на ноги и медленно шагает по направлению к принцессе. Ветхий мундир горел, осыпаясь черным пеплом и открывая совершенно невредимое тело с некрасивой горизонтальной щелью точно под грудью; длинная коса, сбитая в паклю, тлела, источая невыносимый запах паленых волос. — Так, может, нам и не вмешиваться вовсе? Кажется, вы ей понравились куда больше нашего.

— Как можно?! — Мерилейн торопливо ретировалась за спину бледного тонкокостного юноши, чем-то напомнившего мне помощника капитана на «Птице», и ловко вытолкнула его навстречу бредущей через каменный зал обгоревшей сидхе. — Я и вам кусочек славы оставлю! Она и так еле стоит, добьете и без моей помощи!

Да-да, конечно. Всего делов-то — уложить бывшую ученицу третьей ступени, которая не только сохранила умения, но еще и ходит, как шарнирная кукла, необычностью движений соперничая с д'эссайном, а принятый на грудь огненный шар всего лишь спалил одежду и волосы, не причинив особого вреда здоровью. Хотя какое там здоровье у нежити?

«Вечное и бесконечное, — нервно хихикнул Фэй. — Лесс, она будто на нитках, прозрачных и почти невидимых. Их сложно заметить, но они тянутся от ее рук и ног куда-то вверх, под потолок. Я думаю, если их обрубить...»

Кр-р-рак!

Голова марионетки треснула и рассыпалась серой пылью в руках бледнолицего юноши, не потрудившегося даже достать оружие, а в следующее мгновение худенькое, бессильно обвисшее безголовое тело сидхийской девушки рывком выпрямилось, и ржавая сабля по рукоятке оказалась вбита в живот незадачливого спутника принцессы.

А я наконец-то увидела то, о чем говорил Фэй.

В момент, когда кровь из глубокой раны окрасила бледные, кажущиеся шарнирными пальцы марионетки, я сумела различить тонкие серые нити, тянущиеся от тела обезглавленной нежити куда-то вверх, под потолок. Воздушные, туго натянутые паутинки, обвивающие изуродованный обломок шеи, из которого при каждом движении марионетки сыпалась рубиновая пыль, дрогнули как живые и вдруг потянулись к раненому, упавшему на колени.

«Лесс, руби паутину!» — вдруг дурным голосом взвыл Фэй у меня в голове, я дернулась вперед, но опоздала.

Обезглавленная марионетка рухнула на пол, подняв облачко пыли, и рассыпалась на куски, а раненый, вокруг которого подстреленным зайцем прыгала чокнутая принцесса, медленно поднял голову, глядя сквозь меня пустыми глазами-шариками. Истончившаяся побелевшая рука неожиданно ухватила Мерилейн за лодыжку и стиснула так, что девица завизжала и принялась бить юношу по голове крестовиной сломанного меча.

— Пусти!! Пусти, кому говорят!! Дрови-и-и-ик, спаси меня-а-а!

«Оно наверху. Под самым потолком. В центре».

Да уж, без подсказки браслета я бы его не заметила.

Под потолком среди каменных сосулек притаилось существо, очень похожее на огромного паука. Широкий панцирь полностью сливался с шероховатым потолком пещеры, и если бы не тонкая линия-контур, на которую мне указал Фэй, я бы так и тарасилась вверх, не видя опасности. Длинные лапы существа упирались в стены пещеры, а то, что я поначалу приняла за выбоины в потолке, оказалось глазами.

Безмолвный страж вроде тех, которые охраняют сокровищницы в сидхийской Столице. Ему не нужна ни еда, ни сон, он крепится к потолку и постепенно сливается с ним, становится частью вычурного узора и тщательно следит за вверенными ему ценностями, признавая лишь казначея и хозяина дома. А с ворами расправляется на редкость просто и эффективно — ловит в сети протянутой через помещение паутины и обращает в продолжение себя: в безмолвных сторожей.

«И как же с такой очаровашкой расправиться?» — поинтересовался браслет, нагреваясь у меня на запястье и выстреливая в сторону поднявшегося на ноги бывшего спутника принцессы каким-то заклинанием, отчего ноги у того подломились и марионетка беспомощно свалилась на пол, чтобы быть пришпиленной тяжелым клинком темного эльфа.

Только магическим оружием. Обычное его не возьмет, а направленные заклинания его панцирь либо поглощает, либо отражает обратно.

«Есть идеи?»

— Джер! — Я забросила квэли обратно в ножны и махнула д'эссайну рукой, отвлекая его от процедуры упаковки верещащей и упирающейся принцессы в сдернутый с плеч плащ. — Мне нужен один из твоих захватов и жуткое ковыряло!

— Коротко: зачем и что именно нужно? — спросил Джерайн, настороженно озираясь по сторонам. Так, будто он видел еще что-то, что ему категорически не нравилось.

— Не туда смотришь. — Я ткнула пальцем в потолок. — Там сидит один из вариантов сидхийских стражей. Не знаю, какого крайна он тут делает и кто его тут посадил, но... Мне нужен твой захват, чтобы быстро забраться вверх, и эсси, чтобы пробить его панцирь.

— Квэли не пробьет? — уточнил он, не поднимая взгляда и отцепляя захват с запястья. — И, к сожалению, я смотрю туда, но это уже не твоя забота.

— Мне некогда спорить. — Я торопливо выхватила у д'эссайна широкий браслет и застегнула на левой руке, чувствуя, как нагретый металл сдавливает запястье, а в кожу втыкаются тоненькие острые шипы. — Но если квэли не сделает в нем дырку с первой попытки, против тебя окажется еще одна Танцующая, только на этот раз обученная по всем правилам. Пожелай мне удачи и крепко держись за рукоять своего меча. Если мне не повезет, он тебе очень пригодится!

«Не горячись! Ты не представляешь, что для д'эссайна значит передача личного меча в чужие руки, пусть даже ненадолго. Да и удержать эсси куда как сложнее, чем твой квэли».

У нас нет времени на раздумья. Сейчас дроу добьет марионетку, и страж сразу же начнет искать новую, так уж они устроены. А Джер мне либо доверяет, либо нет, и чувства к мечу тут ни при чем.

Я резко отвернулась, потянулась к квэли за правым плечом. Не уверена, что у меня получится пробить усиленный магией панцирь этого создания, пусть даже с помощью Фэя — упереться под потолком не на что, а скользящий удар и вполтину не так эффективен, как если бы я наносила его в полную силу, желательно стоя на чем-нибудь прочном и твердом. А если приблизиться к стражу слишком близко, он выплевывает свою паутину, одно прикосновение которой способно превратить живое существо в колдовскую марионетку...

Джерайн глубоко вздохнул, что-то покрутил в рукоятке своего клинка, извлекая его из ножен, и изогнутое лезвие превратилось в длинную пламенеющую пику, покрытую огненными сполохами.

— Думаю, что так оно тебе больше подойдет. Захват управляется мысленно, я его улучшил, и теперь он вгрызается почти во все. Только осторожно. Кстати, сколько марионеток могут удерживать ваши сидхийские стражи?

— Не знаю. — Я потянулась к узорчатой, причудливо изогнутой рукояти д'эссайновского меча, аккуратно смыкая на ней пальцы. — Тот, что сидел под потолком сокровищницы в Доме моего рода, мог удерживать до шести воров одновременно.

— Дикие обычно сильнее домашних, — ухмыльнулся Джер, разжимая ладонь и оставляя эсси в моей руке. — До потолка тебя подбросить?

Ответила я не сразу, пытаюсь удержать дернувшийся клинок. Пышущее огнем лезвие обдавало лицо жаром, меч мелко дрожал в моментально взмокшей ладони, рукоять изгибалась под пальцами, пытаюсь не то выскользнуть, не то подстроиться под мою руку.

«Держи крепче, я помогу», — раздался в голове командный голос Фэя. Я послушно стиснула занемевшие пальцы на рукояти эсси, и браслет засиял, обволакивая мою правую руку чем-то вроде красноватой дымки. Огненный клинок сразу же успокоился, перестал рваться прочь, и я сумела наконец-то расправить плечи и взглянуть в глаза д'эссайна, которые почему-то выглядели жутко довольными.

— Ну что, готова? — Он отступил назад и чуть присел, складывая семипалые ладони «лодочкой». Совершенно спокойно, как будто не визжала за спиной Мерилейн, наконец-то заметившая под потолком огромного паука и пытающаяся обстрелять его бесполезными заклинаниями, не щелкала тетива небольшого складного арбалета, снятого дроу с пояса погибшего коллеги, уже лежащего на полу грудой разрозненных частей.

— Как всегда. — Я провернула меч в руке, любуясь тающим в воздухе огненным шлейфом, и ринулась к Джерайну.

Шаг на живую, упругую «ступеньку» — и меня сразу же подбросило вверх, будто мощной пружиной. Краем глаза я успела заметить, как тонкая, поблескивающая в неверном зеленоватом свете паутинка опускается на голову сумасшедшей принцессы, обвивает копну разноцветных волос тугой петлей и приподнимает мгновенно умолкнувшую Мерилейн над полом, а потом я сжала кулак, выстреливая захватами в потолок.

Серебристые шарики на концах двух цепочек озарились голубой вспышкой, накрепко вгрызаясь в камень, я пролетела по дуге, оставляя за собой яркий след от магического меча, и с размаху вбила огненное лезвие ровненько в перекрестье трещин на панцире сидхийского стража. Мгновение я просто висела под потолком, крепко держась за изогнутую рукоять эсси, а затем трещины разошлись, открывая влажный бледно-розовый зев, и лезвие выскользнуло из него с влажным хрустом, разрезая плохо поддающуюся, будто бы смерзшуюся плоть.

Вой на грани слышимости, высокий и тонкий, от которого моментально заболели уши.

Безумные прыжки под самым потолком, когда механизм в браслете Джера то подтягивает меня вплотную к стражу, то позволяет проноситься под остриями длинных каменных сосуллек, не задевая их.

Панцирь стража уже горит, исчерченный огненными дорожками-сполохами, которые медленно, очень медленно гаснут, цепочки в захвате уже не справляются, сматываясь и вытягиваясь слишком неторопливо, а я все мечусь из стороны в сторону, из последних сил отталкиваясь от стен пещеры и крестя каменного паука ударами эсси.

Потому что если остановлюсь — смерть.

Если страж успеет обмотать меня паутиной с такого близкого расстояния — смерть.

Если ошибусь — результат предсказуем.

Тонкий болезненный писк, звенящий в ушах, вдруг резко обрывается, воздух наполняется вонью горящих тряпок, и паук валится вниз, окончательно распадаясь на обугленные по краям куски от удара о каменный пол пещеры.

Пальцы, накрепко сжатые на рукояти эсси, болят и ноют, голова слегка кружится, меня немного подташнивает. Цепочки в браслете Джерайна тихонько позвякивают, неторопливо разматываясь и мягко опуская меня на пол.

Я пошатнулась, и тотчас чья-то надежная, крепкая рука подхватила меня за пояс, не давая упасть. Окружающий мир на мгновение поплыл перед моими глазами, потемнел, а потом все стало на свои места. Я моргнула и подняла слегка осовелый взгляд на д'эссайна,

одновременно пытавшегося не дать мне упасть на пол и вернуть себе меч, намертво зажатый в моей ладони.

— Брось гадость, — пробормотал Джерайн, разжимая мои побелевшие от напряжения пальцы. Меч, казалось, не хотел их отпускать, но старания моего спутника быстро увенчались успехом. — Как ты?

— Жить буду. — Я криво улыбнулась, выпрямляясь и встряхивая онемевшую руку, пытаясь вернуть ей чувствительность. — Кажется, старею; раньше подобные фокусы на высоте не выматывали меня столь сильно. Слушай, а принцесса-то наша живая еще или кирдыкнулась ненароком, неся возмездие во имя себя любимой?

— Да вон она. — Д'эссайн указал мне в сторону тихо плачущей коротко стриженной девушки, в которой я не сразу признала нагловатую и уверенную в собственной неотразимости Мерилейн.

От выкрашенной в безумные цвета пышной шевелюры осталась под корень срезанная лохматая «шапочка» вполне нормального темно-русого цвета, а цветные пряди оказались рассыпанными по пыльному полу. Но убивалась ненормальная принцесса над одной-единственной, которую сжимала в маленьком кулачке, от остальных она отличалась ярким золотым цветом и медленно затухающим сиянием на кончиках.

«Так вот где у нее артефакт-то был запрятан! — с восхищением произнес Фэй, приятно холодя запястье. — Неудивительно, что его не нашли — поди выдели в ее радужной копне одну-единственную золотую прядь, да еще догадайся, что это не очередная дань моде, а магический предмет. Он ей, помимо всего прочего, и силу колдовать наверняка давал. Только умения толком пользоваться подобными вещами у нее не было, вот и получались мощные, но бестолковые выбросы маны, кое-как оформленные в подобие заклинания».

Фэй, это все безумно интересно, но что нам теперь с ней делать?

«Да ничего. Дроу в себя придет и сам разберется, как поступить со своей тюремщицей. Он ведь тоже был под чарами».

Я перевела взгляд на чернокожего эльфа, как-то по-новому рассматривающего плачущую девушку, и от зазмеившейся на его тонких губах улыбки мне стало как-то не по себе. Убить-то он ее не убьет, а вот отыграть за длительный поход и не менее долгое воздержание — отыграется. Причем вполне очевидным способом.

— Пошли отсюда. — Я аккуратно обошла все еще дымящиеся останки сидхийского стража, подобрала рюкзак, сброшенный на пол перед боем, и торопливо направилась к выходу.

Мне хотелось оказаться подальше от Мерилейн и ее «дровика» в момент, когда девушка осознает, что роли поменялись и теперь ей придется выполнять все команды чернокожего эльфа. Конечно, если ей хочется жить.

Я ускорила шаг, выбираясь из пещеры в узкий туннель, вдоль стен которого уже проросли особые кристаллы наподобие тех, что дают холодный фиолетово-розовый свет на первом уровне сидхийской Столицы.

Значит, не так уж и далеко исследованные Танцующими коридоры, напичканные ловушками для незваных гостей.

Впрочем, как оказалось впоследствии, мы не были незваными и неожиданными гостями.

Ведь ничем иным нельзя было объяснить, с какой легкостью мы попались. После всего, что мы испытали в Запретных землях, после долгого пути на север мы угодили в самую банальную из всех ловушек, какие мне доводилось видеть.

Нас ждали в одном из залов. Черные тени Танцующих, облаченных в мундиры личной гвардии сидхийского Владыки и все, как один, носящие амулеты, скрывающие их от магического обнаружения, буквально ссыпались с высокого потолка нам на головы столь стремительно, что времени сбежать попросту не оставалось. Можно было попытаться вступить в бой, но один д'эссайн и одна Танцующая против отряда из двенадцати гвардейцев Владыки — это смешно, особенно когда вокруг много места и стены не ограничивают передвижение противников.

Бесполезная, заранее проигранная битва. Мы с Джером успели бы уложить в лучшем случае половину противников, а до остальных не смогли бы даже дотянуться. Знаю это абсолютно точно, потому что сама не раз наблюдала, что такое личная гвардия Владыки в бою, пусть даже всего лишь в демонстрационном. Сама готовилась вступить в «черную дюжину», гвардейцев которой натаскивают на бой в команде, учат быть единым существом, состоящим из двенадцати частей. Или же разбиваться на тройки, пары или шестерки, чувствуя партнера или партнеров спиной, сражаться, постоянно перестраиваясь и нападая на противника, очень быстро выматывая его или вынуждая совершить ошибку.

У нас нет шансов. И, судя по тому, что «черная дюжина» нас ждала, — никогда не было.

Я сбросила бесполезный уже рюкзак на пол, скользнула кончиками пальцев по болтающейся на шее подвеске-феечке. Надеюсь, Эрин когда-нибудь простит свою глупую мать, которая к ней уже не вернется.

«Лесс, — очень осторожно и очень серьезно поинтересовался Фэй, — мы же не сдадимся без боя, правда?»

Даже не надейся, зануда. Постараемся забрать с собой на тот свет как можно больше противников.

«Команда принята».

Я уже потянулась к мечам, как увидела рядом с нами на стене темно-серую, едва выступающую пластинку с непонятным значком, едва-едва намеченным полустертыми линиями. Такими значками помечались узкие туннели-желоба, ведущие на уровень ниже. Когда-то, будучи еще учениками Ar'Quilen, мы нарочно выискивали такие туннели, закрытые магическими пологам, и скатывались по ним, как по горке. Инструкторы и учителя ругали нас за такое безобразие, наказывали малоприятной работой по общежитиям и блокировали обнаруженные «горки», но мы раз за разом находили новые.

Так просто, совсем как в юности, — хлопнуть ладонью по значку, наблюдая, как он загорается по контуру ярко-синими огоньками, схватить пригнувшегося, готового к драке д'эссайна за рюкзак и дернуть к себе, поближе к тающей на глазах стене, открывающей квадратный проем.

Мимолетный проникновенный взгляд. Улыбнуться легко и свободно. Ты будешь жить, последний из д'эссайнов. Пусть смерть заберет тебя где угодно, но не здесь. Не на моих глазах. Потому что я больше не хочу видеть, как погибает любимое существо.

Фэй!

Браслет все понял и помог мне втолкнуть Джерайна в открывшийся люк. Что-то заскрипело по металлическому желобу-горке, рассыпая искры, и стремительно унеслось вниз, в темноту. Надеюсь, Джер успеет сгруппироваться в самом конце желоба и не влетит головой в стену.

«Этот — не влетит», — уверенно ответил браслет, усиливая вокруг меня защитный кокон, от которого со звоном отлетел уже четвертый метательный нож. Я торопливо хлопнула по символу еще раз, закрывая проем, после чего с размаху вбила в пластину дротик, безвозвратно ломая механизм. Теперь «черная дюжина» не сможет преследовать д'эссайна этим же путем, а пока они найдут, куда вела «горка», Джера там уже не будет.

— Вот я и дома, — широко улыбнулась я, со скрежетом обнажая квалы и делая шаг вперед. — Ну что же, коллеги, станцуем?

Мне не ответили, да и не ждала я ответа. Вот только нападать гвардейцы почему-то не торопились — стоило только д'эссайну скрыться, как они торопливо отступили, и из-за их спин вышел тот, кого, казалось, не заметить было невозможно.

Белоснежный мундир Первого Учителя академии Ar'Quilen, подпоясанный серебряной лентой. Коротко стриженные седые волосы, строгое лицо без единой морщины, пронзительные, такие нехарактерные для чистокровного сидхе светло-серые глаза. Твердая походка, плавные, текучие движения.

Ко мне, рассекая строй «черной дюжины» Танцующих, шел сам Айер Криас.

Бессмертный управляющий Ar'Quilen, лучший воин сидхийской Столицы и мой учитель.

Я бессильно опустила квэли. Против него я не могу сражаться. Это не просто бесполезно, а еще и подло. Он был со мной до самого изгнания, поддерживал после мучительных процедур перехода с одной ученической ступени на другую, и даже когда меня вытащили на казнь — оказался единственным, кто не отвернулся, не стал относиться ко мне, как к грязной полукровке. Скрестить с ним клинки — это значит проиграть не только свою жизнь, но еще честь и совесть, которых и так осталось не слишком много.

— Вот ты и вернулась, Алессьер. — И голос его был все тот же, строгий, хорошо поставленный, уверенный. — Очень вовремя.

Вовремя?!

Криас раскрыл кулак, в котором была зажата сапфировая звезда, близнец той, что когда-то подарил мне Даррьен на балу в Иррестане, и осторожно надавил подушечкой пальца на центральный камень.

В груди будто бы взорвался сосуд, наполненный ледяными осколками. Я рухнула лицом вниз как подкошенная, мгновенно перестав ощущать свое тело, парализованная от корней волос до кончиков пальцев на ногах. Ни шевельнуться, ни вздохнуть — будто бы меня выключили. Отсекли разум от тела, будто марионетку от управляющих ею нитей.

Холодно. Страшно.

Сознание ускользает под вой тревожной сирены Фэя. Мерзкий, до глубины души пробирающий звук.

Шаги Криаса тают в густой тишине, забивающей уши. Звуки складываются в слова сидхийского языка:

— Добро пожаловать домой, Сьера.

И ужас от этих слов тонет в непроглядной тьме...

ЭПИЛОГ

*От прошлого нельзя бежать. От прошлого некуда бежать.
Поэтому мой вам совет: поставьте его на колени и убейте первыми.
Дайте ему уйти туда, откуда не возвращаются!*

Лабораторный журнал Джерайна Тени, последняя запись

Джерайн Тень, последний из д'эссайнов, вернувшийся

Все, что хорошо начинается, заканчивается обычно плохо. Все, что начинается из рук вон плохо, заканчивается обычно... Не хочу об этом думать.

Когда во время поединка Лесс с марионеткой я обнаружил камеру слежения, все надежды были на то, что она не работает. Наблюдателям, думаю, не особо понравился тот неприличный жест, который я изобразил совершенно рефлексивно. К тому же меня гораздо больше волновали марионетки, которых собрал тот «кукловод» вокруг нас и которых, к моему глубокому сожалению, пришлось сдерживать в одиночку.

Ну и, буду честным с собой, гораздо сильнее меня волновало то, как Лесс справится с эсси. Все же эсси — не эсси'д'шарме. Оно питается жизненной силой того, кто берет его в руки, и создано для убийств. Фэй, кажется, подстраховал самонадеянную сидхе, да и жизненных сил у эльфов все же побольше, чем у д'эссайнов. Вот только после всего того, что Лесс творила под потолком залы, я удивлялся, что она все еще стоит на ногах. Двигаться со скоростью мухи, успешно выбирающейся из мясорубки и оставляющей после себя яркий огненный след от моего меча, — это должно быть очень энергозатратно. Снова я наблюдаю такую скорость, которая казалась недостижимой для хрупких синерожих эльфов. И где они такому научились?

Уставший, ошеломленный осознанием потенциала своей спутницы, я растерялся, когда

почувствовал засаду. Не остановил Лесс, устало бредущую в руки врагам... хотя был ли смысл останавливать? Нас уже заметили, и даже спешное отступление не позволило бы убежать. Мы двигались к краю пропасти с упорством и настойчивостью слепцов.

Кроме того, где-то совсем рядом находилось что-то такое, с чем я предпочел бы не сражаться. Это просто бесполезно. Тень на него, скорее всего, не подействовала бы, а без Тени шансов у меня — как у таракана против ботинка. Остается надеяться лишь на то, что подошва будет достаточно ребристой и в момент, когда на тебя наступят, ты каким-то чудом окажешься в выемке рисунка и благодаря этому не превратишься в размазанное пятно на полу.

Я все еще пытался придумать, что мы можем сделать с этой таинственной угрозой, как Лесс внезапно схватила меня, оглушив для верности заклятием, и скинула в какой-то желоб, ведущий вниз.

Пришел я в себя, уже выкатываясь через какой-то технический люк, и скорее почувствовал, чем осознал, что с тем количеством манососущих тварей, которые начали собираться вокруг, я не справлюсь никаким образом и никакими силами. Пришлось снова нырять в такой же желоб и ломать крышку за собой, сразу же, как только скатился. А то залезет по крайновому повелению какой-нибудь г'р'макси...

Самое неприятное в моем стремительном спуске было даже не то, что теперь я оказался в области, явно далеко отстоящей от карты, подаренной мне Алессьер. И не из таких передрыг я выбирался. Самым неприятным было то, что я оказался как минимум на пятом уровне. Чем глубже, тем больше водится всяких странных созданий. Здесь же...

Я задумчиво оглядел коридор. Никаких символов, никакого движения. Никакого освещения. Тишина.

Беспомощность.

Сейчас я ничем не мог помочь своей сидхе. Мне оставалось лишь надеяться на то, что, когда я смогу прорваться к ней, она будет еще жива. На то, что если я вернусь слишком поздно, то смогу отомстить. Конечно, Лесс брала с Дрейка обещание, что он не будет громить первый уровень. Но она не взяла такого обещания с меня. В Рэддете я был слабее, но меня все равно прозвали Красной Смертью. Здесь же пощады от меня не попросят!

Я устало присел у стены, пытаюсь осмыслить, что же мне делать дальше.

Итак, я оказался в глубине Восьмой Колыбели.²¹ Память услужливо подсказывает, что где-то здесь находится тот кусочек, который я очень прочно забыл. Безумно важный. Тот, который является ключом к моему беспамятству. Думаю, что на привале снова попрошу совета у Шепчущих. Им некого пугать. А сейчас — составлю предварительный план действий.

Пункт нулевой. Я буду надеяться на то, что Лесс оставят в живых и просто возьмут в плен. Вероятность этого крайне низкая, но надежда у меня есть. Главное, чтобы ее не стали допрашивать с пристрастием. Я хорошо знаю, что такое допрос с пристрастием силами опытного палача — в свое время пришлось поучаствовать в обеих ролях. И если с ее головы упадет лишний волос, сидхе узнают, что некоторые демоны не так опасны, как д'эссыны в ярости.

Внутри поселилось мрачное бешенство. Я совершенно не ожидал от своей драгоценной телохранительницы такого честного исполнения обязанностей. Ах, если бы она убежала сама! Я бы мог хотя бы убить тех Танцующих и честно умереть, прикрывая ее бегство. А так все вышло наоборот. Думаю, что она верила в то, что из нынешней передрыги я выберусь. Значит, у меня нет права не оправдать ее надежду...

Да. Я буду очень, очень жестоко мстить за каждый волос, который упадет с ее головы.

²¹ Восьмая Колыбель — одно из наиболее ранних творений Древних. Сидхе самонадеянно освоили его, несмотря, а то и благодаря попустительству охраны. Ни к чему лишнему их, как я надеюсь, не подпустили, но все равно неприятно. Всего Колыбелей было девять, но некоторые не дожили и до моих времен. Сколько же их сейчас находится в работоспособном состоянии — не берусь гадать.

Пункт первый. Вывести из строя пусковые установки Колыбели. Это из тех вещей, которые не обсуждаются. Если Часы Судного Дня не врут, то очень скоро установки могут сработать. Вне зависимости от успеха моей миссии их нужно разрядить. Иначе сложно представить, что может случиться с миром после того, как Часы пробьют полночь. Конечно, эта Колыбель не последняя, но она одна из немногих, оборудование которых, как я вижу, находится в условном порядке.

Пункт второй. Проведать Д'яра и передать ему благодарность от потомков. Я знаю, я чувствую, что он где-то там, внизу. Спит и спит себе беспечно и видит сны, отражающиеся на всех нас. Первый... прототип. Интересно, что он мог бы мне рассказать? Надеюсь, что встреча с ним поможет мне окончательно восстановить память, если я не вспомню все раньше.

И наконец пункт третий, не столько план действий, сколько бесплодная надежда найти что-нибудь из побрякушек Древних, достаточно полезное, чтобы у меня появились шансы уцелеть в грозящей заварухе. Самый трудновыполнимый из пунктов, но... чем крайн не шутит? Мне очень не хватает дистанционного оружия. Единственный рабочий набор захватов остался у Лесс, и, я надеюсь, он ей еще пригодится. Свои же я не смогу починить без хорошего верстака. Да и не буду я заниматься починкой, когда где-то совсем рядом, скорее всего, уже убивают мою любимую женщину!

Когда идешь куда-то, не зная куда, самое главное — это отправиться в путь и идти, невзирая на трудности...

В местных тоннелях мне ничего не встречалось. Стены состояли из плотно подогнанных друг к другу каменных панелей, местами скрепленных металлическими кольцами. Время от времени я наткался на развилки, на которых сворачивал наобум. Мне все равно, куда идти, а значит, меня не сбить с пути.

Мысль об абсолютной правильности всего происходящего вкупе с тем, что я делаю, сменило ощущение чего-то смертельно опасного, болтающегося в звенящей пустоте предопределенности. Однажды такое кончилось плохо. Тень дарила мне какие-то странные ощущения, но я не мог понять их смысла. Не помнил, что они должны значить. Слишком сильно я ее прятал раньше — и теперь не мог определить самых простых сигналов.

По уму, надо было еще на борту чаролета не заниматься Лесс, а прочитать свой лабораторный журнал. Узнал бы много нового. И упустил бы возможность, которая, возможно, была последней в моей... или в ее жизни.

Но все же некоторые дырки в памяти я смог заметить только в Запретке. До того же даже не было ощущения, что я чего-то там не помню. Дурацкий момент, не спорю.

Интересно, был бы я более подготовлен к тому, что встречу, если бы перечитал все, что со мной случилось? Вряд ли. К некоторым вещам подготовиться невозможно, как ты ни старайся.

После очередной развилки коридор привел меня к просторному залу. Я не очень удивился, когда прямо за моей спиной с громким шипением упала толстая металлическая плита, перегородившая мне путь назад. Такие же плиты закрыли и все остальные входы.

Затем загорелся яркий резкий свет, убивший в этом зале любой намек на тень, и я сумел разглядеть того, кто меня ждал. Того, от кого я бежал. Того, кто, как кукловод, дергал за ниточки, чтобы встретиться со мной. Того, одни обрывки воспоминаний о котором говорят, что шансов выжить у меня практически нет.

И того, кого я звал сюда — или куда угодно еще. Оставлял ему открытые подсказки и тихие намеки. Я должен был встретиться с ним!

Вампир, который был совсем не молод в те далекие времена, когда я еще только начал заниматься своими изысканиями. Облаченный в одеяния столь темного цвета, что они поглощали свет на некотором расстоянии от его тела. Опирающийся на длинную матово-черную трость, изредка вспыхивающую фиолетовыми искрами. Короткие серые с редкими белоснежными прядями волосы торчали над его головой непослушным ежиком.

Ждал он меня здесь совсем не для того, чтобы поздороваться. Он собирался убить меня

и знал, что у меня нет шансов. А я... просто не помнил чего-то важного, без чего не мог победить.

Приветствие он начал с громких хлопков.

— Я долго ждал тебя, Джерри. Уважаю — на этот раз мне пришлось побегать подольше, побольше и подальше. Это сделало охоту интересной, но, увы, любым развлечениям, как и тебе, постепенно приходит конец. Из этого зала может выйти только один из нас, и ты знаешь, кто это будет.

— Знаю? — уточнил я.

— Конечно же знаешь, — довольно оскалился он. — Пока что итоги наших встреч в мою пользу, Джерри. Или тебе будет приятнее, если я назову тебя полным именем? Я не прочь вспомнить титулы своего лучшего ученика и бывшего друга. Своего самого верного противника, предателя, уничтожившего все то, чему я служил. Джерри, ты заслужил все то, что получил, но раз уж у меня появилась возможность поговорить с тобой перед тем, как ты умрешь, я с радостью ею воспользуюсь. Я скучал по нашим поединкам, но теперь и им настанет конец. Сегодня ты умрешь, Джерайн Тень, Красная Смерть Рэддета, Призрак Темной Крови, Страж Короны, Младший Жнец, герцог Последнего Моря, последний из д'эссайнов и мой лучший ученик. Больше тебе не удастся вернуться, поскольку на этот раз я уничтожу тебя навсегда, о трусливый Убийца Императора!

Последние слова он выплюнул с такой злобой, что у меня подкосились ноги, и я удивленно осел на пол. Мой личный враг с улыбкой смотрел мне в глаза. Быть может, пытаюсь гипнотизировать. Быть может — наслаждаясь моим замешательством.

У него была возможность прикончить меня быстро — я бы все равно не смог сопротивляться.

Потому что...

Когда он сказал...

Я наконец-то все вспомнил.